Л.В. Шапошникова

Дороги джунглей

Великий Индийский путь

Л. В. Шапошникова

Дороги джунглей

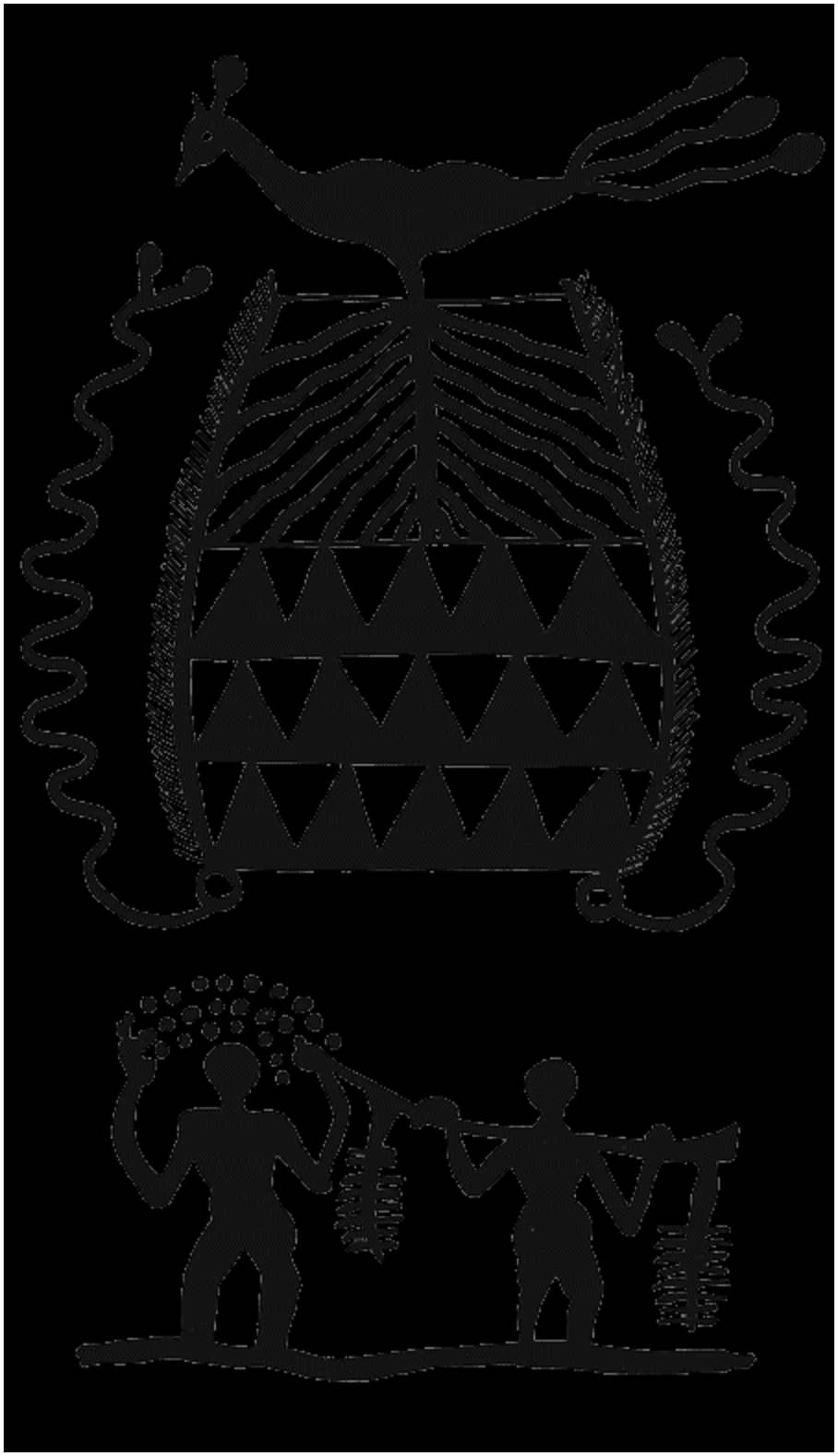
© Международный Центр Рерихов, 2016

Премьер-министр Индии Индира Ганди вручает Международную премию имени Джавахарлала Неру сотруднику кафедры истории Индии Института стран Азии и Африки при МГУ Людмиле Васильевне Шапошниковой

Книга удостоена Международной премии имени Джавахарлала Неру за 1967 год

Часть I

Джунгли Кералы

Путешествие начинается

Был канун Рождества. В городе царила предпраздничная суматоха. На узких улочках под пальмами продавали разноцветные бумажные фонари, сделанные в виде рождественских звезд. Фейерверк красными, желтыми и зелеными искрами рассыпался в темном звездном небе. Ребятишки на порогах домов, крытых пальмовыми листьями, жгли бенгальские огни. Церкви были до отказа набиты людьми. Там этим вечером шла служба. На лотках перед церквами были разложены картинки с изображением христианских святых, маленькие иконы, кресты, ярко раскрашенные глиняные фигурки Христа и Девы Марии, рождественские поздравительные открытки. Все это так не вязалось с тропиками, с кокосовыми пальмами, с темнокожими людьми, со всем укладом жизни индийского города. На рождественских открытках были изображены незнакомые в этих местах елки, никогда не виданный в Керале снег, укутанные в одежды не для этих широт розовощекие Санта-Клаусы. Около лотков толпились босоногие дети. Взрослые бережно перебирали лежащие на лотках «реликвии», долго раздумывали и приценивались. Потом вынимали из тщательно завязанных узелочков монетки и смятые рупии и бережно уносили картинки, фигурки, кресты. Это было, пожалуй, все, чем могло порадовать их Рождество.

Так выглядел Тривандрам в декабре 1963 года. Я приехала туда второй раз после четырехлетнего перерыва. На этот раз я воспользовалась рождественскими каникулами в Мадрасском университете. Я намеревалась познакомиться с некоторыми племенами, живущими в джунглях горной части штата. В Тривандраме, столице Кералы, мне необходимо было найти людей, которые помогли бы в этом. Я перебирала в своей памяти десятки учреждений и наконец решила, что Отдел по переписи населения подходит для этой цели. Директор отдела, немолодой грузноватый мужчина, внимательно выслушал меня и сказал:

– А знаете, мне нравится ваш план. Значит, вы хотите побывать у маннанов, маласаров, кадаров и мудугаров?

– Именно так, – ответила я.

Директор стал барабанить пальцами по лежащей перед ним папке с бумагами.

– Н-да, значит, вы хотите побывать у маннанов… – И снова забарабанил по папке. Затем поднялся, будто на что-то решившись.

– А вот машины-то у нас нет. Есть два джипа, но они в разъезде.

– Но я не прошу джип, мне нужно ваше содействие на месте. А уж добраться я сумею.

– О, – обрадовался директор. – Тогда все в порядке. Но все-таки мы еще постараемся достать джип. Вы знаете Бюро по благосостоянию хариджан?

– Знаю.

– Мистер Джозеф! – позвал директор. – Вы на сегодня свободны. Сделайте все, чтобы помочь нашему русскому другу. Поезжайте в Бюро.

В Бюро по благосостоянию хариджан джипа тоже не оказалось, но был Чинмайя. Он по крайней мере знал дорогу в район маннанов и маласаров.

– Так вот, – сказал ему директор Бюро, – поезжайте вместе. Даю вам четыре дня. А там увидите, что делать дальше.

Чинмайя, коренастый, крепко скроенный малаяли с темным скуластым лицом и хитрыми глазами, молча выслушал директора и только коротко спросил меня:

– Когда едем?

– Завтра.

– К семи часам утра будете готовы?

– Конечно.

Вечером Джозеф и Чинмайя сидели у меня в номере в отеле «Маскот». Перед нами лежала карта горного района Кералы. Тщательно обсуждался каждый пункт предстоящего маршрута. Мы все трое оказались порядочными спорщиками. Вначале никто не соглашался друг с другом. Джозеф решил оберегать меня от всех трудностей. Чинмайя допускал трудности, но, как он сам выразился, «каждая трудность требует своего отдыха». Я не могла себе позволить избегать трудностей, если они были связаны с интересными местами, и решительно отвергала тезис Чинмайи об отдыхе.

У меня был в распоряжении только месяц, и отдых не был запланирован. Чем больше я говорила, тем более тоскливыми становились глаза Чинмайи. Джозеф сидел с каменным лицом и наконец выпалил:

– Я уступаю вам только потому, что вы женщина.

– Это запрещенный прием, – парировала я.

– Тише, тише, – вмешался Чинмайя, – пусть не будет ни мужчин, ни женщин. Пусть будет добрая воля.

– Хорошо, пусть будет добрая воля, – согласились мы и все-таки продолжали спорить. Но часам к двенадцати ночи чувство доброй воли все-таки одержало верх. Приемлемый маршрут был выработан. Он проходил через два наиболее лесистых дистрикта Кералы: Коттаям и Палгхат.

«Конференция» кончилась, и Джозеф с Чинмайей ушли. Я бережно свернула чуть было не пострадавшую во время дискуссии карту и вышла на балкон. Высоко в небе над Тривандрамом стояла полная луна. Перистые кроны кокосовых пальм серебрились в ее свете. Ночные бабочки бились в лампочку фонаря, тускло горевшую под балконом. Мириады звезд на почти черном пологе неба лениво мерцали в душном неподвижном воздухе.

От тривандрама до тхеккади

От Тривандрама до Коттаяма – 87 миль
От Коттаяма до Кумили – 62 мили
От Кумили до Тхеккади – 3 мили

Автобус, в который мы с Чинмайей втиснулись утром следующего дня, большой и неуклюжий, с брезентовыми занавесками на широких окнах без стекол, долгое время не хотел заводиться.

– Эйо! – крикнул водитель. – Подтолкните кто-нибудь!

Но проход в автобусе был завален мешками, узлами, корзинами с живыми курами, связками бананов. И выбраться наружу было невозможно. Пассажиры вслед за водителем стали кричать в окна:

– Подтолкните нас! Что вы стоите и глазеете?

Несколько человек отделились от очереди, ожидавшей следующего автобуса. К ним присоединились стоявшие здесь же грузчики. Общими усилиями автобус был сдвинут с места, мотор заработал, и машина, кряхтя и треща фанерными стенками, лихо понеслась по еще пустынным улицам Тривандрама. Вслед за нами тянулся хвост синего дыма. Наше путешествие началось.

От Тривандрама автобус круто повернул на северо-восток. Дорога шла через предгорья Западных Гхат. По холмам предгорья были

разбросаны плантации кокосовых пальм, каучука, ареки, маниоки, черного перца. Зерна черного перца сушились прямо на шоссе. Их покрывала пыль, летящая из-под колес проходивших автобусов, автомобилей и бычьих упряжек. Рядом с плантациями сахарного тростника, среди зеленых квадратиков рисовых полей, текли тихие реки с тенистыми берегами. В заводях рек черноголовые босоногие мальчишки ловили удочками рыбу. Медленная прозрачная вода несла лодки, груженные кокосовыми орехами.

Джунгли начались за Коттаямом. Они обступили дорогу. Тени мощных крон огромных деревьев лежали на шоссе. Прямо от дороги в заросли вели узенькие, поросшие травой тропинки. Селения попадались все реже. Только кое-где у обочины дороги появлялись отдельные домики и хижины.

Горы стали выше. Табличка у дороги показала: три тысячи пятьсот футов над уровнем моря. Наш автобус, отчаянно урча и чихая на поворотах, стал взбираться на перевал. Солнце уже скрылось за верхушками деревьев, и на джунгли спустились сумерки. Водитель включил фары.

– Скоро Кумили, – сказал Чинмайя. Приблизительно через час сквозь деревья засверкала цепочка фонарей. Мы приехали. Фонари тянулись только вдоль шоссе. За ними, утопая во мраке тропической ночи, смутно вырисовывались хижины.

Здесь начинался один из крупнейших заповедников диких животных штата Кералы, расположенный на берегу озера Перияр, или Великого. Центральный район заповедника, Тхеккади, был в трех милях от Кумили. Там, в доме для туристов, нам приготовили ночлег.

Утром я проснулась от разноголосого гомона птиц. Домик, где мы разместились, стоял прямо в джунглях. Разросшие ся ветви деревьев почти целиком заслоняли окно. По ветвям прыгали черные обезьяны. Они издавали гортанные пронзительные крики. Синие и зеленые попугаи порхали с ветки на ветку. Домик был обнесен глубоким рвом. Как я узнала позже, ров предохранял жителей дома от вторжения диких слонов. Солнце еще не поднялось, и сероватый предрассветный воздух был напоен предутренней лесной свежестью.

– Мэм! – услышала я голос снизу.

– Что такое?

Из кустов показалась взлохмаченная голова мальчишки.

– Хотите посмотреть, как дикие звери пьют воду?

– Конечно. А куда идти?

– Я сейчас вас провожу.

Каньяпен, так звали моего добровольного гида, указал на узенькую тропинку, уходящую в лес. Мы пошли по ней.

– А мне сказали, что вы из Москвы, – искоса поглядывая на меня, начал разговор Каньяпен.

– Тебе правильно сказали.

– А у вас дикие звери есть?

– Есть.

– И дикие слоны тоже есть?

– А вот диких слонов нет.

Каньяпен в замешательстве остановился.

– Как так нет диких слонов? Как же вы живете?

– Ничего, обходимся.

– И прирученных слонов нет?

– Нет.

– А кто же у вас работает в джунглях?

– В наших джунглях работают машины.

Каньяпен недоверчиво покачал головой, а потом хитро сощурился:

– Ой, что-то вы, мэм, от меня скрываете. Машины в джунглях работать не могут. Вы нарочно придумали, чтобы меня рассмешить, да?

И заливистый мальчишеский смех огласил джунгли.

– Вы очень веселая, мэм. Никто не смог такого придумать.

– А ну-ка, скажи, смешливый человек, кто ты и откуда?

– Я из племени маннанов. Наше селение недалеко отсюда. Надо пройти миль десять. Мой отец, – он махнул в направлении домика, – работает там. А я вот вожу иногда туристов.

Наконец деревья стали редеть. Тропинка вывела нас к берегу Великого озера. Расположенное в причудливой котловине между горами, оно было покрыто сейчас легкой вуалью утреннего тумана. Вершины дальних гор окутывали розовые облака. Постепенно на востоке стала разгораться алая полоса утренней зари. Туман исчезал. Розовые облака и красное небо отразились в зеркальной поверхности озера, и оно, казалось, до краев было наполнено розовой водой. Потом розово-красные цвета стали меркнуть, и из-за гор брызнули золотые

лучи восходящего солнца. Как бы в ответ на это по джунглям прокатился мощный трубный глас. Вожак стада собирал диких слонов на водопой.

Мы прыгнули в небольшую, стоящую у узеньких причальных мостков лодку. Затрещал мотор, и его звук, дробясь о горы, мячиками запрыгал по разбуженной поверхности воды. Бурлящий след, вспоровший воду, тянулся за лодкой. Рулевой направил ее к восточному берегу. Мы прошли множество бухт и заливчиков.

Наконец лодка, заглушив мотор, вошла в небольшой залив, куда впадала стекавшая с горы узкая речушка с заболоченными берегами. Невдалеке послышался треск. Из-за деревьев показалась черная громада дикого слона.

– Тише, не шумите, – сказал Каньяпен, – они сейчас будут пить. Здесь два месяца назад лодка села на мель, и дикие слоны напали на нее. Спастись удалось с трудом.

– Да, – подтвердил наш рулевой, – мы не должны привлекать их внимания.

Вслед за первым слоном вышла слониха со слоненком. Они стали пить из речки. Затем слониха набрала в хобот воды и начала поливать слоненка. Тот, подставив под струю спину, неподвижно замер.

К этому слоновьему семейству через несколько минут присоединилось еще около пятнадцати слонов. Мы стояли с подветренной стороны, и слоны нас не чуяли. Но один из них все же увидел нас сквозь деревья, он заволновался и решительно шагнул в воду заливчика. Наш рулевой дернул рукоятку мотора, однако, как бывает в таких случаях, мотор не заводился. Рулевой чертыхнулся сквозь зубы. Каньяпен, схватив шест, стал отводить лодку на безопасное расстояние. При этом он приговаривал:

– Два месяца назад случилось то же самое… Два месяца назад…

Несмотря на усилия Каньяпена, слон неумолимо приближался к нам. Его примеру последовали два других.

Наконец злополучный мотор завелся. Рулевой вытер пот со лба. Лодка развернулась и вылетела из залива. Три слона, стоя по грудь в воде, провожали ее взглядами.

Мы снова вышли на большую воду, и лодка повернула к западу.

Маннаны – «люди земли»

В этот день мы отправились к маннанам. Небольшой поселок Маннанкоди находился в двух милях от Кумили. Его хижины были разбросаны среди бамбуковых зарослей, манговых деревьев и банановых рощ. Около хижин – небольшие участки рисовых полей, за полями начинаются джунгли. От Кумили к поселку ведет узкая лесная тропинка.

В поселке нас сразу же окружили женщины и дети. У них была темная кожа, широкие, чуть приплюснутые носы. На женщинах были надеты короткие кофточки и яркие длинные юбки. Говорили они на какой-то странной смеси двух языков – малаялам и тамильского. Мужчины бросили свои обычные занятия и присоединились к женщинам. На меня обрушился град вопросов: кто я, откуда, зачем приехала, нравятся ли мне маннаны, хочу ли с ними подружиться. Моя белая кожа вызвала некоторое замешательство.

Одна из женщин приблизилась ко мне и дотронулась до руки.

– Что такое? – спросила я.

– Можно потрогать?

– Конечно.

И сразу раздалось несколько голосов:

– И мне, и мне.

Я отдала руку на растерзание. Фотоаппарат и кинокамера тоже были тщательно обследованы. Высокий парень в клетчатой рубашке принес циновку и расстелил ее посередине селения рядом с брошенными деревянными ступами, где несколько минут до этого женщины рушили падди[1].

– Садитесь, – сказал парень, – сейчас я расскажу вам, какая у нас беда.

Все ринулись на циновку, и мне не осталось места.

– Двигайтесь, двигайтесь, – засуетились женщины. – Пусть гость сядет в середину.

– Рассказывай, рассказывай, Канникерен, – оживились все.

– Вчера ночью на наши поля забрел дикий слон. Вытоптал рис и сожрал наш урожай. Что мы должны теперь делать?

Я не знала, что теперь делать. Все вздыхали и смотрели на меня.

– А у вас слоны есть? – спросил кто-то.

– Нет.

– Охо, охо, – снова зашумели все. – У них даже слонов нет. Откуда человек может знать, что теперь делать?

– Ну, а вы что делаете, чтобы охранять поля от диких слонов? – вышла я из затруднительного положения.

– Мы ночью бьем в барабаны и зажигаем огонь. Слоны пугаются и уходят.

– А что же случилось вчера ночью, почему слон не испугался?

– Пусть скажет тот, кто виноват.

Но виновника среди присутствующих не оказалось. Он благоразумно скрылся.

– Ему стыдно перед гостем, – объяснили мне. – Ведь он уснул, и наш барабан замолк.

Потом я заметила, что поля маннанов обнесены высокой бамбуковой изгородью. Это тоже от слонов. Однако животные нередко ломают изгородь.

Подошла высокая женщина. За ее спиной висел довольно упитанный малыш, привязанный к матери полосой ткани.

– Теперь пойдем ко мне в гости, – сказала она тоном, не терпящим возражений.

Я поднялась, и мы всем селением двинулись в гости к Лакш ми – так звали женщину. Хижина Лакшми, как и все другие хижины в селении, была построена из бамбуковых жердей. Крыша и стены были оплетены пальмовыми листьями. Высота хижины составляла метра три. Окон не было, свет проникал через три открытых дверных проема. Стоял специфический запах дыма и еще чего-то мне незнакомого. Жерди на потолке закоптились, и с них свисали пропыленные лохмотья сажи. По правую и левую сторону от основного помещения были отгорожены небольшие каморки; стенки в перегородках, отделявших эти каморки, не доходили до потолка. В одной из каморок хранились циновки и домашняя утварь. Мебели не было. Под крышей висели глиняные горшки и бамбуковые сосуды. На земляном полу у тлеющего костра лежало несколько циновок – это была спальня. На противоположной стороне находился другой очаг. Здесь на трех вертикальных камнях стоял глиняный горшок, в нем

варился рис. Недалеко от этого был подвешен тростниковый мат, на котором обычно сушат рис, а под ним разводят огонь.

– А в другой маленькой комнате у вас кто-нибудь живет? – спросила я Лакшми.

– Да, Танга и Раджу. Танга – моя дочь, – пояснила она, – а Раджу ее муж.

– Это я Танга. – В дверном проеме появилась тоненькая девушка лет шестнадцати.

– А где Раджу?

– Он спрятался, – засмеялась девушка. – Он стесняется. Раджу! – позвала она.

Однако в каморке по-прежнему не было движения. Раджу затаился.

– Пойдем к нему, – подтолкнула меня Лакшми.

Я заглянула в каморку. В углу, съежившись на циновке, сидел парень. Увидев меня, он прикрыл лицо ладонью, как стесняющаяся деревенская девушка.

– У вас все мужчины такие застенчивые? – спросила я.

– Большинство, – хихикнула Танга. – С ними очень трудно.

– Что же, они застенчивы как девушки?

– Как кто? – не поняла Танга.

– Почему как девушки? – вмешалась Лакшми. – Он застенчив как все молодые парни.

Теперь перестала понимать я. Только потом, когда я обнаружила, сколь сильны еще в родовой организации маннанов элементы матриархальных отношений, мне многое стало ясно. Эти отношения влияют на все стороны жизни племени.

Застенчивый Раджу живет в доме матери своей жены. Обычай такого рода довольно распространен среди маннанов, очень многие мужчины в Маннанкоди живут в семьях своих жен. Девушка, выходя замуж, продолжает принадлежать к роду своей матери. Брачная церемония, как правило, происходит в доме невесты. Расходы по устройству свадьбы родители невесты поровну делят с родителями жениха. Жених же обязательно должен подарить невесте новое сари. Самая важная часть брачной церемонии – завязывание тали[2] на шее невесты. Этот обряд выполняет родственница жениха, в большинстве случаев – его сестра.

Старики племени хорошо помнят те времена, когда муж в обязательном порядке должен был жить в семье жены. Теперь времена меняются, и в племени появляются новые обычаи. Хотя старая традиция – селиться в семье жены – еще сильна, но уже появились случаи, когда мужчина требует, чтобы жена жила в его семье. Противоречия, возникающие на этой почве, приводят к частым разводам. Идет своеобразная борьба между матерями за дочерей и мужьями за жен. Нередко женщина, согласившаяся жить у мужа, уходит снова в семью матери. Поводом к этому служит то, что маннаны иногда на некоторое время покидают свои селения и трудятся в качестве поденщиков на соседних плантациях. Жены, воспитанные на матриархальных традициях, пользуются «благоприятным моментом», переселяются вновь в свои семьи и не хотят оттуда возвращаться, настаивая, чтобы мужья жили с ними там. А мужья не хотят. Они, владельцы небольшого заработка, начинают чувствовать себя материально независимыми и стараются занять в своей семье господствующее положение.

В племенах, где еще сильны элементы материнского рода, разводы допускаются свободно (как правило, они бывают сложны и трудны в обществе с устоявшимися патриархальными традициями). В племени маннанов разведенная женщина легко может вновь выйти замуж, правда не раньше чем через год-два.

Маннаны занимаются собирательством и земледелием. Из джунглей они приносят мед, кардамон, целебные коренья. Все это они сдают в Лесной департамент и получают за это гроши. В далекие времена собирательство было основным занятием племени, теперь все большую роль начинает играть земледелие. Когда-то маннаны практиковали подсечное земледелие. Они жили в джунглях, где было много свободной земли. Если земля истощалась, они выжигали новые участки джунглей и обрабатывали там свои поля. Но постепенно местные феодальные правители стали вытеснять маннанов с насиженных земель. Несколько сот лет тому назад правитель Мадурай согнал племя с плодородных земель долин, и маннаны постепенно откочевали в горы Кералы. Но здесь они тоже не избежали тяжелой участи. Крупные помещики и раджи, которым принадлежала земля горных джунглей, быстро «сориентировались» и оказали маннанам высочайшее «покровительство». За это «покровительство» племя

заплатило дорогой ценой. Превращенные в полурабов-полукрепостных, маннаны умирали от болезней и недоедания в холодных горах. От некогда большого племени сейчас в Керале осталось около пятисот человек. «Покровители» и «защитники» бесцеремонно вмешивались в дела племени. Неугодные вожди и старейшины были смещены. Вместо них были назначены новые, в лояльности которых можно было не сомневаться.

Эта искусственно созданная верхушка стояла от остальных соплеменников несколько особняком. Раджа Пунджата сам назначил первого главу племени. Им стал Вараджилкишу Маннан из Теллраймалаи. Серебряный меч и серебряный браслет были подарены ему как символ власти. Вараджилкишу стали величать королем. Появились также новые старейшины, или каникараны. Королю и им было дано право распоряжаться земельным фондом племени. И они, конечно, себя не обошли.

Новый король и старейшины в знак благодарности стали приверженцами господствующей религии – индуизма. Старые боги были заменены новыми. Великая богиня Амма-мать была свергнута с пьедестала. Но женщины с этим не согласились. До сих пор они поклоняются своей богине. Однако годы сделали свое дело. В легендах маннанов стали фигурировать индусские боги, люди постепенно забывали древние божества. Старики уносили в могилы предания. Завещанное предками умирало вместе с ними. С годами молодые превращались в стариков, но они уже ничего не помнили. Полузабытая история племени и новые боги фантастически переплелись в их мозгу.

– Откуда появились первые маннаны? – спросила я двух стариков, сидящих передо мной на циновке.

– Мы ничего об этом не знаем, – сказал один из них.

Другой слезящимися глазами смотрел на вершину дальней горы. Там, над горой, светилась звездами зелено-голубая полоса неба. За селением глухо бил барабан. Ближние заросли бамбука тонули в сиреневой мгле сумерек. Старик поднял на меня слезящиеся глаза.

– Посмотри, – начал он, – как прекрасна эта земля. Она была еще прекрасней в ту ночь, когда Парвати, жена Шивы, сделала глиняного слона. Из слона вышел человек. Это был самый первый маннан. Все племя пошло от него.

– Разве Парвати богиня маннанов? – усомнилась я.

– Да, – ответил старик.

– Но ведь Парвати – богиня людей из долины. Как же она может быть богиней маннанов?

– Это так, – сказал старик. – Больше я ничего не знаю.

И он стал смотреть на зеленые квадратики полей, тянущихся между хижинами и джунглями.

– Как мало теперь у нас земли, – вздохнул он. – Раньше мы сеяли там, где хотели…

Земли в Маннанкоди действительно мало. Всего в поселке сто двадцать три акра. Самый маленький участок – пол-акра, и самый большой – четыре акра. Семьи у маннанов большие, и часто практически невозможно прокормить семью участком даже в четыре акра. В Маннанкоди культивируют рис, раги[3], маниоку, сладкий картофель. Чтобы подработать, мужчины и нередко женщины нанимаются поденщиками в Лесной департамент, на плантации. Неподалеку организован центр ремесла, и здесь жители Маннанкоди плетут тростниковые циновки с красивым геометрическим узором. Плетение циновок – традиционное ремесло маннанов. Мне показывали много циновок, и ни на одной из них узор не повторялся. В этом же центре маннаны делают легкую плетеную мебель. Это занятие для них новое, но они с ним прекрасно справляются. В плетеных стульях, столиках и скамьях проявляется их своеобразный, неповторимый вкус. За эту работу жители Маннанкоди получают гроши. На жизнь не хватает. Поэтому так бедны их закопченные хижины, а одежда светит дырами и изобилует неумело посаженными латками.

И только один человек в Маннанкоди резко отличается от других. Это – каникаран, или старейшина. Его зовут Перумал Купан. Высокий, худощавый, с седым венчиком длинных волос вокруг лысеющего черепа, он кажется гораздо моложе своих семидесяти лет. На его темном продолговатом лице выделяется длинный, хищно загнутый нос. Выцветшие глаза смотрят хитро, настороженно и оценивающе. Над верхней губой прилепились фатовски подстриженные усики. Не в пример соплеменникам на нем чистая добротная рубаха и дхоти. После первых слов приветствия он протягивает мне трость с серебряным набалдашником.

– Моя трость, – хвастливо говорит он.

– Очень приятно.

– Символ власти.

Кажется, этот человек предъявляет мне удостоверение в том, что он действительно каникаран.

У Перумала Купана есть солидный участок земли. На нем трудятся жители Маннанкоди. Каникаран их только кормит во время работы. Нередко вождь отбирает у маннанов то, что они смогли собрать в лесу. Ему несут мед, съедобные коренья, лечебные травы.

Согласно древним традициям, каникаран должен выполнять ряд обязательств перед своими «подданными». Теперь обязательства исчезли, остались только права.

У маннанов, живущих в районе Кумили, есть свой совет, во главе которого стоит Перумал Купан. Последний раз совет собирался два года назад. Когда были предыдущие советы, каникаран не помнит.

– У меня на совете обсуждаются самые важные дела племени, – гордо заявил мне вождь. – Два года назад мы решили перекрыть все крыши в Маннанкоди. А потом установили ночных сторожей, которые должны охранять поля от диких свиней и слонов.

Но разрушить древнюю родовую организацию племени еще не удалось ни раджам, ни старейшинам. Эта организация в какой-то мере сплачивает племя и служит ему своеобразным подспорьем в тяжелой борьбе за существование. У маннанов есть ряд экзогамных родов[4]. В районе, который мне удалось посетить, было только два таких рода: Панникуди и Аравакуди. Важный элемент уже угасающего материнского рода – наследование по женской линии. Пост вождя переходит к племяннику, или сыну сестры, собственность тоже переходит к нему. Но в последнее время появились явно выраженные патриархальные тенденции. В Маннанкоди имущество делится поровну между племянниками и сыновьями, а в некоторых семьях полновластными наследниками уже являются сыновья. Сын Перумала Купана Пандиен после смерти отца каникараном не будет, этот пост займет его двоюродный брат. А что касается имущества – тут у Пандиена другая точка зрения.

– Имущество отца будет принадлежать мне, – сказал он. – С него (имелся в виду двоюродный брат – *Л. Ш.*) хватит и того, что он станет каникараном.

И сам Перумал Купан подтвердил:

– Моя земля отойдет сыну. Я не должен заботиться о племяннике.

… Из селения Маннанкоди мы с Чинмайей возвращались поздно вечером. Выпала обильная роса, и наша одежда отсырела. Мы прошли окраинные дома Кумили и снова вступили в джунгли. Было совсем темно, тропинка еле угадывалась в густых зарослях.

Джунгли жили своей ночной жизнью. Трещали цикады, перекликались какие-то ночные птицы. В кустах что-то ворочалось и вздыхало. Наконец мы вышли на шоссе. В лунном свете оно казалось бесконечным длинным полотном. И на этом полотне лежали четкие узоры – тени гигантских деревьев. Прямо над головой сверкали россыпью драгоценных камней Плеяды. Совсем низко над джунглями висел ромб Южного Креста. Вдруг в какое-то короткое мгновение все изменилось. Деревья стали излучать зеленоватое сияние. Мне показалось, что мириады звезд спустились с неба и усеяли джунгли. Они были везде – на деревьях, кустах, на дороге. Зеленые огни светляков непрерывно двигались. И может быть, только это и отличало их от неподвижных созвездий в небе. Они перемещались с дерева на дерево, с куста на куст и манили, манили в чащу. Зеленые манящие звезды. Пойдешь за такой, а она обманет и улетит. И ничего не останется, кроме темноты и пугающей чащи джунглей…

Впереди, за черными силуэтами деревьев, совсем неожиданно лунным серебром блеснула вода Великого озера. Мы прошли еще с полкилометра и за поворотом сквозь заросли увидели освещенные окна нашего пристанища. Это было не ускользающее призрачное сияние светляка, а ровный необманчивый свет человеческого жилья. Свет ночлега, в котором мы так нуждались.

Знакомьтесь, его величество король маннанов

От Кумили до Пирамеду – 19 миль
От Пирамеду до Куттикаяма – 3 мили
От Куттикаяма до Еллапара – 5 миль
От Еллапара до Айяпанковил – 12 миль
От Айяпанковил до Канчияра – 5 миль
От Канчияра до поселка короля – 3 мили

Утром на кронах деревьев клочьями висел туман. Он опускался все ниже и ниже и наконец заполнил всю лощину, по дну которой вилось шоссе. Небольшой расхлябанный автобус шел полупустой. Туман каплями оседал на кузове машины. Казалось, ему не будет конца, и только часа через два стали пробиваться первые солнечные лучи. Туман постепенно исчезал, и наконец джунгли и горы засверкали всеми красками солнечного утра. Мы проезжали редкие селения и маленькие городки, затерянные в безбрежном пространстве зеленых лесных массивов. Сначала наш путь лежал на восток, затем мы резко свернули на север. Мы несколько раз пересаживались, с трудом втискиваясь в набитые местные автобусы. В одном из них мы сидели на винтовках лесной охраны. Винтовки лежали рядом с разогретым, пахнущим маслом мотором. От каждого толчка затворы и прицельные мушки врезались в тело. Охранники, молчаливые ребята в шортах цвета хаки и тяжелых ботинках, сохраняли полную невозмутимость. Они не беспокоились о том, что боевое оружие используется не по назначению. Дорога то карабкалась вверх по крутым склонам, то резко шла вниз. Иногда мы въезжали в прохладные полутемные ущелья, по дну которых текли горные реки с низкими каменными порогами. Через реки были переброшены широкие бамбуковые мосты-настилы.

Потом в нашем распоряжении остались лишь редкие попутные машины и ухабистая грунтовая дорога. Поселки и деревни исчезли. Начались глухие, ненаселенные джунгли. У водителей изредка попадавшихся грузовиков мы спрашивали прямо:

– Где живет король маннанов?

Никто из них не удивлялся нашему вопросу. Они безошибочно показывали, в какую сторону надо идти или ехать.

Солнце поднималось все выше и выше. Оно остановилось на некоторое время в центре неба, а затем стало неудержимо скатываться к западу. Мы пили чай и ели бананы в придорожных харчевнях-хижинах. Наши лица и руки были покрыты толстым слоем грязи и пыли. А мы все ехали и шли, шли и ехали. И все гуще становились заросли джунглей. Очередной попутный грузовик свернул на широкую лесную просеку, а мы высадились на пустынной дороге. Косые лучи солнца освещали заросли бамбука, причудливо изогнутые тросы лиан, резные листья огромных папоротников. Ни людей, ни машин. Двухметровая черная кобра медленно переползала дорогу. На какое-то мгновение она остановилась, пристально посмотрела в нашу сторону и скрылась в кустах. Вдруг из-за поворота совсем неожиданно вырвался джип. Мы проголосовали. Машина остановилась. Рваный, промасленный брезент прикрывал кузов джипа. Водитель, молодой парень в красном тюрбане, чертыхнувшись, спросил, что нам надо.

– Где король?

– А! – пропыленную физиономию парня растянула улыбка до ушей. – Так бы и сказали.

Миль через пять джип остановился у тропинки, уходящей в заросли.

– Приехали, – сказал водитель. – Король живет недалеко отсюда. Мили две по тропинке. Не сворачивайте никуда, а то собьетесь.

Мы углубились в чащу.

– Эй! – раздался с дороги голос водителя. – Будьте осторожны! Тут полно всякого зверья!

Наконец из-за густых деревьев показались крытые пальмовыми листьями хижины королевской резиденции. Над крышами в вечереющем небе вился синий дымок. Весь поселок был расположен в низине, и только на каменистом пригорке стояла большая, не менее двадцати метров в длину, хижина.

– Полагаю, что это королевский дворец, – оживился Чинмайя.

Несколько темнокожих босоногих мальчишек в узеньких набедренных повязках выскочили из-за кустов. При виде нас они замерли. Но через мгновение они пришли в себя и сообразили, что

честь первооткрытия принадлежит им. Вопросы посыпались немедленно:

– Вы к нам?

– К королю.

– А эта амма[5] откуда? Мы никогда таких не видели.

– Амма из России.

Времени на то, чтобы выяснить, что такое Россия и где она находится, явно не оставалось. Сверкая пятками, первооткрыватели понеслись в поселок. Джунгли огласились криками: «Амма из России к королю! Амма из России к королю!» Этикет был соблюден. Глашатаи по всем королевским правилам доложили о заморском госте. Только была одна трудность. «Амма из России» не знала, как разговаривать с королями. Ей просто никогда этого не приходилось делать.

– Мистер Чинмайя, вы не знаете, как говорят с королями?

– Нет. Я с королями раньше не встречался. Но я думаю, – помедлил Чинмайя, – надо сказать «здравствуйте».

– Это уже кое-что, – обрадовалась я.

– Да, конечно, – засуетился Чинмайя, – мы придем и скажем: «Здравствуйте, ваше величество».

– Обязательно «ваше величество»?

– Мне кажется, так лучше. А там как получится.

Мы поднялись на пригорок ко «дворцу». Перед «дворцом» стоял широкоскулый коренастый человек лет сорока пяти. Мускулистые руки были сложены на груди, которую обтягивала форменная рубашка цвета хаки. Домотканое дхоти прикрывало ступни ног. В его осанке, на мой взгляд, было что-то королевское. Правда, его босые ноги несколько смущали меня. Но ведь были даже и голые короли, не только босые.

– Вы король? – доверительно спросила я его. Последовал королевский кивок.

Тогда, вспомнив наставления Чинмайи, я сказала:

– Здравствуйте.

Он указал мне на циновку, и мы сели. Я жалела, что мы не обсудили с Чинмайей, что надо сказать после «здравствуйте».

Теперь приходилось полагаться только на себя. Я важно вынула записную книжку и ручку.

– Сколько лет вы работаете королем?

– Семь лет, – с готовностью ответил король. – С тех пор как умер мой дядя. Он умер, и я стал раджаманнаном, или королем. А меня зовут Наикманнан. А моего…

– Стоп, ваше величество, не так быстро и не обо всем сразу. Я не собираюсь сейчас же уходить.

– Значит, вы у нас еще останетесь? – оживился король.

– Если будет на то ваша королевская воля.

– Будет, будет, – заторопился Наикманнан.

Так я наладила отношения с первым в моей жизни ко ролем.

Королевский «дворец» оказался большой просторной хижиной размером не менее ста метров. Как и в любой хижине маннанов, там было два очага. Один для приготовления пищи, другой для обогрева в холодные ночи. Около очагов лежали циновки. На плетеных полках сушился рис. На стене висел предмет королевской роскоши – зеркало с отбитым краем. Вдоль стены у входа стояло несколько плетеных кресел. У противоположной стены был королевский «трон» – плетеный мат, укрепленный на четырех бамбуковых жердях. «Трон» священен. Король восседает на нем во время советов и приемов подданных.

Хижина была совсем новая.

– Мне ее построил мой народ, – сказал раджаманнан. – Это его обязанность.

Мы разговаривали, а вокруг, сопя носами, стояли босоногие принцы и принцессы.

– Ну что уставились? – прикрикнул на них король. – Прибрали бы, что ли. Гость вот у нас.

Принцессы ухватили травяные веники и стали ожесточенно мести земляной пол. В воздух поднялись клубы пыли, смешанные с пеплом очагов.

– А, чтоб вас! – в гневе закричал король.

Голозадый, самый младший отпрыск королевского рода, воспользовавшись всеобщим замешательством, запустил руку в горшок с едой. Отцовский окрик заставил его вздрогнуть. И он уронил горшок на себя. Осколки разлетелись по полу. Принц возопил. Появилась всклокоченная королева и наградила его двумя увесистыми шлепками. Рев стал еще громче.

– Кончится этот шум или нет? – король вышел из себя. – Никакого послушания! Король я или не король?

– Король, – отвечало притихшее семейство.

– То-то, – удовлетворенно произнес Наикманнан, – а теперь убирайтесь отсюда.

Королевская власть демонстрировалась передо мной в полную силу.

Однако не прошло и пяти минут, как королевские отпрыски снова начали просачиваться во «дворец». Я дала одному из них цветную коробочку из-под пленки. Он схватил ее и издал победный клич. Немедленно в коробку вцепились трое других. Началась свалка.

Король в изнеможении тупо смотрел на дерущихся.

– Разве это королевская семья? – философски заметил он. – Сплошной позор.

Как выяснилось, у раджаманнана было семь детей. Пять мальчиков и две девочки. Двое сыновей были уже взрослыми. Одна из дочерей вышла замуж и жила вместе с мужем в доме отца в небольшой, отгороженной в этой же хижине комнатке.

Я заметила на руке короля серебряный браслет.

– Подарок махараджи?

– Да. Вот его эмблема. Махараджа был великий человек. Он очень уважал маннанов и их короля. Но король маннанов теперь не хуже. Махараджи нет, а король остался. Теперь правительство меня уважает.

– А вы не входите в правительство?

– Нет, я независим. У меня свое правительство. Только я несу кое-какие обязанности по отношению к высокому правительству.

– Какие обязанности?

Король задумался.

– Да, – начал он, – если слон подохнет, то я должен сообщить в Лесной департамент. Слоновая кость очень ценная. И еще я должен следить за культивацией. Или, например, люди моего племени собирают в лесу мед, кардамон, имбирь. Я должен проследить, чтобы они сдали все на правительственный аукцион. За это мне полагается один фунт продукции с каждых ста собранных.

– Ну, а что вы делаете кроме этого?

– О, у меня весь день занят. Очень много дел. Я ведь король.

После утренней молитвы его величество отправляется смотреть, как идут дела на его полях. У короля в этой местности тридцать акров, есть участки и в других местах. На королевских землях работают его подданные. Работают бесплатно, только за еду. Когда-то они были послушны и покорны, но теперь настали другие времена. Все норовят уйти и не работать. Королевский гневный глас с утра разносится по джунглям. Король уговаривает, потом грозит, пускает в ход тяжелые кулаки. После такой зарядки он ощущает резкий приступ голода и отправляется завтракать. Девочки, прислуживающие во «дворце», несут его величеству кофе, вареную тапиоку, путту, листья бетеля, бананы. Вечно голодные ребятишки поселка, глотая слюну, смотрят на обильную королевскую трапезу. Это раздражает раджаманнана, и он кричит, чтобы они убирались. После завтрака, ощущая приятную сытость в желудке, король решает обойти свою землю и побеседовать с подданными. Все-таки народ должен помнить, что у него есть король. В дальние селения его величеству идти лень, там он бывает раз в год, не больше. Зато ближние очень часто получают королевское благословение. Он идет по узенькой тропинке через джунгли, иногда его сопровождают приближенные. И думает: кого бы сегодня благословить? Мысли у короля невеселые. Благословляй не благословляй, все равно прибыли от этого мало. Когда-то королевское благословение ценилось высоко. Маннаны платили за него медом и кардамоном, нежным мясом черных обезьян, своим урожаем. Королевская доля была неприкосновенной. Теперь тоже кое-что приносят, но каждый делает это по своему усмотрению.

Вот и сейчас раджаманнан идет в селение маннанов. Король вспоминает, что еще несколько лет назад, когда замечали его появление, к нему бежали дюжие парни с носилками. Его величество садилось в носилки, подданные издавали крики радости и втаскивали его на вершину. Носилки плыли на плечах маннанов по поселку, и король мог чувствовать себя королем. Сейчас он стоит у подножия и ждет. Но носилки не показываются. Ждет десять минут, двадцать, но никто даже не спускается к нему. «Делают вид, будто не видят», – раздражается король. Однако какая-то надежда теплится. Она окончательно исчезает, когда проходит еще полчаса.

Раджаманнан начинает подниматься в гору. Идти трудно. За последние годы его тело стало грузным и появилась одышка. Но что не

сделаешь для своего народа… У самого поселка его встречает каникаран. Лисья физиономия, бегающие глаза. Еле отдышавшись, король спрашивает:

– Носилки?

– Какие носилки? Мы не заметили тебя, раджаманнан. – Каникаран отводит глаза в сторону.

Король знает, что с каникараном ссориться нельзя. С ним надо быть осторожным.

– Идем, – говорит он каникарану.

Угодливо сгибаясь, каникаран ведет короля в свою хижину. Там стоит специальный «трон» для короля. Такой же, как и у него во «дворце». На «трон» никто не смеет сесть, кроме него. Раджаманнан водружает на «трон» грузное тело и удовлетворенно закрывает глаза. Наконец он снова чувствует себя королем.

Перед королем ставят рис, уложенный на банановые листья. Карри из мяса черной обезьяны благоухает.

Король смягчается. После обеда он спит на своей королевской кровати, а потом идет в поселок благословлять народ.

Солнце уже клонится к горизонту. Длинные тени деревьев ложатся на крыши хижин. На другом конце селения грохочут два барабана. В честь короля после захода солнца начнутся танцы. Душевное равновесие окончательно возвращается к раджаманнану. И он дает согласие остаться здесь еще дня на два.

Каникаран обходит хижины и каждому дает указание, что надо принести для королевского прокорма. Люди недовольны, но приносят то, что надо. У короля изрядный аппетит, и в бюджете жителей деревни образуется ощутимая прореха.

Если раджаманнан не задерживается в поселке, он возвращается после обеда домой. И тогда снова туго приходится поденщикам на его полях. А вечером снова бьет барабан. Король желает смотреть танцы.

Как у каждого уважающего себя короля, у Наикманнана есть министры. Он так и говорит – министры. У махараджи Травайкура тоже были министры. Король маннанов не хуже. Уллантари Кудиянавам – премьер-министр. Он же и министр внутренних дел. У него есть титул – маниаран. Премьер, по выражению самого раджаманнана, стоит между королем и народом. Должность эта наследственная. Все жалобы к королю поступают только через

маниарана. Во время отлучек короля премьер во всем замещает его. Он управляет всеми празднествами и церемониями, разрешает ссоры, устанавливает мир и порядок в племени. В его распоряжении находится полиция – несколько десятков молодых парней. У них тростниковые палочки с двумя набалдашниками, сделанными из красных семян «купи». Это и оружие и символ власти. Как символ власти палка освящается перед богами. В племени еще не научились воровать и убивать, поэтому функции полиции в основном сводятся к категориям нравственного порядка. Самое страшное преступление – прелюбодеяние. Времена свободных отношений между мужчиной и женщиной, свойственные материнскому роду, уже прошли. О полиандрии – многомужестве остались только воспоминания. Теперь мужчина получил право на несколько жен. Правда, такая форма брака у маннанов допускается только в том случае, если первая жена бесплодна. От женщин теперь требуют неукоснительного соблюдения супружеской верности. Еще лет десять назад женщина не наказывалась за неверность, наказание нес только мужчина. Маннаны были уверены в том, что только мужчина может быть соблазнителем. Теперь полиция премьера порет за прелюбодеяние и мужчину и женщину. Однако, сохраняя какую-то верность традициям материнского рода, правительство решило давать женщинам за измену в два раза меньше ударов, чем мужчинам. Так, если полиция зарегистрировала факт супружеской неверности и обе стороны, вовлеченные в это незаконное деяние, до этого ни разу не провинились, то мужчина получает четыре удара, а женщина два. Для «рецидивистов» премьер увеличивает количество ударов по своему усмотрению.

Премьер-министр и полиция – это еще не все, чем располагает король. У короля есть одиннадцать малых раджей. Все они – его кровные родственники. Целая правящая династия. И маннанам надо бесплатно работать на полях каждого из них, и надо давать им часть собранной в лесу продукции, и – соблюдать положенные каждому почести.

Духовная и гражданская власть в племени маннанов строго разграничены. Духовную власть возглавляет верховный жрец, или вати. Жрец – лицо важное. И он хорошо сознает свое положение.

… У вати узкое лицо и браминский узелок на волосах сзади. В уши продеты металлические серьги. Вати – явный проиндуист. Мы очень долго говорили с ним, пока мне удалось выяснить кое-что о старых богах маннанов. Вати упорно не хотел о них говорить, он все рассказывал о Шиве, Парвати, Вишну. Но наконец на сцену выплыла старая богиня маннанов Кулатимутты. Богиня до сих пор не забыла маннанов, как забыли ее их жрецы. Она помогает племени в трудные моменты, и ей приносят в жертву ткани и посуду – подарки, которые полагается делать женщине. У Кулатимутты есть брат – бог Майяр. Это очень сердитый бог. Когда он разгневается, то насылает на племя черную оспу. Судя по тому, что у маннанов многие лица обезображены оспой, Майяр сердится довольно часто. А богиня спасает племя от оспы и предотвращает всяческие бедствия. Вати сказал, что у короля есть все боги маннанов. Я попросила их показать. Король охотно согласился. В его хижине, за маленькой комнатой молодоженов, оказался небольшой алтарь. В нише было совсем темно, и раджаманнан зажег медный светильник с четырьмя фитилями. Я увидела земляную суфу – небольшое возвышение, на котором обычно сидят или спят. На суфе стояли боги, а на цветном листе бумаги была изображена богиня храма в Мадураи – Минакши. Минакши оказалась верховным божеством племени. Традиции материнского рода опять давали себя знать – из многочисленного пантеона индусских богов маннаны все же выбрали богиню. Тут же на суфе стояли бронзовые статуэтки индусских богов опять-таки мадурайского происхождения. Некоторые из них фигурировали в качестве предшествующих раджаманнанов. Видимо, своеобразное обожествление королевской власти у маннанов началось именно с того, что идолы богов были названы королями. И сделал это сам король. Традиция, вероятно, только зарождалась, и вати был первым ее поборником.

От рассуждений о богах меня оторвали самым неожиданным образом. На пороге королевского дворца появился невысокий молодой человек. Он был одет в белую чистую рубашку и дхоти. Открытое лицо его освещалось приветливой улыбкой.

– Так вот вы где! – сказал человек. – А я вас ищу повсюду. Извините. Я не мог прийти раньше. Был занят в школе.

– Какая школа? Где? И кто вы?

– Школа для детей из племени. Она тут, в двух милях отсюда. А я учитель. Меня зовут Питамбаран. – И, не переводя дыхания, воскликнул: – Какой гость! Какой гость! Вы здесь первая русская. Да что русская, эти люди никогда и не видели человека с белой кожей. Идемте со мной, прошу вас. Моя жена тоже хочет с вами познакомиться. – И снова стал приговаривать: – Какой гость, какой гость.

Признаться, я была немного смущена происходящим.

– Идемте, идемте, – торопился Питамбаран, – моя хижина здесь же. Вот за тем пригорком. Я живу вместе с маннанами. Они очень хорошие люди. И я счастлив с ними. Но знаете, иногда хочется встретиться с новыми людьми. Ведь здесь это так редко случается. А тут я узнаю: гость, да еще русский. Подумать только! Человек из страны космических ракет забрел к нам в племя. Такого еще не было, поверьте мне.

Когда мы подошли к хижине учителя, наш эскорт из юных маннанов увеличился по крайней мере человек на сорок. И по тому, как ласково обращался с ребятишками Питамбаран и как они доверчиво льнули к нему, я поняла, что учитель своей искренностью и добротой заслужил настоящую любовь племени. И я не ошиблась.

У хижины нас встретила молодая женщина, жена Питамбарана.

– Посмотрите на нашу хижину, – сказала она. – Ее нам построили маннаны.

Хижина ничем не отличалась от хижин селения. Но видно было, что строители вложили в нее свою любовь к этому человеку – она была как-то складней и аккуратней, чем другие. Там был очаг, врытый в земляной пол, стояли два плетеных топчана и на бамбуковой стене висела небольшая полочка с книгами. На табуретке в углу стояла зажженная керосиновая лампа. Несколько циновок было брошено у порога. Вот и все.

– Мне больше ничего и не надо, – сказал Питамбаран. – Есть крыша над головой, есть на чем спать, ну и довольно. Мы с женой здесь очень счастливы. А если бы вы знали, какие это люди – маннаны! Я живу здесь три года и, наверно, останусь у них на всю жизнь. Вот только король… – легкая тень набежала на лицо учителя.

– Что король? – спросила я.

– Не люблю я его, – в его тоне появились извиняющиеся нотки.

– Я тоже.

– Правда? – обрадовался Питамбаран. – Власть его развратила, и он утратил доброту к людям. У меня с ним часто бывают стычки.

– Типичный паразит, – подтвердила я.

– Вот именно паразит. Он самоуправствует и считает, что все племя – его рабы. А это не так, они же люди.

Жена учителя принесла угощение: жареные бананы и путту. Не успели мы доесть, как на пороге хижины появился голозадый, шмыгающий носом гонец лет семи. Он долго рассматривал нас и переминался с ноги на ногу.

– Король… – сказал он. Затем шмыгнул носом и умолк.

– Что король? – спросил учитель. – Что с ним случилось?

– Король, – начал гонец снова, – будет танцевать. Нет, – поправился он, – маннаны будут танцевать. Король вас зовет.

И, повернувшись, опрометью бросился через заросли.

Мы вышли из хижины. Дул прохладный ветер. Луна на ущербе освещала джунгли призрачным голубоватым светом. Раскидистые кроны деревьев, пальмы, заросли кустов приняли какие-то нереальные причудливые очертания. Лунный свет дробился искрами в быстрых струях бегущей горной реки. Густые заросли скрывали хижины, и казалось, что вокруг никого и ничего нет, кроме тусклого огонька в маленьком окошке хижины учителя. И по мере того как мы шли, этот огонек становился все меньше и тусклее и наконец исчез. Тропинка делала неожиданные повороты и изгибы в лунных зарослях. Стоял час той удивительной тишины, когда дневная жизнь джунглей кончилась, а ночная еще не началась. И вдруг в эту тишину ворвался грохот барабанов. Он нарастал как-то победно, эхом отзываясь в горах и лесных зарослях. Этот зовущий ритм наполнял собой все вокруг, и казалось, в мире ничего не существует, кроме этого лунного света, замерших деревьев и прерывистого звука барабана.

Мы шли, как завороженные, на этот звук. Он становился все громче и отчетливее.

– Барабаны в джунглях бьют каждую ночь, – сказал Питамбаран. – Так отпугивают зверей. Кстати, будьте осторожны. Эти заросли всегда полны всяких неожиданностей. Недели две назад в это же время на одного маннана бросилась пантера. Прыгнула прямо на спину. Хорошо, люди были поблизости. Еле отбили.

Хижина короля была освещена единственной ацетиленовой лампой, стоявшей на земляном полу. Горели оба очага, и сизый дым наполнял королевские апартаменты. Он ел глаза и выбивал слезы. Около очага для обогрева сидело человек двадцать маннанов, столько же стояло у стены. На «троне» восседал король, завернутый в красное одеяло. Вокруг «трона» в живописных позах разлеглись министры, жрецы, блюстители порядка и прочая придворная знать.

– Эй, вы, – крикнул король придворным, увидев нас, – место гостям!

Мы разместились на циновке около очага. Пляшущий веселый огонь согревал колени и грудь, но спина начинала мерзнуть. Холодный сырой воздух наползал из джунглей. Красноватые отблески костра ложились на музыкантов. Их тени то неожиданно вырастали, то становились совсем карликовыми. Темные, почти черные, руки ритмично били в туго натянутую кожу длинных барабанов. Перед королем под аккомпанемент барабанов плясали два парня. Один из них был в сари – он изображал девушку. Лица обоих танцоров были покрыты густым слоем пудры, их шеи украшали гирлянды желтых цветов. На ногах звенели браслеты. Парни ритмично двигались, иногда убыстряя или замедляя темп. Они пели. Это была любовная песня. Ее своеобразный тягуче-проникновенный мотив не напоминал ничего слышанного мною ранее. Но сам танец был лишен какой-либо оригинальности и своеобразия. Я не раз видела подобные танцы на ярмарочных балаганных представлениях в маленьких городках Кералы. Сходство с таким представлением еще больше возросло, когда к двум танцующим присоединился третий. На нем были темные очки – те самые очки, которые так любят актеры бродячих трупп там внизу, в долине. Песня и танец так противоречили друг другу, что я не удержалась и спросила Питамбарана:

– Вы не заметили никакого несоответствия во всем этом?

Учитель живо повернулся ко мне:

– Я видел слишком много несоответствий в этом племени. Вы правы. Песня – это настоящее, что принадлежит маннанам. А вот танцы… Вы видели, как танцуют иногда на базарной площади в дни индусских праздников? Сегодняшние танцы не вызывают у вас такой ассоциации?

– Я об этом подумала с самого начала.

– Это все королевские капризы. Он бывал у махараджи и там, в долине, видел такие танцы. И пожелал, чтобы здесь тоже так танцевали. Смотрите, ведь он главный балетмейстер.

Действительно, король стал делать какие-то указания танцорам, что-то объяснял и показывал. Танцоры покорно его слушались.

– Сейчас вкус его величества проявится в полную силу, – зашептал Питамбаран. – Балаганные пляски его свели с ума. А знаете, у маннанов есть свои, очень своеобразные танцы. Но при короле они не смеют их показывать.

– А разве женщины не принимают участия в танцах?

– Что вы! Им не разрешено. Королевский указ. Кажется, это инициатива какого-то предыдущего раджаманнана. Но люди говорят, что когда-то женщины маннанов танцевали вместе с мужчинами. А теперь вот нет.

Я воспользовалась перерывом в танцах и спросила танцоров, знают ли они еще песни маннанов.

– Мы знаем много песен, – ответили они. Но тут вмешалось его величество.

– Спойте нашему гостю. Ну, например, песню о короле. Обо мне, – хвастливо сказал он.

Танцоры начали петь о том, какой хороший король у маннанов, как счастливы его подданные. Достоинств у короля оказалось так много, что певцы сбились при их перечислении и не смогли докончить песню. Король разгневался, а я решила больше не вмешиваться в королевские развлечения. Снова загремели барабаны. Едкий дым от костра наполнял хижину. Постепенно я стала обалдевать от всего этого. Фигуры танцоров с мертвенно-бледными, напудренными лицами стали двоиться у меня в глазах. Временами, казалось, я впадала в забытье. Голову неудержимо клонило к циновке. Я очень устала. День был трудный и хлопотливый. Я прилегла на циновку. Это никого не удивило. Барабаны мне уже не мешали, и когда я закрыла глаза, то увидела бегущую через джунгли дорогу, чертыхавшегося парня в красном тюрбане, пламя костра. Потом появился премьер-министр, хотел что-то сказать, но не успел. Стало темно, и все исчезло. Я не помню, сколько я проспала. Проснулась я от какой-то тяжести в голове и от ледяного холода, ползшего по спине. Я открыла глаза. Ничего не изменилось. Все так же гремели барабаны и ритмично двигались

танцоры. Правда, некоторые из придворных последовали моему примеру и мирно похрапывали около костра. Король в красном одеяле продолжал руководить балом.

– Послушайте, – сказал Питамбаран, – идемте ко мне в хижину. Там такая же циновка и такой же очаг. Только не так шумно. Вы хотя бы немного отдохнете.

– А который час?

– Скоро уже три часа утра. Идемте. Это будет продолжаться до самого рассвета.

Мы незаметно выскользнули из «дворца». Холодный пронзительный ветер шумел в джунглях. Питамбаран зажег факел, и минут через тридцать мы были уже в его хижине. Около очага, свернувшись калачиком, безмятежно спал Чинмайя…

Утром я открыла глаза и сразу увидела несколько голов, торчавших в маленьком окошке. Я приподнялась, и головы исчезли. Потом снова появились.

– Амма! – позвала меня одна из них.

Я вышла из хижины. Человек пятнадцать женщин стояли около входа. Я поздоровалась. Женщины окружили меня и стали совать бананы.

– Спасибо. Но зачем так много?

– Амма, у тебя длинный путь, – зашумели они. – Мы не знаем, где Россия, но это, должно быть, очень далеко. А в дороге надо есть.

– Но до России этих бананов все равно не хватит.

– Мы принесем еще, – всполошились маннаны.

– Не надо, не надо, хватит.

– Амма, – сказала молоденькая девушка, – оставайся с нами. Мы тебе построим такую же хижину, как у учителя.

Предложение было заманчивым. Но как бывает в жизни, обстоятельства всегда сильнее нас. Я вынуждена была от казаться.

… До деревушки Канчияр, где мы надеялись поймать машину, нас провожали человек двадцать взрослых маннанов и множество ребятишек во главе с Питамбараном.

Когда мы проходили одну из окраинных хижин селения, я вдруг услышала доносившийся оттуда горестный плач нескольких человек и невольно остановилась.

– Что здесь случилось, мистер Питамбаран?

– О, в этой хижине год назад умер старик, а сегодня годовщина смерти. По обычаю маннанов, родственники собираются в этот день и плачут над могилой. Вы ведь знаете, наверно, что маннаны не кремируют своих покойников, а хоронят в земле.

– А где же могила умершего старика? Почему плачут здесь, около хижины?

– У маннанов нет кладбищ, и они хоронят умерших рядом со своими хижинами. Чтобы все оставались вместе. Вместе с покойником закапывают и его личные вещи. На похоронах главный плакальщик – племянник, а не сын. Мигом устраивают поминки. Родственники едят только вареный рис. То же меню они должны соблюдать в течение семи дней после погребения. Только вареный рис два раза и день. Это своеобразный обряд очищения. И каждый год плачут по умершему, как сегодня.

Мы уже прошли хижину, а горестный плач еще долго слышался нам вслед.

… В Канчияре на деревенской площади стоял король в окружении своих подданных. Как только они увидели нас, то покинули короля и устремились за нами. Король было тоже побежал, но потом, очевидно вспомнив о своем королевском достоинстве, замедлил шаги и остался посреди площади в гордом одиночестве.

Длинные мили горных дорог

От Тхеккади до Купили – 3 мили
От Кумили до Девиколама – 63 мили
От Девиколама до Муннара – 5 миль
От Муннара до Удамалпета – 54 мили
От Удамалпета до Поллачи – 18 миль
От Поллачи до Пирамбикулама – 40 миль

Снова дорога. Мы едем теперь из дистрикта Коттаям в дист рикт Палгхат. От Кумили дорога поворачивает на север. Населенных мест почти нет. С обнаженных гранитных утесов срываются шумные водопады и исчезают в зеленом море зарослей. Кое-где видны хижины, построенные прямо на деревьях: ночью внизу находиться опасно. По обочине горной дороги и по склонам гор тянутся заросли кардамона.

Кое-где трава между кустами расчищена. Это кардамоновые плантации. Но в большинстве случаев кардамон растет диким образом. И место это называется Кардамоновы горы.

Перевалив Кардамоновы горы, автобус выезжает к Западным Гхатам. Здесь, на стыке Кардамоновых гор и Западных Гхат, – унылая и мрачная горная долина. Красноватые гранитные скалы, лишенные какой-либо растительности, угрюмо нависают над чахлыми, с жесткими листьями кустами. Не слышно обычного гомона птиц. Мертвая, давящая тишина. Ее нарушает только прерывистый рокот мотора нашего автобуса. На сухой, потрескавшейся от зноя земле не заметно никаких признаков жизни. Ни речки, ни ручейка…

– Место, проклятое богом, – ворчит крестьянин-старик. – Скорей бы уж проехать.

Тоскливо-тревожное настроение овладевает пассажирами. Умолкают разговоры, и только старик продолжает бубнить что-то себе под нос. Наконец автобус минует неприветливую долину. Мрачные, голые скалы остаются где-то позади, и снова в окна автобуса врываются лесная свежесть и птичьи голоса. Дорога идет вверх. Ее ускользающая петляющая лента прижимается к крутым склонам. Обочина дороги отвесно обрывается вниз километра на два. На крутых поворотах, когда исчезает лежащая впереди полоса дороги, кажется, что автобус сейчас сорвется с нее, как с взлетной дорожки, и полетит в сияющую голубую высь или рухнет в бездну.

Мотор надрывно гудит, а дорога все вьется и вьется, спиралью поднимаясь все выше и выше. Каждая миля дается с большим трудом. И эти мили здесь, на горной дороге, становятся нестерпимо длинными. Метры и секунды, метры и секунды, из которых складываются мили и часы. Мили и часы, зависящие от метров и секунд. Опоздал на секунду на повороте – и не хватило метра на обочине. И тогда мили и часы навсегда теряют свой смысл.

Пот покрывает лицо водителя, его большие руки, вцепившиеся в баранку так, что побелели косточки на пальцах, подрагивают.

Вдруг автобус неожиданно останавливается. Водитель выскакивает из кабины и кричит: «Поха!» (пошли).

– Куда? – спрашивают его. – В чем дело?

Но водитель не отвечает. И показывает в низину. Там, среди зарослей тика и бамбука, мирно пасется стадо диких слонов.

– Поха! Поха! – подхватывают пассажиры.

И все мы во главе с водителем устремляемся к низине. Покинутый автобус сиротливо маячит на дороге. А слоны не обращают на нас внимания и продолжают делать свое дело.

Потом все торопятся обратно.

Наконец джунгли немного расступаются, и я вижу изящный мост, переброшенный через ущелье. По дну ущелья стремительно несется горный поток. Перед мостом две надписи. Одна от штата Керала: «Спасибо. Приезжайте к нам опять». Вторая: «Добро пожаловать в штат Мадрас». Автобус громыхает по мосту, и мы въезжаем в штат Мадрас.

На следующий день мы вновь в Керале. В Пирамбикуламе, небольшом поселке, состоящем из нескольких десятков домиков, окруженных лесом, нас встретил мистер Кришна, районный чиновник по делам племен. Это был молодой парень с черной бородкой, с четками поверх клетчатой рубахи и в черном дхоти, которые носят паломники к храму Айяпана. Единственный язык, который знал Кришна, был малаялам. Поэтому проблему местных племен нам пришлось обсуждать на трех языках: малаяламе, который я не знала, тамильском и английском. Выжать что-либо из Кришны оказалось делом нелегким. Он или отмалчивался и отводил глаза в сторону, или отделывался односложными ответами. Тогда я обратилась к Чинмайе.

– Мистер Чинмайя, – сказала я. – Вы уедете сегодня вечером или завтра, поэтому надо найти человека, который хотя бы знал дорогу к кадарам или маласарам. Кришна мне не внушает доверия.

Чинмайя задумался. Потом хлопнул себя по лбу.

– Слушайте, кажется у меня здесь есть знакомый лесничий. Его зовут Вену Гопал. Уж он-то должен знать дорогу. Пойдемте к нему.

Вену Гопал сидел в плетеном кресле в тесном дворике своего небольшого коттеджа.

В руках у него был стек, и он целился им куда-то поверх деревьев.

– Бах! – говорил он. – Хорошо, попали. А теперь сюда. – Стек описал дугу, и Вену Гопал снова сказал: – Бах!

Рядом с креслом стояла собачонка с задранным хвостом и с интересом смотрела на Вену Гопала и его стек.

– Что стоишь? – спросил ее хозяин. – Скучно тебе? Мне тоже. Все лес и лес кругом, а людей мало. Ну, что не отвечаешь?

Собачонка виновато завиляла хвостом. Снова поднялся стек и нацелился в калитку. Вену Гопал раздул щеки, чтобы снова сказать «бах».

– Пощадите, не стреляйте, – сказала я.

Вену Гопал вскочил в замешательстве и пробормотал:

– О мадам! Чем обязан?

– Ладно, ладно, – вышел из-за моей спины Чинмайя, – принимай гостей.

– Так вы же меня спасли, – засуетился лесничий. – Я сижу тут и помираю со скуки. Слушай, Чинмайя, кроме джунглей, ты здесь ничего не найдешь. Даже паршивого кино нет. Мадам, вы можете себе представить такую жизнь?

– А почему и нет?

– О, это что-то новое. Но скажите, откуда вы?

– Из Советского Союза.

– О господи, что же вы стоите? Садитесь. Я сейчас принесу кресла.

Расставляя кресла, он продолжал говорить:

– Когда человеку двадцать три года и его поселяют одного в джунглях, что ему остается делать?

– Бах, – сказала я.

– Вот именно. Но это тоже надоедает.

– Ну теперь скучать не будешь, – резонно заметил Чинмайя. – Надо помочь.

– Вам? – повернулся ко мне Вену Гопал.

– Мне.

– Что надо – посадить на автобус, устроить с жильем, что же надо?

– Ничего такого не надо. Мне необходимо знать дорогу в поселки маласаров и кадаров.

– И я могу с вами пойти? – оживился Вену Гопал.

– Я бы просила об этом.

– Послушайте, я же знаю здесь все тропинки и дороги. Я вам покажу, как ловят слонов, как охотятся на тигров, как… – лесничий на секунду остановился.

Чинмайя воспользовался интервалом:

– Ничего такого не надо. Нужны племена. Понимаешь?

– Все понимаю. Все ясно. Теперь давайте пить чай и разговаривать. Проведите этот вечер у меня. Или у вас есть дела?

– Нет, сегодня уже дел нет.

– Ну вот и хорошо. Вы даже не знаете, как я вам рад.

Остаток вечера мы провели у гостеприимного лесничего.

Разговор в основном сводился к тому: ну как там в Тривандраме, а как у вас в Москве и, наконец, а как дела в джунглях? Дела везде были неплохие…

Двойная жизнь Майяна

Черные вершины гор на фоне розового предрассветного неба казались островами, плавающими в молочном туманном море. А когда из-за гор показалось солнце, море стало розовым. Постепенно клочки тумана стали уплывать куда-то за горы-острова. Безбрежный зеленый океан затопил все вокруг, и горы перестали быть плавающими островами. Они прочно стояли в этом зеленом океане леса. Синяя дымка курилась над их вершинами. Деревья и траву покрывала обильная роса, которая быстро высыхала под лучами солнца.

Мы шли по узкой тропинке, вьющейся в зарослях розовых и тамариндовых деревьев. Где-то недалеко проходила дорога, и оттуда доносился звон цепей.

– Слоны идут на работу, – сказал Вену Гопал.

Звон цепей становился все отчетливей, и вдруг я увидела странное зрелище: не менее пятнадцати слонов шли друг за другом по неширокой просеке. Они шли медленно, строго соблюдая интервал, печально опустив крупные головы. Хоботы раскачивались в такт неторопливым шагам.

– Дзинь, дзинь, – гремели цепи, обвивающие их мощные ноги.

– Дзинь, дзинь, – отзывалось где-то в джунглях.

И что-то невыразимо тоскливое и обреченное слышалось в этом звоне. Это была печальная процессия слонов-рабов. С утра до вечера гремят их цепи в джунглях. С восхода до захода, часто без отдыха, валят они гигантские стволы, свозят их в места заготовок, несут на спинах тяжелый груз.

Некоторое время мы шли молча.

– Осторожней, – нарушил молчание лесничий, – здесь у нас ямы для ловли слонов. Попадете – не выберетесь.

В нескольких местах заросли были расчищены, и там, казалось, в беспорядке были набросаны срубленный кустарник, молодые тонкие деревца и трава. Под этим слоем – ямы. Глубина их – метра три-четыре.

– Вот сюда, – сказал Вену Гопал, – и попадают слоны. В основном это происходит ночью. А утром сюда пригоняют уже прирученных слонов. Пойманного слона опутывают веревкой, этой веревкой наши слоны вытягивают его из ямы и затем ведут в лагерь. Там новичков обучают. Если хотите, мы зайдем с вами в слоновий лагерь. Это по пути.

До слоновьего лагеря оставалось две мили. Прямо в джунглях была расчищена большая площадка. Там находились загоны для обученных слонов и большие клетки для новичков. В одной из таких клеток метался молодой черный слон. Он старался снести со своего пути массивные бревна клетки. Стоявший рядом погонщик ударами тяжелой палки отгонял его. На ногах слона были цепи. Он как-то недоуменно тряс ими и трубил. И в этом трубном звуке слышался отчаянный призыв о помощи и тоска неволи. Я никогда не думала, что слон может так выразительно трубить.

К нам подошел погонщик.

– Вот, полюбуйтесь, – сказал он, – поймали его два дня тому назад, а сладу с ним нет. Никого не хочет слушать. Даже Виджайялакшми не подпустил к себе.

– А кто такая Виджайялакшми? – поинтересовалась я.

– Это самая умная и опытная слониха. Она обучила не одного новичка. Когда слон молодой или подросткового возраста, его обучать нетрудно, но со взрослым справиться сложнее. Обычно он снова сбегает в стадо. А вон, посмотрите, идет Чандра – один из лучших наших слонов.

По тропинке медленной поступью шел слон. В его хоботе раскачивалось четырехметровое бревно. Рядом с Чандрой выступал погонщик. Вид у него был гордый и независимый. Седые пряди волос лежали по плечам. Грудь украшала пышная борода. Поверх дхоти болтался не по росту длинный синий сюртук с медными пуговицами.

– Эй, Майян! – крикнул Вену Гопал. – Иди сюда!

Однако на Майяна приглашение Вену Гопала не оказало воздействия. Он продолжал так же гордо и медленно выступать в

своем сюртуке. Он прошел мимо нас с каким-то отрешенным видом, сказал что-то Чандре, тот положил бревно на землю, и только после этого погонщик, сохраняя все тот же достойный вид, не спеша приблизился к нам.

Не обращая внимания на лесничего, Майян почему-то обратился сразу ко мне:

– Здравствуй, амма. Ты к нам пришла первый раз?

– Да.

– Слонов смотреть или людей?

– Людей. Хочу познакомиться с маласарами.

– Я – маласар, – старик ткнул пальцем в медную пуговицу своего сюртука. – Очень старый маласар и очень важный.

Так я познакомилась с Майяном, вождем и главным жрецом маласаров Пирамбикулама. А погонщик слонов? – спросите вы. Да, и погонщик слонов. Странно, не правда ли? Но в жизни бывают вещи куда более странные. Вождь племени и погонщик слонов, получающий ежемесячно семьдесят пять рупий от Лесного департамента и раз в несколько лет форменный сюртук, – одно и то же лицо. Трагедия двойной жизни? Да. И не только у Майяна, а у всего племени маласаров. Современные отношения с их новыми ценностями вторглись в жизнь племени, изломали ее и превратили некогда свободных земледельцев в поденщиков правительственного Лесного департамента, а старого мудрого вождя – в погонщика слонов. Но не так-то легко заставить людей забыть свой уклад жизни, своих предков и богов.

И поэтому, погонщик слонов для других, он остается вож дем и жрецом для своего племени.

Майяну семьдесят лет. Почти полвека он занят на поденной работе в джунглях. Как вождь, он в то же время руководит делами племени. В обязанности Майяна входит разрешение всех споров и соблюдение религиозных церемоний. Споры вождь разрешает с помощью двух стариков. Говорят, Майян всегда очень справедлив. Возможно, в силу этого обстоятельства в руках Майяна оказались и светская и духовная власть.

Правда, считается, что жрецом у маласаров может быть человек, обладающий способностью впадать в транс и прорицать. У Майяна есть и это качество. Пост вождя он получил от своего дяди – брата

матери (наследование власти по женской линии – один из немногих элементов материнского рода, еще сохранившийся у маласаров). После смерти Майяна вождем должен стать его племянник Карапен. Но Карапен в транс впадать не умеет и предсказать ничего путного не может, поэтому жрецом будет Махали. Махали тоже погонщик слонов.

Майян пригласил нас к себе в поселок Чедигам, расположенный по соседству со слоновьим лагерем. В бамбуковой хижине Майяна было чисто и светло. Около очага стряпала его жена. В первой небольшой комнате, отгороженной от основ ной легкой бамбуковой перегородкой, располагались две суфы: одна бамбуковая, другая земляная. Мы сели на бамбуковую. Майян засуетился, сбросил свой форменный сюртук и куда-то исчез.

И вдруг мы увидели другого Майяна. От погонщика слонов остался только сюртук, валявшийся на суфе. Превращение было неожиданным и чудесным. Перед нами теперь стоял настоящий вождь и жрец. И то прежнее выражение глаз старика, которое так не вязалось с нелепым синим сюртуком, сейчас вполне соответствовало его одеянию. Майян был обнажен по пояс, набедренная повязка спускалась до колен, длинные волосы и борода были аккуратно расчесаны, на груди висели крупные четки. В руках он держал медный поднос, на котором лежал колокольчик с вычурной ручкой. Из-за спины вождя выглядывал темнокожий парень с барабаном.

– Вот, – пояснил Майян, – в этот барабан бьют, когда совершаются наши церемонии. А это, – он показал на поднос, – для молитвы. Идемте, я покажу вам храм. Каждый год мы собираем на этот храм пятьсот рупий. В нем живет наша главная богиня Аммаруппу. И у меня здесь тоже есть богиня.

– Покажите, Майян, вашу богиню, – попросила я.

– Вот здесь, – сказал вождь.

Я вошла в полутемный закуток, где на земляном полу лежали медные кувшинчики, стаканы, блюдца. В углу к бамбуковой стене была прислонена серебряная индусская икона. На иконе были изображены Шива и Парвати.

– Вот наша богиня, – показал на Парвати Майян.

С этим всепоглощающим влиянием индуизма на племенную религию я сталкивалась не раз. Индуизм начинает подчинять себе племя, как только оно входит в контакт с внешним миром. Это,

очевидно, объясняется тем, что между племенной религией и индуизмом в его примитивных формах не существует особых противоречий. Тем более это ощущается в племенах, где сохранились элементы материнского рода и в укладе жизни, и в религии. Дело в том, что сам индуизм до сих пор испытывает значительное влияние прежних, матриархальных отношений. Часть индусов еще и поныне признает верховенство матери-богини, а не бога. Поэтому племена, где религия уже достигла стадии «идолопоклонства», естественно и быстро попадают под влияние примитивных форм индуизма. Индусские божества принимаются за собственных богов. Племенные храмы очень мало отличаются от деревенских индусских. Правда, степени этого влияния бывают различными. У одних племен это пока внешнее заимствование индусских идолов, подражание внешним обрядам индуизма, как, например, у маласаров. У других уже можно найти проникновение индуистских идей в концепцию примитивного миропонимания. Храм, который показал нам Майян, был простой бамбуковой хижиной, крытой пальмовыми листьями. На земляном возвышении стояли три вертикальных черных камня.

– Это Аммаруппу. – И Майян показал на средний, самый высокий камень. На камне были чуть намечены лицо и женская грудь. Рядом стояли глиняные изображения индусских богов, священных коров и фигурки людей.

– Аммаруппу сделали сами маласары, – объяснил вождь, – а вот этих богов мы достали в долине.

Видимо, племенные и индусские боги очень мирно уживались в храме племени маласаров. В этом же храме маласары поклоняются и духам предков. Глиняные фигуры людей, правда не совсем точно, изображали давно ушедших из жизни, но сохранившихся в памяти народа прародителей племени.

Святилище храма я осматривала с порога: Майян объяснил мне, что, кроме него, в храм никто входить не должен.

Вдруг Майян засуетился.

– Надо кормить Чандру Да и в лес ему пора. Там, должно быть, уже нарубили много больших деревьев.

Жрец-вождь исчез так же неожиданно, как и появился. Снова синий сюртук с медными пуговицами превратил Майяна в простого погонщика слонов. И только взгляд остался прежним. Взгляд, полный

независимого достоинства. Как и подобает вождю и верховному жрецу…

Короли или бродяги?

Название племени – маласары – можно перевести по-разному: в одном случае – короли, или хозяева гор, в другом – бродяги. И та и другая интерпретация, как ни странно, соответствует судьбе племени. Когда-то маласары действительно были королями гор и хозяевами своей земли.

Затем их согнали с принадлежащей им территории. Они брели из одного района в другой в поисках пристанища, и постепенно короли превращались в бродяг. Боги джунглей, которых маласары считали своими прародителями, не были в состоянии помочь им. Они не могли отстоять земли племени от посягательств феодальных правителей и колониальных властей. Боги остались на своих местах, а люди ушли, и бесконечные скитания стали их уделом. Племя бежало от воинов императоров династии Чола, изгонялось местными раджами, переселялось с плодородных земель в глухие джунгли английскими властями. И теперь маласары Пирамбикулама вновь ждут очередного переселения. Когда окончится строительство малой дамбы Пирамбикуламской гидросистемы, их район окажется под водой. Где теперь обретут маласары пристанище и надолго ли – никто из них не знает…

Шесть тысяч человек – это все, что осталось от некогда многочисленного племени. Отобранные у них земли маласары так никогда и не получили обратно, и подсечное земледелие, которым они когда-то занимались, теперь почти забыто. Среди маласаров можно по пальцам пересчитать тех, кто имеет еще крохотные земельные наделы. Подавляющее большинство людей в племени, включая и вождей, и жрецов, давно превратилось в поденщиков, занятых на окрестных плантациях и в Лесном департаменте. Они трудятся с утра до вечера на сборе чая и кофе, эксплуатируются многочисленными контракторами, ведающими сбором лесной продукции: меда, воска, ценных видов тростника. Прекрасное знание джунглей и еще не исчезнувшие традиции собирательства делают маласаров незаменимыми для Лесного департамента. Но зарплата, которую они

получают, всегда очень низка и не обеспечивает им прожиточного минимума. Пожалуй, только маласары с их богатым опытом лесного племени могут безошибочно определить качество древесины, найти нужные заросли строительного бамбука. Своим умением обращаться со слонами и обучать их маласары намного превосходят любые другие группы населения Кералы. Превращенные почти полностью в наемных рабочих, маласары под воздействием чуждых им социально-экономических отношений утратили свою родовую организацию, потеряли связи между различными группами племени. Сохранились только некоторые традиции и обычаи этой родовой организации. Однако и они под влиянием внешнего мира претерпели ряд изменений. Собственность уже не передается по женской линии. Она принадлежит детям, а не племянникам. Правда, здесь еще не вошла в силу система полного патриархального наследования и собственность делится поровну между детьми – и дочерьми и сыновьями.

Местные феодалы бесцеремонно вмешиваются в дела племени. В период существования княжеств они нередко сами назначали старейшин отдельных селений маласаров. Потом эта должность до следующего каприза раджи становилась наследственной. Старейшина является главным лицом в разрешении всех споров. Споры бывают разные. Но больше всего споров из-за женщин. Совсем недавно Майян вступил в конфликт со своей дочерью. Дочь Майяна – высокая молодая женщина с таким же выражением независимого достоинства в глазах, как и у отца. Майян приискал ей жениха. Но дочь любила другого юношу и предпочитала выйти замуж за него. Ни уговоры, ни увещевания не помогали, и Майян собрал совет старейшин в храме. Один из старейшин сказал:

– Майян не прав. Мы не можем неволить девушку. Пусть идет замуж за того, кого любит.

Остальные согласились с ним. Майян пробовал возражать.

– В долине, – заметил он, – родители выбирают жениха для дочери.

– Но наши предки так не делали, – заявили старейшины. – У нас свои законы.

Конфликт был разрешен в пользу дочери Майяна.

Нередко возникают споры из-за детей. Ребятишки маласаров – народ живой и боевой. Очень часто между ними возникают драки. Но

к детям у маласаров относятся как к равным. Поэтому драчуны предстают перед самим вождем, и он решает, кто прав, кто виноват.

При вожде существует своеобразная полиция, которую набирают из волонтеров. В Чедигаме ее возглавляет Карапен. Это долговязый парень с вышибленными передними зубами (видимо, была производственная травма). Блюстители порядка вооружены тяжелыми полуметровыми палками. Они устанавливают порядок во время празднеств и церемоний, по решению вождя и совета старейшин наказывают провинившихся, следят за выполнением распоряжений Майяна.

В селении Чедигам живет сорок семей, насчитывающих около ста пятидесяти человек. В поселке чисто, легкие бамбуковые хижины окружены тщательно выметенными двориками. Дворы отделяются друг от друга бамбуковыми изгородями. В изгородях сделаны аккуратные воротца и калитки. Такими же изгородями огорожены маленькие участки огородов, разбитых возле хижин. В поселке растут банановые деревья и папайя. Плоды папайи срывают с помощью длинных палок. Тут же бродит немногочисленная живность маласаров: козы, свиньи, куры. Маласары не вегетарианцы. Мясо иногда идет в качестве приправы к рису и овощам.

В хижинах земляные полы. В небольшом углублении в полу помещается открытый очаг. В некоторых хижинах – бамбуковые перегородки, отделяющие подсобные помещения от основного. Мебели нет никакой. Циновки заменяют и кровати, и стулья, и столы. Нехитрая кухонная утварь – глиняные и медные горшки, бамбуковые сосуды, ложки, сделанные из скорлупы кокосовых орехов, – короткие бамбуковые трубки для раздувания огня в очаге размещаются тут же на полу.

Одежда маласаров почти не отличается от одежды индусского населения Кералы. Только этой одежды у них очень мало. Все, что есть, надето на них. Одежда и еда – это то, что всегда заботит маласаров, но им не всегда удается их достать.

Сохранившиеся кое-где элементы материнского рода самым тесным образом переплетаются с нахлынувшими из долины в селения маласаров патриархальными отношениями. Когда-то среди маласаров бытовала одна из ранних форм брака – полиандрия, или многомужество. Затем местные власти запретили полиандрию, но ее

традиции сохранились в наиболее глухих селениях маласаров. На смену полиандрии пришла иная форма – полигамия, или многоженство. Полигамия почему-то не волнует законников и блюстителей нравственности из долины. У маласаров разрешается иметь две-три жены. Официальная брачная церемония соблюдается только с первой женой. Остальные жены находятся в состоянии «гражданского брака». У начальника полиции Карапена – две жены. Одна из них, по его мнению, законная, а другая просто любовница. Для того чтобы мужчина мог взять к себе в дом еще одну женщину, он должен получить разрешение на это от законной жены. Нередко вопрос о браке решается родителями, когда будущие жених и невеста еще дети. Но такого рода патриархальный обычай еще не привился в племени, и поэтому взрослым детям предоставляется право самим решать вопрос окончательно. Здесь пока еще нет никаких форм родительского принуждения.

Если парень женится, он должен уплатить отцу невесты твердую сумму в тридцать семь с половиной рупий, купить для невесты сари и, если позволяет бюджет, кое-какие украшения. После свадьбы жена идет в дом к мужу. Только старики еще помнят те времена, когда муж жил в доме жены.

Что касается развода, то женщина пока продолжает сохранять свои привилегии. Жена может покинуть своего мужа, если она этого захочет. Как правило, вопрос о разводе в Чедигаме решает сам Майян со старейшинами. Официальным поводом для развода может быть измена мужа или жены. Если муж не внес положенные за жену тридцать семь с половиной рупий ее родителям, это тоже служит причиной развода. Есть и другие причины, и они всякий раз учитываются, если женщина обращается к вождю или старейшинам. Разведенная женщина может всегда снова выйти замуж. Так, сестра Карапена потребовала развода у своего мужа Айяпена: у Айяпена был тяжелый и подозрительный характер. Через два месяца после развода она снова вышла замуж.

Жизнь женщины в основном проходит в пределах собственного селения и в стенах своей хижины. Весь день она занята нехитрым хозяйством, смотрит за детьми, возится на небольшом огородике, ухаживает за козами, свиньями и курами. Мир мужчины гораздо шире. Занятый на лесных разработках, на плантациях, он находится в

повседневном контакте с внешним миром. И эти контакты приносят с собой чуждые влияния, которые постепенно стирают племенные обычаи и традиции, заставляют маласаров забывать историю собственного племени, его предания и легенды.

Маласары пока еще придерживаются своих древних обычаев погребения. Умерших они хоронят. Говорят, что еще в некоторых местах остался очень давний обычай хоронить покойника в сидячем положении. Могилы в этом случае имеют циклическую форму, свойственную мегалитической культуре.

Мы подружились с Майяном. В разговорах старик часто вздыхал:

– Что осталось от племени? От законов предков, от памяти о них? Мы были когда-то королями и хозяевами гор, теперь мы бродяги. Бродяги, не помнящие ни своего рода, ни своих богов. А что нас ждет в будущем? Амма, – обычно обращался он ко мне, – ты можешь сказать, что будет потом?

Я не могла сказать, что будет потом.

– Не знаешь… – снова вздыхал Майян. – Я тоже не знаю. Кто же знает?

Действительно, кто же знает? Кто ответит Майяну и всему племени, каков их удел «потом»?

Потерянный рай племени кадаров

Это было очень давно. Так давно, что еще не было людей на земле. Повсюду простирались леса и высились горы. И запах дыма костра еще не примешался к аромату девственных джунглей. И не было в джунглях тропинок, потому что некому было их протаптывать. Никто не срывал вкусных плодов с деревьев, только разноцветные птицы клевали их. Звери ходили везде – их не пугал грохот барабанов.

На запад от джунглей и гор простирался великий океан. Он был так огромен, что его нельзя было переплыть, и никто не видел берегов этого океана. Каждый день и каждую ночь над миром сияли солнце и луна – боги, создавшие все вокруг. Они же однажды и сотворили первых людей-полубогов. Его звали Малавай, а ее Маланкуратти. Они появились из горы Карималаи, что значит «черная гора». Она называлась так потому, что ее вершина всегда была затянута черными тучами. На северном склоне Карималаи зияли две глубокие пещеры. В

этих пещерах и появились однажды Малавай и Маланкуратти. Они были нагими и еще ничего не умели делать (пещеры назывались Карожи Пуралара, что значит «место, где были рождены нагие»). Они долго жили в пещерах, а потом у них родилась дочь Аттувачери амма – Великая мать. Ее дух до сих пор обитает в ветвях огромного баньяна, который растет на берегу реки около Манджакутти, на восточной границе Кочина. Но однажды случилась беда. Боги разгневались на Малавая и Маланкуратти, и те не знали, за что. Все небо покрылось черными тучами, и они не увидели больше своих богов. Ураган бушевал в джунглях, и гигантские старые деревья падали, как травинки. Горы глухо ворчали, подземные толчки сотрясали землю. Океан поднялся, и его воды преодолели горы и затопили джунгли. Когда вода стала заливать пещеры, Малавай и Маланкуратти покинули их. Они сидели продрогшие и иззябшие на вершине Карималаи много ночей и много дней. Но наконец гнев богов утих. Небо расчистилось, и снова появились солнце и луна. Вода постепенно спала, и океан вошел в берега. Малавай и Маланкуратти больше не вернулись в свои пещеры. Они ушли жить в лес. Там они встретили дух черного старика Кариамупана, который дал им одежду, научил многим полезным вещам и посоветовал создать первых кадаров. Малавай, Маланкуратти и Аттувачери амма стали прародителями первых кадаров, лесных людей с темной кожей, с широкими носами, толстыми губами и курчавыми волосами. Кадары стали поклоняться богам своих прародителей. И до сих пор кадары молятся восходящему солнцу. Малавай и Маланкуратти научили первых кадаров делать одежду, добывать огонь и варить пищу. Мир, в котором появились первые кадары, был прекрасен и обилен. Земли было много, и кадары строили свои хижины там, где хотели. На деревьях в джунглях росли сочные и сладкие, как мед, фрукты. Они висели так низко, что стоило только протянуть руку, чтобы сорвать их. Фрукты были почти на каждом дереве, и не надо было далеко ходить за ними. Сорванные сегодня, они снова появлялись завтра в еще большем количестве.

В лесу жили огромные черные обезьяны. Их нежное и вкусное мясо очень нравилось кадарам. И не нужно было утруждать себя охотой на этих обезьян. У них были очень длинные хвосты, которые свешивались с деревьев, – кадары легко ловили их за эти хвосты. В джунглях росли кокосовые пальмы – прохладный сок их орехов утолял

жажду, а ядро таяло во рту. В те времена не надо было карабкаться по высоким стволам кокосовых пальм. Когда люди подходили к ним, пальмы наклоняли свои гордые кроны и отдавали гроздья орехов. Никто никому не завидовал и не говорил «это мое». Людям хватало всего, и они жили беззаботно и счастливо. Так шел год за годом, век за веком.

Кадары были многочисленным и веселым племенем. Каждую лунную ночь они, не уставшие от дневных работ и забот, пели и танцевали вокруг своих костров. Но однажды случилось непредвиденное. Дочь вождя кадаров подошла к кокосовой пальме, желая сорвать орех. Но она в этот день была нечистой[6], и пальма не поклонилась ей. А после и остальные пальмы перестали кланяться и отдавать свои орехи. Теперь тот, кто хотел получить орех, должен был карабкаться по длинному гладкому стволу наверх. Это было трудно, но кадары не роптали и быстро освоились с таким искусством. Потом стали исчезать фрукты из джунглей, а те, которые остались, были далеко от селений кадаров и за ними надо было идти. Кадары начали ходить за фруктами, и сеть тропинок покрыла джунгли. Потом по этим тропинкам пошли охотники, потому что черные обезьяны стали меньше и их хвосты значительно укоротились. Их можно было достать только с помощью лука и стрел. Охота не всегда была удачной, и теперь кадары не могли есть мясо черных обезьян каждый день. Люди, утомленные дневным трудом, быстро засыпали; все реже звучали песни лунными ночами, все меньше становилось танцоров. Между людьми начались распри и споры. Жрецы племени ходили к священному баньяну советоваться с Великой матерью. Но и она не могла помочь кадарам. Тогда кадары стали взывать к богу о помощи. Бог сказал: «Я дам вам денег. Приходите, я насыплю вам полные пригоршни монет».

Бог давал деньги не только кадарам, но и другим племенам. Но кадары так хотели получить эти деньги и снова стать счастливыми, что не замечали деревьев на своем пути. Они подставляли пригоршни, соединив две ладони, а между руками оказывались деревья. Бог насыпал им полные пригоршни монет, но, когда они разъединяли ладони, чтобы отойти от деревьев, все монеты сыпались на землю в густую траву и кустарник. Кадары стали ползать в траве, но ничего не находили. Тогда они решили, что монеты провалились под землю. Они

взяли заостренные палки и начали копать. Монет снова не было. Но зато кадары откопали много съедобных и вкусных кореньев. С тех пор к охоте прибавилось собирательство. Кроме кореньев кадары нашли в лесу кардамон, перец, мед. Чтобы легче было выкапывать коренья, кадары прикрепили к палке заостренный камень, а потом железный наконечник. И они снова были счастливы. Съедобных кореньев и всего того, что они находили в лесу, хватало на всех. Кадары собирали столько, сколько им надо было самим. Они не обменивали лесные продукты и не продавали их. Они сами делали себе одежду из коры, лыка и листьев. Сами строили свои бамбуковые хижины и ни в чем не нуждались.

А потом настали такие тяжелые времена, что ни боги, ни Малавай и Маланкуратти не могли уже помочь кадарам. В джунглях появились люди из нижней долины. Кадары не знали, кто их создал, но эти люди сказали, что все здесь, в джунглях, принадлежит не кадарам, а неизвестному им махарадже Кочина. Эти люди называли себя лесной охраной и контракторами. Лесная охрана распоряжалась во владениях кадаров, как в своих собственных, а контракторы заявили, что отныне лесные продукты должны поступать в их ведение. Они заставляли кадаров собирать теперь больше, чем они собирали до этого. Они отбирали у них перец, кардамон, мед, ценные сорта тростника. Они отбирали у них даже то, что было необходимо для поддержания существования самих кадаров. Взамен контракторы давали им немного серебряных и медных монет. Сначала кадары не знали, что с ними делать. Но потом пришли торговцы и стали давать за монетки куски ярких тканей, пьянящую араку и затемняющий сознание опиум. Иногда они давали все это кадарам и без монеток, но тогда надо было расплачиваться кардамоном, съедобными кореньями, медом. Через некоторое время в джунгли пришли рабочие и стали рубить деревья. Они проложили две стальные полосы, и по ним неведомо с чьей помощью стали ходить крошечные вагончики, которые увозили то, что было добыто кадарами. Арака туманила мозги даже самым благоразумным мужчинам, и контракторы их обманывали.

В этом мире изобилия все меньше и меньше оставалось места для племени. Людей выгоняли с насиженных земель и на этих землях создавали тиковые плантации. В поисках съедобных кореньев кадарам приходилось проделывать далекий и тяжелый путь. Некогда сильные и

энергичные люди стали слабеть от недоедания. Женщины не были в состоянии рожать здоровых детей, дети умирали через два-три дня после появления на свет. В племени появились неизвестные до этого болезни.

Кадары, как и маласары, стали превращаться в бесправных, полунищих поденщиков Лесного департамента, в поденщиков-собирателей. Древний рай предков был безвозвратно и окончательно потерян. Боги утратили свою силу, вожди – мудрость. Новые хозяева, пришедшие из чужой, незнакомой жизни, по-своему распорядились судьбой племени.

Мы отправляемся к кадарам

– Знаете чт о, – сказал мне Ве ну Г опал, – двадцать миль пешком до К удияркотти – это сплош ная потеря времени, которого у вас и так немного. Мы попадем в поселок в лучшем случае к вечеру. Давайте попытаемся достать джип.

– Хорошо, – ответила я. – Но пройдет ли джип через тот участок джунглей?

Лесничий задумался.

– Настоящей дороги там нет, – неуверенно начал он, – это просто широкая тропа. Очень неровная, повсюду кустарник, корни деревьев, но проехать можно.

На следующее утро сияющий Вену Гопал пригнал джип главного инженера Пирамбикуламской плотины. Джип вел себя подозрительно с самого начала. Он не хотел заводиться. Оказавшиеся поблизости два парня помогли сдвинуть машину. В моторе что-то заурчало и зарокотало. Джип тронулся с места. Но посреди рабочего поселка он снова стал, и опять мы взывали к помощи и сочувствию местного населения. Асфальтированный участок пути мы проехали более или менее благополучно. Правда, на каждом крутом повороте мы рисковали выпасть из машины и измерить собственными телами округлость земли на склоне, поросшем жестким кустарником. Но это было бы не смертельно.

Мы добрались до строительства Малой дамбы, а там начиналась знаменитая «широкая тропа». Вначале тропы джип внезапно остановился и взбрыкнул задними колесами, а мы сделали, к счастью,

не совсем успешную попытку пробить собственными лбами ветровое стекло.

– Давайте поднимем стекло до отказа, – сказал Вену Гопал, потирая ушибленное место, – и тогда, если такое случится, мы проскочим в раму.

Перспектива «проскочить в раму» меня не совсем устраивала, но все-таки это было лучше, чем врезаться в осколки ветрового стекла. Джип так же внезапно, как и стал, сорвался с места и пьяными зигзагами устремился вперед по тропе. Под его колесами гибли придорожные кусты, деревья со стоном и скрипом цеплялись за кузов машины, ветви «проскакивали в раму» и хлестали по нашим лицам. Вену Гопал вцепился в руль, который упрямо норовил выскользнуть из его рук.

– Ну нет, – приговаривал шофер-любитель, – это не удастся. Мы даже не остановимся. Уж лучше так ехать, чем стоять. Правильно?

– Правильно, – согласилась я. – Всегда лучше ехать, чем стоять.

В это время джип подскочил вверх. Во рту стало больно и неприятно: я прикусила себе язык. Норовистый прыжок не прошел даром и джипу. Мотор заглох, и мы снова остановились. Лесные курочки, вынырнувшие из кустов, с любопытством уставились на нас.

– Давайте я вас сменю, – наконец решилась я.

– Пожалуйста. Я передохну пока. – И Вену Гопал развел пыль по вспотевшему лицу.

Я села за руль, но мотор опять не заводился. Мы начали по очереди нажимать на все кнопки и дергать за все рычаги. Вдруг джип сорвался с места, однако пошел задним ходом.

– Ура, едем! – закричал Вену Гопал. – Только не останавливайтесь! Разворачивайтесь!

Легко сказать, разворачивайтесь. Руль на колдобинах и корнях вырывается из рук. Шея, повернутая назад, начинает нестерпимо болеть. И я вижу, как неумолимо надвигается на нас тамариндовое дерево, стоящее совсем в стороне от тропы. Наконец удается благополучно проскочить дерево, но развернуться негде. Я начинаю подозревать, что мы сейчас задним ходом снова выскочим к Малой дамбе и рухнем в котлован.

– Разворачивайтесь! – снова кричит Вену Гопал. – Давайте прямо по кустам!

Мне удается развернуться. Теперь мы едем вперед, но все тем же задним ходом. В моторе что-то начинает угрожающе выть и стонать.

– Сейчас взорвемся. – Вену Гопал переходит на свистящий шепот.

– Лучше стоять, чем взрываться, – отвечаю я таким же шепотом.

– Да, лучше… – Но Вену Гопал не успевает кончить: непослушный джип на всем ходу врезается в огромную кучу помета, оставленного диким слоном. В нас летят увесистые куски навоза, и мы только беспомощно прикрываем головы руками. И снова стоим. – Я уже отдохнул, – уныло вздыхает Вену Гопал и старается белоснежным платком стряхнуть слоновий навоз с чистого отутюженного костюма.

Мы с трудом восстанавливаем нормальный ход машины и так же, зигзагами выезжаем на берег горной реки.

– Теперь, – говорит лесничий, – главное – не застрять в реке.

Он жмет на газ. Джип, подняв фонтан брызг, врывается в реку, и там, на самой середине, его мотор безнадежно замолкает. Быстрое течение начинает сносить джип к невысокому порогу. Мы прыгаем в ледяную воду, втаскиваем в реку валяющееся на берегу бревно, укрепляем его камнями и преграждаем джипу путь к порогу. Мокрые, измазанные пылью и навозом, мы садимся на один из камней и с молчаливой тоской смотрим на джип.

В джунглях прохладно, солнечный свет зайчиками прыгает по колышущимся листьям деревьев, поскрипывает прибрежная бамбуковая роща, журчит на камнях река, посвистывая перекликаются птицы. А мы все сидим.

– Хоть бы шофер какой-нибудь попался, – вздыхает Вену Гопал. – Всего пять миль осталось. Можно было бы дойти пешком. Но ведь джип в реке не оставишь. Того и гляди снесет. А джип ведь главного инженера!..

– Так и до вечера можно просидеть…

– Вполне возможно. И даже ночевать, может быть, придется. Дорога глухая, по ней редко кто ездит. Интересно, а спички у вас есть?

Я нахожу спички, но они отсырели. Мы осторожно раскладываем по спичечке на прибрежных камнях. Теперь у нас есть занятие. Мы смотрим, как сохнут спички.

Вдруг откуда-то из-за реки сначала неясно, а потом все более и более отчетливо доносится шум мотора. Мы вскакиваем, как робинзоны при виде паруса, и устремляемся вверх по тропе. Там есть

поворот, и машина может уйти, не заметив нас. Мы достигаем поворота и начинаем истошно кричать. Наконец на тропе показывается джип, такой же видавший виды, как и наш. Шофер за рулем скалит ослепительно-белые зубы.

– Что случилось?

– Надо переехать реку.

Шофер цепляет буксирный трос к нашей машине и рывком вытаскивает ее на противоположный берег.

– А завести ее сможете? – просительно говорит Вену Гопал.

– Отчего же нет? – Шофер садится за руль нашей машины, и через несколько минут мотор начинает работать.

– А может быть, вы нас отвезете в Кудияркотти? – с надеждой спрашивает лесничий.

– Нет. Не могу. Это машина контрактора Абрахамса, и он велел приехать к нему сейчас же. Ну, счастливо!

Машина скрывается за поворотом. Мы обреченно впихиваемся в джип.

До Кудияркотти мы больше не останавливаемся. Но и в самом Кудияркотти мы не останавливаемся. Джип выносится на небольшую площадь селения, делает круг, почти разваливает стоящую на углу площади бамбуковую хижину и начинает делать следующий заход. Кадары, заподозрившие неладное, бросаются от нас врассыпную.

– Я не могу остановить, – зловещим шепотом произносит Вену Гопал.

Я пытаюсь помочь ему, но из этого ничего не выходит. Когда мы делаем пятый круг, лесничий не выдерживает и отчаянно срывающимся голосом кричит:

– Остановите нас!

Сначала его не понимают. Но потом два парня бросаются к хижинам и появляются оттуда с бревном. Они укладывают его на пути сбесившегося джипа. Когда передние колеса его упираются в бревно, он останавливается как вкопанный, и тут мы «проскакиваем в раму».

Кадары ошалело смотрят на нас, мы – на них. Однако мы первые приходим в себя.

– Здравствуйте, – говорим мы вежливо и с достоинством.

– Здравствуйте, – удивленно-растерянно отвечают кадары.

«Люди джунглей»

Когда-то вокруг поселка Кудияркотти были густые джунгли. В поселке стояли удобные бамбуковые хижины. Хижины и джунгли принадлежали кадарам, или людям джунглей, как они называли себя сами. Племя отличалось от соседних племен ярко выраженными негроидными чертами.

Теперь джунгли отступили от Кудияркотти, и по склонам гор, окружающих поселок, расположились тиковые плантации. Бамбуковые хижины тоже почти исчезли. Вместо них правительство выстроило каменные дома под красными черепичными крышами. Каждый дом на две семьи. В Кудияркотти четырнадцать домов и двадцать восемь семей в них. Неподалеку от поселка располагаются начальная школа и больница. В каждой половине домика-коттеджа – небольшая комната и кухня. Пол земляной, мебели нет, и повсюду разбросаны циновки. В кухне на полу очаг для приготовления пищи, в комнате – очаг-костер для обогрева в холодные ночи. Кудияркотти расположен выше Пирамбикулама, поэтому здесь значительно холоднее. В домах нет потолочных перекрытий. Крыша изнутри вся закопчена, так же как и стены. Дымохода нет. Если в бамбуковой хижине дым очага и костра быстро вытягивается через крышу, то в таких домах он медленно выходит через окна и двери, и поэтому в них всегда много дыма.

Посреди поселка на циновках сушатся плоские красные стрючки.

– Что это? – спрашиваю я.

– Это плоды мыльного дерева, – отвечают мне. – Мы их сушим, а затем делаем из них мыльный порошок.

– А где растет мыльное дерево?

– В джунглях. Мы ходим очень далеко, чтобы собрать эти плоды.

Собирательство – основное занятие кадаров. Они приносят из джунглей и с гор кардамон, съедобные коренья, мед, воск, лекарственные травы.

Когда-то кадары славились изготовлением бамбуковых гребешков. Они их делали очень искусно, украшая своеобразным тонким орнаментом. В Кудияркотти мне с большим трудом удалось отыскать только один такой гребень. Большинство кадаров теперь пользуется

дешевыми фабричными гребешками, которые они покупают у бродячих торговцев. Старинное искусство и ремесло умирают на глазах, и спасти их невозможно.

Так же безвозвратно исчезают обычаи и традиции, связанные с господствовавшим ранее материнским родом. Еще лет двадцать назад самой распространенной формой брака была полиандрия матриархального типа. Мужья не были связаны между собой родственными отношениями. Официально брачная церемония соблюдалась только с первым мужем. Остальные мужья выбирались женщиной соответственно ее вкусу и желаниям. Теперь случаи полиандрии чрезвычайно редки. На смену полиандрии приходят полигамия и моногамия. Правда, древние традиции все еще продолжают влиять на образ жизни племени. Так, женщина, и особенно мать, пользуется в племени уважением. Женщина занимает очень важные позиции в семье, и нередко за ней остается решающее слово. Как правило, мнение женщин учитывается в совете поселка, а что касается дел матримониальных, то здесь обычно последнее слово тоже принадлежит женщине-матери. Официальной платы за невесту у кадаров не существует. Жених обязан подарить невесте сари. Если у него нет денег, он обычно отрабатывает определенное время на родителей невесты. Брачная церемония когда-то сопровождалась веселыми песнями и танцами, теперь этот обычай не всегда соблюдается. Важный момент в свадебной церемонии – завязывание тали на шее невесты. Много лет назад этот обряд выполняла мать жениха – так, видимо, подчеркивалось главенство матери для будущей семьи. Сейчас это делает сам жених.

Как и в любом матриархальном племени, у кадаров существовали времена, когда молодожены отправлялись жить в дом жены. Обычай этот постепенно исчезал, и остались только переходные к патриархальному браку его элементы. После замужества женщина десять дней живет в доме мужа, затем муж – десять дней в доме ее матери. Потом нередко через определенные промежутки времени супружеская пара кочует из одного дома в другой. В зависимости от того, чья семья окажется сильнее, они находят постоянное пристанище. Но определенных законов и предписаний на этот счет не существует. В этом случае традиции материнского рода оказались уже

утраченными, а нарождающиеся патриархальные отношения еще не вылились в нерушимые правила и каноны.

Иногда «кочевой» образ жизни супругов бывает связан не только с традициями, но и с материальным положением родительских семей. Так, однажды в Кудияркотти возник интересный конфликт. Только что поженившаяся пара никак не могла найти себе пристанища. Муж не мог взять к себе жену, потому что его семья была так бедна, что не могла прокормить невестку, а в семье жены не могли прокормить зятя. Своих средств к существованию у молодоженов не было. На помощь был призван вождь поселка Налабула. Он долго решал вопрос, «как прокормить зятя и невестку», но так ничего и не смог придумать. Через несколько дней молодой муж нанялся на плантацию и забрал с собой жену.

У кадаров еще сохранилось право женщины на развод, однако ее свобода становится все более ограниченной. Вопрос о разводе она уже не может решить сама, последнее слово остается за ее родителями. Но поскольку матери оказывают решающее влияние, конфликт, как правило, разрешается в пользу женщины. Если же жена изменяет своему мужу, ее могут наказать за это только собственные родители, но не муж. После развода женщина может выйти замуж вновь.

Дети, мальчики и девочки, имеют равные права на собственность родителей.

«Людей джунглей» в Керале осталось немного – всего около восьмисот человек. И с этими восьмьюстами кадарами происходят необратимые превращения. Они на глазах ассимилируются более развитым в культурном и экономическом отношении населением Кералы. Их обычаи уступают место обычаям «людей долины», их боги присоединяются к индусскому пантеону богов, а название племени – кадары – все чаще и чаще употребляется в сочетании с кастой. Новая каста кадаров со временем, возможно, пополнит собой статистические данные различных справочников. В графе «занятие» против этой касты появятся слова – сельскохозяйственные рабочие.

Налабула – вождь и жрец

Унего тонкие губы и узкое лицо, так не похожее на негроидные лица его соплеменников. Седые волосы сзади собраны в браминский

узелок. Он говорит, что ему больше семидесяти лет. Его зовут Налабула. Он – вождь и жрец в Кудияркотти. Обязанности Налабулы – разрешение споров в поселке, наблюдение за сбором лесных продуктов и совершение молитвы – пуджи. При вожде полагается быть совету старейшин. Но совета старейшин давно уже не существует, и Налабуле, если к нему обращаются, приходится разрешать споры самому. Но теперь к нему приходят за советами все реже и реже. Молодежь совсем отвернулась от вождя. У нее другие авторитеты. Налабула стар и уже не может работать. Целыми днями он сидит в поселке и смотрит, как женщины готовят еду и возятся с детьми. Он съеживается, когда на площади Кудияркотти появляется Утандан. Утандан одет в рубашку и шорты цвета хаки, на голове лихо заломлена шляпа. Утандан служит в лесной охране и считает себя персоной поважнее старого вождя. Он разговаривает с жителями поселка громко и повелительно – так, как говорят инспекторы

Лесного департамента. Он перенял у них манеру одеваться и манеру говорить. Старик горестно качает головой, когда видит Утандана. Раньше кадары себя так не вели. Каждый вечер Утандан похваляется на площади, что скоро сам будет инспектором, разбогатеет и уедет жить вниз, к «людям долины». Молодежь собирается вокруг охранника, слушает его басни и громко смеется. И никто не обращает внимания на Налабулу, никто не интересуется, как жили предки кадаров. Эти парни мечтают о форме цвета хаки, как у Утандана. Они не хотят слушать рассказы вождя. А Налабула знает очень много сказаний и легенд о предках и богах кадаров. Годами он бережно хранит их в своей слабеющей памяти. Но рассказывать некому. Никто не просит его об этом.

– Вот ты, амма, – медленно говорит Налабула, – пришла из далекой страны и просишь рассказать о наших предках. Много лет меня никто об этом не просил. Разве это тебе интересно?

– Конечно, интересно, – отвечаю я.

– Зачем ты хочешь об этом знать? – Недоброе подозрение вспыхивает в узких глазах старика. – Я знаю, люди приходят из долины, все выспрашивают, а потом все это обращают во вред кадарам. Ты, наверное, тоже такая? Все спрашиваешь и спрашиваешь…

– Да нет, я не такая, – начинаю объяснять я. – Просто я хочу понять, что происходит с кадарами, почему они стали так плохо жить.

– Поймешь, а потом расскажешь инспектору, да?

– Нет, не расскажу.

– Ну смотри, – успокаивается Налабула, – не рассказывай, а то что-нибудь случится. И с тобой случится. Знаешь Черного старика? Он не простит.

Ленивой походкой вразвалочку, поигрывая бамбуковым стеком, к нам подходит Утандан.

– Эй, мупан, – говорит он развязно, – опять за свои сказочки взялся?

– Не твое дело, уходи! – вобрав голову в плечи, отвечает Налабула.

Утандан, смачно сплюнув, отходит.

– Послушался… – удовлетворенно замечает вождь. – Тебя, амма, постеснялся. А то бы тут такое было…

До Налабулы вождем в Кудияркотти был его дядя. Преемником Налабулы должен стать его племянник. Но племянник не хочет быть вождем.

– Кому теперь нужны вожди, – говорит он, – их никто не слушает. Вот Утандан – это да. Ему дают красивую одежду, у него на поясе острый нож. Он сам мне показывал. Он дружит с инспектором. – И парень сплевывает так же, как Утандан.

– Да, – вздыхает мупан, – прошли наши времена и, наверное, никогда не вернутся. Беда настигла племя. Был когда-то сильный вождь для всего племени, теперь его нет. Остались три бесполезных вождя: один в Кудияркотти, один в Тхеккади, один в Пирамбикуле. Даже между собой мы не можем договориться.

Три вождя племени кадаров давно уже не решают практических дел. Этим занимаются Лесной департамент и контракторы. От мупанов ничего не зависит. Для этого теперь надо иметь материальную базу, а у них ее нет. Они так же бедны, как и остальные соплеменники, и так же беспомощны перед чужим безжалостным миром, вторгшимся в жизнь «людей джунглей».

Вожди, связанные между собой родственными отношениями, собираются только по случаю больших праздников или важных церемоний. Последний раз они видели друг друга в прошлом году на погребальной церемонии. Вожди собрали деньги, на которые купили

еду, – ее клали в течение семи дней на листья, чтобы душа умершего не была голодна. Некоторое время спустя эту пищу съели старейшины и вожди. На эти же деньги купили подарки для умершего, и их также положили в могилу. Это были палки для рытья кореньев, нож, глиняный горшок, ложка, сделанная из скорлупы кокосового ореха, и маленький жестяной чайник. Покойника похоронили в отдаленных зарослях.

– Можно посмотреть его могилу? – спросила я Налабулу.

Вождь наклонился ко мне и зашептал:

– Нельзя. Это для нас табу. В том месте бродят души умерших, с ними нельзя встречаться. Мы никогда не ходим на наши могилы. Это закон предков. Еще никто не осмелился его нарушить. Идем, я покажу тебе наш храм.

Мы вышли за поселок и по узенькой тропинке, заросшей кустарником, поднялись на пригорок, а затем спустились вниз к тихому лесному ручью. Там, среди зарослей, была расчищена небольшая площадка, обнесенная простой бамбуковой изгородью. На площадке находилось нечто вроде пьедестала, на котором стоял черный вертикальный камень. Перед камнем рос куст, а вокруг пестрели цветы. Тут же стоял дипак – медный светильник на высокой ножке, а в двух половинках разбитого кокосового ореха курилось какое-то ароматное вещество.

– Вот храм, – сказал жрец. – Здесь я совершаю пуджу. Но храмом тоже мало интересуются. Работы у жреца немного. Поэтому вождь может быть и жрецом. На некоторых кадаров здесь снисходит вдохновение, дух богини вселяется в них, тогда они прыгают, пляшут и говорят вещие слова.

– А это что же? Бог? – показала я на вертикальный камень.

– Нет, богиня. Наша главная богиня Бхадракали. Еще есть бог, Айяпан, но он не такой главный, как богиня.

– Но это же боги долины.

– Нет, это наши боги, – настаивал вождь.

Я не стала спорить. Как и во многих местах, здесь индусские боги приходят на смену племенным или древние боги получают имена богов индуистского пантеона.

Меня заинтересовал браминский узелок мупана. Объяснение, которое я получила, было неожиданным и нелепым.

– Такой узелок носят жрецы в долине, – доверительно сообщил мне Налабула. – Они называются брамины. Я тоже брамин. Высшая каста. Самая высокая в племени кадаров. Выше меня никого нет. Только богиня. Даже Утандан не может равняться со мной, как бы ему этого ни хотелось. Я брамин, а он никто.

А Утандану нет дела до браминов. Он приходит в поселок как хозяин, громко разговаривает, советует, распоряжается. И каждый раз при его появлении вздрагивает старый вождь с браминской косичкой. Голова Налабулы невольно уходит в плечи. Тоска и ненависть светятся в его узких глазах.

Поселок у Черной горы

– Смотри, амма, туда, – говорит Пуннала. – Вон там стоит Карималаи, Черная гора.

Мы сидим с Пунналой на стволе поваленного дерева. Три большие бамбуковые хижины скрываются от постороннего глаза в тамариндовых зарослях. Мимо поселка прямо к строительству дамбы проходит пыльная дорога. По ней время от времени тарахтят грузовики, груженные тиком и бамбуком. За дорогой снова начинаются джунгли, которые карабкаются по склонам Черной горы и тонут в низких облаках на ее вершине. Сырая вечерняя прохлада ползет с горы на дорогу и в поселок. Косые лучи заходящего солнца освещают гору, и я вижу неровный гранитный выступ, лишенный всякой растительности. Пуннала прослеживает мой взгляд и оживляется:

– Да, это то самое место.

– Какое место? – не понимаю я.

– След от стрелы Чулигена.

– И давно это случилось?

– Очень давно. Слушай, амма.

Пуннала усаживается поудобней и, не отрывая взгляда от горы, размеренным тихим голосом начинает:

– Когда-то жили брат и сестра. Карималаи и Кальянати. Вон там, за Черной горой, виднеется еще одна вершина. Это Кальянати. Тогда люди жили иначе, чем сейчас. Женщины могли иметь по нескольку мужей. Когда женщина выходила замуж за первого, была брачная

церемония. А остальные были просто так. – Пуннала замолкает, подыскивая нужное слово.

– Были любовниками, – подсказываю я.

– Ну да. Были просто так, любовниками. И до брачной церемонии у нее могли быть такие мужья-любовники. Но потом она выбирала одного из них для брачной церемонии. И не было тогда ревности между мужчинами. Они жили с одной женщиной в полном согласии. А потом пришли люди раджи Кочина и инспекторы Лесного департамента, и они сказали, что так делать нельзя. Каждая женщина должна иметь только одного мужа, как у тех людей в долине. Они стали следить за женщинами кадаров и, когда видели, что у нее больше чем один муж, наказывали ее. И мужей тоже. И поэтому кадары перестали соблюдать этот обычай.

Десять лет назад в нашем поселке была такая женщина. Она дала приют сразу трем мужьям. И когда инспектор узнал об этом, он стал кричать и грозился наказать эту женщину. От страха и горя она заболела. Никто не мог ее вылечить. Так она и умерла. Мужья очень по ней тосковали, а потом куда-то ушли, и я до сих пор не знаю, где они.

– Ну, а Карималаи и Кальянати, что с ними случилось? – напоминаю я Пуннале.

– Ах да, – спохватывается он. – У Кальянати было два любовника – Чулиген и Палиген. И каждый из них хотел пройти свадебную церемонию с Кальянати. Каждый хотел быть ее первым мужем. Потому что первый муж – это очень почетный человек. Они пришли к Кальянати и спросили: «Кого ты хочешь видеть первым?» Но она сказала, что любит их обоих и пусть они сами решают. Чулиген и Палиген ушли и затаили злобу друг на друга. Как-то однажды завязалось между ними сражение. Чулиген пустил стрелу в Палигена, но Палиген был ловкий и быстрый, он упал на землю, стрела пролетела мимо и попала в плечо Карималаи, брата Кальянати. Вон в то место, – показал Пуннала, – где нет деревьев и камень выступает серой глыбой. Это рана Черной горы от стрелы Чулигена.

Пуннала замолчал.

– Ну, а что было потом? Как решился спор?

– Я больше о них ничего не знаю. Кажется, Кальянати очень рассердилась на обоих за то, что они ранили ее брата. Но чем все кончилось, не помню.

И Пуннала опять стал задумчиво смотреть на вершину горы.

Сзади послышался осторожный треск ветвей. Это Суббарао. Мне так и не удалось выяснить, откуда у него такое некадарское имя. Он все время твердил: «Так меня назвали, и я ничего не знаю». Суббарао – двоюродный брат Пунналы. Он высокий и подвижный, с копной нерасчесанных курчавых волос. Суббарао живет в хижине со своим родным братом. Но в хижине два очага: семья Суббарао и семья его брата ведут нехитрое хозяйство самостоятельно и готовят отдельно. Суббарао подсаживается к нам.

– Я слышал, ты все о горах рассказываешь, – обращается он к Пуннале, – а о людях не хочешь?

– Я и о людях говорил, – оправдывается Пуннала.

– Ты плохо говорил и не то говорил.

– Тогда ты лучше скажи, – обижается Пуннала.

Суббарао посягнул на его авторитет вождя. Пуннала – мупан этого поселка, но у него, как и других жителей поселка, нет ничего, даже земли. Поэтому Пуннала служит в лесной охране и в свободное время занимается сбором в лесу меда, кардамона, кореньев. Суббарао работает на порубке бамбука, где ему платят девяносто рупий в месяц. Он несколько иронически настроен к своему кузену-вождю.

– Теперь в племени нет настоящих вождей, – говорит Суббарао и косится в сторону Пунналы. Тот делает вид, что замечание относится не к нему, и водит бамбуковой щепкой по земле. – Раньше было так: каждые десять семей имели своего вождя, каждый поселок имел своего вождя и был еще главный вождь племени. Тогда поселки были большие, не такие, как наш – всего четыре дома. Три года назад и наш поселок был большим. А потом пришел инспектор и сказал: «Уходите отсюда. Мы будет здесь рубить лес». Нас несколько братьев, мы пришли сюда, а другие разбрелись по разным местам. А теперь нам снова говорят: «Уходите отсюда, здесь будет вода». Что же нам теперь делать – у нас сейчас даже главного вождя нет. А раньше его признавал сам раджа Кочина.

И Суббарао рассказывает о том, что вождь кадаров был вассалом раджи Кочина. Часть денег, вырученных кадарами от продажи лесной продукции, шла радже.

– А когда не было денег, – спросила я, – что вы делали с лесными продуктами?

– Тогда мы их обменивали на рис, посуду, одежду. Мы были хозяевами леса, и все принадлежало нам. Но контракторы и инспекторы Лесного департамента испортили нам жизнь.

Суббарао бессильно сжимает кулаки и замолкает. Молчит и Пуннала. Становится темно, и бамбуковые хижины время от времени освещаются фарами проходящих грузовиков. Заросли стараются укрыть хижины от этого яркого режущего света, ветви деревьев стремятся не пропустить придорожную пыль. Но это последние усилия. Дни поселка у Черной горы сочтены. И джунгли уже больше не смогут защитить своих людей…

Страна «коротких»

От Пирамбикулама до Читтура – 61 миля
От Читтура до Палаккада – 9 миль
От Палаккада до Агали – 40 миль

Горная долина Аттаппади почти правильным четырехугольником втиснулась между юго-восточными отрогами Западных Гхат и горами Нилгири. Угрюмые гранитные пики господствуют над долиной. Самый высокий из них – Малаишвара, пик Великого бога мудугаров. Вершина его окутана облаками, а в предвечерние часы она становится кроваво-красной от лучей заходящего солнца. Густые, труднопроходимые джунгли покрывают склоны гор и каменистую почву предгорий. Маленькие островки селений и полей врезались в джунгли и уцепились за горные склоны.

Где-то в голубой туманной дали гор Нилгири берет начало беспокойная и шумная река Бхавани. Она с севера на восток пересекает долину, пробивает свое русло в гранитном ложе предгорий, обтекает веселой голубой лентой серые пики и скалы, гремит камнями в густых зарослях бамбука, манговых деревьев, тамаринда. От нее паутиной разбегаются речушки, ручейки, потоки. Бхавани питает долину прозрачной ключевой водой. И она – источник жизни в долине. Бхавани – богиня. Так же как и Великому богу, ей поклоняются мудугары.

Дорог в долине почти нет. Единственная покрытая гравием дорога пересекает долину с запада на восток, от нее ответвляется грунтовая дорога, уходящая к округу Коим-батур. В другие части долины можно попасть только тропинками через горы и джунгли.

Долина Аттаппади – страна мудугаров, или «коротких», как они себя называют. Около сорока уру, деревень мудугаров, разбросано по всей долине среди гор, лесов, по берегу Бхавани. Мудугары – небольшого роста, хорошо сложены, с темной кожей, у некоторых ярко выраженные негроидные черты. Женщины изящны, и среди них много по-настоящему красивых. Мужчины носят набедренные повязки, или дхоти. Женщины заворачиваются в целый кусок ткани, закрепленный над грудью и спускающийся чуть ниже колен. До сих пор мудугары

занимаются охотой, собирательством и частично земледелием. Говорят они на тамильском языке с некоторой примесью малаялам.

«Короткие» – первые обитатели и поселенцы долины Аттаппади. Несколько сот лет назад их загнала сюда феодальная междоусобица, охватившая страну в период разложения Могольской империи. Тогда долина Аттаппади была глухим углом и входила во владения каликатского заморина. Мудугары стали осваивать новое место. Земли здесь было много, и джунгли были богаты дичью, съедобными кореньями, ягодами, медом. Боясь, что их сгонят с этих земель, мудугары попросили защиты и покровительства у заморина. Заморин разрешил им остаться и обещал помочь. Однако это покровительство дорого обошлось мудугарам. Постепенно вассалы заморина стали отбирать у них земли. И даже всесильный заморин не мог, да и не хотел помогать мудугарам. А потом в Аттаппади появилось племя ирула, которое выгнали из долины Коимбатура англичане, новые хозяева страны. Воинственные ирула стали захватывать земли. Мудугары не смогли их отстоять и смирились с этим. Но вражда между ними и ирула осталась до сих пор. И поэтому никто из мудугаров не женится на девушках-ирула и не выходит замуж за их парней. Теперь былая вражда постепенно исчезает, и ирула ходят в гости к мудугарам, а те – к ирула. Но мудугары считают, что они выше ирула, так как их священный огонь горит на самом высоком месте – пике Великого бога.

А потом в Аттаппади пришло племя курумба. Люди этого племени пришли как друзья и не воевали с мудугарами из-за земли. Они поселились в дальних лесах и изредка навещали мудугаров. И поэтому мудугары и курумба считаются друзьями.

У мудугаров до сих пор сохранилась стройная родовая организация. Эта организация была своеобразной защитой племени в его трудной борьбе за существование. В племени десять родов, или кулу. Каждый кулу ведет свое начало от общей прародительницы. Поэтому у мудугаров можно наблюдать не только элементы материнского рода, но и сам этот род в его раннематриархальной форме. Десять матриархальных родов тотемистичны. Каждый из них имеет свое название – тотем. Вот они: 1) кулу воды (веллага); 2) кулу цветка (чампага); 3) кулу кобры (курунага); 4) кулу птицы (карати); 5) кулу реки (арар); 6) кулу большой семьи (перидар); 7) кулу людей

богов (деванар); 8) кулу птицы (упили); 9) кулу птицы (купили); 10) кулу дерева (пунгар). Все десять кулу экзогамны.

Однако существующая в племени администрация не всегда связана с родовой организацией. Это объясняется вмешательством в жизнь мудугаров крупных помещиков – дженми. Три феодальных семьи, бывшие вассалы каликатского заморина, захватили всю пригодную к обработке землю в этом районе. Семье дженми Манаргхат Мопил Найяр принадлежит в Аттаппади территория в сто пятьдесят квадратных миль. Сюда входят леса, горы, реки, дороги – вообще все, что находится на этой территории. Семья Палат из касты найяров владеет тридцатью квадратными милями, и, наконец, у мелкого раджи Эралапада находится в распоряжении пятнадцать квадратных миль.

Племя мудугаров оказалось в полной зависимости от этих трех феодалов. Не владея ни клочком собственной земли, мудугары – бесправные арендаторы дженми. Распоряжаясь в Аттаппади как полновластные хозяева, все три феодала и до сих пор в какой-то мере заменяют мудугарам центральную власть. Они сами назначают вождя – мупана – каждого уру. У мупана остались старые традиционные обязанности: улаживание ссор и конфликтов, наказание за проступки, соблюдение традиционного порядка и обычаев предков. Но в то же время у него появились и обязанности перед хозяином-помещиком. Все дела, связанные с арендой земли, идут через мупана. Он же отвечает и за уплату жителями уру ренты помещику. Неугодный мупан может быть в любой момент смещен и заменен другим. Второе лицо в уру после вождя – бандари, или казначей. Каждый уру по древней родовой традиции имеет свой общий фонд – казну. Жители вносят в нее свою долю. Это прежде всего арендная плата – от одной двадцатой до одной тридцатой части продукции семьи. Из общего фонда вносится рента, черпаются средства на праздники, религиозные церемонии и прием гостей.

В каждом уру должен быть свой курудале. Обязанности его очень разнообразны. Он и курьер, и охранник, и проводник. Если в уру появляется представитель землевладельца или вдруг сам землевладелец, курудале должен нести их вещи. Когда в уру приходит гость или чужой, курудале ведет его через джунгли до следующего уру и сдает пришельца тамошнему курудале с рук на руки. Поэтому там, где есть уру мудугаров, очень трудно заблудиться. Курудале всегда

приходит на помощь и служит добровольным проводником. По ночам курудале смотрит за тем, чтобы дикие звери не потоптали поля и не испортили урожай. В курудале нуждаются всегда и платят ему большим уважением.

И наконец, манукаран. Он – хранитель древних тайн земледелия мудугаров. Он агроном и жрец. Манукаран дает мудугарам агрономические советы и следит за культивацией. Мудугары практикуют систему подсечно-огневого земледелия. Они выжигают участки джунглей под поля и сеют рис, чамай, раги, тувари, чолам[7]. Они меняют участки каждый год и возвращаются на них через пять-шесть лет. Манукаран обычно сам выбирает участки джунглей для расчистки. Традиционные навыки и знания, передающиеся из поколения в поколение, помогают манукарану сделать безошибочный выбор. Знания эти держатся в тайне.

Манукаран обладает искусством освобождать расчищенный участок джунглей от вредных насекомых. Он забрасывает участок ветвями одному ему известного дерева, и насекомые гибнут. Знания, передающиеся в семье манукарана из одного поколения в другое, сделали эту должность строго наследственной.

Мупан, бандари, курудале и манукаран составляют совет каждого уру. Общего вождя и племенного совета у мудугаров нет. Дженми-землевладельцы не нуждаются в такой централизации власти в племени. Легче справляться с раздробленными советами отдельных уру, чем иметь дело с объединенной администрацией целого племени. Правда, в наиболее важных случаях мупаны уру могут собираться и решать вопросы всего племени. Но это бывает редко, да и созвать такой совет крайне трудно.

Поселки, или уру, мудугаров скрываются в лесных зарослях по склонам гор. Рядом разбросаны огороженные бамбуковыми плетнями небольшие клочки их полей. В селениях растут манговые деревья, тамаринд, хлебные деревья, бананы, кокосовые пальмы. Около уру шумят горные речушки и потоки. Большинство уру расположено далеко от дорог, и туда приходится пробираться по узким каменистым тропинкам. Несколько селений мудугаров расположены в труднодоступном районе, в глухих джунглях. Хижины в таких уру мудугары строят на деревьях, чтобы защитить себя от диких зверей. В обычных уру хижины стоят на земле, иногда на высоком каменном

фундаменте. Стены домов сделаны из искусно переплетенных бамбуковых планок, крыши покрыты рисовой соломой. Сами хижины очень различны по размерам. Иногда в хижине живет только одна семья, иногда несколько семей, связанных между собой родственными узами. Тогда длина хижины достигает двадцати метров, но каждая семья имеет свой отдельный выход. В задней стене хижины обычно есть второй ход. Окон нет, и свет проникает через двери. Как и у многих племен Кералы, у мудугаров очаг располагается на земле, и дым вытягивается через крышу, двери и легкие бамбуковые стенки. Высота потолка хижин не более полутора-двух метров. Мудугары – «короткие», и поэтому они строят низкие хижины.

В каждом селении есть площадь, вокруг которой обычно располагаются хижины, не более пяти – восьми в каждом уру. Хижины повернуты лицевой стороной к площади. Площадь служит местом сборищ жителей уру, на ней сидят по вечерам, отдыхая от дневных забот, на площади женщины занимаются своими обычными делами: рушат падди в деревянных ступах, сушат рис, перец, тапиоку, чистят овощи и т. д. Тут же бродят куры, козы, собаки. За хижинами находятся отдельно построенные помещения для скота, если таковой имеется. Отдельно сделаны навесы для коров, небольшие домики на высоких сваях для коз и для кур.

В каждом уру живет в среднем десять-пятнадцать семей. В некоторых селениях количество семей не превышает пяти. Но есть уру с двадцатью семью семьями.

Мудугары встают с восходом солнца и ложатся с его заходом. Весь день проходит у них в заботах о хлебе насущном. Они трудятся на полях, ходят в джунгли собирать коренья и мед, охотятся и ловят рыбу в прозрачной воде горных рек. И так из месяца в месяц, из года в год и из поколения в поколение.

Как мудугары появились на земле и что с ними случилось потом

«Сначала был только океан. Вся долина Аттаппади и вся земля находились под водой. Вода простиралась от горизонта до горизонта. И только пик великого бога любви Камы возвышался над океаном.

Кама очень скучал, потому что вокруг ничего, кроме океана и одинокой вершины, не было. Однажды Кама взял земли с пика и сделал из нее мужчину и женщину. Это были мудугары, самые первые люди на земле. Бог спросил мужчину и женщину: „Кто вы?“ И мужчина ответил: „Я отец, она моя дочь“. Тогда Кама сказал: „Отвернитесь друг от друга, а потом снова повернитесь“. Мужчина и женщина так и сделали. Снова Кама спросил: „Скажите мне теперь, кто вы?“ „Она моя жена, а я ее муж“, – ответил мужчина. И стали эти первые мудугары жить на пике Великого бога. От них пошло все племя мудугаров. Но богу одних мудугаров было недостаточно. Он стоял на пике и много дней смотрел то в одну, то в другую сторону. Но ничего не смог увидеть. Только огромные волны катились по океану. Тогда Кама послал стрелу из своего лука. Стрела взлетела высоко и превратилась в орла. Кама сказал орлу: „Полетай над Аттаппади и расскажи потом, что ты видел“. Орел стал кружиться над океаном. Он летал над ним много дней и ночей и наконец увидел сухую тыкву. Орел полетел к Каме и сказал: „Я видел только, как прыгает по волнам сухая тыква“. Бог решил посмотреть на тыкву. Когда он ударил ее ногой, тыква раскололась на две половины. Эти половины превратились в мужчину и женщину. Так Кама создал после мудугаров других людей. Когда вода на всей земле сошла, люди, созданные из сухой тыквы, взяли верх над мудугарами, и никто не мог защитить мудугаров. И мудугары обратились к Великому богу. „Кама, – сказали они, – ты создал нас и создал других людей, но эти другие мешают нам жить. Мы не можем быть спокойны за свои хижины и своих детей. Помоги нам“. Тогда бог сказал: „Идите и живите в долине Аттаппади. Я даю вам землю с такими границами: восточная пойдет по Большому камню, по Моталветти и королевской дороге Чакравартитеру, а северная граница будет лежать у реки Бхавани и у Натукала в Майсуре. С юга у вас будет королевство Самундари[8] и с запада – королевство Эралпад. На этой земле вы будете хозяевами“. Мудугары так и сделали. Потом они попросили покровительства заморина и за это стали платить ему в год три меры[9] чамая, одну меру падди, одну меру горчичного семени и один панам[10]. Но покровительство заморина мудугары получили позже».

Мадан вздохнул, положил листья бетеля в рот и стал жевать. Мадану около шестидесяти лет, но у него по-детски ясные глаза,

небольшая седая бородка и буйно вьющиеся неостриженные волосы. Он – мупан уру Кариаварам, или Благословенное место. Рядом с Маданом на корточках сидят два других старика – Кадан и Пулиен из уру Мукали, что значит уру На трех дорогах. Они тоже могут многое рассказать о мудугарах. Когда Мадан говорит, они кивают седыми головами, а иногда поправляют его. Пулиен пользуется затянувшейся паузой и произносит:

– Много разного приключалось с мудугарами потом. После них пришли в Аттаппади ирула.

– Амма уже знает про ирула, – вмешивается Мадан, – ты про другое расскажи.

– А я и хочу про другое.

И старческим, надтреснутым голосом начинает:

«Было время, когда мудугары и ирула ничего не умели делать. Великий бог собрал оба племени и сказал: „Теперь вы все должны чем-нибудь заняться. Я дам вам кое-какие вещи, и каждое племя выберет то, что ему понравится“. Кама положил на землю с одной стороны деревянный плуг и мотыгу, с другой – палку для копания кореньев. Плуг и мотыга были выпачканы землей, а палка была чистая. Мудугары первые стали выбирать, но решили, что плуг и мотыга слишком грязны для них. Они взяли чистую палку, а ирула досталось остальное. И тогда бог повелел тем, кто взял мотыгу и плуг, быть земледельцами и обрабатывать землю. А мудугарам сказал: „Раз вы взяли палку, то идите в лес и в горы, копайте палкой коренья и собирайте там мед, кардамон, перец, тростник и тем живите“. Стали мудугары собирать лесные продукты, а ирула обрабатывать землю.

Великий бог, или Ишвара, был очень добр и великодушен. После того как он дал людям занятие, он решил дать им богатство. У бога была целая гора четыреханновых серебряных монет. Он послал своего гонца в селения мудугаров и ирула. Гонец бежал через горы и джунгли и кричал: „Эй, мудугары и ирула. Великий бог решил дать вам денег. Идите к богу. Он ждет вас!“ Мудугары очень обрадовались. Они говорили друг другу: „Вы слышали новость? Великий бог дает мудугарам деньги, и мы станем богатыми“.

Все старейшины племени мудугаров собрались на совет. Они были очень мудрыми и умными, эти старейшины, как, впрочем, и все племя. Долго спорили они о том, что взять с собой, чтобы положить деньги и

донести их до уру. А денег мудугары хотели иметь много. Поэтому они решили захватить с собой самую большую вещь, которая у них была, – сеть для ловли обезьян. Мудугары взяли ее и отправились к Ишваре за монетами. По дороге они встретили ирула. Те несли корзины и мешки. „Куда это вы спешите?“ – спросили их мудугары. „Мы идем к богу за деньгами“, – ответили ирула. „А куда же вы положите деньги?“ – поинтересовались мудугары. „Вот в эти мешки и корзины“, – сказали ирула. И тогда на всех мудугаров напал страшный смех. Они ведь были умными и несли с собой очень большую сеть, куда войдет больше денег, чем в мешки и корзины ирула. Мудугары так смеялись над тупостью ирула, что чуть не потеряли в лесу сеть. Но ирула тоже смеялись над мудугарами, а вот почему они это делали, мудугары поняли позже. Оба племени шли и смеялись, и горное эхо тысячекратно повторяло их смех по всей долине. И пока они поднимались на пик к Великому богу, у них почти не осталось сил. На вершине горы сидел бог, а перед ним серебром сверкали горы монет. Ирула стали набирать монеты в мешки и корзины, а мудугары уложили на сеть для ловли обезьян целую гору серебряных монет и стали хвалиться перед богом, какие они умные, и говорили, какие ирула глупые. Но бог молчал и только покачивал головой. Наконец мудугары и ирула поблагодарили бога и двинулись в свои селения. Мудугары несли свою сеть, а она с каждым шагом становилась все легче и легче. И снова мудугары подумали, что они самые умные. Ирула гнутся под тяжестью корзин и мешков, а они со своей сетью легко и свободно шагают по лесу. Только мудугары не заметили, что серебряные монеты падают сквозь ячейки сети и исчезают в густой траве. Когда племя вернулось к себе, то все увидели, что в сети нет больше денег и только одна-единственная четыреханновая монетка панам запуталась в ее ячейке. Вот и все, что осталось мудугарам от богатства Великого бога. А ирула донесли свои деньги и стали богатыми. И с тех пор в каждом доме мудугаров вешают панам в память милости Ишвара. А когда у мудугаров умирает мужчина или женщина, они кладут четыре анны на лоб покойнику, потому что это все, что он имел при жизни», – закончил Пулиен.

– Я так рассказал? – спросил он.

– Так, так, Пулиен, – закивали старики.

И действительно, я не раз видела в хижинах мудугаров бережно завернутую в грязную тряпицу монетку в четыре анны, которую они подвешивают обычно к потолку. И эта монетка, которая часто оказывается единственной в доме, символизирует постоянную бедность и нужду племени.

– Но это еще не вся история, – сказал Кадан.

– Да, да, это еще не все, – подтвердили Мадан и Пулиен.

– Пусть Кадан расскажет, что было потом.

«Так вот, – начал Кадан, – мудугары все же поняли, сколь глупы они были. Все, чем они обладали, – это палка для копания кореньев и монета в четыре анны. Конечно, с этим прожить было нельзя. И стали мудугары говорить о том, что надо пойти снова к Великому богу и просить у него помощи. И опять отправились мудугары к Ишваре. Они сказали богу, что поступили очень опрометчиво и что теперь у них ничего нет. Ишвара посмотрел на мудугаров и сказал: „Вы думали, что вы мудры, вы смеялись над ирула. А теперь посмотрите, кто вы и кто они. Вы были очень глупы и не понимали этого. Но я попытаюсь вам помочь еще раз“.

Мудугары слушали эти слова бога и не смели поднять голов. Они ждали, что еще скажет Ишвара. И бог сказал: „Вы будете работать шесть месяцев. Я скажу вам, что делать“. „Мы согласны!“ – закричали мудугары. Ишвара дал им семена риса, раги, чамая, тувари, горчичного семени. Они посадили эти семена на участках, которые очистили от джунглей, и стали ждать. Через шесть месяцев они собрали урожай, и в этот год в их уру было много еды. Так мудугары стали земледельцами. Они были счастливы и не знали, как отблагодарить Великого бога. Они пошли к нему и сказали: „Мы хотим тебя отблагодарить. Научи нас молиться тебе“. Ишвара ответил: „Пик будет вашим богом, и этого достаточно. Каждый год в день создания первых мудугаров вы будете ходить на пик Великого бога и там молиться“. С тех пор мудугары каждый год делают это. Вот и все».

– Нет, не все, – возразил Мадан. – Потом настали такие времена, что и Великий бог не мог помочь мудугарам. Пришли помещики и чиновники из Лесного департамента. Они отняли землю у мудугаров, а за участки, которые мы обрабатывали, заставили платить им. Раньше уру мудугаров были окружены густыми джунглями и вокруг было много диких зверей: тигров, пантер, слонов. Но мы были счастливы.

Мы не боялись зверей. Мы отпугивали их от наших посевов боем барабанов и песнями. И мы убивали их. Но помещики и чиновники хуже тигров, пантер и змей. Мы не можем отпугнуть их песнями – наши песни им нравятся. Мы не можем убивать их, ибо они люди. И мы бессильны против них. Они отняли у нас счастье и беззаботную жизнь. Они превратили нас в нищих. Если ты, амма, пойдешь по нашим уру, ты увидишь, что я прав.

– Да, Мадан прав, – подтвердили старики. – Пойди, амма, посмотри, как мы живем.

И я пошла.

Разве мы могли бы жить без охоты?

В 1959 году глава дистрикта, коллектор по распоряжению коммунистического правительства Кералы, существовавшего в штате в 1957–1959 годах, проехал по поселкам мудугаров и обследовал их экономическое положение. В своем отчете коллектор писал:

«Люди племени очень просты, почти как дети. Страшно боятся властей и легко поддаются обману. Их образ жизни теперь усложнен в результате страшной задолженности, в которой они оказались, занимая деньги у торговцев и ростовщиков». И еще он отмечал: «Все члены племени – арендаторы дженми». Как я потом и сама выяснила, во всем племени нет ни одного человека, владеющего землей. Все мудугары – арендаторы трех крупных дженми, которым принадлежит земля в Аттаппади. Когда-то племя сообща владело большими участками земли, но постепенно помещики захватили эти земли. Никакого аграрного законодательства в районе племени мудугаров не существует. Действующий на территории штата закон об аграрных отношениях на мудугаров не распространяется. Всевластие и произвол крупных дженми-землевладельцев остается в силе по-прежнему. Мудугары просто бесправные арендаторы. В пятнадцати уру, где мне удалось побывать, я обнаружила, что никаких документов на аренду нет и земля арендуется на основании «устной договоренности». Эта «устная договоренность» дает широкие возможности дженми для самой безжалостной эксплуатации мудугаров. «Устная договоренность» породила так называемые устные права арендаторов, иными словами, их бесправие. Официально считается, что мудугары

должны платить от восьми анн до одной рупии за акр в год в качестве ренты. Однако на самом деле эта плата гораздо выше.

Нередко помещик без всяких объяснений изымает у арендатора большую часть его продукции. При этом успешно используются незнание мудугарами каких-либо юридических прав вообще и их полная неискушенность в делах мира эксплуатации и наживы.

У мудугаров сохранилась еще довольно своеобразная система распределения арендуемой земли. Каждая семья берет столько, сколько может обработать. Большинство в племени имеет участки размером не более одного-двух акров. Самый большой участок – пять акров. При такой системе можно было бы удивляться скромным размерам арендуемых участков. Однако все гораздо сложнее. Манукаран из уру Чиндаки однажды кое-что объяснил мне.

– У меня, – сказал он, – два акра земли. Мы своей семьей могли бы обработать и больше. Но у нас и заберут тогда больше. И получится то же самое. Ведь помещик сам определяет, что для нас лишнее, и забирает все это «лишнее» себе. Поэтому два акра у меня или пять – в этом особой разницы нет. Только когда у меня два акра, я могу меньше работать и сумею сходить в лес и накопать съедобных кореньев. Правда, иногда и то, что я нахожу в лесу, отнимает дженми. Но все же что-то остается. А нашего урожая еле хватает на прокорм. На семена уже ничего не остается.

Как правило, в начале сельскохозяйственного сезона мудугары начинают занимать у местных торговцев зерно и деньги. Каждая семья имеет долги. Надежды на выплату этих долгов нет. Нередко сумма долга всего уру достигает пятисот-восьмисот рупий, а иногда полутора тысяч рупий. При том низком жизненном уровне, который существует у мудугаров, это огромные суммы. Задолженность приводит к тому, что торговцы под видом долга изымают у мудугаров все излишки, если таковые имеются, а также часть необходимой продукции. Но иногда обстоятельства складываются так, что в некоторых семьях все же остаются «излишки». Они появляются в результате полуголодного существования семьи. Такие случаи, правда, редки. Из пятнадцати уру, где мне удалось побывать, только в четырех могли продавать излишки. Покупают такую продукцию обычно агенты лавочников Коимбатура и Маннаргхата. Но это не покупка, а грабеж. Пользуясь бедственным положением мудугаров и их неосведомленностью в рыночных делах,

торговцы платят им за проданную продукцию в два-три раза ниже рыночной цены. В результате такой сделки мудугары оказываются прочно закабаленными маннаргхатскими и коимбатурскими торговцами.

Однажды в уру Читтур я разговорилась с молодым парнем, по имени Пачай. У Пачая пять акров земли. Часть урожая он может продать. Он выручает за излишки шестьдесят рупий ежегодно.

– Я знаю, – говорит Пачай, – в долине я мог бы продать мой урожай за двести рупий, но что я могу сделать? Я должен Шивалингаму. И когда я приношу ему мой рис или раги, он платит мне столько, сколько захочет.

Каждая семья обрабатывает свой участок. Техника обработки самая примитивная. На полях мудугаров используются деревянный допотопный плуг, лопата и мотыга. В уру очень развита взаимопомощь. Как правило, приглашают соседей помогать в полевых работах и сами им помогают тоже. Если женщина одна или она вдова, на ее полях по очереди работает весь уру. Никто никогда не просит вознаграждения за помощь. Эта родовая солидарность помогает мудугарам противостоять в борьбе с чужим миром современных хищников.

Поля не могут прокормить племя, и поэтому то, что дают окрестные джунгли, занимает немаловажное место в его жизни. До сих пор палка для копания съедобных кореньев верно служит мудугарам. С первыми лучами солнца они отправляются в лес на поиски дневного пропитания.

Однако и собирательство много не дает. Как-то я спросила одного из мудугаров:

– Вы охотитесь?

– Амма, – ответил он, – разве мы могли бы прожить без охоты? Нашим детям нечего было бы есть.

И это правда. Охота – традиционное занятие мудугаров. Но на крупного зверя теперь не поохотишься. Лесной департамент объявил заповедными огромные массивы джунглей. Охота в них запрещена. Олени, дикие слоны, пантеры ушли в глухие чащи заповедных лесов. Обезьяны почти все выловлены и съедены. Прежде на них охотились с луком и с острой бамбуковой стрелой. Нередко их ловили сетями. Но теперь это почти безнадежное занятие. Мудугарам остались только

птицы и мелкие животные. Для птиц и мелкой живности есть специальный лук. Вместо тетивы на лук натягивается двойной шнур. Между шнурами укрепляется веревочная сетка. В нее вкладывают камень и стреляют. Пользоваться таким луком-пращой очень трудно. Необходимо иметь большой опыт и навык. Мудугары владеют этим искусством в совершенстве. Каждый мальчик с детства учится обращаться с таким оружием.

Однажды я наблюдала, как девятилетний мальчишка очень ловко сшиб камнем сине-зеленого попугая, который сидел высоко на кроне кокосовой пальмы. На диких коз и оленей мудугары охотятся с луком, напоминающим арбалет. К основе лука прикрепляется поперечная палка с зарубками, с ее помощью можно туго натянуть тетиву и держать ее наготове. Стрела накладывается на поперечную палку, и, когда тетива спускается с зарубки, стрела летит очень далеко. Ее сила настолько велика, что обычная бамбуковая стрела нередко пробивает шкуру дикого слона. Очень часто, отправляясь в лес, мудугары не берут с собой оружия. Когда я поинтересовалась, как они защищаются, если на безоружного нападет тигр или пантера, несколько охотников ответили мне, что таких случаев не бывает.

– Ну, а если все же такое случится? – настаивала я.

– Тогда мы кричим, – ответили мне.

– И звери пугаются?

– Всегда пугаются. Это крик наших предков. Особенно его боится тигр.

Я не совсем поверила. Но, идя как-то с Маданом через джунгли, я услышала странный, леденящий кровь гортанный крик. Я затрудняюсь сказать, что он напоминал, только человеческого в нем было мало. Мы остановились, и Мадан сказал:

– Мудугар кричит. Тигра встретил.

Новость была не из приятных.

– А вдруг тигр на него напал?

– Нет, – спокойно отвечал Мадан. – Раз он так кричал, тигр ушел.

Приблизительно через полкилометра мы наткнулись на мудугара. Через плечо у него висел мешок из грубой ткани, в руках была палка для копания кореньев.

– Это ты кричал? – спросил Мадан.

– Я.

Вели из уру Розового дерева рассказал, как все произошло. У ручья, из которого он пил воду, Вели услышал какой-то шорох. Он резко обернулся и увидел тигра, приготовившегося к прыжку. Вели закричал, и тигр исчез в зарослях.

Во многих местах джунглей, которые подходили вплотную к уру мудугаров, я не раз видела разрытую землю. Это оказались норы кротов. Мудугары считают, что мясо кротов очень вкусное. Они разрывают ходы и достают животных из нор. Но другие мелкие животные не дают брать себя голыми руками. Поэтому на них ставятся ловушки. Есть ловушки и капканы для кроликов и для крыс. Крыс мудугары тоже едят.

В быстрой реке Бхавани они ловят рыбу. Снасть для этого несложная – веревка с грубыми самодельными крючками. На крючки надевается мелкая рыбешка. Веревку перебрасывают с одного берега на другой. Рыба покрупнее съедает рыбешку и ловится на крючки.

Земледелие, собирательство, охота и рыболовство требуют сноровки и умения. Требуют терпения и трудолюбия. От одного из чиновников я однажды услышала: «Мудугары бедны, потому что ленивы». Это часто повторяют торговцы и помещики – все те джентльмены, которые причастны к тому, что мудугары бедны. Все те, кто никогда не отличался ни терпением, ни трудолюбием, свойственным этому маленькому племени, люди которого заняты на работе с восхода и до захода солнца.

Матери племени мудугаров

Первый уру, который мне пришлось посетить в Аттаппади, назывался Чиндаки, или Маленький уру. Я появилась там неожиданно. Хитрая и пройдошливая Сали, рушившая падди в деревянной ступе на центральной площадке уру, первая заметила меня. На минуту она остолбенела от удивления, и тяжелый деревянный пестик замер у нее в руках. Памятуя свой прошлый опыт в других племенах, я ждала, что она обратится в бегство. Но Сали, лихо прищелкнув языком, бросила пестик и решительно направилась ко мне. Через несколько мгновений я была окружена толпой женщин. Посыпались вопросы:

– Ты к нам в гости? Как тебя зовут? Откуда ты пришла? Где ты живешь? Почему у тебя такая белая кожа? – и т. д. и т. п.

Мужчины выглядывали из-за спин женщин.

У мудугаров женщину, как правило, называют «амма», или мать. Матери племени мудугаров – народ смелый, самостоятельный и активный. В жизни племени они занимают важное и почетное место. Место, которое определено им древними и еще не умершими традициями материнского рода. Если тщательно разобраться в отношениях между мужчинами и женщинами у мудугаров, то можно прийти к одному несомненному выводу – это отношения полного равноправия и взаимного уважения, которого на долю матерей перепадает гораздо больше, чем на долю отцов.

Узкая извилистая тропинка ведет через заросли к Коттиюру. Коттиюр значит «уру Где бьет барабан». Еще не видно хижин уру, но присутствие жилья уже чувствуется по специфическому запаху дыма. Не доходя немного до уру, можно увидеть сквозь деревья несколько акров рисовых полей. Я иду по тропинке и слышу голоса, которые доносятся с поля. Спорят женщина и мужчина. Женский голос, повелительный и требовательный, а мужской – приглушенный и оправдывающийся.

– Как ты держишь мотыгу, она у тебя из рук валится, – говорит женщина.

– Держу, как умею, – отвечает мужчина.

– Лучше смотри, как я делаю.

– Я уже смотрел.

– Ты не так смотрел. Ты все время ленишься. Я скажу мупати.

– Не говори мупати, я сделаю, как ты говоришь.

Сказать мупати о том, что кто-то ленится, – угроза существенная. Мупати – жена мупана (вождя) – нередко пользуется авторитетом не меньшим, если не большим, чем сам вождь. Вместе с мупати жены членов совета уру представляют собой своеобразный женский совет. Практически существует параллельная администрация. Мужской совет для мужчин, женский – для женщин. Вместе решаются только важные дела, касающиеся всего населения уру.

Женщины, так же как и мужчины, занимаются собирательством. Они одни, без всякой охраны, уходят в дальние джунгли, где нередко проводят целый день, а то и несколько дней. Они хорошо знают джунгли и свободно обходятся без помощи мужчин.

Однажды целая группа женщин из уру Коравампади отправилась в лес собирать мед. Они ушли от своего селения миль за пятнадцать. Поскольку джунглей, где мудугарам разрешено собирать лесные продукты, становится все меньше и меньше, между селениями существует «джентльменское соглашение». Каждое из селений имеет свой традиционный участок, и люди из других уру не должны туда заходить. Женщины из Коравампади не нашли меда на своем участке, и тогда самая бойкая из них, Лакшми, сказала:

– Пойдемте в лес соседнего уру, нас никто не увидит.

Мупати, которая была вместе с женщинами, возразила:

– Мудугары так никогда не делали. И так делать нельзя. Мед в том лесу принадлежит не нашему уру.

Но Лакшми была упряма, и ей очень хотелось достать меду. Однако ослушаться мупати открыто она не могла. Ночью, когда женщины расположились на ночлег, Лакшми подговорила двух подруг, и они на рассвете ушли в чужой лес. Когда все женщины вернулись в уру, мупати собрала женский совет. Мужчины к разбирательству дела Лакшми отношения не имели. Женщины все решили сами. Виновницы, посягнувшие на чужие владения, были оштрафованы. На эти деньги приготовили угощение для всех женщин уру. Мужчины на угощение приглашены не были.

По этому поводу мупати Коравампади сказала мне:

– Почему ты, амма, беспокоишься о мужчинах? Это наши женские дела. Мы ходили в лес, мы провинились, мы сами придумали

наказание, мы сами и съедим угощение. А ты спрашиваешь, почему мужчины не участвуют в нашем празднике. Зачем ты так спрашиваешь? Ты же не мужчина. Садись с нами. – И мупати протянула мне зеленый лист, на котором лежал банан и горка наструганного кокосового ореха.

Когда-то женщины мудугаров принимали участие и в охоте. Теперь эта традиция постепенно исчезает, но матери до сих пор умеют владеть оружием. В уру Розового дерева живет очень гостеприимный манукаран, по имени Вете. Я не раз бывала в его темной прокопченной хижине. Однажды я заметила висящий на бамбуковой перегородке лук-пращу. Я заинтересовалась луком и спросила Вете, как из него стреляют. Манукаран как-то смущенно переминался с ноги на ногу. Его жена, крепко скроенная сорокалетняя женщина, насмешливо скосив глаза на мужа, сказала:

– Амма, кто спрашивает об этом у манукарана? Идем, я покажу тебе, как это делается.

Ловко и сильно оттянув тетиву, она сшибла камнем кокосовый орех, висевший на самой верхушке пальмы.

– Вот, – торжествовала она. – Бери лук и стреляй так.

Но у меня не получилось «так». Камень почему-то попал в основу лука и рикошетом ударил по лбу манукарана.

– Аё! – упрекнула меня его жена. – А еще женщина!

Я была посрамлена. И только объяснение, что в моем племени женщины не стреляют из луков, в какой-то мере восстановило мою репутацию в глазах мудугарки.

Уважение к женщине, и особенно к матери, у мудугаров очень действенное. Об этом уважении говорят мало, но каждый поступок человека свидетельствует о нем. Оскорбить честь и достоинство женщины – преступление очень тяжкое. Нередко оно грозит изгнанием из племени. Виновники более мелких проступков, задевающих женщину, всегда наказываются.

Есть в уру Чиндаки очень привлекательная молодая женщина, по имени Каде. Хотя Каде замужем, она не прочь пококетничать с мужчинами. Особенно если они из другого уру. У Каде стройная грациозная фигура, черные лукавые глаза прячутся в тени длинных ресниц, нос задорно вздернут. Улыбка обнажает правильный ряд мелких ослепительно-белых зубов. И Каде очень хочется, чтобы все

это видели мужчины. И мужчины это видят и, может быть, поэтому особенно ласково разговаривают с Каде. Но Каде никому из них предпочтения не отдает, потому что у нее есть муж, которого она выбрала сама. Только Пачче из Читтура несколько иначе относился к Каде. Ему все время казалось, что эти лукавые взоры и улыбки предназначены только ему. И Пачче зачастил в Чиндаки. Он целыми вечерами просиживал на площади уру и ждал появления Каде. И когда та выходила, он все время старался держаться к ней поближе. Но для Каде Пачче был такой же, как и другие. Пачче подолгу пристально смотрел на Каде, и ей становилось не по себе. И Каде стала избегать парня из Читтура. Но Пачче был настойчив. Однажды, воспользовавшись отсутствием мужа Каде, Пачче пришел к ней и сказал:

– Каде, ты станешь моей женой.

– Нет, – ответила она. – Ты мне не нравишься. Уходи.

– Через два дня ночь полнолуния, – усмехнулся Пачче. – В эту ночь ты станешь моей женой. Я заберу тебя в свой уру силой.

Пачче ушел, а весь уру сразу узнал, что Пачче оскорбил Каде, предлагая ей быть его женой, когда она этого не хотела. В ночь полнолуния Пачче не удалось стать новобрачным. Ему пришлось предстать перед советами двух уру: Чиндаки и Читтура. Собрались и мужчины и женщины. Никто не осудил Каде.

– Каде со всеми ласкова и приветлива, – сказали люди на совете, – и всем приятно с ней разговаривать. И кто мог подумать, что Пачче так возгордится! Пусть теперь и отвечает.

Пачче стоял красный и смущенный. Он не смел глядеть в глаза мупати, которая сидела на циновке напротив него. Пачче приговорили к штрафу в четыре анны. Где возьмешь такие деньги? Пачче с трудом удалось их достать. Больше он не думает о ночи полнолуния. Но иногда приходит в Чиндаки. Он садится поодаль и тоскливыми глазами смотрит на Каде. Она разговаривает и смеется с другими мужчинами. Пачче она не замечает. Он перестал для нее существовать.

За самое небольшое нарушение правил этики в отношении женщины наказывают. Вот что случилось в уру Чиндаки во время церемонии по поводу годовщины смерти одного из жителей уру. На поминки собрались родственники умершего, пришли издалека и те, кто знал покойного. На площади уру были разложены банановые

листья с угощением. Вареный рис, карри, сделанное из нежного мяса черной обезьяны, плоды хлебного дерева, кокосовые орехи. Чуть в стороне лежала еда для души покойного. Не было обычного шума и суеты. Мужчины и женщины молчали и курили биди. Тут же сидела дочь мупана. Последнюю биди она старалась докурить до конца, и огонек подбирался к самым пальцам. Чтобы не обжечься, она поплевала на кончики пальцев. Биди таяла, и наконец огонек погас. Рядом с ней сидел парень из уру Где бьет барабан. У него оставалось еще несколько биди. Дочь мупана нравилась ему, и он протянул ей биди. Но оказывается, у мудугаров есть обычай – биди женщине может предложить только муж. Виновник был уличен на месте.

– Мупати, – сказал кто-то, – твою дочь оскорбили. Пусть соберется совет.

Совет решил: оштрафовать виновника на полторы рупии. Родственники провинившегося с трудом собрали нужную сумму. И гости наконец получили то, чего не хватало в праздничном угощении, – бетель. Он был немедленно приобретен на деньги оштрафованного.

Мудугары очень мирный народ. Драки и убийства не в характере племени. Но за надругательство над женщиной и за ее смерть племя всегда мстит самым жестоким образом.

Когда это произошло, никто толком не может сказать. Может быть, несколько лет тому назад, может быть, десять. Жил в уру Каменная гора мупан. Его дом стоял в зарослях на отшибе. Мупати была очень мудрой женщиной. И всегда блюла верность мужу. Однажды мупан ушел в соседний уру по своим делам. Мупати осталась дома и вдруг услышала, как бродячий торговец кричит: «Браслеты, браслеты, кому дешевые красивые браслеты!» Такие торговцы теперь часто заходят в поселки мудугаров. Мупати позвала торговца и стала выбирать браслеты. Торговец был юркий малый, с потными руками и бегающими глазками. Он хорошо знал, что полиция никогда не станет заступаться за женщину племени, а мужа этой женщины, как он выяснил, дома не было. Никто не мог помочь мупати. Он обесчестил ее. Мупати не вынесла этого и покончила с собой. Несколько разбитых браслетов осталось на полу хижины. Торговец очень быстро исчез. Когда вернулся мупан, он обнаружил мертвую мупати и осколки браслетов. Мупан быстро догадался, в чем дело. Он собрал жителей

окрестных уру, и все бросились в погоню за преступником. Они настигли его на лесной тропинке в трех милях от дороги. Честь убить торговца была предоставлена самому мупану. Гирлянда внутренностей оскорбителя украшала тело мупати во время погребальной церемонии.

Еще не исчезнувшие традиции материнского рода поддерживают и своеобразные взгляды мудугаров на проблемы имущества и материального благосостояния.

– Кому принадлежит имущество? – этот вопрос я задала Мадану, мупану уру Благословенное место.

– Как кому? – не понял сразу Мадан и, подумав немного, ответил: – Женщинам, конечно, кому же еще?

Для Мадана все было ясно и понятно, а вот для меня нет. И поэтому я спросила:

– А как вы это объясните?

Мупан посмотрел на меня как на безнадежную, вздохнул и начал:

– Я мужчина. Я свободен и независим. Я хороший охотник и без труда найду в джунглях мед, кардамон и вкусные коренья. Я всегда себя прокормлю. Мужчина может работать весь год, а женщина нет. Она не может этого делать, когда беременна, когда у нее грудной ребенок и так далее. Поэтому у нее должно быть имущество. Оно поддерживает ее существование. А зачем мне имущество? Разве я не смогу себя прокормить? У моей жены есть дом, и я всегда найду себе там место. Больше мне ничего не надо.

– И все мужчины-мудугары так думают?

– Да, если они настоящие мужчины, – последовал ответ.

Объяснение мне очень понравилось. Но такое возможно только на очень примитивной стадии развития. Именно там, где материальное положение всех членов племени более или менее одинаково, где еще не появились излишки и собственность не стала источником власти и силы. Поэтому то немногое, чем владеет племя, остается в распоряжении женщин. Им принадлежат бамбуковые хижины, немногочисленный скот, маленькие клочки земли, нехитрая домашняя утварь. Все это переходит от матери к дочери из поколения в поколение. Мужчина, будущий патриарх, еще не предъявил своих прав на собственность. Мать еще в состоянии справиться с тем, что ей принадлежит, самостоятельно. О мудугарах слишком мало знают в

Индии, и поэтому никто пока не издал для них закона о замене наследования по женской линии наследованием по мужской.

Однажды Сали из Чиндаки спросила меня:

– А в твоем большом уру, который называется Москва, люди женятся?

– Конечно.

– А как? – в узких глазах Сали загорелись огоньки любопытства.

– Очень просто. Например, девушка и юноша любят друг друга, а потом юноша просит девушку стать его женой. И они женятся.

– Иэх, – с досадой сказала Сали, – что за странный обычай? У нас все наоборот. Девушка выбирает юношу и просит стать ее мужем.

Девушки мудугаров выбирают себе мужей сами, и я не знаю случая, когда бы парень отказался от предложения. Жених должен уплатить за невесту ее родителям. Традиционная цена – семь с половиной рупий. Иногда она поднимается до пятидесяти рупий, но такие случаи редки. Однако у мудугаров часто не бывает и семи с половиной рупий. Тогда вопрос решается просто. Жених отрабатывает два месяца на поле родителей невесты. Его только кормят в это время. От невесты зависит сократить жениху «отработочный» срок. Это случается часто.

Брачная церемония совершается в ночь полной луны. На жениха и невесту надевают чистые одежды и сажают на центральное место в уру. Невесту приветствуют красивой песней:

Ты как пчела на поле чамая.
Ты как пчела на поле раги.
Ты как пчела на поле маиса.

Если в цивилизованной Индии жена обязана идти жить в дом к мужу, то у мудугаров нередко муж живет у жены. И после замужества женщина сохраняет имя своего рода, а родившиеся дети принадлежат роду матери.

В некоторых племенах с патриархальной организацией только что родившая женщина считается «нечистой». Ее часто изолируют в отдельной специальной хижине. У мудугаров есть другой обычай.

У жены бандари Каки из Читтура родился ребенок. Еще до этого события мы условились с Каки встретиться. Он обещал мне рассказать

о своей работе. Но в назначенный день ко мне пришел младший брат бандари и сказал:

– Каки прийти не сможет, его жена родила. Он теперь очень занят.

– Ну и что? – ответила я. – Жена же родила, а не Каки. Чем же он занят?

– О, у него теперь много дел, – смутился брат.

Как потом выяснилось, муж не может покинуть свою хижину в течение семи дней после рождения ребенка. Он должен ухаживать за женой и, как говорится, поставить ее на ноги.

Каки был очень рад, что у него родилась девочка.

– Девочка – мое богатство, а от мальчика все равно проку нет, – заявил он.

Высказывание прямо-таки противоположное тому, что я слышала от одного «цивилизованного» индийца. Когда я упомянула об одной нашей общей знакомой из Мадраса, этот индиец сказал:

– Да что о ней говорить. Она же разведенная. Ее теперь никто не уважает.

Мудугары находятся на более примитивной стадии, у них развод еще не является скандалом для женщины. Кстати сказать, разводов среди мудугаров очень мало. Ну, а если такое случается, то собирается совет уру и решает, что делать. И, как правило, решение бывает в пользу женщины. Разведенная ничего не теряет в общественном мнении, она снова может выйти замуж, как любая другая женщина.

Племя мудугаров не знает, что такое собственность, и матери племени не знакомы еще с жизнью, где женщина превращается в собственность. Они продолжают оставаться независимыми и равноправными членами своего маленького племени, людьми, сохранившими право распоряжаться собственной судьбой.

История Кадана и Лакшми

Из уру Розового дерева видны горы, покрытые джунглями. Когда их освещают лучи восходящего солнца, они становятся розовыми. В сумерках вершины тонут в сиренево-голубой дымке. Горы и джунгли – на многие мили вокруг. Кадан часто поднимался на соседнюю гору и смотрел вдаль. Он хотел узнать, что там, за этими вершинами и лесом. Но он опять видел горы и джунгли. Старики говорили, что на востоке, за горами, лежит долина. Она совсем плоская, там нет гор, а джунглей осталось совсем мало. В центре долины стоит большой уру. Такой большой, что если собрать все уру мудугаров вместе, то все равно этот уру будет больше. Уру в долине называется Коимбатур. Оттуда когда-то вторглись в Аттаппади завоеватели – ирула. Кадан не мог себе представить этой плоской долины и уру Коимбатур. Но каждый раз, когда он смотрел на вершины дальних гор, то ощущал смутную, неясную тревогу. Он не мог объяснить, что это такое. Временами тревога превращалась в тоску. Она захватывала его врасплох во время работы, в часы вечерних бесед, в ночи полнолуния, когда горы тонули в голубом лунном тумане. Юноши и девушки в такие ночи собирались на площади в уру. Юноши пели песни. Одна из них очень нравилась Кадану:

Ты моя любовь, маленький попугай,
Ты застенчива, как девочка,
Но я знаю, твои поцелуи сладки.
Я смотрю, как грациозно ловишь ты жемчуг в реке,
Я любуюсь твоими золотыми браслетами и серьгами.

Ему нравился ритм этой песни, но девушки его не интересовали. Он не подходил к ним, а сидел в стороне и думал о плоской долине за горами. Однажды, когда молодежь смеялась и шутила, Кадан подсел к старикам.

– Вы знаете дорогу в долину за горами? – спросил он их. Никто не помнил дороги. Мудрый седой манукаран уру сказал:

– Зачем тебе, Кадан, дорога в долину? Великий бог повелел мудугарам жить в Аттаппади. Там, за горами, не наш мир. Великий бог

гневается на мудугаров, уходящих на восток за горы. Иди танцуй с девушками. Ты еще совсем молод.

Короткими ночами Кадану часто снился один и тот же сон. Он стоит на горе около уру и смотрит на восток. На востоке простирается нечто странное и плоское. Кадан знает, что ему надо обязательно туда. Он взмахивает руками, и они становятся похожими на крылья. Крылья отрывают его от горы и поднимают ввысь. Он летит на восток над пиком Великого бога. Но угрюмая серая громада пика начинает расти. Гранит оживает. Над ним поднимается Великий бог. Он похож на старого манукарана. Такое же морщинистое лицо и длинные пряди седых волос.

– Куда летишь, Кадан? – спрашивает бог голосом манукарана.

– Куда летишь, Кадан? – вторит эхо в горах.

– Там, за горами, не наш мир. Я повелел мудугарам жить в Аттаппади. – И Великий бог протягивает руки к Кадану. Руки становятся все длинней и длинней. Вместо пальцев на них когти, как у тигра. Кадан понимает, что ему не уйти. Когти впиваются в тело. Кадан начинает падать и кричать. Но не слышит своего голоса. Ужас сковывает руки и ноги, и он просыпается. Потом долго лежит с открытыми глазами на циновке около хижины и смотрит на звезды. Угол неба на востоке темен. Изломанная линия вершины Великого бога заслоняет звезды. Кадану больше не хочется спать. Узкая полоска алой зари начинает разгораться в стороне большого уру Коимбатур.

Однажды в уру из долины пришел бродячий торговец. Он продавал бетель, биди, спички и еще какую-то мелочь. Кадан спросил его о Коимбатуре.

– Э, парень, – сказал торговец, – как туда добраться, я расскажу. А вот деньги у тебя есть?

Денег у Кадана не было. Торговец посоветовал ему поискать меду и продать его лавочнику, что живет около Агали. «Но об этом никто не должен знать», – предупредил его торговец. Целый год Кадан носил дикий мед в лавку около Агали. Лавочник дал ему за все тридцать рупий вместо ста. Кадан бережно завязал смятые рупии в дхоти, сложил свой нехитрый багаж в маленький узелок и на рассвете одного летнего дня двинулся через джунгли и горы на восток. Он шел долго. Пик Великого бога становился все меньше и меньше и наконец исчез за горизонтом. Кадан упорно шел в ту сторону, откуда каждый день

поднималось солнце. Он почему-то был уверен, что солнце можно увидеть перед утром отдыхающим на сухой земле плоской, неведомой ему долины. Он хотел прийти туда на рассвете и посмотреть на пробуждающееся солнце. Идти было нетрудно. В лесу он чувствовал себя как дома, знал приметы тех мест, где можно найти съедобные коренья, и помнил повадки горных ручьев с чистой прохладной водой. Спал он иногда в лесу, иногда в затерянных глухих деревушках. Однажды с вершины горы он увидел петляющую по лесистым склонам широкую тропу. Он спустился к ней и замер в изумлении. Тропа была ровная и совершенно гладкая. Кадан присел на корточки и потрогал ладонью ее твердую поверхность. Черный слой чего-то неизвестного покрывал тропу. Вдруг Кадан услышал приближающийся сзади шум. Он едва успел отскочить в сторону. Мимо него, пуская клубы синего дыма, пронеслась машина. Тропа была небезопасна. Кадан и до этого видел машины. На одной из них приезжал к лавочнику из Агали человек от дженми Маннаргхат Мопил Найяра. Кадан никак не мог понять, что за сила двигает машину. Он всегда замирал, когда шофер включал мотор. Он ждал чуда, и оно всегда свершалось. Машина начинала двигаться. Однажды, когда у машины никого не было, Кадан решил посмотреть, кто сидит в ней и двигает ее. Но машина была закрыта. Тогда Кадан приложил ухо к радиатору. Там никто не дышал и было тихо. «Спит, наверно», – подумал он и тихонько постучал в радиатор.

– Айя, а-айя, – позвал Кадан.

Но никто не откликался. В это время вышел шофер и отогнал его.

Машина у дженми были небольшая. А эта – огромная и шумная. В ней сидело много людей. Он осторожно, с оглядкой пошел дальше по тропе. Из-за поворота он увидел маленькую бамбуковую харчевню. Кадан не осмелился в нее войти. Там сидели люди, которых он не знал. Но его окликнул хозяин, и тогда Кадан, осмелев, спросил, куда едет эта большая… Он не знал, как она называется.

– А, автобус? – догадался хозяин харчевни. Кадан запомнил слово. – Автобус едет в Коимбатур. Ты тоже туда собрался?

– Да, – несмело ответил Кадан.

– Ну, тогда стой здесь и жди следующего. На нем и доедешь, – и хозяин снова скрылся в харчевне. Солнце уже склонялось к горизонту, а автобуса все не было. Но Кадан был терпелив. Наконец послышалось

урчание, и из-за поворота, поднимая клубы пыли, показался автобус. Скрипнув тормозами, он остановился у харчевни.

Кадан неловко, боком, стараясь удержать равновесие на металлической подножке, втиснулся в автобус. Он боялся пройти дальше и встал у входа.

– Ты что здесь стоишь? – прикрикнул на него кондуктор. – Платить не хочешь? Тогда уходи.

Кадан осторожно начал развязывать узелок на дхоти.

– А-а, – удовлетворенно протянул кондуктор. – Иди, садись.

Кадан никогда не сидел на скамье, где ноги надо опускать. Но он повиновался. Кондуктор дал ему билет. Он бережно увязал его вместе с деньгами.

Автобус тронулся. У Кадана что-то оборвалось внутри и сладко заныло. Как в том сне, когда он летел на восток. От неудобного сидения ноги у него стали затекать. Он следил по солнцу, правильно ли едет автобус. Но тропа вдруг повернула на юг и автобус тоже. Кадан заволновался. Он хорошо знал, что плоская долина на востоке. Автобус вез его куда-то не туда. Кадан пожалел, что доверился людям, которых не знал. Он не выдержал и крикнул:

– Остановите! Вы везете меня не туда!

– Ты чего кричишь парень? – поднялся кондуктор. – Куда тебе надо?

– Мне надо на восток.

– Восток? – переспросил кондуктор. – Такой остановки нет.

В автобусе засмеялись. Кадан готов был заплакать. Над ним никогда так обидно не смеялись. И потом, надо было что-то предпринять. Автобус неотвратимо уходил на юг. Кадан бросился к двери. Кондуктор оттолкнул его:

– Ты что, ненормальный? Подожди до остановки.

Через несколько минут Кадан сошел. Он сразу же опустился на корточки, чтобы дать отдых затекшим и ослабевшим от волнения ногам. У прохожих Кадан спросил об автобусе на Коимбатур. Те сказали, что надо ждать здесь.

Снова пришел автобус, и снова Кадан втиснулся в него. Он был так измучен, что теперь ему было все равно куда ехать. На скамью он не сел, а опустился на корточки прямо на пол.

– Билет, – сказал ему кондуктор.

Кадан вынул из узелка старый билет и показал его.

– Ты что мне голову морочишь? – рассердился кондуктор. – Где ты взял этот билет?

– Я купил его у человека в зеленом автобусе, – вежливо ответил Кадан.

– А это красный автобус. – Кадан не заметил насмешки в голосе кондуктора.

Он заплатил за второй билет. Стараясь запомнить, какой билет на красный автобус, какой на зеленый, он увязал их вместе с деньгами. Он был уверен, что билеты намного важнее денег. Ведь только с помощью этих бумажек он сможет попасть в уру Коимбатур. Становилось темно, и в автобусе зажгли свет. Кадан на мгновение закрыл глаза – так ярок был свет. Он смотрел на прозрачные шарики, но язычков пламени разглядеть не мог. Они были как маленькие солнца. Такого чуда он еще не видел. Даже у Великого бога не было такого. Священный огонь на пике Малаишвара был ясен и понятен. Керосиновая лампа ему была знакома. Там все понятно – огонь рождает другой огонь. А здесь Кадан не заметил, чтобы кто-нибудь подносил огонь к прозрачным шарикам. Он все смотрел и смотрел на эти шарики, пока не стало больно глазам и в них не заплясали колкие цветные искры. И тогда Кадан подумал, что тоска, которая мучила его по долине за горами, была ненапрасной. Здесь все было необычно и чудесно. Чужой и непонятный мир, в который он вступил теперь, манил его с новой силой и захватывал своей необъяснимостью.

Плоскую долину, по которой шел автобус, Кадан не смог как следует разглядеть. За окнами стояла черная тьма, и только кое-где в отдалении мерцали огоньки. Но вот на горизонте стало разгораться зарево. Оно неотвратимо приближалось и становилось все ярче. От волнения язык у Кадана стал сухим и ноги ослабли. Он понял, что скоро увидит отдыхающее в плоской долине солнце, и подумал, что никому из мудугаров не удавалось еще этого увидеть. Он представил, как будет рассказывать об отдыхающем солнце в своем уру Розового дерева. Как внимательно будут его слушать и восхищенно приговаривать: «Аё, аё». И незаметно для себя Кадан сказал:

– Аё, аё.

– Ты что? – спросил его сидящий рядом крестьянин.

Кадан показал на зарево:

– Я сейчас увижу, как отдыхает солнце.

– Что? – переспросил крестьянин. – Какое солнце?

– Там, – снова показал Кадан.

– Да разве это солнце? – И задумчиво протянул: – Солнце… Оно тебя так пригреет, что не обрадуешься. Это Коимбатур.

Но Кадан не поверил крестьянину. Уру, даже очень большой, не может так сиять в ночи. Конечно, это отдыхающее солнце.

И Кадан снова повторял:

– Аё, аё, – и восхищенно покачивал головой. Отдыхающего солнца он так и не смог увидеть. Зарево стало рассеиваться и дробилось на множество огоньков, мелькавших в долине. Затем огоньки превратились в светящиеся глаза больших хижин и засверкали на длинных, как кокосовые пальмы, факелах, стоящих вдоль многих троп, пересекающих большой невиданный уру.

– Коимбатур, – объявил кондуктор.

Кадан понял, что он наконец приехал в уру на плоской долине. Автобус остановился на большой площади. Кадана оглушили крики носильщиков и торговцев. Он никогда не видел такого множества людей. Он стоял на площади, подавленный и растерянный, и не знал, с кем надо поздороваться в этом необычном уру. На него никто не обращал внимания, все были чем-то заняты, все куда-то торопились. В его родном уру гостей так никогда не принимали. Никто не предлагал ему свою хижину для ночлега, никто не спрашивал, как поживают его родственники, никто не нес ему угощение на банановых листьях. Кадан был голоден, и в его узелочке не осталось больше съестного. Усталость многодневного пути как-то сразу навалилась на него и сделала его тело тяжелым и непослушным. Тут же, около автобуса, на котором он ехал, он сел на корточки и закрыл в изнеможении глаза. Вокруг шумела многоголосая площадь, проезжали большие и маленькие машины, трещали мотоциклы и мотороллеры, тренькали звонки велорикш. Кадан был не в состоянии понять и постичь этот странный и чужой мир, который теперь окружал его. Но каким-то интуитивным чутьем, которое появлялось у него каждый раз, когда он попадал в глухие незнакомые джунгли, он ощущал затаенную враждебность этого мира. Он не мог сказать, с какой стороны надвигалась опасность. Непрерывный шум и мелькание множества незнакомых лиц мешали ему определить это. Но он был уверен, что

опасность существует совсем рядом. И странное, еще никогда не изведанное им чувство одиночества и беспомощности в присутствии других людей охватило его. Кадан прижал мокрые от холодного пота ладони к неожиданно ставшей горячей и тяжелой голове.

– Аё, аё, – застонал он.

– Ну что, увидел отдыхающее солнце? – произнес кто-то над его головой.

Кадан открыл глаза и увидел того крестьянина, который ехал с ним в автобусе.

– Ты что же, – сказал крестьянин, теперь в его голосе не было насмешки, – так здесь всю ночь и просидишь?

– Я не знаю, куда идти, – ответил Кадан и подумал, что, может быть, этот человек предложит ему свою хижину. Но, как выяснилось, хижина у крестьянина была в другом уру. И его, как и Кадана, никто не приглашал к себе ночевать. Они пошли на вокзал. На вокзале было так же шумно, как и на площади. Везде горели огни, и люди с большими узлами и ящиками, в которые могло бы поместиться имущество всего уру Розового дерева, сновали по платформе взад и вперед. Здесь Кадан увидел тропу еще более необычную, чем та, которая была в горах. По бокам тропы лежали две железные полосы, уходившие куда-то в бесконечную даль. И вдруг на этой тропе показался сверкающий огненный глаз. Перед Каданом замелькало множество странных хижин, соединенных друг с другом. Окна хижин зловеще светились и подмигивали. Над ними стлался длинный хвост резко и неприятно пахнущего дыма.

– Поезд, – сказал крестьянин.

– Поезд, – автоматически повторил за ним Кадан. Когда хижины остановились, крестьянин вошел в одну из них.

– Прощай! – крикнул он. – Если захочешь отсюда уехать, садись в поезд.

Кадан подумал, что неплохо было бы переночевать в такой двигающейся хижине. Но тут что-то загудело, и поезд стал медленно отходить от платформы. Кадан снова остался один. Он увидел раскрытую дверь хижины, вошел туда и наткнулся на спящих людей. В хижине была еще одна дверь, он толкнул ее и замер. В комнате находились какие-то блестящие белые сосуды с водой. Он напился из одного из них. Это был унитаз. Он вернулся в комнату, где спали люди,

и здесь его снова охватило ощущение надвигающейся опасности. На пороге стоял человек, одетый как инспектор Лесного департамента. Только на голове у него был красный тюрбан и в руках палка. Но не такая, какой мудугары роют коренья, а короткая и тяжелая.

– Ты что здесь делаешь? – спросил тот строго и сердито.

– Я хочу спать, – ответил Кадан.

– Убирайся отсюда! Знаю я таких бродяг.

Подстерегавшая Кадана опасность теперь реально воплотилась в этом человеке в красном тюрбане.

– Ну, что стоишь? – Человек угрожающе поднял палку. – Шляетесь тут, а потом вещи пропадают.

Кадан никак не мог понять, почему пропадают вещи и зачем Кадану говорят об этом. В уру мудугаров вещи не пропадают. Он хотел это объяснить сердитому человеку, но не успел. Он ощутил сильный толчок в спину, потерял равновесие и растянулся у дверей на платформе. Узелок вылетел из рук и покатился на железную тропу под колеса проходящего поезда. За спиной он услышал хохот. Произошла нелепость, смысла которой он не мог понять. С ним никто и никогда так не обращался. Но, поднимаясь и дрожа от возмущения, Кадан увидел нечто такое, что заставило его забыть на мгновение собственную обиду. Второй человек в красном тюрбане ударил палкой растрепанную, в рваной одежде женщину, которая сидела на платформе, прижимая к себе ребенка.

«Люди, он ударил мать!» – хотел крикнуть Кадан. Но потрясение было столь велико, что голос ушел внутрь, и он только хватал воздух раскрытым ртом.

Кадан забыл об отдыхающем солнце. Все вокруг утратило реальность и было похоже на страшный сон. Инстинкт самосохранения подсказал ему, что нужно делать. Он спрыгнул с платформы и увидел под ней спасительную темноту. Он нырнул в эту темноту и, споткнувшись, обессиленный, упал на кучу мусора. Придя немного в себя, Кадан почувствовал, что он здесь не один. Он хотел найти место, где не было людей. Он стал бояться людей этого странного и чужого уру. Их обычаи противоречили всему тому, что он знал о людях до сих пор. Но в это время его кто-то поймал за руку.

– Ты куда? – спросил мальчишеский голос.

Кадан с трудом разглядел перед собой паренька лет четырнадцати. Еще двое таких же вынырнули из глубины.

– Там, – неожиданно для себя сказал Кадан, – человек в красном тюрбане ударил мать.

– Ну и что? – удивился первый мальчишка. Он, казалось, не понимал Кадана.

– Мать, – повторил Кадан.

– Ну и что? Это, наверно, полицейский. Хорошо, что он тебя не ударил.

– Он и меня толкнул.

– А! – удовлетворенно сказал мальчишка. – Тогда другое дело. Тебя как зовут?

– Кадан.

– А ты кто?

– Мудугар.

– Что-то не слышал про таких.

– Какой он мудугар? – вмешался другой парень. – Он такой же бродяга, как и мы.

– Я не бродяга, – несмело возразил Кадан. – У меня есть хижина в уру Розового дерева.

Непочтительный хохот раздался в ответ.

– Слушайте, у него есть хижина! Так почему же ты болтаешься в Коимбатуре?

– Я хотел посмотреть плоскую долину и отдыхающее солнце.

– Ты случайно не больной? – спросили его. – Может быть, ты скажешь, что у тебя и деньги есть?

– Есть, – простодушно ответил Кадан.

– Ну тогда дай мне рупию. Она мне очень нужна.

Кадан и без этого разъяснения знал, что, если человек просит деньги, значит, они ему очень нужны. Он стал развязывать узелок на дхоти. Мальчишки, затаив дыхание смотрели на узелок. Они быстро сообразили, что в узелке была не одна рупия.

– Нет, ты дай нам пять рупий или даже десять.

Кадан дал им десять рупий. Они пошептались, и один из них распо рядился:

– Слушай, Кадан, ты будешь спать здесь. Это место не такое уж плохое. А мы пойдем. Утром принесем тебе десять рупий. Не

беспокойся.

Но Кадан не беспокоился. «Они же знают, – думал он, – что и мне нужны деньги в этом уру. И конечно, принесут их утром. Мудугары всегда верят друг другу. Надо верить и людям в этом уру». С этими мыслями он стал засыпать. Короткий тревожный сон, прерываемый грохотом проходящих поездов и криками людей, охватил его. Во сне он не видел гор и джунглей Аттаппади. Великий бог с седыми длинными волосами не поднимался над пиком. На него наезжали движущиеся хижины, полицейские в красных тюрбанах били женщин, и он снова кричал: «Люди, он ударил мать!» – и просыпался.

Когда неясный свет раннего утра проник под платформу, он поднялся и вышел на железную тропу. Он видел, как с первыми лучами солнца просыпался чужой уру. Его мучил голод, и он купил идли и бананы в маленькой лавчонке по соседству с вокзалом. Вчерашних мальчишек нигде не было. Он решил подождать их. «Будет неудобно, – думал он, – уехать, не дождавшись их. Они ведь принесут деньги». Но денег никто не принес.

Кадан побрел вдоль привокзальной улицы. На ней стояли каменные хижины. И так же как и вчера, никто не обращал на него внимания. Но он смирился с негостеприимностью и непонятной враждебностью уру Коимбатур.

Теперь он хотел только одного: вернуться в Аттаппади, в свой уру и свою хижину. Он понял, что Великий и мудрый бог был прав, не отпуская его в плоскую долину.

Кадан случайно забрел в маленький индусский храм. Здесь он увидел странного танцующего четырехрукого бога. По бронзовым губам бога змеилась недобрая и лукавая усмешка. Он не был похож на Ишвару. Сидящий перед богом жрец читал заклинания на непонятном Кадану языке. Кадан вспомнил пик Малаишвара и священный огонь в честь Великого бога мудугаров, и у него снова тоскливо сжалось сердце. Он решил уйти, но жрец остановил его.

– Плати деньги, – сказал он.

– Но у меня осталось совсем немного, – возразил Кадан.

– Был в храме – плати деньги, – настаивал жрец. Кадан развязал узелок. Чужой бог неистово плясал, и Кадану казалось, что он жадно протягивает к нему все четыре руки.

Кадан плохо помнил, как он снова очутился на вокзале. Вместе с толпой он втиснулся в один из вагонов, сел на пол и подумал, что теперь все кончилось и он скоро будет в своих горах. Он не знал, что для него все только начиналось, – он не подозревал, что поезда идут в разных направлениях. Этот поезд отправлялся в Бангалур. На одной из станций в вагон вошел контролер.

– Покажи билет, – обратился он к Кадану.

Тот спокойно протянул ему автобусные билеты. Один билет на красный автобус, другой – на зеленый. Кадан полагал, что двух билетов для поезда достаточно. Контролер рассердился и пригрозил отправить его в полицию. Что такое полиция, Кадан уже знал и не хотел туда попадать. Контролер отобрал у него все деньги и оставил Кадана в покое.

Поезд шел по незнакомой местности. Долина сменилась горами. Но они не были похожи на горы Аттаппади. Потом снова была долина. И наконец замелькали каменные дома большого уру. Поезд остановился и дальше не пошел.

– Какой это уру? – спросил Кадан у носильщика.

– Бангалур, – ответил тот. Кадан никогда не слыхал о таком уру. Ему стало страшно. Он понял, что заблудился и теперь не сможет вернуться обратно в уру Розового дерева. От сознания того, что ему придется навсегда остаться в этом чужом враждебном мире, он заплакал. Чья-то рука опустилась на его плечо. Он отшатнулся, пытаясь сбросить эту руку. Он теперь боялся рук людей. Но рука сильно и в то же время ласково удерживала его за плечо. Он поднял голову и увидел перед собой человека в дхоти и клетчатой порванной рубахе. Что-то в лице этого человека понравилось ему. В нем не было той насмешливой враждебности, которую он видел в лицах полицейского, мальчишек-бродяг, жреца в храме и контролера.

– Кто тебя обидел? – спросил человек.

С тех пор как Кадан покинул Аттаппади, с ним никто так не разговаривал. Он рассказал человеку обо всем. Раман, так звали этого человека, все внимательно выслушал и сказал:

– Да, неважные у тебя дела. Пойдем со мной. Что-нибудь придумаем.

Он повел его куда-то в сторону от вокзала и этого большого уру. Они пришли туда, где не было ни каменных домов, ни поездов, ни

автобусов. На грязной узкой улице, тесно прижавшись друг к другу, стояли простые глинобитные хижины, чем-то напоминавшие дома родного уру. Здесь жили, как потом узнал Кадан, рабочие плантаций. Раман вместе с матерью занимал небольшую хижину. В его доме нашлось немного риса, и Кадана накормили.

Раман устроил его на плантацию: деньги на обратный путь можно было заработать только там. Теперь Кадан уходил вместе с Раманом на рассвете и приходил, когда в хижинах зажигались огоньки очагов и керосиновых ламп. Весь долгий день они рыхлили землю под кустами кофе.

Кадану было легко с этими людьми, но их обычаи он не всегда понимал. Душными вечерами усталые мужчины пили воду, которая называлась арака. Арака обладала чудесным свойством изменять человека. Молчаливые становились болтливыми, грустные – веселыми, тихие и застенчивые – нахалами и драчунами. Однажды Кадану дали попробовать араки. Она обожгла ему горло, и глаза его стали плохо видеть. Он испугался и подумал, что с такими глазами в джунглях пропадешь. Через некоторое время ясность зрения вернулась, однако Кадан уже больше не пил араки. Здесь считали деньги – так никто не делал в его уру – и не всегда доверяли друг другу. Иногда они всей улицей ходили в небольшой храм неподалеку. И теперь, когда он был среди этих людей, он не чувствовал той враждебности четырехрукого бога, которая так поразила его в Коимбатуре. Четырехрукий стал чем-то нравиться ему, и Кадан даже находил в нем черты Великого бога.

Кадан стал привыкать ко многому, но с одним он не мог никак смириться. Это выходило за границы его миропонимания. И каждый раз, когда он встречал проявление этого качества в жителях приютившей его улочки, он физически болезненно ощущал нелепость и несправедливость происходящего. Этим непонятным и темным для него было пренебрежение к матери и неуважение к женщине. Он удивлялся, когда видел, как часто приниженно и робко обращаются женщины к мужчинам, жены к мужьям. Он не мог разобраться, в чем провинились женщины этого уру перед мужчинами. Когда он пытался спрашивать об этом, его не понимали. Его поражало и то, что женщины несмелы и несамостоятельны. Многие из них боялись без мужчин уходить за пределы своей улицы. Когда решались важные

вопросы, женщин почти никто не слушал. Он хотел объяснить, что у мудугаров все не так, но ему не верили. Даже женщины не верили. Они покорно принимали существующее положение дел, и никто из них не думал протестовать.

Недалеко от хижины Рамана жила с мужем Лакшми. Невысокого роста, крепкая, с широким лицом и добрыми улыбчивыми глазами, она давно нравилась Кадану. Он иногда приходил к ее хижине и молча наблюдал, как она возится у очага, стряпая ужин мужу. Они почти никогда не разговаривали. Когда Кадан спрашивал ее о чем-нибудь, Лакшми отвечала односложно и неохотно. Она совсем не была похожа на разбитных и бойких женщин его племени. С каждым днем Кадана все сильнее и сильнее тянуло к Лакшми. Короткими ночами, лежа на циновке, он думал о ней, и тоска по горам и лесам Аттаппади теряла свою остроту и притаивалась где-то глубоко под сердцем. Ему хотелось видеть Лакшми каждый день. И каждый вечер он сидел перед ее хижиной. Однажды муж Лакшми, высокий рябой парень, остановил Кадана.

– Ты что все время торчишь у моей хижины? – недружелюбно спросил он.

– Я прихожу к хижине Лакшми, а не к твоей.

Парень от удивления раскрыл рот.

– Это моя хижина, а не ее. И она моя жена. Ты знаешь об этом, чужак?

Кадан об этом знал, но он не мог понять, почему хижина, в которой живет Лакшми, принадлежит ее мужу, а не ей.

И почему муж вмешивается в его отношения с Лакшми. Ведь Лакшми его не прогоняет, значит, он ей нравится. Бесцеремонность, с какой муж распоряжался чувствами и привязанностями Лакшми, вызывала в нем внутренний протест.

Он не раз замечал облачка тоски, стиравшие улыбку в глазах Лакшми. Но не мог найти этому объяснения.

Однажды он услышал крики. Кадан выскочил из хижины и увидел, как рябой парень, пошатываясь от выпитой араки, намотал волосы Лакшми себе на руку и бил ее головой о стену хижины. Поодаль стояла группа людей, равнодушно наблюдавшая за происходившим. Кадан уже не пытался кричать: «Люди, он ударил мать!» Он видел такое потом не раз и, кажется, даже стал к этому привыкать. Но теперь

били Лакшми. На мгновение у него стало темно в глазах, и он в несколько прыжков очутился у хижины. Кадан ударил рябого. И оттого, что это произошло с ним первый раз, он вдруг почувствовал, как ослабели ноги и какой-то комок подкатил к горлу. Рябой потерял равновесие, странно осел на землю и выпустил Лакшми. В его удивленно раскрытых глазах заметался страх, и он прикрыл голову руками, ожидая еще удара. Кадан с беспощадной отчетливостью понял, что рябой – трус. Он не ударил его второй раз. Осмотрелся по сторонам. Лакшми нигде не было. Рябой, лежа на земле, плакал пьяными слезами.

Ночью Кадан долго не мог уснуть. Он смотрел, как тогда, в своем уру, на черное звездное небо, но мысли порванной нитью проносились в голове, и связать их воедино он не мог. Вдруг он уловил в темноте какое-то движение. Кадан насторожился. В чужом уру можно ожидать всего.

– Кадан! – позвали его. Он узнал голос Лакшми.

Она первый раз назвала его по имени. В ту ночь он узнал о страшной, полной унижений жизни Лакшми в доме рябого. В ту ночь она сказала, что любит Кадана и будет его женой. И он теперь стал часто думать о ночи полнолуния, которая ждет его и Лакшми в уру Розового дерева. Но до ночи полнолуния был долгий и трудный путь. Выяснилось, что по законам четырехрукого бога женщина дается мужчине навечно. Для него все равно, какой муж у женщины и любит ли она его. Кадан не мог понять, почему бог Лакшми вмешивается в такие дела. Великий бог мудугаров предоставил это решать самим людям. И теперь снова, когда Кадан смотрел на четырехрукого, он видел холодную и жестокую усмешку, змеящуюся по бронзовому лицу. В этом уру был странный обычай. Если четырехрукий бог сказал «нет», люди тоже говорят «нет».

Для Лакшми и Кадана наступили тяжелые дни. Рябой не хотел ей давать развода. В поселке говорили, что Раман сделал неправильно, приведя с собой чужака. Он сманивает женщин. На плантации рабочие стали сторониться его и ревниво наблюдали, когда Кадан зачем-либо подходил к работающим женщинам. Раман, человек добрый, но слабый, однажды сказал ему:

– Кадан, или откажись от Лакшми, или уходи отсюда.

– Я сделаю так: не откажусь от Лакшми и уйду отсюда. Но у меня еще нет денег на дорогу.

– Я не знаю, чем тебе помочь. Но лучше уходи. – Раман отвел глаза в сторону.

В тот же вечер, когда муж Лакшми ушел в лавочку пить араку, Кадан рассказал ей об этом разговоре.

– У меня есть немного денег. Нам хватит доехать до Аттаппади. И я не хочу ждать, когда Шива станет милостив к нам. От такой жизни я умру.

– Великий бог мудугаров не запрещает женщине уходить от мужа, если она его не любит, – сказал Кадан.

– Если так, мы поедем туда, где правит Великий бог.

Но открыто уехать им не удалось. За каждым шагом Лакшми и Кадана следил весь поселок. Это была настороженная и враждебная слежка.

Наступил сезон дождей. И однажды, глухой и дождливой ночью, когда в хижинах все спали, Лакшми и Кадан, как два вора, выскользнули из поселка. Они промокли до нитки, но добрались до вокзала и сумели сесть на поезд. Больше Кадан не видел этого уру. Уже в полутемном и тесном вагоне третьего класса Лакшми вдруг заплакала. Ее пугал длинный трудный путь, она не знала, что ждет ее впереди. Ей стало страшно. Кадан сидел перед ней притихший и подавленный. До долины Аттаппади они добирались целую неделю. На этот раз почти без приключений. Потом долго шли до уру Розового дерева. Лакшми не умела хорошо ходить и боялась джунглей. Но они дошли. Весь уру встречал их. Никто не удивился, что Кадан привел с собой жену. Ее приняли как равную. Женщины и мужчины уру просидели около Лакшми всю ночь и слушали ее рассказы о большом уру. На Кадана не обращали внимания. Но он не обижался. Лакшми была женщиной, ей должны быть оказаны почет и уважение. Лакшми сначала не верила, что в племени так могут чтить женщину, даже чужую. Она ожидала подвоха и ловушки. Но ничего не случилось. Следующие дни были такими же, как и первый. А однажды, когда мупан уру пришел к Лакшми серьезно посоветоваться, она ведь была грамотной, Лакшми поняла – все то страшное, что было в ее жизни, навсегда осталось где-то позади, за горами. И она сказала Кадану:

– Мы с тобой как Сита и Рама.

– Кто? – не понял Кадан.

– Были такие Сита и Рама. Они ушли в лес и были счастливы. Так и мы с тобой счастливы в этих джунглях.

– Конечно, – серьезно согласился Кадан, – мы тоже счастливы.

А потом была церемония в ночь полнолуния. Лакшми говорит, что ничего прекрасней в ее жизни не было.

Поначалу многие обычаи племени были непонятны Лакшми. Некоторые из них ей казались смешными. Она долго не могла примириться с тем, что муж предоставляет ей полную свободу и не ревнует ее. Лакшми казалось, что Кадан ее разлюбил. Но потом она поняла своеобразную логику такого отношения. Поняла и оценила.

Я познакомилась с Лакшми в один из тихих вечеров в уру Розового дерева. О том, что Лакшми «чужая», мне никто никогда не говорил. Потому что мудугары считают ее своей. Лакшми пригласила меня в свою хижину. Во всем облике Лакшми было что-то неуловимое, отличавшее ее от остальных женщин племени. Я сказала ей об этом.

– Аё, – засмеялась Лакшми, – я же из Бангалура.

И тут она рассказала мне историю своей жизни. Своей и Кадана.

– Богаче я не стала, – закончила она свой рассказ. – Люди этого племени живут так же, как и рабочие плантаций. Иногда даже хуже. Но разве в этом дело? Здесь больше человеческого счастья. Все помогают друг другу. Никто не наживается на беде других.

– Лакшми, – спросила я ее, – а что тебе больше всего здесь нравится?

Она задумалась. Ее улыбчивые глаза стали серьезными и даже немного грустными. Видимо, она о чем-то вспомнила.

– Амма, ты, конечно, была там, за горами, – через несколько минут сказала Лакшми. – И женщин там видела.

– Видела, – подтвердила я.

– Женщину там не считают человеком, – продолжала Лакш ми. – Когда родится девочка – это несчастье. У женщины всегда есть хозяин. Сначала отец или брат, а потом муж. И надо слушаться мужа, во всем повиноваться ему. А здесь все равны – и женщины и мужчины. И женщина здесь – человек, как и все остальные. Я пришла оттуда и первое время все пряталась за спину Кадана. Надо мной даже стали смеяться. Я не верила, что женщина может сама постоять за себя, что

она может сказать что-то умное и полезное. Теперь я знаю, что это так. Женщина может быть человеком. Это мне нравится больше всего.

Из уру Розового дерева видны горы. Из-за них каждое утро поднимается солнце. За горами чужой и непонятный мир. Мир насмешливого четырехрукого бога, полицейских, железных машин. Мир, где нужны деньги, где обманывают и бьют матерей. Кадан больше не хочет ехать в большой уру на плоской долине. Он знает, что солнце отдыхает не там. Но иногда Кадан думает о том, что где-то должно быть место для отдыхающего солнца. И мир отдыхающего солнца, созданный в его воображении, совсем не похож на тот, который он видел в плоской долине.

Совет в уру Розового дерева

– Вы забыли заветы предков, поэтому мужчины этого уру так снисходительны. Если Пачи нарушил закон племени и покинул ночью винебандарикуре, он совершил тяжкий проступок. Разве это вам не ясно?

Женщина вытянула вперед сухую темную руку и резко разрубила ею воздух. Сидевшие на циновках в просторной бамбуковой хижине люди не отрываясь смотрели на говорившую.

– Разве не ясно! – повторила опять женщина.

– Она права! – раздались возгласы.

– Женщины мудугаров всегда правы, – сказал высокий мужчина, прислонившийся к низкому проему входа. Густые вьющиеся волосы падали ему на лицо, узкая набедренная повязка резко выделялась на почти черной коже его мускулистого тела. Эти слова никого не удивили и не насмешили. Жрец, откинув пряди волос, глухо произнес: – Пусть будет так, как хотят женщины. Мупати говорила от их имени. Пачи будет наказан.

Присутствовавшие зашумели и стали подниматься с циновок. Совет уру Розового дерева кончился.

Традиции и обычаи, связанные с материнским родом, можно встретить у мудугаров на каждом шагу. К этой категории, вероятно, можно отнести и винебандарикуре, или мужские дома. В этих домах обычно живет неженатая мужская молодежь. Членами винебандарикуре мальчики становятся с двенадцати лет. Они обязаны

ночевать в мужском доме и никуда в это время не отлучаться. Мупати из уру Розового дерева объяснила мне, что по традиции племени юноша до женитьбы должен сохранять свою чистоту. А вот Пачи нарушил закон, сбежал ночью из винебандарикуре на свидание с возлюбленной. Мупати горестно качает головой. И вот наказание, очень тяжелое – штраф в десять рупий. Теперь, уже зная некоторые стороны жизни племени, я подозревала, что таких денег нет у всех мудугаров, вместе взятых.

– Откуда же Пачи возьмет десять рупий, мупати? – спросила я.

Брови мупати чуть удивленно приподнялись.

– Как откуда? Мы соберем эти деньги. Всем жалко Пачи. Он ведь теперь опозорен.

– А девушка?

– Охо, – выдохнула мупати, – что ей сделается? Уже с утра к ней два жениха приходили из соседних уру. Она теперь самая желанная невеста. Бедный Пачи… – и опять горестно покачала головой.

Винебандарикуре есть почти в каждом уру. Юноши ночуют там. Это своеобразный мужской мир, куда женщин не допускают. Даже совет уру редко вмешивается в дела мужского дома. Только серьезное нарушение, какое, например, случилось в уру Розового дерева, требует обсуждения на совете. Остальное решается на совете самого винебандарикуре. Администрация этих домов автономна. Обычно вождем винебандарикуре избирается старший юноша. Он следит за дисциплиной в доме и обычно отвечает за соблюдение норм нравственного поведения. Здесь юношам передаются традиционные знания племени, их знакомят с легендами и преданиями мудугаров, с историей предков, обучают песням и танцам. Они постигают все то, что нужно знать мужчине. Утром юноши сами готовят себе завтрак. Днем они могут есть дома и помогать семье в ее повседневных заботах. Во время сельскохозяйственного сезона им разрешается ночевать на дальних полях, особенно тогда, когда поля нуждаются в охране. Молодые мудугары очень привязаны к своим мужским клубам, поэтому их можно найти там не только ночью, но иногда даже днем.

Первый в моей жизни винебандарикуре я увидела в уру Розового дерева. Небольшая бамбуковая хижина винебандарикуре оказалась рядом с домом Вете. У самого входа манукаран вдруг низко поклонился мне и коснулся кончиком пальцев моих ступней.

– Женщина, которую допускают в винебандарикуре, достойна высшего уважения, – объяснил мне Вете.

Это явно не соответствовало обычаям мудугаров, и я заподозрила Вете в наивной хитрости. В хижине несколько женщин подметали пол.

– Вете, – спросила я его, – почему ты не кланяешься этим женщинам? Они ведь тоже допущены в дом.

Манукаран смутился. Он с опаской поглядывал на женщин и переминался с ноги на ногу. Буди, молодая грациозная женщина, отбросила травяной веник в сторону и тоже спросила:

– Вете, почему ты не отвечаешь?

Вете тоскливо озирался по сторонам.

– Амма, – сказала одна из женщин, – он тебе все неправильно сказал. Так приветствуют гостей. – И насмешливо посмотрела на манукарана. – Он, наверно, забыл сразу это сделать.

– Прости, амма, я забыл, – признался Вете.

Вете, как и подобает особе духовного звания, был немного фантазер. К счастью, его нетрудно было поймать на этом.

В хижине размером четыре на четыре метра вдоль стены тянулась длинная бамбуковая суфа, на которой спали обитатели мужского клуба. Рядом с суфой помещался очаг. Над очагом висел барабан. Вот, пожалуй, и все, что здесь было. Обстановка самая деловая.

Внезапно в дверь сунулась маленькая голова с быстрыми, всепроникающими глазами. Голова сидела на нескладном долговязом теле. Увидев меня, голова исчезла так же неожиданно, как и появилась.

– Вели! – позвал манукаран. – Это вождь винебандарикуре, – объяснил он мне.

Но Вели и след простыл. Через некоторое время он был доставлен к хижине под женским конвоем.

– Вели, что ты делаешь как вождь в этой хижине? – спросила я его.

Вели раскрыл рот, но почему-то забыл его закрыть.

– Вели, закрой рот! – засмеялись женщины.

Вели закрыл рот. Но потом мы все-таки разговорились. Сказать, сколько человек у него под началом, Вели сразу не смог. Он всех перечислял: Вели (это он сам), Пачи, Кали, Купа, Патти и т. д. Называя имя, он загибал палец на руке. Так мы выяснили, что в винебандарикуре живет десять парней. Вели строго блюдет дисциплину в своей команде.

Наиболее частые нарушения – ночные побеги. Если эти побеги не связаны с амурными похождениями (как у Патти), виновника штрафуют на четыре анны. На эти деньги приобретается бетель для всего мужского клуба. Вели следит за тем, чтобы парни не ссорились. Но если такое случается, все стараются их примирить.

– А вот у Патти очень скверный характер, он всегда кого-нибудь задирает, – говорит вождь.

В группе окружавших нас людей вдруг возникает какое-то движение. Паренек лет пятнадцати с задорно вздернутым коротким носом, растолкав всех, устремляется к выходу. Это Патти.

– Ему стало стыдно, – замечает Вете.

К Патти применяют крайнюю меру. В периоды наиболее бурных проявлений неуживчивости и задиристости Патти колотят.

– А иначе нельзя, – говорит Вели. – Если у него останется такой характер, что будет потом делать его жена? Мужчина должен быть мягким и покладистым. Иначе женщины его не будут уважать и любить.

Хотя у Вели маленькая голова, соображает он хорошо. Да и Патти не безнадежен. Однажды я наблюдала такую картину. Патти и Кали стояли друг перед другом, держа у груди сложенные ладони. Потом они поклонились друг другу и каждый коснулся пальцами ступней другого. Затем они постояли с вытянутыми ладонями и разошлись. Это состоялось очередное примирение между оскорбленным Кали и оскорбителем Патти.

В уру Коравампади самый веселый, на мой взгляд, винебандарикуре. Там живут шесть юношей. Уж такой там подобрался народ. Все время поют и танцуют. Вождь Ранган и его закадычный друг Чалан – люди с голосами и тонким музыкальным слухом. Чалан, правда, выглядит несколько мрачновато. Копна кудрявых черных волос падает ему на лицо и скрывает живые, все время смеющиеся глаза. Характер у Чалана легкий и миролюбивый. Жена на него жаловаться не будет. Чалану очень нравится жить в винебандарикуре. Его мать иногда сетует:

– Чалана дома не увидишь ни ночью, ни днем.

Чалан не возражает, но регулярно не появляется дома. По ночам его сильный чистый голос доносится из винебандарикуре:

Посмотри на меня, посмотри на меня!
Я подарю тебе украшения.
Посмотри на меня, посмотри на меня!
У меня нет денег.
Посмотри на меня, посмотри на меня!
Я отработаю на поле твоей матери,
И ты придешь ко мне.
Посмотри на меня, посмотри на меня!

Потом раздаются ритмичные удары барабана. Барабан не совсем обычный. На большой без дна глиняный горшок натянута козья шкура. Юноши становятся в круг и, двигаясь в такт этим ударам, поют:

Аё, невестка, аё, невестка,
Иди танцевать вместе с нами!
И вы, молодые девушки.
Идите танцевать вместе с нами!
Пусть вдовы и мупати
Танцуют вместе с нами!
И вы, девушки, которые ушли в лес
Собирать вкусные коренья и мед,
Идите танцевать с нами!
Пусть женщины, которые готовят еду,
Идут тоже танцевать с нами!
И все те, кто стоит или сидит,
Пусть танцуют с нами.

Мотивы в песнях разные и довольно сложные. Но Чалан и Ранган прекрасно с ними справляются.

Часто юноши ведут долгие разговоры о своих возлюбленных. Они встречаются с ними днем и по вечерам. Но ночь – табу для таких встреч. Каждый из них ждет, когда возлюбленная скажет о ночи полнолуния. Брачная церемония этой ночи навсегда станет между мужчиной и винебандарикуре, в котором прошла его юность.

Мупати Рами

Худощавой и подвижной мупати Рами можно дать на вид лет

пятьдесят. Она живет в Мукали – уру На трех дорогах. Муж Рами умер несколько лет назад, и мупати осталась вдовой. Сначала Рами очень тосковала. Она вспоминала погребальную церемонию во всех подробностях. Мертвого мупана завернули в циновки и положили на бамбуковые носилки. Над носилками был сооружен навес. Женщины рода мупана и мупати сидели в молчании около мертвого. Она смотрела на него и не могла себе представить, что он больше не поднимется.

Мупан был сильный и подвижный человек. Но несколько лет тому назад его тело стала подтачивать неизвестная болезнь. Даже самые старые мудугары не могли сказать, что это. Не помогли ни целебные травы, ни заклинания, Мупан угасал со дня на день. Видно, духи предков призывали его к себе. И теперь он лежал перед ней, завернутый в циновки, непо движный и безгласный. И Рами было трудно осмыслить случившееся. Временами острая печаль сжимала ее сердце, к горлу подкатывал комок, и глаза застилала тонкая влажная пелена. Но мупати удерживала слезы. По закону предков женщины мудугаров не плачут над мертвым. Они просто сидят и молчат. Где-то рядом глухо и ритмично стонал барабан. И как во сне мупати видела двигающиеся в погребальном танце ноги мужчин. Она не помнит, сколько времени это продолжалось. Она находилась в каком-то оцепенении. И только звуки стонущего барабана временами пробивались к ее сознанию.

Потом она увидела себя в Долине молчания. Здесь было приготовлено коппале, куда опустили тело мупана. Земля поглотила его, и только несколько камней отметили теперешнее жилище мупана. Кажется, именно в тот момент Рами поняла всю глубину постигшего ее горя. Но и тогда она не заплакала. В уру на погребальном пиру для души мупана была положена лучшая еда. О мупане хорошо говорили. Он был всегда добр и справедлив. Теперь его душа отправилась к Великому богу. Мупан был всегда мягок с ней и с другими людьми. И Рами утешала себя тем, что душа его возродится в достойном человеке, у которого будет легкая жизнь. Только мупати не знала, кто будет этот человек. Живым это знать не дано. И еще она с удовольствием подумала, что душа агента их дженми явно воплотится после его смерти в собаке. Мупан не раз говорил, что агент жаден, труслив и несправедлив. Рами представила себе голодного и облезлого

пса, бегающего от уру к уру и не находящего себе приюта. Мысли об этом смягчали остроту печали и заставляли думать о том, что мир духов предков более справедлив, чем мир людей.

После того как мупана не стало, она целыми днями неподвижно сидела на пороге своей хижины. Ее руки, привыкшие к разнообразной и тяжелой работе, теперь праздно лежали на коленях. Люди уру не мешали ей. Они понимали состояние мупати. Они приносили ей еду, но Рами не притрагивалась к ней. Она сидела и неотступно смотрела на пик Великого бога. Она хотела увидеть там душу мупана. Над пиком плыли облака. Они принимали причудливые очертания, и ей казалось, что она видит среди этих белых движущихся глыб фигуру человека, похожего на ее мупана. Но через некоторое мгновение очертания расплывались, меняли свою форму и исчезали. А Рами сидела и терпеливо ждала, когда в синем бездонном небе вновь появится сверкающая белая фигура человека. Когда солнце садилось, над пиком загорались звезды. Души-облака уходили на покой, и Рами ничего не могла разглядеть в темной глубине неба.

Но то, что происходило с Рами, долго продолжаться не могло. У мупати всегда много обязанностей и хлопот. На какое-то время мысли о своем уру и его людях покинули ее. Но теперь они стали постепенно возвращаться. Ведь смерть мупана не унесла забот женщин уру. Все они по привычке шли к Рами. Одни за помощью, другие за советом. И именно в те горькие дни мупати остро ощутила, как нуждаются в ней женщины уру, и была им благодарна за это. Повседневная сутолока дел постепенно отвлекала ее от грустных размышлений и тоскливых воспоминаний. Однажды в Мукали появился новый человек. Он был высок, сед, с открытой, располагающей улыбкой. Человека звали Бабу Шетти. Он был главой недавно созданного здесь Блока по развитию племени. Бабу Шетти всем понравился. Он держал себя с мудугарами как с равными и ничем не напоминал высокомерных чиновников из долины, изредка появлявшихся здесь. Как-то в разговоре с женщинами он шутливо спросил:

– А где здесь председатель женского клуба?

Рами смутилась и спряталась за спины подруг. Но те со смехом подтолкнули ее к Бабу Шетти. Он задумчиво и серьезно посмотрел на нее и сказал:

– Так вот ты какая…

– Ну и что? – с вызовом ответила Рами.

Былая смелость уже вернулась к ней.

– Будем работать вместе, – улыбнулся Бабу Шетти. – Я рассчитываю на твою помощь.

– Помощь? – удивилась мупати. – Разве мужчины долины тоже нуждаются в помощи женщин-мудугарок?

– Представь себе, да, – ответил глава блока.

С тех пор у Рами прибавилось дел. Блок имел свой план по работе с женщинами. Мупати план понравился, и она рассказала о нем в уру. План оказался шире того, что она до сих пор делала. Но у Рами был талант незаурядного организатора.

– Ни один чиновник блока не может сделать того, что делает мупати из Мукали, – сказал мне Бабу Шетти. – Если Рами берется за дело, будьте уверены, все выполнит как надо.

14 ноября мупати организовала празднование Детского дня. Она – главный шеф недавно построенной в Аттаппади больницы. Рами следит за чистотой в уру, заставляет женщин ходить к врачу. И только однажды Рами не справилась с заданием. Блок поручил ей создать в уру курсы кройки и шитья. Вспоминая об этом, Рами очень смущается.

– Нет, не смогла я это сделать. У нас в уру нечего шить. Как же можно организовать такие курсы?

Действительно, никак не организуешь. Все, что можно было шить, сшили год тому назад, а теперь придется еще долго ждать.

Когда Бабу Шетти посоветовал выбрать в каждом уру руководителя женщин, в Мукали первой назвали мупати Рами.

– Она у нас и мупати и мупан, – говорят женщины. – Мупан того не может сделать, что делает Рами.

Теперь в Мукали есть новый мупан. У мупана – жена. Но никто не называет ее мупати. Если вы спросите у жителей уру, где мупати, вам сразу укажут на Рами. Если в уру решается важный вопрос, обращаются в первую очередь к Рами. Действительно, Рами – и мупан и мупати.

Рами давно уже не сидит на пороге хижины и не смотрит на пик Великого бога. Для этого у вдовы мупана нет времени. Целый день она в движении и работе. Ведь у людей ее уру так много забот. И эти заботы – ее хлопоты, ее волнения.

Плывут облака над пиком Великого бога, каждый вечер зажигаются над ним звезды, а жизнь в уру идет своим чередом. И Рами, худощавая маленькая женщина с умными глазами, в уголках которых затаилась хитринка, занимает не последнее место в этой жизни.

Боги и богини. Уру, восставший против Великого бога

Матриархальные отношения всегда оказывают влияние на религию племени. Господство материнского рода и связанный с ним культ матери, как правило, приводят к поклонению женским божествам. Когда-то у мудугаров верховным божеством была богиня. Богиня-мать – Бхавани, Бхавани – река. Она течет через всю страну мудугаров и служит источником жизни в Аттаппади. Вода ее многочисленных притоков орошает поля племени, поит буйную растительность джунглей, утоляет жажду людей. В легендах и сказаниях проскальзывают иногда неясные намеки на то, что богиня Бхавани была и прародительницей племени. Великий бог Кама появился позже и был результатом своеобразного влияния более развитого индусского общества. Бхавани постепенно из разряда высших божеств была переведена в рядовые богини, правда с некоторыми признаками исключительности, а ее место занял Ишвара. Великий бог отнял у нее прародительские права и присвоил их себе. Такое внезапное ниспровержение богини явно результат воздействия сил извне.

Там, где господство материнского рода в силу внутренней диалектики развития было заменено патриархальными отношениями, с богинями поступали иначе. Среди дравидов-индусов до сих пор есть группа, которая считает Парвати[11], согласно древним верованиям, верховным божеством, а Шиву – второстепенным. Позже появилось божество, представляющее собой половину Шивы, половину Парвати. Вероятно, это случилось в период, когда установился временный баланс между материнским и отцовским родом. Это было время, когда материнский род еще не был разрушен, а отцовский не проявил еще явных признаков господствующего рода. Шли годы, патриархальные отношения одержали верх, Шива стал верховным богом, а Парвати превратилась в его жену. Ее участь оказалась более счастливой, чем

судьба Бхавани. Бывают случаи, когда богиня попросту превращается в бога. Есть на дравидийском юге в штате Андхра знаменитый на всю Индию храм в Тирупати. Храм посвящен богу Венкатесвару. Огромная статуя бога, покрытая богатыми одеждами, находится в главном святилище храма. Дравиды, признающие в качестве верховной силы материнское начало, уверены, что под мужской одеждой находился идол матери-богини. Эту версию подтверждают изображения львов в храме, являющихся, согласно индусской мифологии, символами богинь.

В каждом уру мудугаров есть свое божество, и это, как правило, богиня, олицетворяющая женское начало. Великому богу поклоняются раз в год, а богиням – ежедневно. Они спасают мудугаров от всех бед и невзгод и принимают самое непосредственное участие в жизни уру. А Великий бог высок и недоступен. Над страной мудугаров высится его пик – Малаишвара. Туда мудугары приходят раз в год, чтобы зажечь священный огонь в честь этого бога. Путь на пик труден и утомителен. Крутые горные тропы, ускользающие из-под ног камни, обрывающиеся отвесно вниз скалы. И только жители одного уру Благословенное место не признают Великого бога. Они не ходят всем племенем на пик Малаишвара, не гнут перед ним колени, не смотрят на священный огонь. Но никто в племени не упрекает их за явное пренебрежение к Великому богу. А дело в том, что в распре с уру Благословенное место Ишвара был виноват сам.

… Все случилось очень давно. Так давно, что даже старики мудугары не могут сказать, когда это было. Великий бог сделал много добра мудугарам. Он их создал, он дал им средства к существованию. И мудугары решили отблагодарить его. В те времена в уру Благословенное место жила прекрасная девушка, самая красивая среди мудугаров. Собрался совет племени и решил отдать девушку в жены богу. Красавица не возражала – быть женой Великого бога не так уж плохо. И действительно, они стали счастливо жить – мудугарка и бог. Она уже ждала ребенка, когда однажды Ишвара сказал, что он пойдет на охоту. И добавил при этом: «К моему возвращению подыщи мне другую жену. Ты мне надоела». Жена проводила бога на охоту, но искать новой жены не стала. Некоторое время спустя она родила девочку. Ишвара охотился по-божески и вернулся домой только через шестнадцать лет. На пороге своего жилища он увидел молодую

девушку и решил, что это его новая жена. Но мать девушки сказала: «Нет, это твоя дочь». Но Великий бог был упрям. «Я женюсь на ней», – сказал он. «Нет, ты не можешь сделать этого, она твоя дочь», – отвечала жена. Они долго ссорились. Наконец рассерженная жена забрала дочь и ушла в родной уру.

Бог долго думал, как бы их выманить оттуда. И придумал. Около уру Благословенное место есть гора. Наверху ее находится огромная ровная площадка. На этой площадке Ишвара решил дать представление для жителей уру. Он думал, что жена и дочь придут посмотреть на спектакль. Ишвара сам поставил великолепную танцевальную драму. Случилось все это в лунную ночь. Жители уру услышали грохот барабанов и звуки флейт, доносившиеся с горы. Они посмотрели туда и увидели множество горевших огней. Вся театральная труппа Великого бога, разодетая в цветные богатые одежды, сверкавшие драгоценными камнями, пела и плясала на плоской площадке. Но лучше всех танцевал сам Ишвара. Его лицо было раскрашено, однако люди узнали его. Представление длилось до утра. Никогда еще жители уру не получали такого удовольствия. Но Ишвара старался напрасно. Жена и дочь не пришли на представление. И Великий бог остался ни с чем. Он очень рассердился и решил уничтожить уру. Ишвара стал бросать туда стрелы. Но люди ловили эти стрелы и швыряли их в Великого бога. Ишвара оказался бессильным. И до сих пор длится ссора между уру Благословенное место и Великим богом. В этой ссоре на стороне жителей уру их богиня Каридаювам.

Эта легенда, по-видимому, в своеобразной форме отражает не борьбу между богом и богиней, а столкновение традиций материнского рода с чуждым влиянием патриархального общества. Богиня пока выстояла. Уру Благословенное место тоже. Но что можно сказать о будущем?

Это ваше племя. Мудугары – коммунисты

Мы с Бабу Шетти возвращались из очередной поездки в один из дальних уру. Джип подпрыгивал на ухабистой горной дороге, густые заросли джунглей на поворотах надвигались на нас, и казалось, еще минута – и мы врежемся в них. Долина уже погрузилась в темноту И только на западе широкая полоса розового неба незаметно переходила в темно-голубой цвет. На розовом небе одна за другой зажигались желтые звезды. Чернели причудливые силуэты гор. А над горами мерцала зелеными лучами яркая Венера. Временами дорогу перебегали то дикий кот с пушистым полосатым хвостом, то лиса, то кролики. На секунду зверьки застывали, ослепленные светом фар, а потом, придя в себя, опрометью бросались в спасительную темноту ночи. День был трудный. Долгий пеший путь через горные джунгли, напряженная работа в уру. Теперь каждый из нас наслаждался относительным покоем ночной дороги. Темные ухабистые мили ползли навстречу.

– А вы знаете, – вдруг нарушил молчание Бабу Шетти, – ведь мудугары ваше племя. Я совсем забыл вам об этом сказать.

– Как наше? – не поняла я.

– Конечно же, ваше. Они – коммунисты.

Я перестала вообще что-либо понимать.

– Я говорю правду, – засмеялся Бабу Шетти. – Что вы на меня так странно смотрите?

Это было открытие, трудно поддающееся осмыслению. Мудугары – коммунисты! Племя, которое в своем развитии недалеко ушло от предков, живших в каменном веке, и вдруг – коммунисты. Если бы сам Великий бог спустился с пика и приветствовал меня, я бы, наверно, поразилась меньше.

… В жизни мудугаров было много тяжелых и трудных лет. Но этот 1942 год был особенным. До уру доходили неясные и смутные слухи о какой-то большой войне, которая идет там, за горами. Но это были слухи, и никто ничего определенного сказать не мог. Зато вести о великом голоде вскоре получили более достоверное подтверждение. Из редких, разбросанных по долине лавчонок исчез рис. Лавочники больше не давали в долг. Земля родила в этом году очень скудно.

Мудугары собрали урожай в несколько раз меньше, чем в обычные годы. Дженми неожиданно повысили ренту и требовали ее уплаты зерном. Потом, много времени спустя, когда пришли те люди, стало известно, что дженми продавали зерно мудугаров на черном рынке по очень высоким ценам. Того зерна, что осталось в уру, хватило всего на два месяца. Потом начался голод. Великий голод. В окрестностях уру были выловлены все крысы и кроты, перебиты все кролики. В джунглях вырыли все съедобные коренья. Смельчаки отваживались проникать на территорию леса, принадлежавшего дженми, но охранники раджи подстерегали их и избивали палками. Попавшие в их лапы возвращались домой искалеченные и окровавленные. Некоторые совсем не возвращались. Заступиться было некому, и приходилось терпеть. Великий бог оставил племя. Ослабевшие от голода люди с трудом поднялись на пик Малаишвара и всю ночь жгли священный огонь в его честь. Они просили Великого бога помочь им в беде. Но серый гранит оставался холодным и молчаливым. Обессиленные долгим путем и иззябшие, они спустились с пика и разошлись по своим уру. Безнадежность и отчаяние стали их уделом. Сырыми промозглыми ночами в уру плакали голодные дети. Все, что было съедобного, люди отдавали им. Но этого съедобного было так мало. Первыми от голода стали умирать сильные мужчины. Души умерших уходили ненакормленными. И в завываниях ветра мудугары часто слышали стон и плач голодных душ.

Духи предков разгневались и наслали на уру разные болезни. Самой тяжелой была лихорадка. Смертоносные испарения заболоченных джунглей унесли жизнь многих. Ослабевшие люди умирали быстро. Живые не были в состоянии соблюсти погребальный ритуал. Племя было брошено на произвол судьбы. Никого не интересовали гибнущие люди. Их было слишком много в тот год по всей стране – и в долинах, и за горами. Но тем не менее мудугарами заинтересовались. В их уру сначала появилось несколько человек, которые называли себя странным и незнакомым словом «коммунисты». Эти люди преодолели тяжелый, полный опасностей путь. Тогда, более двадцати лет назад, в Аттаппади не вели дороги. Пришельцы прошли запутанными тропками через малярийные джунгли, они карабкались по горам, преодолевая ущелья и расщелины. Они пришли с разбитыми в кровь ногами. Напуганные и отчаявшиеся

люди приняли их за новых агентов дженми. Их встретили угрюмо и недоверчиво. И без них в племени было достаточно горя. Коммунисты шли от уру к уру и видели везде одно и то же: распухших и ослабевших от голода людей, детей со вздутыми животами, умирающих от болезней и недоедания. Сейчас уже трудно себе представить, как удалось коммунистам добыть и доставить в Аттаппади продовольствие. Но это продовольствие спасло племя от гибели. Такой была первая встреча мудугаров с коммунистами. И с тех пор слово «коммунист» прочно вошло в лексикон племени. От уру к уру поползли слухи, что этих людей прислал к мудугарам Великий бог, сжалившийся наконец над страданиями племени. Но слухи надо проверять, тем более что к этому была полная возможность.

– Кто вас прислал? – спросил однажды коммунистов манукаран уру Где бьет барабан.

– Партия, – ответили они.

– Значит, партия могущественней Великого бога мудугаров? – поинтересовался манукаран.

– О да, конечно, – рассмеялись коммунисты.

Они не стали разуверять старого манукарана, что Великого бога не существует. Здесь надо было начинать не с этого. Некоторые из пришельцев поселились в уру мудугаров. Они ели то, что и мудугары, изучали их язык. Шаг за шагом коммунисты разъясняли племени необходимость бороться за свои права. И они научили их это делать. Агенты дженми, лавочники и ростовщики обычно мало церемонились с мудугарами. За любое неповиновение они их били. Мудугары постепенно привыкли к этому и не сопротивлялись. Научить мудугаров сопротивляться своим традиционным хозяевам стоило большого труда. Но коммунисты сумели сделать и это.

Самым большим авторитетом в племени пользовался коммунист Уни Гопалан. Мудугары не знали, кто он и откуда. Но однажды случилось такое, о чем до сих пор помнят в уру Розового дерева.

… Агент маннаргхатского дженми явился в уру с утра. Это был неопрятный, средних лет человек, беспрестанно жевавший бетель. От этого зубы агента стали красными. Он бесцеремонно, как хозяин, прошелся по уру и заметил молодого парня Шатана, работавшего на поле.

– Эй, ты! – позвал он Шатана. – Подойди-ка сюда.

Шатан разогнулся и подошел к агенту.

– Ты дашь мне две рупии, – потребовал тот.

– Но я внес деньги за землю в общую казну, – возразил Шатан.

– Ах, ты еще противишься, недоносок!

И агент ударил Шатана по лицу. Раньше, может быть, парень и стерпел бы. Но после того как Уни Гопалан говорил с жителями уру, Шатан не мог допустить, чтобы его били. Он помедлил немного и ответил агенту тем же. Тот на мгновение растерялся, а затем, подняв свою тяжелую палку, с ругательствами набросился на Шатана. Парень прикрыл руками голову, защищая ее от удара. В это время он услышал, как кто-то крикнул:

– Не смей!

Это был Уни Гопалан. Шатан ожидал, что агент теперь набросится и на Уни. Он хорошо помнил, как угрожали дженми коммунистам, если те не уйдут из уру мудугаров. Но произошло совершенно неожиданное. Агент опустил палку и, низко кланяясь Гопалану, слезливым голосом запричитал:

– Я не нарочно, господин, я не нарочно, это он меня первый ударил.

Шатан обмер от изумления. Он понял, что коммунист сильнее дженми. Только потом стало известно, что Уни Гопалан принадлежит к семье маннаргхатского дженми. Объяснить, почему в одной семье такие разные люди, мудугары не смогли. Да это было и неважно. Они верили Гопалану. И то, что он принадлежит к семье землевладельца, еще более повысило в их глазах авторитет коммуниста Гопалана. Такова уж сила традиций. Потом в стране произошли изменения. Индия стала республикой, и мудугары, как и другие племена, получили политические права. Но сами они не имели представления об этих правах. Коммунисты были первыми, кто разъяснил их мудугарам.

В 1957 году в Аттаппади появились чиновники из долины. Вместе с ними приехали какие-то люди, которые говорили, что надо голосовать за их партию. Они говорили с мудугарами туманно и неясно, что-то обещали. Но мудугары давно не верили обещаниям людей из долины. Только Уни Гопалан и его друзья были достойны доверия племени.

Когда наступил день выборов в Законодательное собрание штата Кералы, Уни Гопалан был избран большинством голосов по избирательному округу долины Аттаппади. Мудугары теперь хорошо знали эмблему компартии «Серп и молот». Тот, кто голосовал за коммунистов, тоже стал считать себя коммунистом. Мадан, мупан уру Розового дерева, даже пошел дальше. Он вступил в партию. Как выяснилось позже, за коммунистов голосовали не только мудугары, но и многие люди в долинах, за горами. Поэтому в Керале было создано коммунистическое правительство. Мудугары тоже узнали об этой новости. Однако представить себе это правительство они не могли. Они поняли только, что их друзья стали важными людьми. В племени начали поговаривать о том, что этим «важным людям» теперь не будет дела до мудугаров. Но говорившие об этом ошибались. Коммунистическое правительство вплотную занялось племенами долины Аттаппади. По его указанию коллектор дистрикта покинул удобное кресло в своем кабинете и отправился с несколькими помощниками в Аттаппади. Они ездили и шли пешком от уру к уру, и коллектор изумлялся. Он даже не подозревал, что в этом районе такое тяжелое положение. Правительство потребовало от коллектора объективных выводов и рекомендаций. На основе этих рекомендаций правительство приняло решение – немедленно заняться коренным улучшением условий жизни племен в Аттаппади. В маленьком поселке Агали был создан Блок по развитию племен. Бабу Шетти, вскоре ставший большим другом мудугаров, возглавил этот Блок. Мудугары не были в состоянии разобраться в той острой политической борьбе, которая разгорелась в Керале в период деятельности правительства коммунистов. Они не читали газет и не посещали митингов. Весть о роспуске правительства дошла до них тоже не сразу. Коммунисты продолжали помогать племени, а созданный ими блок работает без перебоев и сейчас. Правда, после того как коммунистическое правительство перестало существовать, блоку приходится довольно трудно. Но тем не менее удалось сделать немало. В последние два года мупан в каждом уру стал лицом выборным. В некоторых уру на смену ветхим бамбуковым хижинам пришли надежные каменные дома, построенные с помощью блока. В Аттаппади появились первые школы для детей мудугаров, ирула, курумба. Открыта бесплатная больница. Ко многим уру теперь проведены дороги. Коммунистам в свое время

удалось включить проект развития долины Аттаппади в пятилетний план экономического развития Индии. По плану на этот проект были отпущены средства.

Правда, коммунистическое правительство не успело провести реформу арендных отношений. Бесправная аренда остается еще уделом племени. Но Блок, располагая определенными финансовыми средствами, старается облегчить положение арендаторов, вырвать их из-под власти помещиков – дженми, защитить от произвола и беззакония. Многим семьям был предоставлен государственный кредит. И это ослабляет ростовщическую эксплуатацию. Сто семей получили бесплатные удобрения, семена и скот. Многим был предоставлен заем для строительства каналов, колодцев и т. д. В районе племени организованы четыре кооперативных общества. Вводятся новые методы культивации и новые культуры, ранее незнакомые мудугарам, – картофель, капуста, морковь. Делается попытка вырастить виноград. В каждом уру есть опытный участок, на котором мудугары обучаются современным методам ведения сельского хозяйства. Сто пятьдесят мужчин и тридцать женщин уже овладели этими методами.

После роспуска правительства коммунистов блоку становилось работать все тяжелее и тяжелее. Блок оказался забытым, и если он еще держался, то только благодаря энтузиазму Бабу Шетти и тех, кто с ним работал. Несколько месяцев спустя после моего отъезда из Аттаппади я получила письмо:

«*В результате медлительности в высших кругах мы теперь обременены крайне тяжелой работой, и большинство из нас трудится целыми днями и даже по воскресеньям и праздникам. Мы стараемся делать что можем, но результаты очень незначительны. Лично я совершенно разочарован в работе Блока. Борьба, которую мы все ведем, напрасна. Напишите мне, пожалуйста, о себе, о своей работе и вашей великой стране.*

Искренне ваш Бабу Шетти».

Препятствия возникали на каждом шагу. Дистриктные власти не помогали Блоку. В высоких инстанциях задерживались необходимые для Аттаппади суммы. Кому-то не нравилась деятельность блока. Из дворцов раджи Эралпада и маннаргхатского дженми шли открытые

угрозы. Уставший от бесплодной борьбы с дженми, с чиновниками, с министрами, Бабу Шетти потерял веру в людей и собственные силы. Давали себя знать годы, проведенные без отдыха, без нормального сна. Состояние его здоровья оставляло желать лучшего. В августе 1964 года Бабу Шетти подал в отставку и уехал за горы, в долину Коимбатура, в ашрам Рамакришны. Там он хотел обрести желанный покой. Мир с его страданиями, борьбой и обманутыми надеждами остался за стенами обители. Бабу Шетти окружали санияси в оранжевых одеждах, простаивающие часами в сосредоточенном молчании. Их ничто не волновало, они заботились только о своей душе. Бабу Шетти не привык так много думать о себе. Его не покидали беспокойные мысли об Аттаппади и мудугарах. В ашраме он начал писать о них книгу. И чем больше писал, тем чаще думал о том, как они теперь. Он вспоминал этих людей с доверчивыми детскими глазами, иногда совсем беспомощных и наивных. Временами у него возникало щемящее чувство, что он, как человек, не имел права бросать их на произвол судьбы. Он понял, что не в состоянии сидеть вот так, как санияси, сосредоточась на чем-то отвлеченном. По ночам в тревожных снах мудугары приходили к нему, и в их глазах он видел немой упрек. И Бабу Шетти не выдержал. Через два месяца он вернулся в Аттаппади. И снова напряженная тяжелая работа: враждебность сильных мира сего, бессонные ночи, долгие утомительные разъезды. Но Бабу Шетти теперь твердо знал, что нельзя отдавать в чужие, равнодушные руки дело, которое начали его друзья-коммунисты. Нужно сохранить то, что было сделано, и попытаться сделать еще кое-что. А наградой ему будет благодарность и признательность людей, ради блага которых он пожертвовал всем.

То, что начали коммунисты, продолжает жить. И поэтому минимум половина людей племени мудугаров говорит: «Мы – коммунисты».

Было очень заманчивым узнать, что все-таки мудугары думают о коммунистах и, может быть, даже о коммунизме. Как они все это понимают.

– Вы, конечно, можете пойти и спросить их об этом, – сказал Бабу Шетти, хитро прищурившись. – Но я вам должен сказать, что они вряд ли понимают коммунистическую идеологию. Это просто вера в людей, которые называют себя коммунистами, и в то доброе и полезное, что они сделали для мудугаров.

Я, безусловно, ни минуты не сомневалась, что это именно так. Но все же было интересно узнать самой.

В уру Читтур самым ярым приверженцем коммунистов был молодой парень по имени Паччай. Паччай делает все медленно, но основательно. Думает он тоже медленно. Как-то я спросила его, почему он голосует за коммунистов. Паччай задумался. Стрелка на моих часах отсчитала секунды, а потом минуты. А Паччай все думал. Я решила, что он не понял моего вопроса. Я хотела повторить его, но Паччай остановил меня.

– Слушай, амма, что я скажу, – с усилием произнес он. Паччай был не из разговорчивых. – Ты знаешь, что у нас в племени нет богатых и земля, на которой мы работаем, не наша? – неожиданно спросил Паччай.

– Знаю.

– Дженми обращались с нами хуже, чем с собаками. Их люди били нас по всякому поводу.

– И тебя, Паччай, били?

– Нет, меня не били. Но я не люблю смотреть, когда бьют других. Коммунисты сказали нам, что надо делать. И теперь дженми не смеют с нами так обращаться. Я всегда буду голосовать за коммунистов. Паччай сказал все, амма, что думал. Ты больше ничего не спросишь?

– Спасибо. Больше ничего.

Паччай улыбнулся и вытер со лба мелкие капельки пота.

– А ты за кого, амма, голосуешь? – спросил он вдруг и пристально посмотрел мне в глаза.

– За коммунистов.

– Ты правильно, амма, делаешь. – Голос его стал тихим и доверительным. – Матери нашего племени тоже за коммунистов. А матери твоего племени?

– Тоже.

– Вот и хорошо. Очень хорошо, – убежденно сказал Паччай.

Однажды я навестила уру Благословенное место. Мупана не оказалось дома, и меня встретил курудале. Он был очень исполнительным и очень хитрым. Небольшого роста, верткий, с плутоватыми глазами, которые он всегда отводил в сторону. Он был очень привязан к Бабу Шетти и никогда с ним не хитрил. Он сопровождал его повсюду и делал много не только для Бабу Шетти, но

и для его гостей. С гостями он держался почтительно и был готов на любую услугу. Но в племени, где хитрость считалась явным отклонением от нормы, его не любили. Особенно не жаловал его мупан Мадан. Курудале отвечал ему тем же самым. Мадан был коммунистом, и поэтому курудале коммунисты не нравились. Он был наивным хитрецом, и эта наивность часто определяла его собственное отношение к людям, страдавшее нередко большой долей субъективизма.

– Курудале, – спросила я его, – а где же мупан?

– Нет и не будет.

– Что же он, пропал?

– Пропал. – И его хитрые глаза стали совсем узкими.

– Ты хитрец, курудале, знаешь, где мупан, и не говоришь.

– Амма, зачем тебе мупан? Я могу сделать все, как и мупан.

Пока мы пререкались, пришел Мадан. Курудале почел за благо скрыться. Мы перебросились с мупаном несколькими словами. А потом я стала такой же хитрой, как курудале, и сказала ему:

– Мадан, я никогда не видела коммунистов. Объясни мне, кто они такие.

Мупан с сожалением покачал головой.

– Аё, амма, как же ты не видела коммунистов? Коммунисты – это, – он на мгновение помедлил, – серп и молот. Я всегда голосую за серп и молот. Коммунисты спасли нас от голода. Все племя было благодарно им за это.

– Так, понятно. А что такое коммунизм? Может быть, ты мне тоже объяснишь?

Недаром мупан уру Благословенное место славится умом и сообразительностью. Он даже не задумался перед тем, как ответить.

– Это когда, – очень уверенно заявил Мадан, – все люди живут хорошо и всем хватает еды.

Ответ был точен и конкретен. Так Мадан со своей точки зрения понимал коммунизм. Бабу Шетти оказался прав. Я нашла в маленьком племени, разбросанном по джунглям и горам Аттаппади, своих единомышленников. И я была очень рада этому.

Патти из рода Кобра

– Амма, ты бо льшой учитель из большой школы?

Эту ф разу произнес звонкий детский голос. Я обернулась и увидела перед собой прямо на тропинке мальчишку лет девяти-десяти. Как и на всех детях-мудугарах, на нем был минимум одежды. И только измазанный ярко-красный кусок грубой ткани, напоминавший короткий плащ, был переброшен с шеи на спину. Мальчишка держался независимо и нимало не был смущен тем обстоятельством, что встретил в джунглях незнакомых людей. В его руках был небольшой лук-праща.

– Кто тебе сказал, что я большой учитель из большой школы? – спросила я.

– Так тебя называет наш мупан. Он сказал, что большая школа стоит в большом уру Мок… нет, Мов… – запнулся мальчишка. Незнакомое слово не давалось ему.

– Москва?

– Москва, Москва, – обрадовался он. – Теперь я знаю, что это ты, амма, большой учитель.

– Да я вовсе не большой учитель. Мупан что-то перепутал.

– Нет, мупан перепутать не может. А меня зовут Патти, – вдруг выпалил он.

Так мы познакомились. Патти любил основательно закреплять свои знакомства. Лук-праща был щедро отдан мне в полное владение. Это было все, что имел Патти. Пожалуй, этот мальчишеский лук стоил многого. Он свидетельствовал о великодушии и бескорыстии его владельца. Взамен мальчик ничего не просил.

Патти живет в уру Коравампади. От дороги в уру ведет тропинка через джунгли протяженностью две мили. Уру небольшой: три хижины скрыты в зарослях банановых деревьев. Одна из хижин принадлежит матери Патти. Недалеко от уру маленькие клочки полей. Мать и отец Патти с утра заняты на них. Но еды не хватает, и Патти всегда бывает голоден. На его худых боках можно легко пересчитать ребра. Кроме Патти в семье еще четверо детей. Одни младше его, другие старше. Но все нуждаются в пище, а ее так мало. Патти с раннего детства привык заботиться о себе и о младших. Он просыпается, когда на востоке только начинает алеть заря. Патти не любит много спать. Да и не может.

Часто голод мешает спокойному сну. Некоторое время Патти лежит на циновке и прислушивается. Предрассветный ветер шумит в широких изорванных листьях банановой рощи. Патти ждет, когда оживут джунгли. Первые лучи солнца пробуждают их, и они как-то сразу наполняются разноголосым гомоном птиц. Патти берет свой лук и выскальзывает из хижины. Он спускается вниз по узкой каменистой тропе к говорливому прозрачному источнику. Ранним утром бывает особенно прохладно, и Патти старается завернуться в свой импровизированный плащ. Но плащ короток, и его ткань согревает плохо. Патти ускоряет шаг. Его босые ноги осторожно ступают на холодные мокрые камни, между которыми бурлит и играет вода источника. Здесь надо быть особенно осторожным. Иногда в это время сюда приходят на водопой крупные звери – тигр или пантера. Патти хорошо знает, что лук ему вряд ли поможет. Его отец, опытный охотник, научил Патти кричать, чтобы звери пугались. Но он не уверен, что тигр или пантера испугаются его еще неокрепшего голоса. Лучше быть осторожным. И Патти чутко прислушивается ко всем посторонним звукам, временами возникающим в зарослях. Пока что эти звуки не вызывают у него особых подозрений. Он касается сбитыми коленками гладкой влажной поверхности камня и, зачерпнув ладошкой воду, сначала пьет ее, а потом плещет себе на лицо, руки и грудь. Патти ежится – вода холодная, но хорошо освежает и заставляет на минуту забыть о голоде.

Траву покрывает роса. Она бывает особенно обильной в эти ранние часы. Холодная вода взбадривает Патти, и он, прыгая с камня на камень, пересекает источник. Джунгли принимают его как своего. Здесь ему все знакомо с малых лет. Правда, каждый раз, попадая сюда, Патти делает все новые и новые открытия. Он вдруг обнаруживает маленький холмик, полный красных прожорливых муравьев. От них лучше держаться подальше. Босые ноги Патти ничем не защищены от их обжигающих укусов.

На дереве дикого манго уже появились завязи. Месяца через два-три можно будет есть сочные, сладкие как сахар плоды. Вдруг над головой Патти раздается мерное жужжание. Он поднимает голову и видит рой диких пчел. Они скрываются в стороне, где садится солнце. Но Патти не решается их преследовать. Он не умеет еще этого делать. Чтобы добыть мед, надо быть сильным, опытным и искусным. Однажды отец нашел мед. Патти до сих пор помнит его душистую золотую струю.

Детям дали попробовать очень немного, остальное отец отнес скупщику. Нужны были деньги. При воспоминании о меде Патти сглатывает слюну. Ему очень хочется есть. Он судорожно сжимает лук, но птицы, которые вьются в ветвях деревьев, очень малы. В них трудно попасть, да и мяса на них почти нет. Патти сходит с тропинки и пристально вглядывается в густые заросли, но не видит ни попугаев, ни диких голубей. Он осторожно продвигается в зарослях. Здесь сыро и царит полумрак. Теперь его слух старается уловить каждый шорох. Сырые полутемные заросли – опасное место. Обычно здесь водятся змеи. Самая страшная из них – черная кобра. Патти принадлежит к ее роду. Однако он не уверен, что родственные чувства возобладают в змее при встрече с ее потомком. Он знает только, что убить ее не может. Это – табу для рода Кобры. Но для кобры табу не существует, и она может укусить. Старый манукаран его уру лечит от укуса змеи. Но уру далеко позади. Патти не успеет добежать до манукарана. Поэтому он неслышно и бесшумно двигается по сырому мягкому ковру гниющих листьев и ветвей. И внимательно смотрит под ноги. Что-то его настораживает. Он останавливается и видит глубокие вмятины. Здесь прошли дикие слоны. Он различает следы слонихи, рядом слоненка, чуть поодаль следы нескольких молодых слонов. Патти определяет их направление. Встреча с дикими слонами не сулит ничего хорошего. Прежде всего надо узнать, в какую сторону дует ветер. Ветер дует оттуда, куда ушли слоны, и Патти успокаивается. Он проходит еще немного и слышит наконец характерное пощелкивание. Целая стая сине-зеленых попугаев облепила высокий куст. Длинные стручки, висящие на ветвях куста, исчезают с молниеносной быстротой. Но Патти не торопится. Отец всегда говорил ему, что охотник не должен торопиться. Он медленно поднимает лук, натягивает тетиву и целится в попугая, сидящего на кривой ветке, вытянутой далеко от ствола куста. Патти надеется, что остальные не сразу заметят его исчезновение и тогда ему удастся убить еще одного. Камень, выпущенный из лука, сбивает попугая с ветви. Но Патти не спешит за добычей. Он боится спугнуть остальных. Второй камень попадает в цель. Стая с резкими криками снимается с куста и исчезает за кронами деревьев. Патти поднимает убитых попугаев. Он делает это вовремя. Дикий кот с хищно оскаленными зубами прыгает с дерева, но поздно… Патти весело смеется и отбегает от угрожающе рычащего кота. На обратном пути Патти удается достать из нор двух слепых кротов. День начинается

удачно. Но так бывает не всегда. Патти помнит дни, когда джунгли ему ничего не давали. Манукаран говорил, что духи предков в такие дни недовольны Патти. Патти старается вести себя так, чтобы эти не виданные им никогда духи не гневались. Но это не всегда получается…

Патти бережно несет свою добычу. Конечно, он мог бы зажарить кротов на костре, еще не доходя до уру. Огонь уже послушен Патти, он знает, как вызвать его дух. Надо потереть две сухие палочки. Отец долго обучал его этому искусству. Он мог бы съесть кротов сам, но Патти никогда этого не делает, даже если очень голоден. Все, что добыто им в лесу, принадлежит матери. Мать распорядится добычей по своему усмотрению. Мать всегда справедлива.

Солнце стоит уже выше верхушек кокосовых пальм, когда Патти появляется в уру. Хижина пуста. Все занимаются своими делами. Мать и отец, как всегда, на поле. Иногда Патти помогает им. Но они не заставляют его много работать: Патти еще мал и не окреп. Больше всего родителям помогают старший брат и сестра. А Патти в прошлом году послали в школу. Он вспоминает об этом и начинает торопиться. Наспех съедает комок серо-коричневого чамая, лежащего на дне бамбукового сосуда, кидает добычу на тростниковую полку, подвешенную к самому потолку, и выбегает из хижины. Патти очень торопится. Ему надо дойти до большой дороги, а потом до поселка Агали. Там школа. Но удивительная жизнь джунглей снова захватывает его, и он незаметно для себя замедляет шаги.

Патти приходит в школу, когда все уже давно сидят на своих местах. Школа – это большой двор. К стволу дерева прибита доска. На ней учитель белым мелом пишет слова. Такие же доски, но маленькие, лежат на острых темных коленках учеников. Там они тоже пишут слова. В школе дети из разных племен: мудугары, ирула, курумба. Раньше Патти был уверен, что на земле живут только мудугары. Но теперь он знает, что есть еще ирула и курумба. Учитель говорил, что там, за горами, в больших уру живут разные народы, не похожие ни на мудугаров, ни на ирула, ни на курумба. Патти это очень трудно представить. Чтобы поверить, надо увидеть. Но Патти не видел ни больших уру, ни людей, населяющих их. И он подозревает, что учитель тоже не мог все видеть, и удивляется, откуда же он об этом знает. Первый раз, когда учитель нарисовал какие-то значки, Патти приуныл. Он не мог понять, зачем все это. Он мог найти причину для каждого своего поступка, а здесь он причины не находил. Когда он пытался

срисовать значки на свою доску, руки не слушались его. Руки Патти привыкли держать лук, палку для копки кореньев, мотыгу. А этот верткий белый камешек все время выскальзывал из пальцев. Вместо непонятных значков Патти нарисовал на доске то, что он видел в джунглях. Рисунки ему самому очень понравились. Он показал их учителю. Но тот рассердился и велел ему снова рисовать значки. Учитель все же заставил Патти выучить значки, но это прои зошло не скоро.

Иногда Патти надоедало сидеть, он поднимался и уходил из школы. Учитель останавливал его:

– Куда ты идешь, Патти?

– В джунгли, – отвечал он.

– Но ведь сейчас урок, и все сидят на месте.

– А мне надо в джунгли, – упрямо повторял Патти.

– Но ты ведь знаешь – в школе надо соблюдать дис циплину.

«Дисциплина» была для него новым словом, и он не мог понять, почему ее надо соблюдать. Каждый раз, когда ему хотелось уйти в джунгли, это неумолимое слово вставало между ним и лесом. Наконец оно воплотилось для него в определенном образе. У «дисциплины» были скучные унылые глаза, тонкие худые ноги, руки с длинными костлявыми пальцами. На шее у нее висели доски с непонятными значками. В таком виде «дисциплина» являлась Патти во сне. Она хватала его жесткими холодными пальцами и кричала:

– Почему ты не соблюдаешь меня? Я – дисциплина!

Патти старался вырваться, но ему не удавалось, и он с криком просыпался. Обеспокоенная мать спрашивала Патти, что случилось.

– Я видел дисциплину, – отвечал он.

– Я не знаю такого имени, – говорила мать. – Откуда оно у тебя? Это женщина или мужчина? И почему ты боишься эту дисциплину?

– Она не пускает меня в джунгли, – всхлипывал Патти.

– Спи, спи, – успокаивала его мать. – Во всей долине Аттаппади нет человека по имени Дисциплина.

Однажды учитель пришел в их уру и сказал матери Патти, что тот не ходит в школу. Мать очень рассердилась на Патти.

– Ты знаешь, почему нас, мудугаров, все обманывают? – спросил она. – Потому что мы не умеем ни читать, ни считать. Ты должен научиться этому.

Патти снова пошел в школу. Он не хотел, чтобы мудугаров обманывали. Он учил значки, и наконец совершилось чудо. Значки начали складываться в слова, и слова заговорили. Они рассказали Патти о многом. С тех пор он не убегал с уроков в джунгли. Но вовремя ему удавалось приходить редко.

Иногда Патти пишет вечерами при свете очага значки на своей доске и складывает из них говорящие слова. Матери и отцу они кажутся чудом, как когда-то казались и Патти.

Как-то Патти принес мне большой кокосовый орех. Он положил его на землю у моих ног и сказал:

– Это тебе, большой учитель из большой школы.

– Спасибо, Патти, но мы его разделил пополам.

– Нет, – возразил он, – это тебе, амма, подарок.

Но мы все-таки его разделили. Патти очень любил кокосовые орехи, а их было так мало в уру мудугаров.

– В твоем уру, – спросил он, выскабливая ядро ореха из своей половины, – все делятся друг с другом?

– Большинство.

– А в твоем большом уру теперь прохладный сезон?

– Очень прохладный, Патти. Такой прохладный, что вода становится твердой, и дождь лежит на земле как белая циновка.

Патти перестал есть. Он удивленно и недоверчиво посмотрел на меня.

– Разве так бывает?

– Бывает.

– А до твоего уру долго нужно идти?

– Очень долго.

– А если я приду в твой уру посмотреть твердую воду и белый дождь, я буду гостем в твоей хижине?

– Конечно, Патти.

– Тогда я приду.

И может быть, Патти придет в мой уру, увидит белый дождь и твердую воду и еще много удивительных вещей…

Танец джунглей

– Амма, – сказ ала мн е мупати Рами, – приходи сегодня а в джу

нгли. После захода солнца м ы будем тан цевать.

Приглашение было более чем заманчивым. А день тянулся нестерпимо долго. Солнце не желало уходить с неба. Оно посмеивалось над моим нетерпением и не спеша двигалось к остроконечным вершинам гор. У пика Великого бога оно задержалось. Видимо, у солнца были свои дела с ним. Договорившись обо всем с Великим богом, оно ускорило свое движение и наконец, сжалившись надо мной, посигналило последними лучами и ушло за Западные Гхаты. Долина погрузилась в темноту.

Мы осторожно продвигались по тропинке, петлявшей в зарослях, чутко прислушиваясь к звукам джунглей. Неожиданно за деревьями мелькнул огонек, потом другой. Послышались голоса. Мы вышли на обширную поляну, на которой горели костры. У костров толпились возбужденные люди. Отблески пламени играли на их полуобнаженных темных телах. И в этих джунглях, в пылающем огне, в далеких звездах и, наконец, в стройных мускулистых фигурах людей было что-то глубоко древнее, не имеющее отношения к той жизни, откуда я пришла к ним. Очевидно, то, что происходило сейчас, могло происходить сотни и даже тысячи лет назад. Может быть, и тогда были такие же темные таинственные джунгли, так же вилось пламя костров, такой же призрачный холодный свет шел от звезд и такие же темнокожие люди в узких набедренных повязках дополняли картину.

Здесь я увидела Рами, Чалана, Мадана, Сали, Каде, Паччая и многих других, кого уже хорошо знала. Но теперь я вдруг почувствовала, что в них появилось нечто неуловимое и еще не познанное мной. И это нечто непостижимым и странным образом отдаляло их от меня, ставило между нами невидимую, но почти осязаемую преграду. Они были в своей первобытной стихии, из которой вышли и куда без труда могли вернуться. А я этого сделать не могла. Прошлое было слишком далеко от меня. Целая цепь веков непреодолимо стояла на моем пути, и пройти через нее я уже не была в состоянии. Мне казалось, что и поляна, и эти гигантские деревья, и люди под ними существуют отдельно от меня и живут своей непонятной и необычной для меня жизнью. И хотя внешне все оставалось по-прежнему, чувство, что я наблюдаю происходящее с какого-то расстояния, уже не покидало меня.

… Раздался дробный стук барабанов, взвизгнула и жалобно залилась флейта. Мужчины закричали тонкими тоскливыми голосами ночных

птиц и беспорядочно закружились вокруг музыкантов. К мужчинам присоединились женщины.

Согнутые фигуры танцоров движутся по кругу, хлопают в такт ладони. И снова всплеск крика. В нем – отчаяние и страх затерянного в джунглях человека. «О Великая богиня, защити нас от ужаса темного леса, от когтей тигра и клыков дикого слона. Мы слабы и ничтожны. У нас нет мужества разогнуться и принять вызов джунглей. Мы не хозяева здесь. Деревья и звери сильнее нас. Защити нас, защити!» А джунгли наваливаются на танцующих темной массой страха и ужаса. Человек кричит в тоске, и горное эхо многократно повторяет этот крик. Человек боится оглянуться. Он протягивает в мольбе беспомощные руки к небу. А оттуда на него смотрят равнодушные далекие звезды. И человек начинает сознавать, что ему никто не поможет. Защитить себя он должен сам.

Ритм танца становится все быстрее. Крики раздаются все реже. Неожиданно в танец врывается стройная мелодия песни. Что-то сильное и победное взмывает вверх. Люди преодолели свой ужас и отчаяние. Согнутые спины танцоров начинают распрямляться. Чувство приниженности и беззащитности исчезает. Темнокожие фигуры людей как бы становятся выше, распрямляются плечи. И теперь джунгли видят, что человек силен и смел. Человек победил свой страх. Пусть теперь джунгли боятся его. Песня внезапно ломается, и новая радостная мелодия оглашает ночной лес. Она звучит в полную силу. Это песня человека, выжившего вопреки враждебной и коварной природе. Мелодия постепенно замирает, и только ритмичные звуки хлопающих ладоней сопровождают танец. Лица танцующих сосредоточенны и суровы. Брови сдвинуты. Отсветы тлеющих углей красными тенями скользят по лицам. Движения замедляются, и круг распадается на небольшие группки. Кто-то подбрасывает сухие ветви в костер, и он, ярко вспыхнув, освещает всю поляну. Заросли отступают. И мне кажется, что перед моими глазами прошла рассказанная лаконичным и выразительным языком танца история племени мудугаров.

Камень правды

Недалеко от уру Где бьет барабан, на берегу Бхавани, лежит большой серый валун. Валун называется «камень правды». На этом

месте в далекие времена принесла себя в жертву женщина-вождь. Вот как это произошло.

По соседству с племенем жил раджа. У него было большое войско, и поэтому мудугары подчинялись ему. Раджа потребовал, чтобы племя регулярно приносило ему подарки. Однажды во дворце раджи был большой праздник. Раджа прислал гонца к мудугарам и приказал доставить к празднику сто один предмет. Делать было нечего. Девяносто мужчин и девяносто женщин собрались на берегу Бхавани, там, где лежит теперь «камень правды». И вождь-мужчина и вождь-женщина сказали, что люди должны пойти в лес и отыскать там сто один предмет для раджи. Если они этого не сделают, раджа пришлет своих воинов и те разрушат уру мудугаров. Все эти вещи можно найти при одном условии: люди должны быть честными и правдивыми. Когда через две недели мудугары вернулись из джунглей, они принесли только сто предметов. Не хватало одного подарка – дикого слона. Кто-то был нечестен. Но никто не признавался. Тогда женщина-вождь сказала, что из-за одного нечестного человека не должно страдать все племя.

– Я принесу себя в жертву, и племя будет спасено.

Люди, притихшие, стояли на берегу Бхавани. Прозрачные струи реки играли на камнях. Разноцветные птицы пели в прибрежных зарослях. Мир был прекрасен, и никто не хотел умирать.

Но женщина-вождь вырыла яму и произнесла:

– Если я была честна и правдива в моей жизни, то через два дня после того, как я умру, вы найдете в яме дикого слона.

Сказав это, она вонзила себе в грудь стрелу и как подкошенная упала на серый валун. А через два дня люди нашли в яме дикого слона. Мудугары отправили все подарки во дворец раджи, и тот не разрушил их уру. С тех пор валун, на котором погибла ради спасения своего племени женщина-вождь, стали называть «камнем правды». И теперь всякий раз, когда мудугары видят этот камень, они в молчании останавливаются перед ним, отдавая дань уважения древней женщине-вождю.

Традиционные честность и правдивость, не изуродованные влиянием мира денег и наживы, еще сохранились у мудугаров. В племени нет случаев воровства. Никому не приходит в голову взять что-нибудь чужое или обмануть кого-нибудь. Двери хижин никогда не запираются. Мне не раз приходилось забывать вещи то в одном, то в другом уру, и каждый раз мне их возвращали. А я не помнила, где я их

оставила. Мне иногда даже приносили пустые коробочки от фотопленки, думая, что я их забыла.

В уру Чиндаки несколько лет тому назад произошел такой случай. Умер старый мупан, и вскоре назначили нового. Почему-то в уру были уверены, что у старого мупана были деньги. Говорили, что кто-то их украл. Эти слухи взбудоражили все племя. Наконец собрался совет уру и выяснил, что никаких денег не было. Все были рады этой доброй вести, а жители Чиндаки до сих пор подробно рассказывают эту историю и каждый раз с облегчением говорят:

– Разве могут быть воры в нашем уру и в нашем племени.

Мудугары знакомы с деньгами. Но деньги еще не оказали решающего влияния на их психологию и сознание. Деньги для них только ниточка, которая связывает их с другим миром. В этом мире нельзя без денег, и мудугары стараются их получить. И прежде всего, чтобы заплатить дженми за арендованную землю. Никто из них не копит денег, никто не держит их у себя, если в них нуждается другой. Есть деньги – хорошо, нет – тоже не страшно. Мудугар всегда поможет другому и отдаст последнее. Постоянная готовность оказать поддержку – характерная черта племени. И если мудугары делают что-то для вас, они меньше всего думают о вознаграждении.

Я как-то спросила в уру Коравампади, можно ли достать флейту, которая так хорошо пела во время танцев в джунглях. Мне показали маленького горбатого мудугара, славившегося своим искусством делать флейты.

– Мне надо на это два дня, – сказал он.

Я согласилась.

Через два дня горбатый Виру принес флейту.

– Это тебе, амма, – и положил инструмент к моим ногам.

Ничего не подозревая, я вынула две рупии и протянула их Виру. Он отшатнулся.

– Нет, нет! – воскликнул Виру и закрыл лицо руками, как от удара. – Это подарок, амма. Я делал ее не для денег.

Очень трудно описать то, что я почувствовала. Передо мной стоял человек, чье тело прикрывала только набедренная повязка. Его детям не хватало еды. Но он упорно не хотел брать деньги, на которые можно было бы купить рису. И еще я отчетливо поняла, что, предложив Виру деньги, я оскорбила его. Стараясь выйти из неловкого положения, я сказала:

– Виру, это тебе подарок от меня.

– Нет, амма, деньги не подарок. Деньги не дарят. Ими платят.

И только когда Бабу Шетти пришел мне на помощь, нам удалось уговорить Виру взять деньги. Несколько дней спустя я узнала, что он отдал их в общую казну уру. После этого случая я больше не предлагала денег никому из мудугаров.

В племени почти не возникает споров по экономическим вопросам. Нет споров о земле. Люди довольствуются тем малым, что они имеют, и больше всего на свете ценят хорошее отношение к ним.

Мудугары, как правило, держат свое слово. В племени, где нет понятия о дисциплине и долге в нашем представлении, это кажется странным. Но тем не менее это так. Если мудугар что-нибудь обещает, он обязательно выполнит. Поэтому работать среди них мне было легко.

«Камень правды», символизирующий моральные устои племени, еще лежит на берегу Бхавани. Еще жива в народе память о трагическом событии и уважение к человеку честному и правдивому не умерло. Но судьбу племени уже решает мир, который находится за горами. И с каждым годом расстояние между ним и мудугарами сокращается.

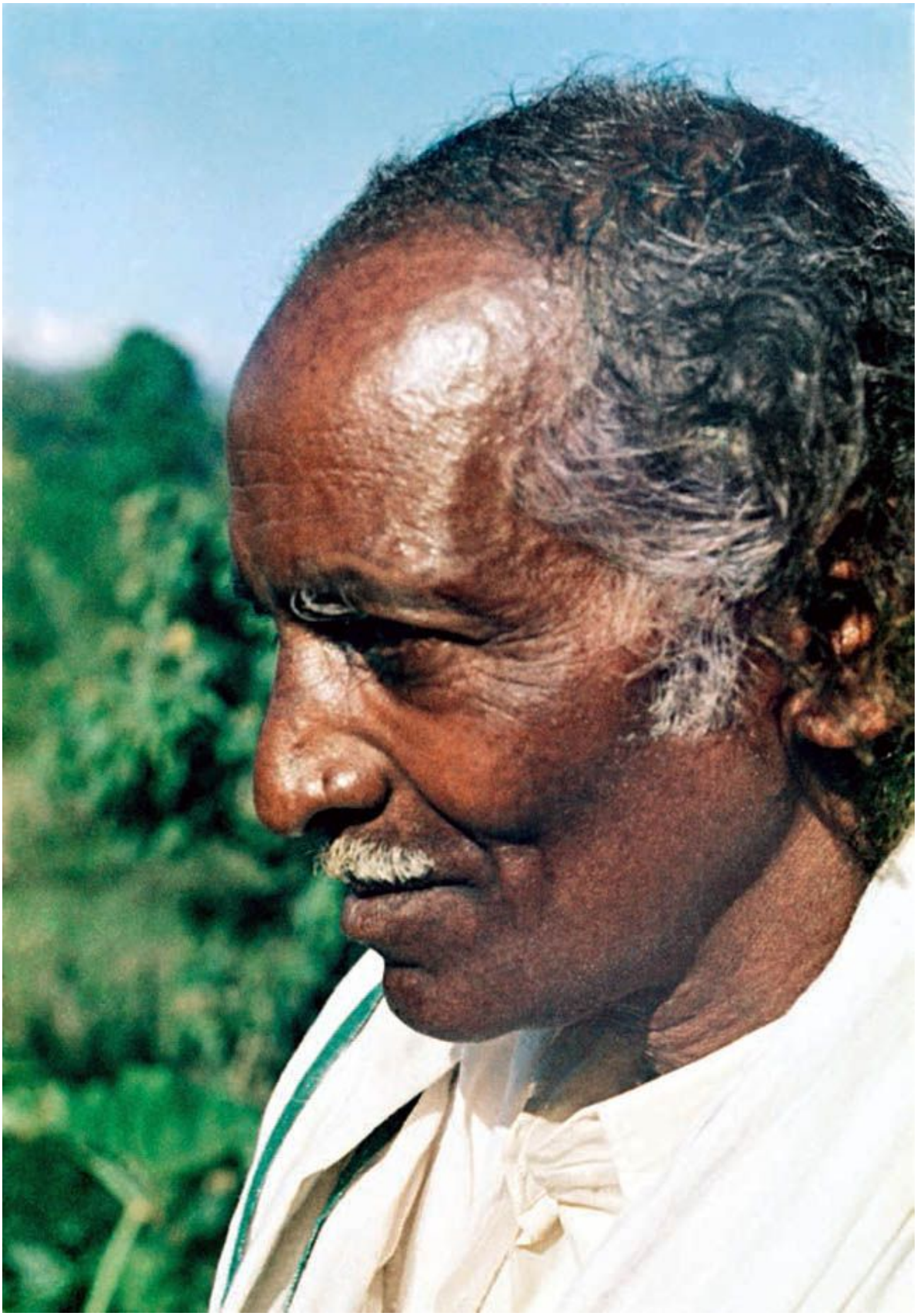
* * *

Я уехала из долины Аттаппади в середине января. Мое путешествие, маршрут которого был выработан в отеле «Маскот» в Тривандраме, закончилось. Меня ждали жаркий Мадрас и работа в университете.

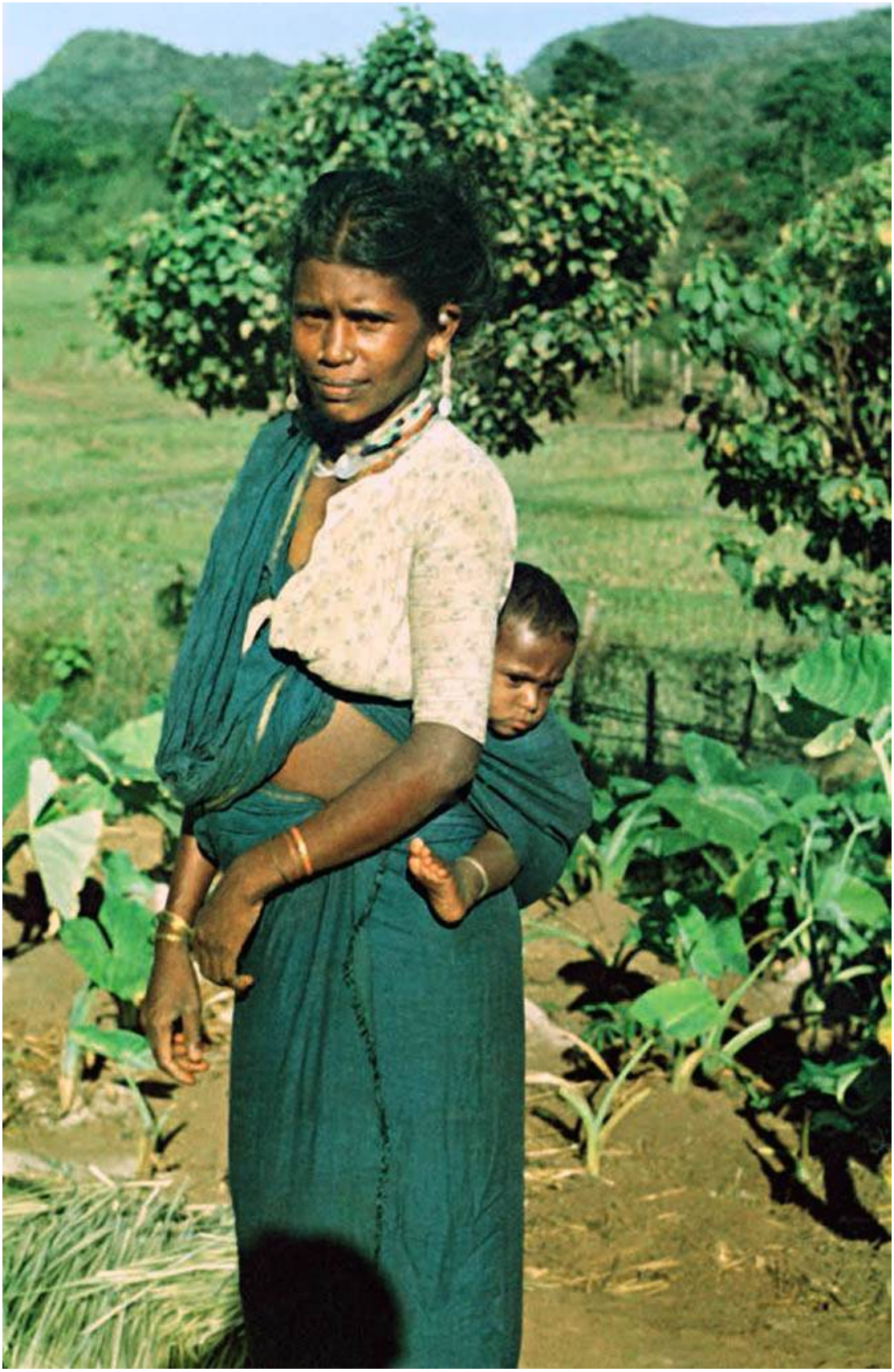
Готовясь к следующей поездке, я часто сидела в свободные от работы часы в библиотеке Мадрасского государственного музея, где была богатая коллекция книг по этнографии и антропологии народов Индии. Просматривая описания различных племен, я особенно заинтересовалась племенами, обитавшими в штате Орисса. Большинство из них находилось на стадии патриархата. Увиденные мною в Керале племена обладали ярко выраженным матриархальным характером. В одних случаях это были устойчиво сохранившиеся элементы материнского рода, в других этот род продолжал существовать полностью. И у меня возникла мысль: может быть, стоит съездить к племенам Ориссы и посмотреть, сохранились ли там какие-либо элементы ранней матриархальной организации.

После долгой дискуссии в отделе этнографии музея и на кафедре антропологии в университете я выбрала три племени – кхондов, бондо и гадаба.

Маннаны

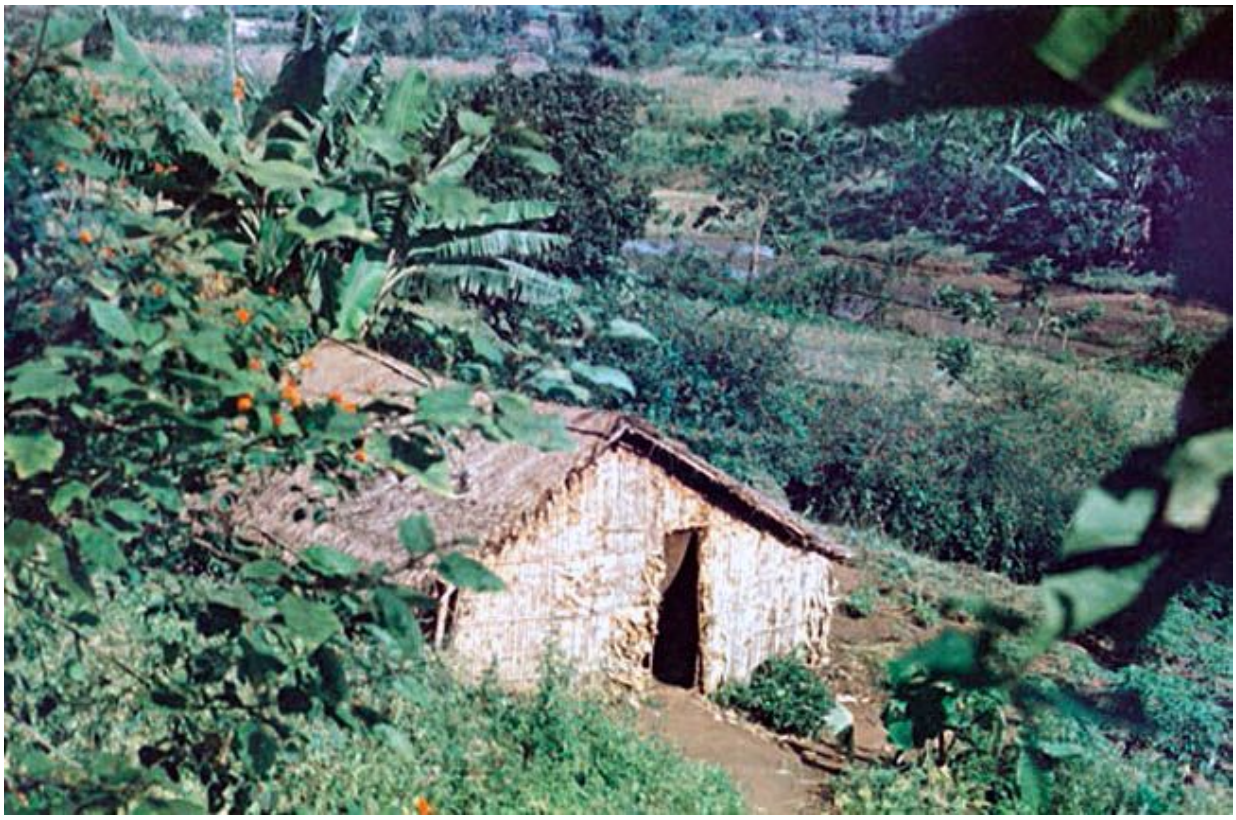
Каникаран деревни Маннанкоди

Так женщины племени маннанов носят детей

Королевский блюститель порядка редко расстается с тростниковой палкой – «символом власти»

Хижина маннанов сделана из бамбука и пальмовых листьев

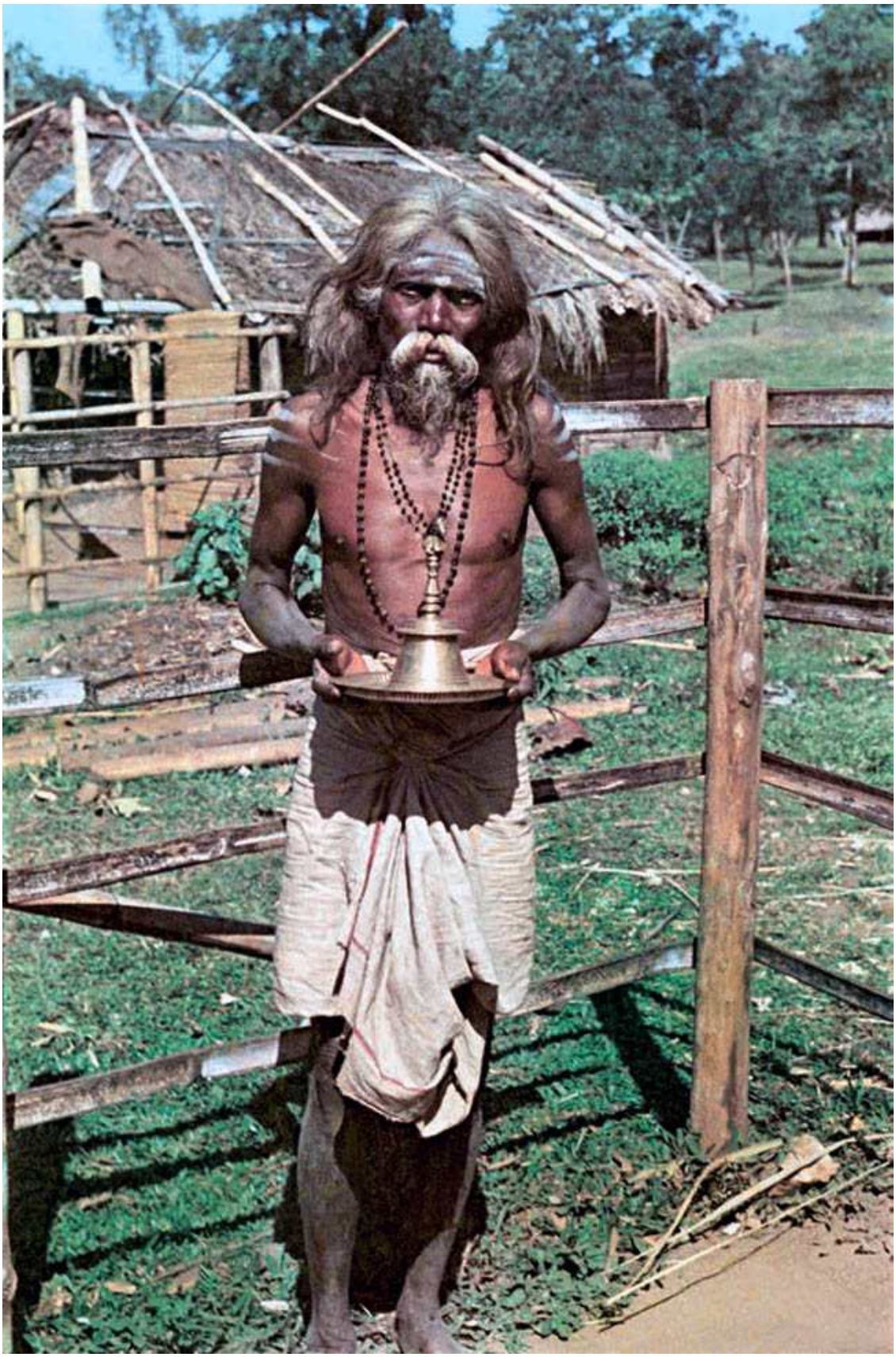

Его величество король маннанов

«Наследный принц»

Маласары

Погонщик слонов для других, Майян остается вождем и жрецом для своего племени

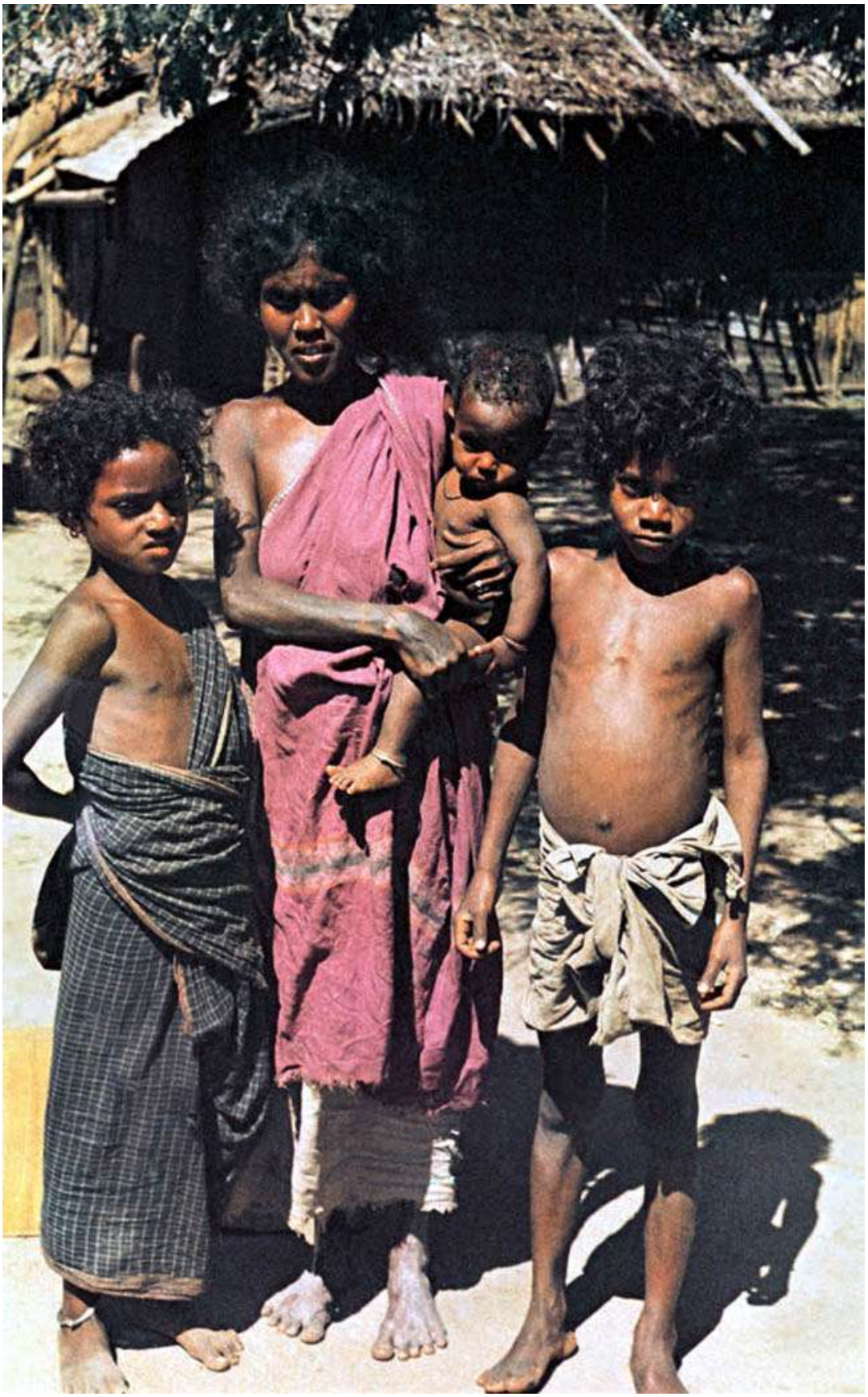

Девушка и юноша из племени маласаров

Руки маласарок украшены татуировкой

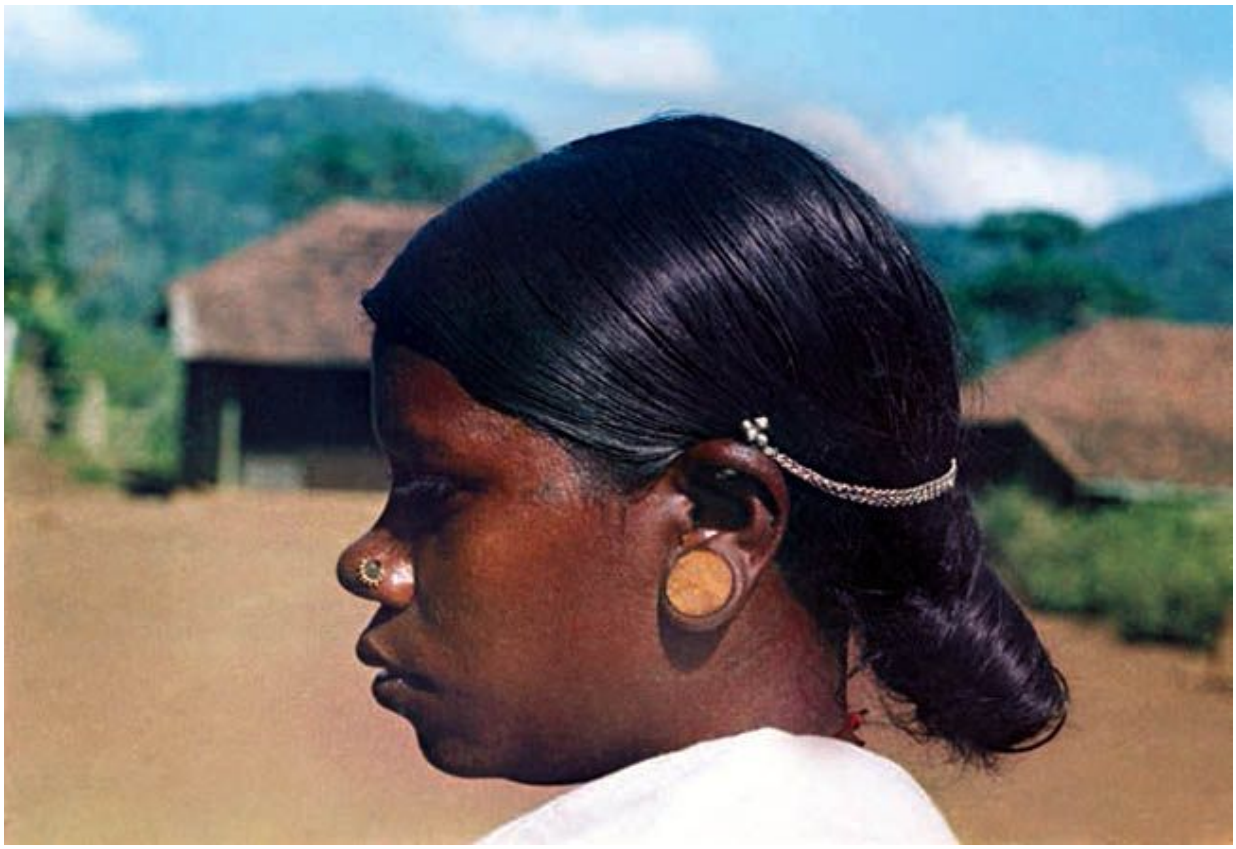
Кадары

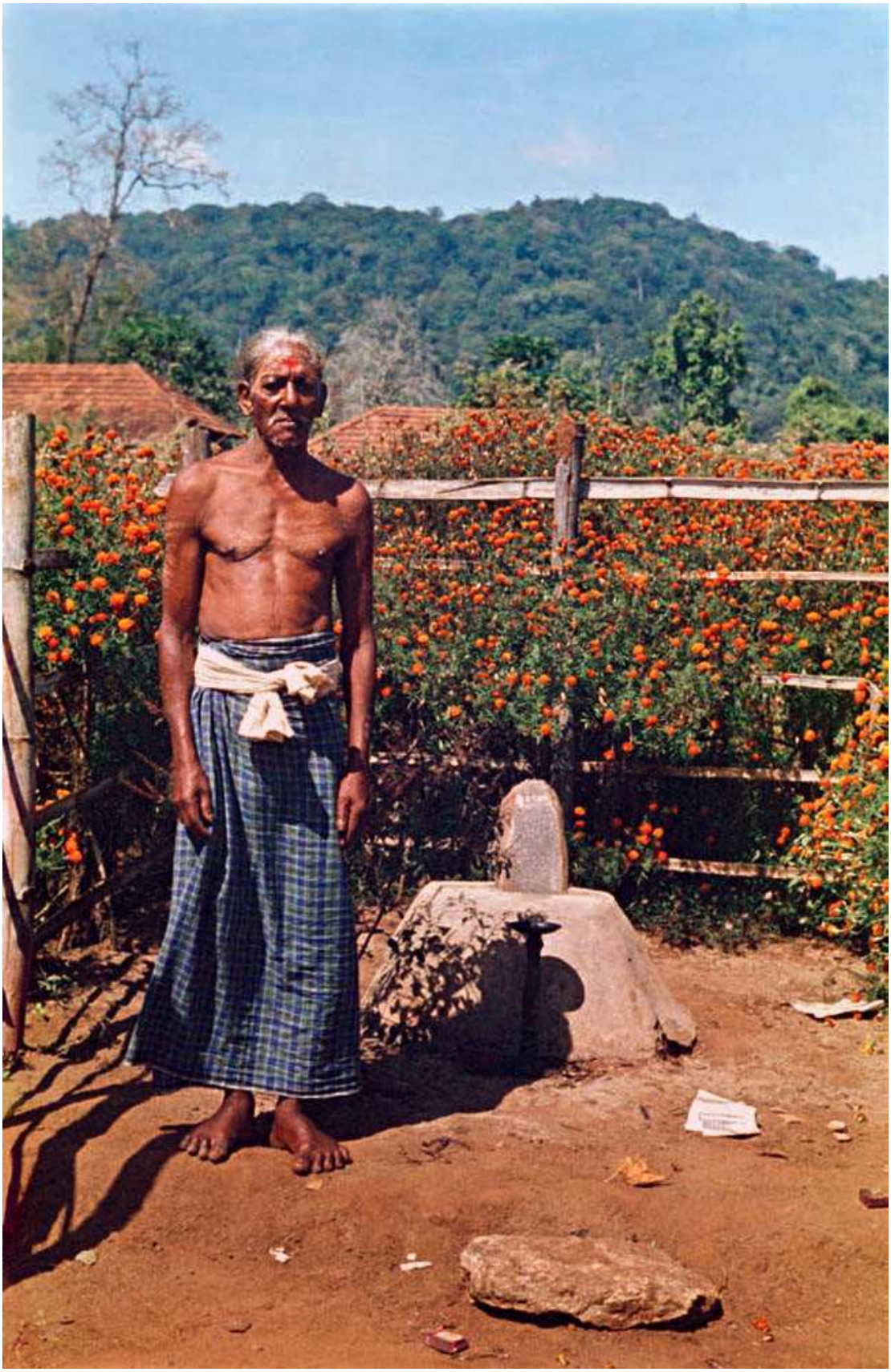
«Люди джунглей» – кадары

В облике кадара ясно видны негроидные черты

Женщины племени кадаров до сих пор сохраняют традиционную прическу

Жрец Налабула у камня, символизирующего богиню Бхадракали

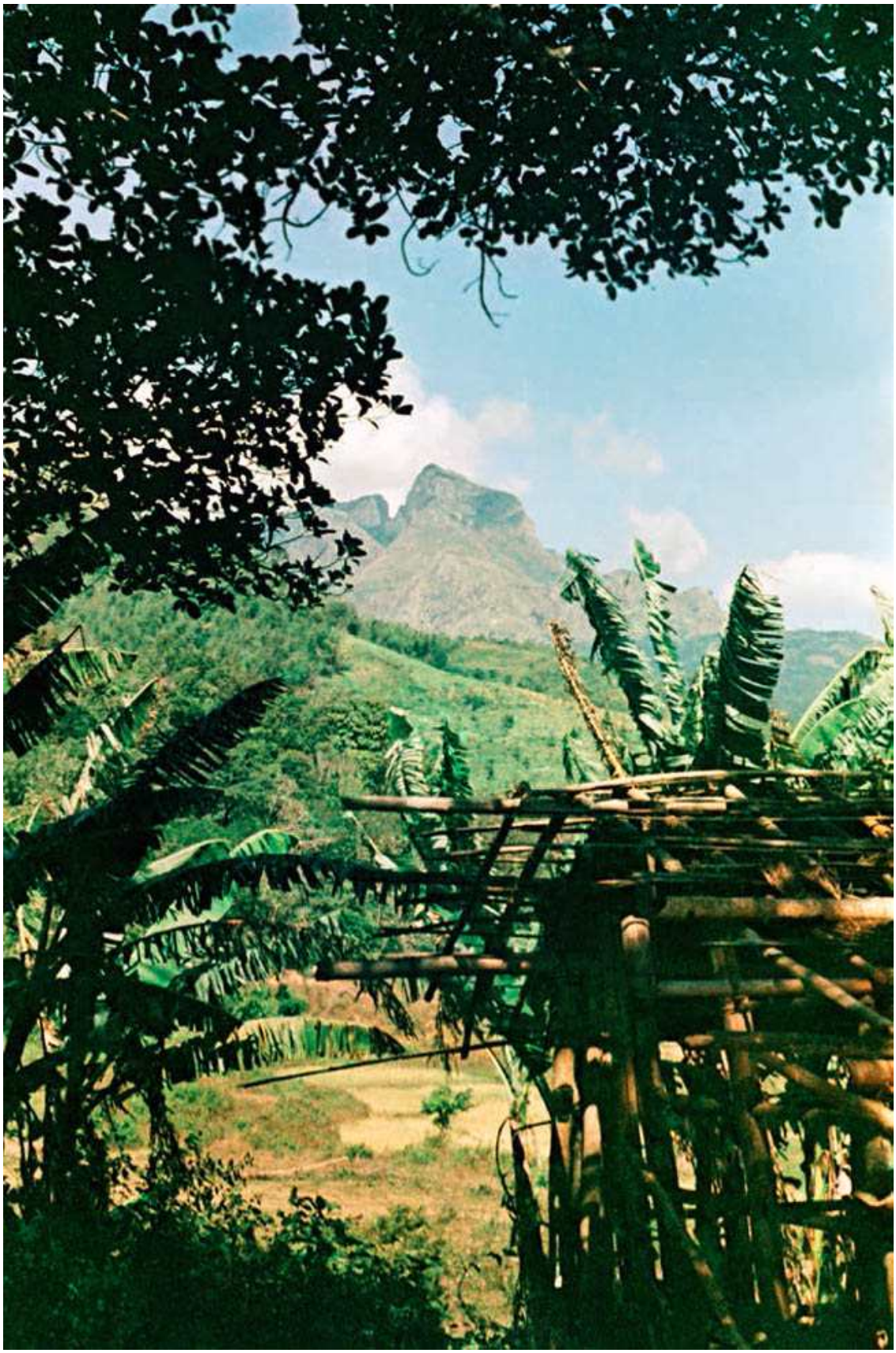
Мудугары

Мупан Мадан поддерживает коммунистов

Девочка из племени мудугаров

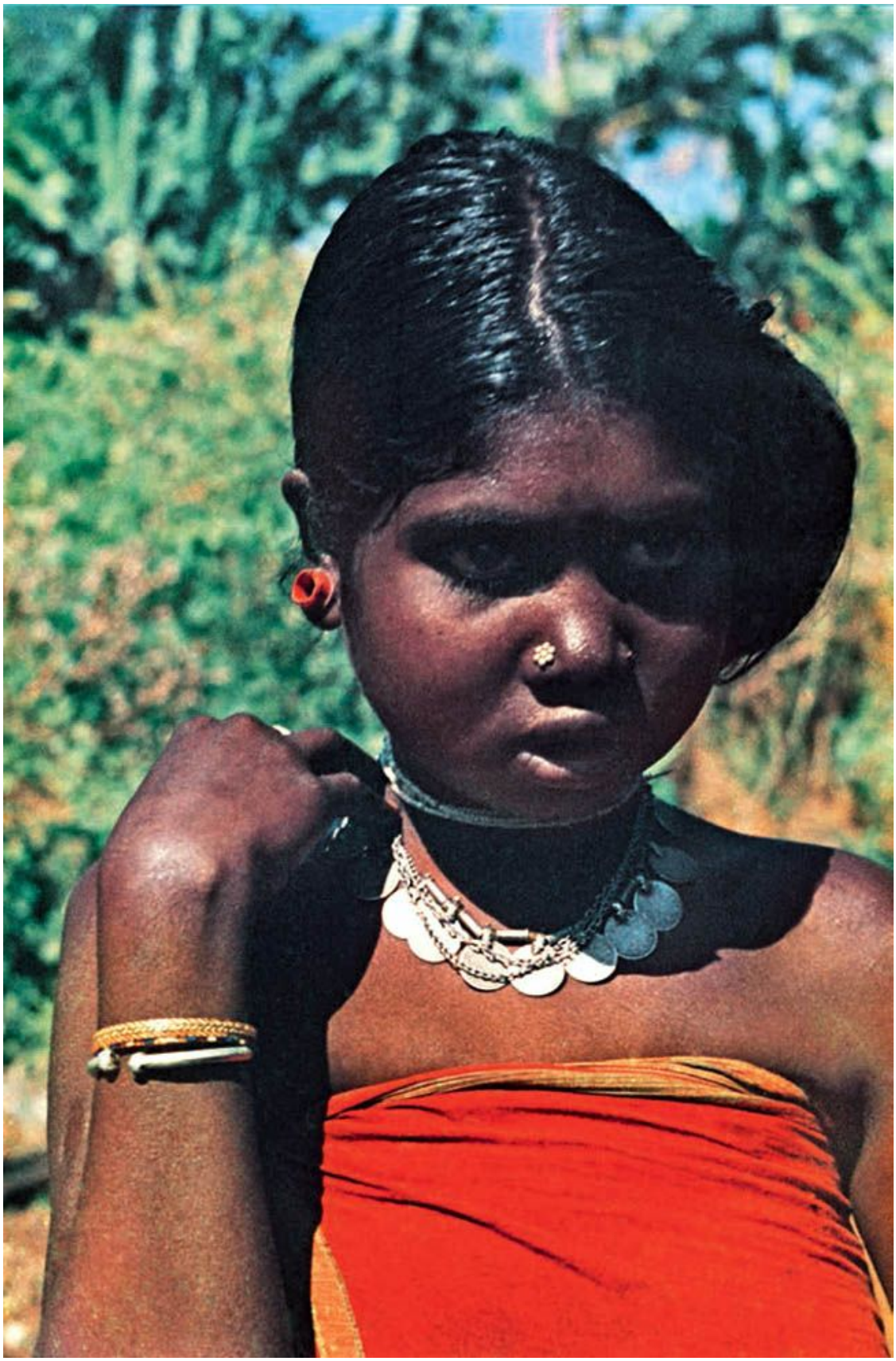
На пике Малаишвара мудугары зажигают огонь в честь Великого бога

Чтобы поймать крысу или крота, нужна такая ловушка

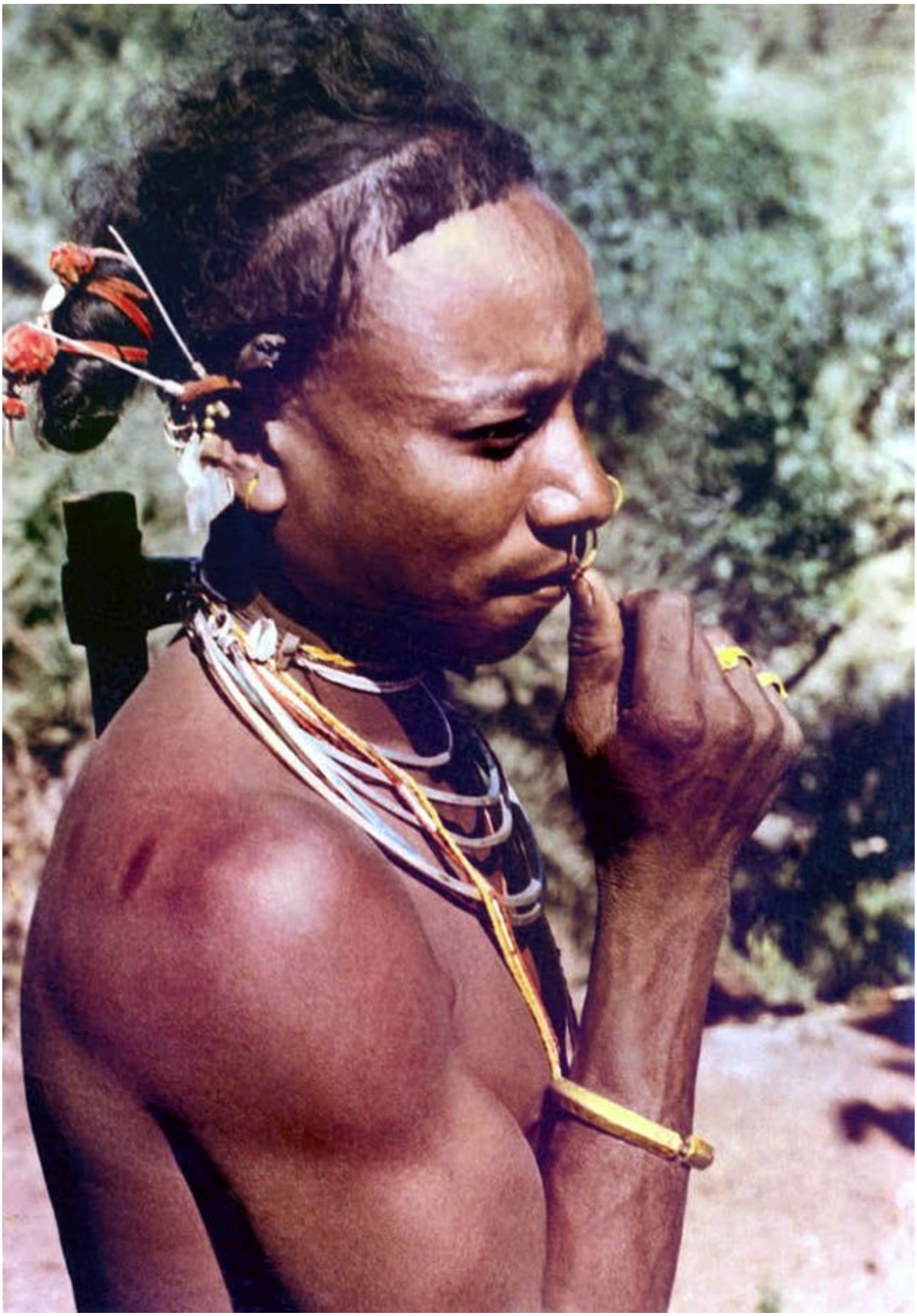

Встреча на лесной тропе

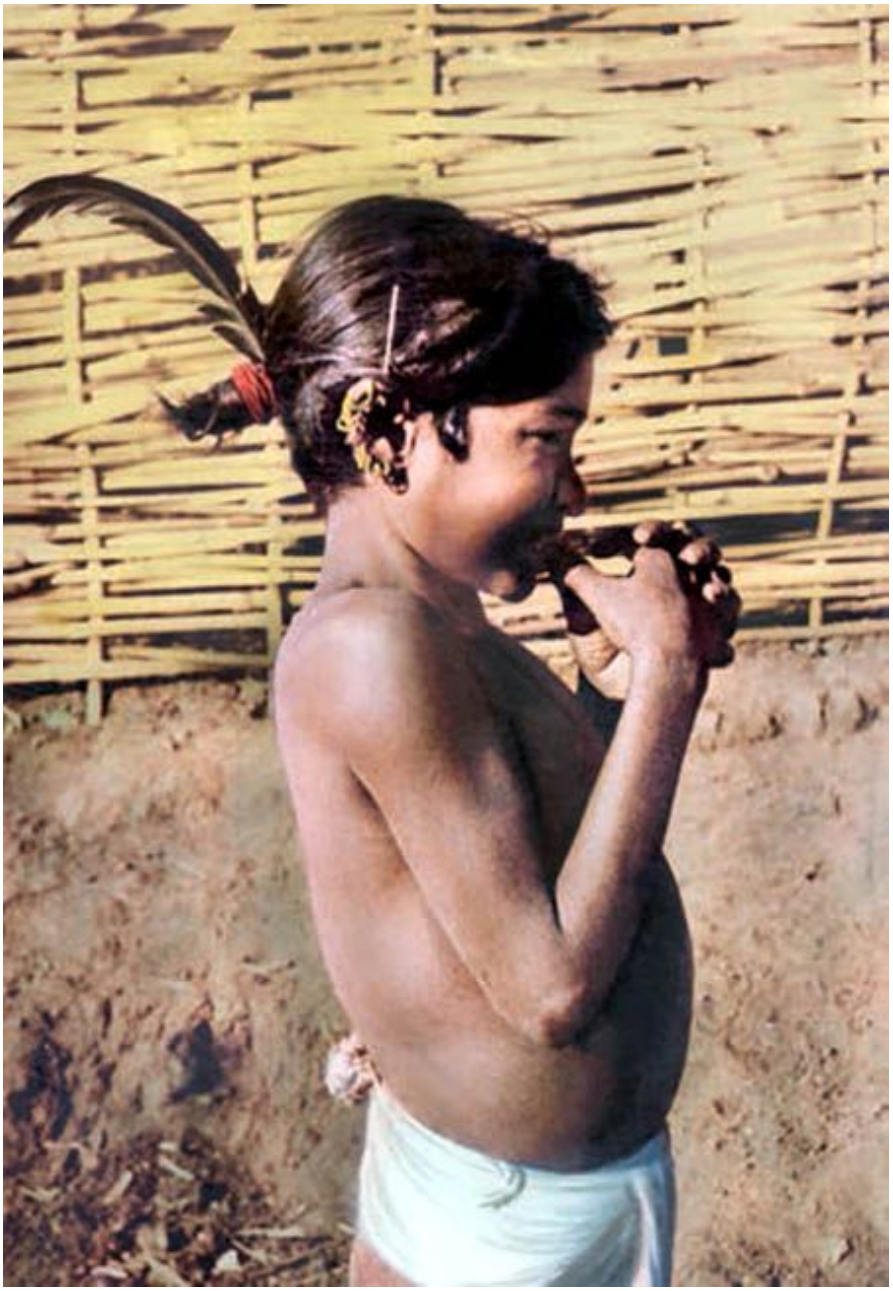

Фотографироваться немного страшно…

Кхонды

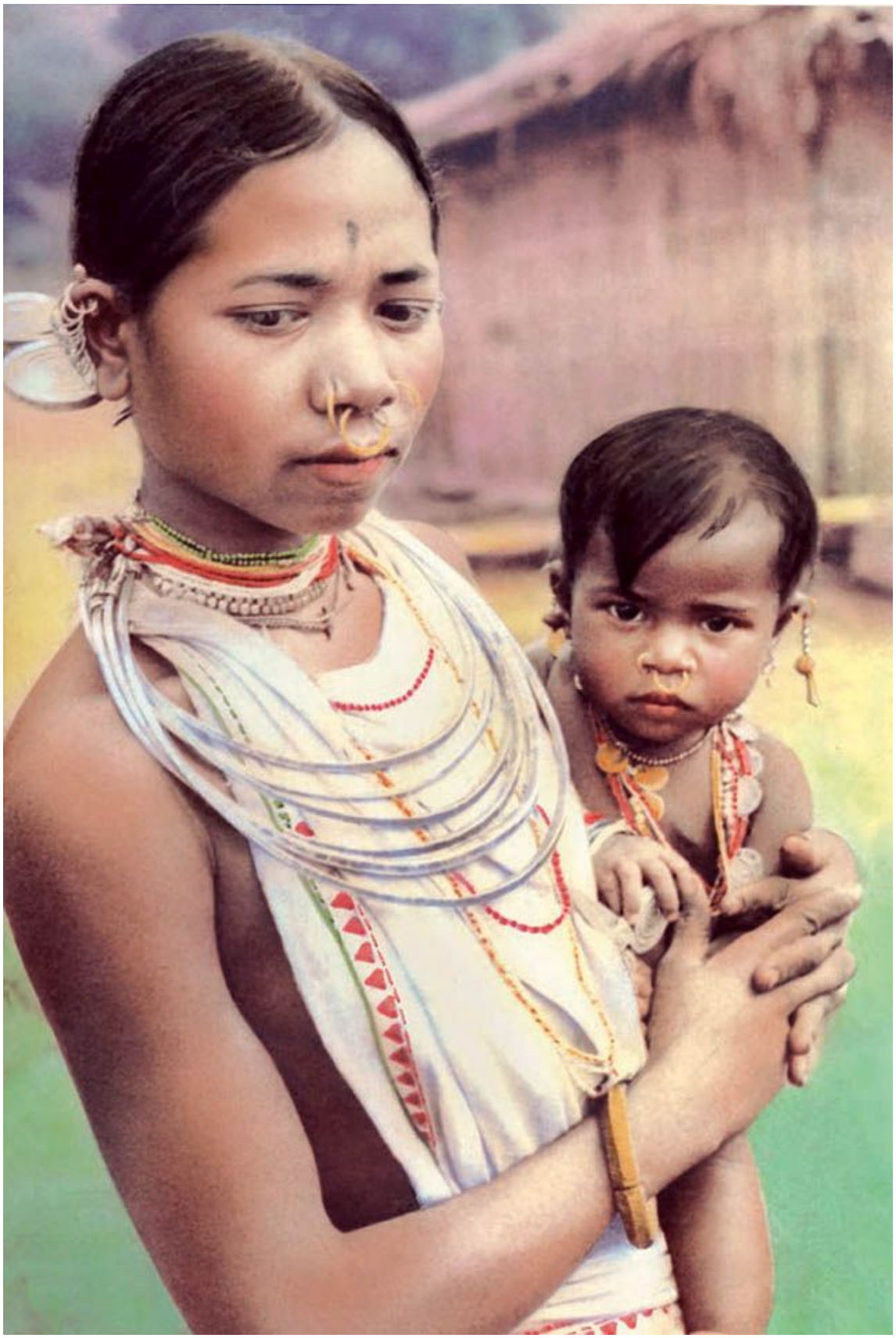
Вадака Курма размышляет…

Ни у кого нет такого красивого пера

Единственное оружие этого кхонда – топор

Дети, как и взрослые, тоже носят украшения

Бондо

Самая смешливая женщина в Мудулипаде – Будаи-токи

За детьми в племени бондо нередко смотрят мужчины

Две жены – надежная защита вождя Будамудули

Необычайно смешно увидеть себя первый раз в зеркале

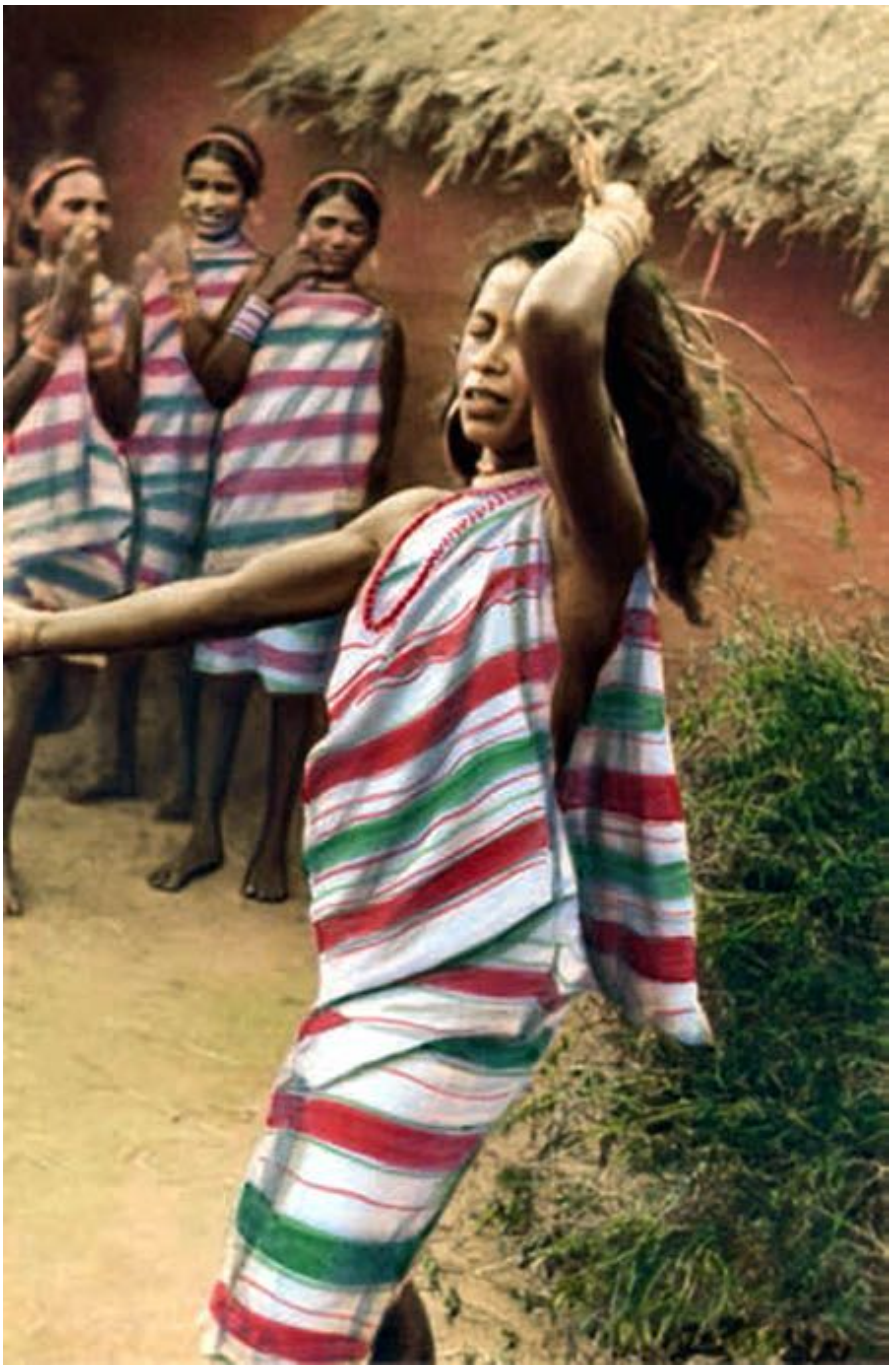
Вождь бодо гадаба Дасу Чапари

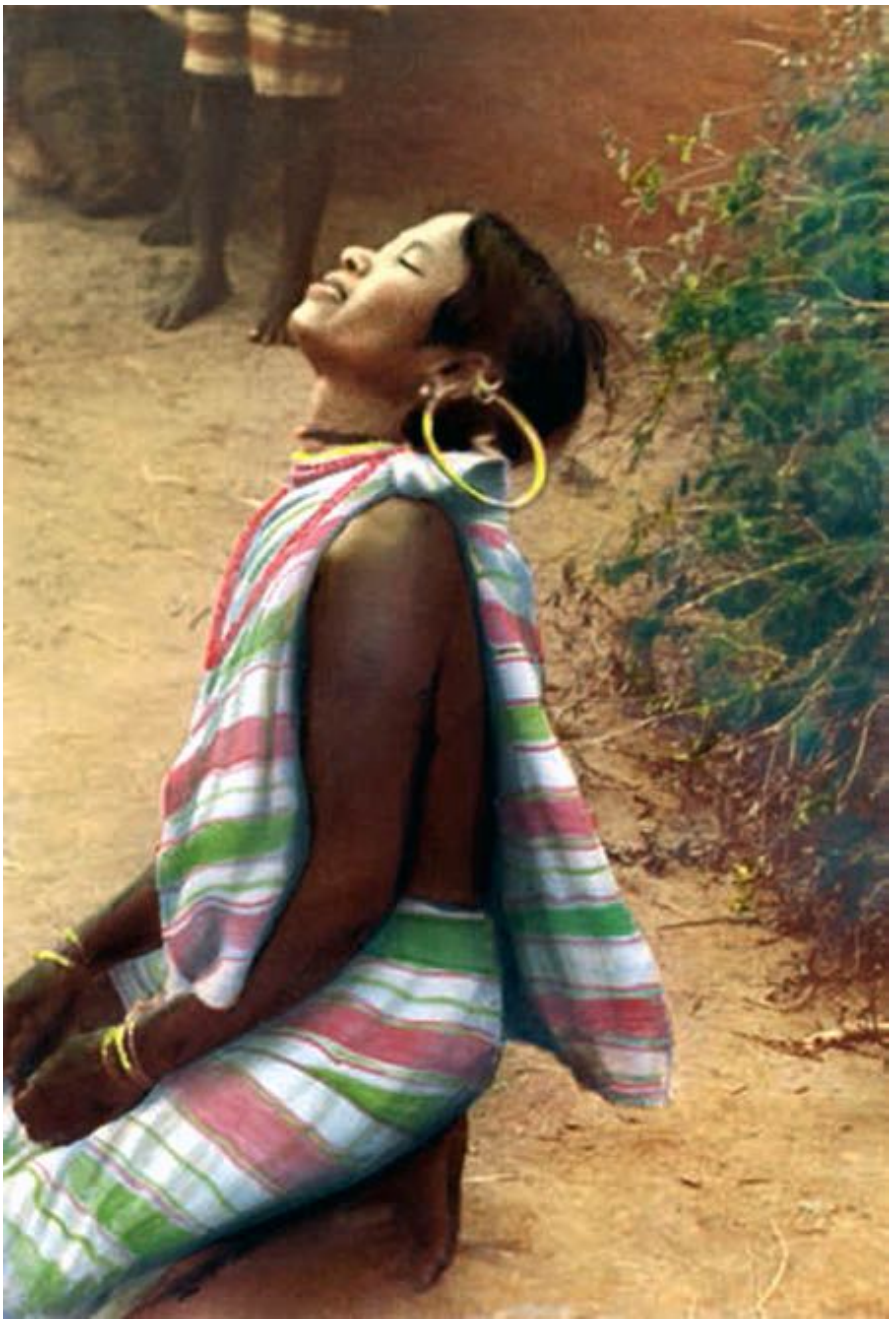
Бой барабанов возвещает о начале танцев

Парни из деревни Бодопада

Танец жрицы становится все быстрее и быстрее

Танец окончен, и жрица в изнеможении падает на колени

Гадаба

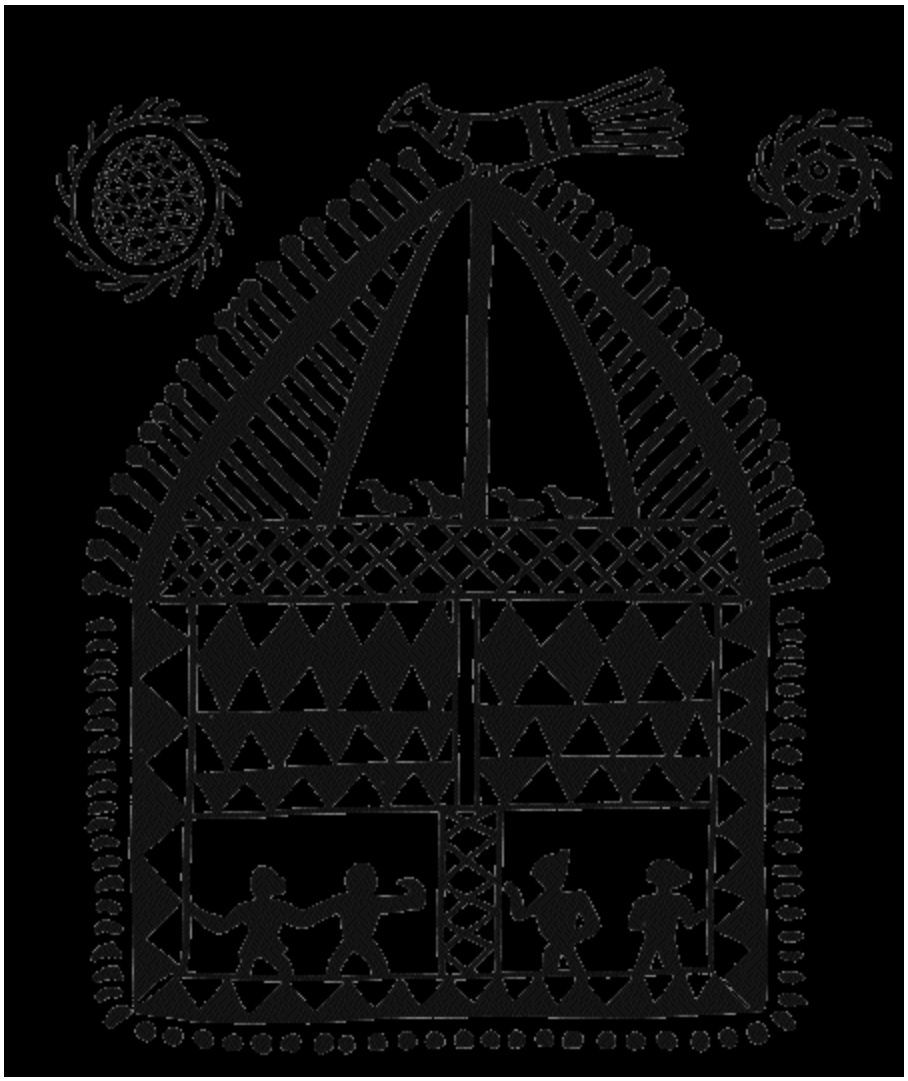
Традиционные украшения – гордость каждой женщины-гадаба

Эта девушка столь же привлекательна, как и другие женщины гадаба

Часть II

Джунгли Ориссы

Бхубанешвар – Биссемкатак

В конце декабря 1964 года я приехала в Бхубанешвар, столицу Ориссы. В приемной правительства штата я спросила у девушки, сидящей за столом с телефоном:

– Скажите, кто у вас занимается племенами?

– Мистер Дас, – ответила она.

– Можно его повидать?

– Сейчас выясню, – и стала вызывать Даса по телефону. – Мистера Даса нет на месте, – сказала она, растерянно глядя на чемодан, стоявший у моих ног.

– Я подожду.

Ждать пришлось долго, около часа. Я томилась на деревянном стуле, стоявшем у стены, замусоленной затылками многих посетителей. Надо мной висела большая карта Ориссы. В открытые окна приемной вместе с ослепительными лучами солнца и уличным шумом вползал раскаленный воздух. Хотелось пить и отдохнуть с дороги. А мистер Дас все не приходил. На меня стала наваливаться дремота. Давала себя знать ночь, проведенная без сна в душном купе калькуттского скорого. С трудом до сознания дошли слова, произнесенные как будто издалека:

– Мистер Дас приехал. Вы можете пройти в его комнату. Дас, возглавлявший Отдел по племенам при правительстве Ориссы, встретил меня как старую знакомую.

– А мы вас уже ждали. В секретариате получили ваше письмо и дали указание на ваш счет. Так что же вы хотите?

Я объяснила.

– Мы сейчас все очень заняты. Начинается Вторая Всеиндийская конференция по племенам. – И, подумав, спросил: – Хотите познакомиться с нашим министром?

Министра звали Т. Санганна. Это был небольшого роста грузный человек, одетый в домотканую рубашку и дхоти, с простым широким лицом крестьянина. Сам он принадлежал к одному из крупных племен Индии – гондам. Министр был прямодушен и прост в обращении.

– Что вы думаете о племенах Индии? – в упор спросил он, и его глаза выжидающе остановились на мне.

– Им нельзя дать погибнуть. Им надо чем-то помочь. Мне сейчас трудно сказать, что можно сделать в условиях Индии, но что-то делать надо.

– Вы будете делегатом на нашей конференции, – сказал Санганна тоном, не терпящим возражений. – Мистер Дас, оформите все, что нужно.

– Но, – возразила я, – как же я могу быть делегатом, я ведь представитель другой страны.

– Вот в представителях такой страны мы и нуждаемся. Вы будете делегатом от правительства Ориссы. Решено? А теперь скажите, какая помощь вам нужна.

– Транспорт, если можно.

– Вы воспользуетесь одним из джипов, принадлежащих офису коллектора Корапута. Он сюда приедет, и мы договоримся.

В конференции приняли участие правительственные чиновники штатов, представители органов местного управления, этнографы и антропологи, общественные деятели. Работало несколько секций, в которых обсуждались проблемы блоков по развитию племен, различные программы, вопросы образования и здравоохранения и т. п. Естественно, что многих участников волновало будущее племен, и каждый подходил к этой проблеме по-своему. Однако всех тревожило бурное вторжение национального капитала в районы племен. Много говорили и спорили о необходимости насаждения социалистических элементов в племенной экономике, но возможности для этого были слишком ограниченны, и никто не знал, как это сделать конкретно.

В зале конференции я столкнулась нос к носу с Малати Чоудхури. Малати была одной из старых конгрессовских деятельниц Ориссы и работала среди племен в дистрикте Декханал. Мы познакомились с ней около года назад в третьем классе поезда, шедшего из Чидамбарама в Мадрас. Узнав, что мне дали джип, она попросила меня взять с собой Миладу Гангули. Милада была чешкой, но жила в Индии около двадцати пяти лет. Я согласилась.

– Да, – вдруг вспомнила Малати, – обязательно поговори с Маханти.

Маханти удалось разыскать не сразу. Я поймала его в перерыве между заседаниями, когда он куда-то спешил.

– Вы к кхондам? Да еще к донгрия кхондам? – спросил он и удивленно вскинул на меня насмешливые глаза, прикрытые стеклами очков. – А вы знаете, как трудно туда добираться?

– Пока нет. Поэтому хочу, чтобы вы мне рассказали.

Маханти усмехнулся. Но, как ехать к донгрия кхондам, он все же объяснил. Это выглядело так:

– От Бхубанешвара, – с безнадежностью в голосе произнес Маханти, – доедете до Чотрапура. Это сто миль. Потом повернете на Чикаколе. От Чикаколе поедете в деревню Амдалбалса. Из Амдалбалсы – в деревню Палконда. От Палконды до Виракатама пятнадцать миль. За Виракатамом увидите мост через реку Бансадхара. Мост называется Тотапаллибридж. От моста повернете налево и поедете в направлении Парбатипурама. К ночи доберетесь до Раягуды, там переночуете. В Раягуде есть обитель бхудана. Ее возглавляет Шанти Деби. Она предоставит вам ночлег. Не ахти какой, – он иронически посмотрел на меня, – но крыша над головой будет. Если не застанете Шанти Деби, разыщите врача Радху. Утром отправляйтесь в Биссемкатак. Это двадцать пять миль от Раягуды. Рядом с Биссемкатаком есть небольшой поселок Чотикона. Там найдете Баннерджи, он чиновник по торговле с племенами, в частности с донгрия кхондами. У него попросите проводника Чакрапани Саху и двух охотников для сопровождения. В джунглях есть тигры, все может случиться, – и Маханти снова испытующе посмотрел на меня. – От Биссемкатака пройдете две мили пешком до подножия гор. Оттуда через горы девять миль до деревни Курли. Это центр племени. Он расположен на высоте трех с половиной тысяч футов над уровнем моря. Оттуда полторы мили до деревни Камбеси, три мили до Тиагуды, миль пять от нее – Мунигуда. Вот и все. Ясно?

– Ясно. Спасибо.

И Гопинатх Маханти – писатель и специальный чиновник по племенам при правительстве Ориссы – усмехнулся еще раз, покачал головой и сказал как бы про себя:

– Ну и ну, к донгрия кхондам. Придумают же такое. – Подхваченный кем-то, он унесся в другой конец коридора.

Через месяц после моего возвращения из поездки в Мадрас я получила письмо. Оно было от Гопинатха Маханти. «Я не могу не удивляться, – писал Маханти, – тому, что вы, даже не будучи

индианкой и никогда до этого не побывав в дистрикте Корапут, смогли совершить это головокружительное путешествие в горы Донгрия, хотя бы и на короткий срок. Мне говорили, что вы перенесли поход и пребывание в горах с удивительной легкостью. Если вы не возражаете, будьте добры, сообщите мне, кто вы и откуда. О вас я знаю только то, что вы преподаете русский язык в Мадрасе и интересуетесь племенами».

– Ну и ну, – сказала я, – придумают же такое. Но кто я и откуда, я все же написала Маханти. Нехорошо, когда люди мало знают друг о друге.

Утром следующего дня мы выехали из Бхубанешвара. Нам предстояло покрыть за день более двухсот миль и постараться засветло добраться до Раягуды. Джип глотал милю за милей. Мы проезжали деревни, поселки, небольшие городки. Мелькали хижины, каменные дома, индусские храмы, церквушки, реки, пальмовые заросли. Мы подкреплялись незатейливой пищей в придорожных харчевнях и снова ехали туда, где на горизонте, слегка намеченные синей дымкой, виднелись горы. Солнце уже склонялось к западу, когда мы въехали наконец в джунгли. Стало заметно прохладней. Темнота быстро и неожиданно начала спускаться на дорогу и лес. До Раягуды было еще далеко. Шофер включил фары. Изредка из черной тьмы джунглей вырывались и летели навстречу тусклые мерцающие огоньки редких селений. Дул холодный пронзительный ветер, и мы застегнули брезентовые бока джипа. Вдруг из зарослей прямо на дорогу в плавном прыжке опустилось что-то крупное и гибкое.

– Шер[12], – свистящим шепотом сказал шофер. Ослепленный светом, тигр метнулся в сторону и исчез.

Почти в это же мгновение переднее левое колесо джипа предательски зашмыгало по асфальту. Мы стали. Спустила проколотая чем-то острым шина. Шофер выключил фары.

– Опасно, – объяснил он, – на свет сбегутся звери.

Мы вышли. Давящая, полная опасностей темнота сразу окружила нас. Где-то совсем рядом был тигр. Сплошной непроницаемой стеной с двух сторон дороги стояли джунгли.

Высоко в небе мерцали холодные яркие звезды. Неподалеку шумел поток. Тигр, видимо, был там, у воды.

Запасное колесо лежало в кузове, погребенное под нашими вещами. Мы разгрузили машину, разложив все вещи тут же на дороге. Шофер лихорадочно быстро схватил домкрат и приподнял им колесо. Милада светила ему фонарем. А у меня было совершенно особое задание. Подойти ближе к потоку и ждать, появится тигр или нет. Если появится – крикнуть. У меня не было выбора, и я отправилась к потоку, находя направление по шуму воды. Я бы не сказала, что стоять в зарослях джунглей ночью и ждать, придет тигр или нет, приятное занятие. Более того, мне казалось, что глупее положения придумать нельзя. Вот так стоять и ждать. Придет или не придет. Съест или не съест. Темные кусты и деревья подозрительно двигались и шумели. И только мирное журчание ручья действовало как-то успокаивающе. Шофер справился со сменой колеса в рекордно короткий срок.

– Мэмсаб! – крикнул он. – Можно садиться.

Стрелка часов перевалила за полночь, когда за поворотом замелькали редкие огни спящей Раягуды. Машина преодолевала какие-то подъемы и спуски. Видимо, местность была гористой, но в темноте трудно было что-либо различить. Мы миновали окраинные дома Раягуды, смотревшие темными проемами окон на пустынные улицы, которые были скупо освещены редкими пыльными фонарями на покосившихся столбах. Затем выехали на площадь. Мы были измучены длинной дорогой, хотели спать и были голодны. Но напрасно мы всматривались в улицы и дома – казалось, городок вымер. Наконец где-то за поворотом мелькнул огонек керосиновой лампы. Это была маленькая ночная харчевня для бродяг и бездомных. Кажется, мы подходили под эту категорию. В глубине грязного помещения на треногом сиденье бывшем когда-то стулом, дремал хозяин. Разбуженный, он долго не мог понять, что нам от него надо. Наконец, сообразив, в чем дело, показал нам дорогу в обитель Шанти Деби.

Переночевав в обители, мы рано утром распрощались с Шанти Деби и к десяти часам добрались до Биссемкатака. Биссемкатак – небольшой станционный поселок, расположенный в расселине среди лесистых массивов гор Неомгири. Мистера Баннерджи нам найти не удалось. Зато мы отыскали мистера Патнаика и Чакрапани Саху Патнаик сообщил нам, что после обеда он со своей группой отправляется к кхондам. На подготовку к походу оставалось часа два. С помощью Патнаика я достала теплые одеяла, которые, как оказалось,

были необходимы там, наверху. Вместе с ним мы заготовили съестные припасы и стали дожидаться охотников и кхондовносильщиков. Четыре высоких, хорошо сложенных кхонда пришли вовремя. Они принесли с собой бамбуковые палки, на концах которых были укреплены веревочные сетки. Быстро, без суеты и разговоров, они разместили весь груз в сетках и подняли палки на плечи. Наша экспедиция тронулась в путь к подножию гор. И хотя мы шли без груза, нам так и не удалось догнать кхондов-носильщиков. Они мелькнули где-то впереди и исчезли, как будто растаяли в яркой зелени джунглей.

Эти мамуни пришли к нам в первый раз

По тропинке, петляющей в негустых зарослях, мы прошли две мили до подножия гор. Здесь протекал узкий прозрачный ручей. От ручья тропа пошла круто вверх. В некоторых местах нам пришлось карабкаться, держась руками за гладкие гранитные валуны. Джунгли становились все гуще и гуще, и мы уже продвигались по дну сплошного зеленого тоннеля. Вверху, где-то над нами, стояло солнце, но его лучи с трудом пробивались сквозь сплошную массу переплетенных крон. Зеленоватый сумрачный свет наполнял джунгли. Пахло сыростью и еще чем-то пряным и острым. Поросшие мхом жгуты лиан цеплялись за плечи и лицо. На лианах раскачивались обезьяны. Стая зелено-синих попугаев расклевывала крупные стручки, свешивающиеся с деревьев по обочине тропы. Свернуть с тропы в сторону было просто невозможно. Тропический лес стоял единым массивом, и в этом массиве я не видела ни щелки, ни прохода. Чем выше мы поднимались, тем отчетливей становился шум воды, доносившийся откуда-то снизу. Наконец тропа вывела нас к обрывистому склону. Внизу с грохотом и шумом, прыгая по камням, неслась горная река. Камни, позеленевшие от сырости, образовали в ее русле пороги, а в некоторых местах и водопады.

– Самая большая река в наших краях, – сказал Патнаик. – Кхонды называют ее Текущая с шумом.

Река вполне оправдывала свое название. Чуть выше от реки был отведен узкий канал, уходивший в зеленый мрак леса. Чакрапани Саху остановился:

– Начинается страна донгрия кхондов.

– А что это за канал? – спросила я.

– Внизу расположены поля кхондов, – Чакрапани Саху показал на восток. – Канал для их орошения. Этот канал построил какой-то кхонд лет шестьдесят назад. Чтобы вода не пересыхала, он принес в жертву своего сына.

– А сейчас бывают случаи человеческих жертвоприношений? – спросила я Саху.

Проводник отвел глаза и ничего не сказал.

Теперь нам стали попадаться небольшие клочки вырубленных и обработанных джунглей. На участках росли мандарины, ананасы, бананы, манго. Земля принадлежала кхондам.

Неширокие горные реки то и дело преграждали нам путь. Приходилось разуваться и перебираться через них по мокрым и скользким камням. Потом я догадалась использовать палку в качестве шеста. Прыжок – и я на другом берегу. Моему примеру последовали остальные, и мы стали продвигаться значительно быстрее. Становилось прохладнее. Идти было приятно, но надо было все время быть начеку и помнить, что вокруг бродят дикие слоны, кабаны, тигры, пантеры и т. д. и т. п.

Вдруг совсем неожиданно и бесшумно на тропинке возникли два человека. Они преградили нам путь и стали с интересом рассматривать нас. Оба были высоки и стройны, с хорошо развитой мускулатурой темных торсов. На них были только набедренные повязки. Спереди и сзади спускались короткие вышитые фартучки. За набедренные повязки были засунуты ножи с широкими лезвиями в виде полумесяцев. На плечах лежали узкие отточенные топоры с длинными ручками. Прямые черные волосы были стянуты в узлы на затылках.

– Хо! – сказал один из них. – Эти мамуни[13] пришли к нам первый раз. Что собираешься делать?

– Иду в гости в Курли, – ответила я.

– Почему в Курли? Приходи в Камбеси. Будешь у нас гостем. Придешь?

– Приду обязательно. А вы куда идете?

– Как куда? – удивились оба сразу. – На охоту. Мясо нужно. Придешь, будем вместе есть мясо.

Кхонды перебросились несколькими словами с Патнаиком и исчезли так же неожиданно и бесшумно, как и появились. Но видимо, в джунглях действовал какой-то беспроволочный телеграф. Отовсюду появлялись кхонды, очень похожие на первых двух, и тоже говорили:

– Эти мамуни пришли к нам в первый раз.

И звали к себе в гости.

К концу дня мы поднялись на последний перевал и оттуда разглядели маленькие хижины деревни Курли. В Курли уже знали о приближении гостей. Нас встретила целая толпа кхондов во главе с вождем. Нам дарили бананы и гирлянды цветов. И тут я заметила, что женщин среди встречающих почти не было. Они боязливо жались у хижин. Видимо, порядки здесь были иные. Нам указали на небольшую хижину, где мы могли расположиться.

Солнце уже село, и на Курли и окрестные горы спустилась холодная и сырая мгла. На земляном полу хижины горел костер. Я завернулась в шерстяное одеяло и села у костра. Было 31 декабря 1964 года. Через несколько часов начнется новый 1965 год. А люди, среди которых я теперь находилась, даже не подозревали об этом. За хижиной послышались шаги, и на пороге появился старик. Он держал в руках какие-то клубни.

– Вот, – сказал он, садясь на корточки у костра, – это тебе.

– А что это такое?

– Сладкий картофель. Я тебе сейчас приготовлю.

И стал разгребать угли в костре. Я поняла, что старик был посланцем доброй воли. Печеный картофель оказался на удивление вкусным. Пока я его уничтожала, в дверях послышалось сосредоточенное сопение. Несколько кхондов, прикрытых легкими кусками ткани, как-то боком протиснулись в хижину и уселись у костра. Мы с нескрываемым любопытством разглядывали друг друга. Один из кхондов протянул мне изящно сделанную медную трубку. Я дала ему пачку сигарет. Все закурили. Отношения налаживались. Пламя костра то взмывало вверх, то стлалось по земле. Тени сидящих кхондов плясали по стене хижины, принимая причудливые очертания. Перья на головах ритмично покачивались, и казалось, что сидящие вокруг костра нарочно переоделись для новогоднего маскарада. Где-то совсем рядом забил барабан, ему отозвался второй, третий.

– Тигров пугают, – заговорили вокруг. – Тигры сегодня не придут. А мы сейчас покажем гостю, как танцуют кхонды.

Мы вышли из хижины. В деревне пылал большой костер, били барабаны, и цепь мужчин, то приседая, то вздевая кверху руки, двигалась вокруг костра. Временами движение становилось быстрым, временами замедлялось. Поодаль сидели женщины. В танце было что-то воинственное и суровое. Он проходил в каком-то торжественном молчании, и только дробный звук барабанов нарушал тишину джунглей и гор.

Утром я проснулась рано. Деревня была пустынна, и лишь сквозь крытые пальмовыми листьями крыши просачивался голубоватый дымок. По деревне бродили куры и черные, длинные, не похожие на наших свиньи. Первые лучи солнца брызнули из-за лесистых вершин, и теперь я ясно увидела, что деревня расположена в большой лощине между горами. Она была совсем небольшой. Маленькую площадь с двух сторон замыкали две длинные хижины, метров по двадцать пять. В одной хижине было четыре входа, в другой – три. Посередине площади стояла еще одна небольшая хижина, а неподалеку – низкий деревянный столб, назначения которого я тогда еще не знала. Внизу шумел поток. Деревня была обнесена плетнем, за которым я увидела группу женщин, наблюдавших за мной. Картина была красочной, и я захотела сфотографировать женщин. Но как только я взяла аппарат в руки, они исчезли. Я сделала безразличный вид и стала пристально разглядывать горы. Женщины появились снова. Я опять взялась за аппарат, но эффект был тот же. Тогда я не выдержала.

– Подождите, – сказала я им, – не убегайте.

– А ты спрячь свою штуку! – в отчаянье крикнула одна из них.

– Но она же тебе не мешает.

– Да, мы знаем, ты втянешь нас в нее и увезешь с собой.

Против этого возразить было нечего. Я спрятала аппарат. Женщины вышли из-за плетня. Все, что я видела здесь, было таким необычным и непохожим на то, что я встречала раньше. И я невольно спросила:

– Кто вы?

– Мы – куи, – ответили мне.

– А кто такие куи?

– Поживи с нами, узнаешь.

Предложение было заманчивым. Пожить и узнать. Я согласилась.

«Мы – куи»

Что эти люди знают о себе и что они помнят? У них не было историков и не было книг. О прошлых днях молодым рассказывали старики, а когда молодые становились стариками, они рассказывали то, что помнили, своим сыновьям и внукам. И так из поколения в поколение, из века в век хранились и жили легенды о древности, ушедшей во тьму. Легенды о катастрофах, постигавших землю, о рождении нового мира и появлении людей, о жизни богов и первых кхондах… Много, много веков назад на земле был мир, такой, как и теперь, и жили люди, такие, как и теперь. Но однажды случилось непредвиденное. На небе появилось семь солнц и семь лун. Стало так жарко, что ни деревья, ни вода, ни люди не смогли перенести зноя. Деревья вспыхивали как факелы и сгорали, вода стала паром, высохли все источники. Люди умерли, земля растрескалась, стала бесплодной. Из всех живущих остались только трое – богиня Нирантали[14], ее брат Парамугатти и его жена. Однажды Парамугатти отправился на охоту и нашел яйцо. Он принес его домой и положил в глиняный горшок. Через двенадцать дней из яйца вылупилась девочка. Девочка росла быстро и вскоре превратилась в красивую девушку. Она полюбила Парамугатти и через некоторое время родила ему двух близнецов – девочку и мальчика. Когда дети стали взрослыми, Нирантали отправила одного на запад, другого на восток. Они нашли себе там супругов, и от них пошло все человечество, в том числе и кхонды. И жили люди мирно и хорошо. Но видно, земле и людям было предопределено много выстрадать и многое перенести.

Жил один кхонд вместе со своей сестрой. Как-то раз он взял ружье и решил поохотиться. Он шел по джунглям и увидел дерево ирпи. На дереве росли прекрасные цветы. Вдруг из чащи вынырнул олень и стал есть цветы. Охотник решил его убить. Но олень сказал ему: «Не убивай меня, я кое-что тебе скажу». Кхонду было интересно, что скажет олень, и он не убил его. «Слушай меня, – начал олень. – Завтра весь мир утонет. Возьми пустой ствол дерева бомбакс и залезь внутрь. Будет большая вода, и все живущее погибнет. Если ты сделаешь так, как я сказал, то спасешься». Кхонд вернулся домой, отыскал дерево, нагрузил его пустой ствол семенами и животными. Потом они вместе с

сестрой влезли в дерево и залепили выход из него воском. Все случилось так, как сказал олень. На следующий день большая вода затопила весь мир. Даже вершины гор Неомгири были под водой. На поверхности плавало только дерево, и ветер гонял его то в одну сторону, то в другую. Через некоторое время в небе снова появилось семь солнц и семь лун, и они высушили воду.

Но самая умная луна подумала, что, если семь солнц и семь лун останутся в небе, они снова сожгут людей и превратят землю в бесплодную пустыню. Она уничтожила лишние светила, сошла на землю и освободила из дерева брата и сестру. И поскольку, кроме них, на земле не осталось никого, то они стали жить как муж и жена. Через некоторое время у них родилось семь дочерей и семь сыновей. Все они переженились, и от них снова пошли кхонды.

Кхонды стали жить в джунглях и мало отличались от обезьян. Они прыгали с ветки на ветку и грызли семена сиари. Они не различали ни мать, ни сестру и наслаждались с любой женщиной. Когда богиня Нирантали увидела все это, она позвала к себе вождя кхондов и спросила его:

– Как вы можете так жить, не различая ни матери, ни сестры?

– Мы живем, как лесные обезьяны, – ответил вождь. – У нас нет еды для праздников и свадеб. Как мы можем узнавать своих родственников без свадеб?

– Идем со мной, – сказала Нирантали.

Она привела вождя к себе и дала ему рисовое пиво, свинью, петуха и рисовые зерна.

– Отныне вы будете есть только это, – повелела богиня. – Но сначала идите в джунгли, принесите жертву и расчистите землю. Приносите жертву всякий раз, когда вы рубите деревья и кусты и выжигаете джунгли, когда сеете и когда женитесь. И тогда вы будете различать, где мать, а где сестра.

Вождь взял все, что дала ему богиня, и часть этого принес в жертву, а часть дал попробовать каждому. Когда кхонды стали все это есть, то к ним пришла мудрость, и они поняли, где мать, где сестра, где жена. И с тех пор кхонды стали есть рис и узнавать своих родственников.

Легенд много, и часто они не похожи одна на другую. Даже легенды о сотворении кхондов разные. Говорят еще, что первый кхонд родился не сам, а его сделала богиня Нирантали. Она подолгу бродила

в джунглях и заметила, что некоторые плоды и растения похожи на части человеческого тела. И однажды она решила попробовать сделать человека. Сначала Нирантали соорудила туловище. Потом нашла плод бел и из него сделала голову. Туда, где должны были быть глаза, она воткнула по горошинке. Вместо носа поставила гриб, что растет в сезон дождей под деревом сераи. Язык сделала из вечно трепещущего листа пипала. Для ушей Нирантали взяла грибы, растущие на старых пнях. Передние зубы сделала из огуречных семян, задние – из тыквенных. Усы богиня смастерила из тростника, шумящего по берегам горных потоков, и покрыла его угольной пылью. Вместо печени Нирантали вложила в туловище мякоть тыквы, а вместо кишок – продольные куски, вырезанные из огурца. Ноги сделала из кусочков крабов, ресницы – из медвежьей шерсти. Но сотворенный богиней человек не двигался и не дышал. Нирантали вдохнула в него жизнь. Человек стал прыгать и бегать по джунглям. Но глаза его были неподвижны, а язык издавал нечленораздельные звуки. Нирантали была недовольна своим творением. Она долго думала, что еще можно сделать, чтобы это прыгающее и скачущее существо было похоже на человека. Наконец она сообразила. Взяла шип от пальмы дори и уколола им каждый глаз. Человеку стало больно, и он заморгал. А моргая, стал правильно выговаривать слова. Поэтому и теперь человек подмаргивает, когда хочет с кем-нибудь поговорить.

Некоторые говорят, что солнце и луна всегда были на небе и их было даже больше, чем надо. А другие… Вот послушайте, что рассказывают другие.

… Когда вода поднялась, земля утонула. И в новом мире вокруг была тьма. В это время богиня Тхакурани жила в Джумукпуре. У нее были сын и дочь. Их тела сияли так ярко, что освещали все вокруг. Раджа Бхима послал коршуна найти свет. Коршун полетел на восток, но там была тьма, полетел на запад и тоже ничего не увидел. Север и юг также были погружены во тьму. Коршун долго кружился над землей и вдруг увидел сияние в Джумукпуре. Он спустился, сел на дерево и стал наблюдать. Перед домом играли девочка и мальчик. Когда они вошли в дом, снова вокруг стало темно. Коршун вернулся и рассказал обо всем радже. Раджа отправился к Тхакурани и упал ей в ноги.

– Что тебе нужно, человек? – спросила его Тхакурани.

– О Великая богиня, отдай мне своих детей.

– Зачем они тебе? – удивилась Тхакурани.

– Разве ты не знаешь? Весь мир погружен во мрак. Люди не видят света. Пусть дети осветят мир.

Богиня задумалась. Но детей все же отдала. Ибо ради счастья всего мира она их не пожалела. Бхима забрал детей и пустил их на небо. Мальчик стал раджой дня – солнцем, а девочка стала рани ночи – луной. День и ночь они теперь гуляют на небе, и люди всей земли не знают тьмы.

Но есть у кхондов старики, которые утверждают, что Тхакурани здесь ни при чем, а луну и солнце сделала богиня Нирантали. А знаете, как появились звезды? Об этом тоже рассказывается целая история. Давно-давно в деревне Мениганд жил кхонд по имени Гунмиди. Детей у него не было. Постепенно он состарился, а потом умер. Все жители собрались на погребальную церемонию. Надо сказать, что в те давние дни кхонды кремировали своих покойников, ставя их вертикально. Разожгли погребальный костер и поставили на него мертвого Гунмиди. А костер был на высокой горе Копритукли. Сначала у Гунмиди сгорели ноги, потом руки, а за ними начала гореть голова. От жара и огня череп лопнул. И мозги вместе с искрами брызнули в небо и зацепились там за облака. Когда люди увидели, что какие-то огоньки светятся в облаках, они закричали:

– Звезды! Звезды!

С тех пор покойников больше не кремируют в вертикальном положении. А искры погребального костра стали утренними и вечерними звездами.

Легенды часто говорят правду. Но нередко эта правда бывает скрыта в фантастическом вымысле и ее искажают более поздние наслоения. Тем не менее из всего, что рассказывают о себе кхонды, можно получить некоторое представление об их очень ранней истории. Богиня – создательница мира, богиня – создательница человека, богиня, давшая кхондам средства к существованию, – все это свидетельствует о сильной традиции материнского рода, сохранившейся в легендах, но уже исчезнувшей из жизни самих кхондов. Племя кхондов патриархально, но о временах матриархата, ушедшего в прошлое, говорят легенды, мифы и сказания.

Кхонды – одно из древнейших племен Индии. Оно принадлежит к дравидийской группе населения. В памяти народа удержались имена кхондов, которые положили начало племени. И среди этих имен первой стоит Нирантали – богиня и общая прародительница. После Нирантали появилась Парамугатти, затем Уруренган, за ним Пенаренган, Берандару, Карадар, Карасан, Бурасан, потом Отесари и Отемеру, потом еще Тиммадалей и Тиммамеру, Берладаку и Берламами, Сарасика и Саранаринга, Тимаки и Нонрука, Караньяка и Бхорике, Миринг-гера и Сомингуира. И если перечислять всех предков, то это займет «семь дней и семь ночей».

Слово «кхонд» или «конд» значит «житель гор». Так назвали людей этого племени другие, а сами кхонды называют себя «куи», или «куви». Куи – «свободный, независимый». Язык их тоже – куи. Кхонды занимают обширную территорию. Их можно найти в Ориссе, Андхре, Бенгале, Мадхья-Прадеш. В Ориссе около миллиона представителей этого племени. В дистрикте Корапут, где я встретилась с кхондами, их около двухсот семидесяти двух тысяч. Все племя делится на три большие группы. Но деление это условно и связано, прежде всего, с местом жительства. Есть десия кхонды – это жители низменностей и долин. Кутия кхонды живут у подножия гор. Донгрия кхонды, гостем которых я была, – горцы. Это наиболее отсталая и примитивная часть племени. Их район труднодоступен, и поэтому донгрия кхонды сохранили многое из того, что исчезло у первых двух групп, вошедших в близкий контакт с современным миром. Несмотря на это деление, кхонды считают себя единым племенем, имеющим общих предков и богов. Племя делится на роды, или септы. Роды кхондов тотемистичны. Выяснить систематически всю родовую организацию крайне трудно. У донгрия кхондов я обнаружила три рода: джакасика, сикоку и вадака. Поскольку эти роды патриархальны и происхождение определяется по мужской линии, то деревни в основном соответствуют какому-нибудь одному или, в крайнем случае, двум родам. Так, в деревне Курли живут представители джакасика и сикоку, а раньше жили только джакасика. В деревне Камбеси обитает род вадака, в деревне Тиагуда – джакасика, а в Мунигуда – вадака.

Женщина, приходящая в дом мужа, берет имя его рода. Но в давние времена было иначе. Муж уходил в дом к жене. Потом постепенно

обычай стал меняться, и женщина была обязана уходить в род мужа. Но женщины еще долго сопротивлялись.

Почему вы думаете, гремит гром, когда появляется бог дождя Бхимсен и его жена молния? А дело в том, что жена у Бхимсена – дама весьма своенравная и самостоятельная.

Как только Бхимсен займется своей работой – начинает поливать дождем землю, молния сверкнет и сбежит в дом своей матери. Бхимсен ловит ее и бьет. И удары эти слышны на земле. Люди называют их громом. Но молния упряма и не обращает внимания на побои. Как только Бхимсен отвернется – она снова бежит. И так все время, пока идет дождь. Она сбегает, он ее бьет.

Не знаю, почему богу не удалось справиться с женой, но мужчины-кхонды это уже сделали. Их жены уже не бегут в дом матери, а покорно живут у своих мужей. Теперь основу рода составляет объединенная патриархальная семья. В нее входят отец, мать, женатые сыновья и неженатые дети. Отец считается главой семьи, и ему принадлежит все имущество. После его смерти имущество делится поровну между сыновьями.

Во главе рода стоит вождь. Он же и жрец. В его руках сосредоточена власть гражданская и духовная. Этот вождь-жрец носит титул «мандал». Должность мандала наследственная. Вождь должен разрешать все споры и конфликты, которые возникают в его роде. А в каждой деревне донгрия кхондов есть свой жрец-вождь, который называется джани. Пост этот тоже наследственный. Его обычно получает младший сын джани. При каждом джани есть советник – бисмаджи.

Женщины по своему характеру и поведению резко отличаются от женщин племен, где еще сохранился материнский род. Если вы приходите в деревню кхондов, то женщины сразу прячутся, и бывает очень трудно заставить их разговориться. Они редко покидают деревню одни. Как правило, через джунгли женщины идут в сопровождении мужчин. Впереди женщина, а сзади охраняющий ее мужчина. Пользуясь определенным уважением как мать, женщина тем не менее в делах племени участия не принимает. Советоваться с женщиной не обязательно. Важные вопросы в жизни племени решаются только мужчинами.

У кхондов не существует резкого разделения труда между женщинами и мужчинами. Они обычно трудятся как равные. Женщины работают на полях вместе со своими отцами, мужьями и братьями. Они участвуют даже в расчистке джунглей. Кроме этого у них есть и свои обязанности: воспитание детей, ведение домашнего хозяйства, приготовление пищи. Многие женщины-кхонды очень хорошие рукодельницы. За вышиванием они проводят все свое свободное время.

Поскольку в племени установились патриархальные отношения, то жизнь женщин уже связана рядом ограничений и запретов. В противоположность племенам, где сохраняется материнский род, женщины кхондов не имеют права вступать в близкие отношения с мужчинами до замужества. Но если случается, что девушка забеременеет, то мужчину подвергают штрафу. При повторении его заставляют жениться на этой девушке. Мужчина может иметь несколько жен, но брачная церемония совершается только с одной. Юноши женятся в возрасте от восемнадцати лет до двадцати одного года, девушки – от семнадцати лет и тоже до двадцати одного года. Брачные отношения внутри рода запрещены. Нельзя жениться также на девушке, которая принадлежит к роду матери или роду матери отца. Но если она из рода бабушки матери, то в этом случае брачные отношения разрешаются. Нередко вопрос о женитьбе или замужестве решается родителями жениха и невесты. Нанеся взаимные визиты, родители того и другого могут прийти к соглашению. Но в то же время юноша сам имеет возможность выбрать себе невесту. Сделать это не так трудно, поскольку юноши и девушки часто бывают вместе. Они вместе работают, вместе танцуют и поют. В этих случаях не обязательно спрашивать согласия родителей.

За невесту платят традиционный выкуп. Размеры выкупа различные. Они зависят и от местности и от обычая. За невесту можно платить коровой, буйволом, зерном, одеждой и очень редко деньгами. Если у жениха нет возможности дать выкуп, он может отработать определенное время в доме родителей невесты. У кхондов существует термин «карджоми». Карджоми – это юноша, поселившийся у будущего тестя, чтобы отработать за невесту. Брачная церемония кхондов очень интересна. Она свидетельствует о том, что когда-то у этого племени существовал обычай умыкания невесты. По дороге в

деревню жениха между людьми, сопровождающими невесту, и родственниками жениха завязывается потасовка, которая приобретает нередко боевой характер. Мне не удалось быть свидетелем такой брачной церемонии, но в одном из справочников по дистрикту Ганджам я натолкнулась на ее описание. Вот что там сказано: «По дороге, на границе деревни, процессия встречается с женихом и молодыми людьми его деревни. Они задрапированы с головы до ног в одеяла и куски ткани. Каждый вооружен длинной бамбуковой палкой. Молодые женщины из деревни невесты сразу же нападают на группу жениха с палками, камнями и комьями земли. Молодые люди отражают атаку бамбуковыми палками. Эта борьба продолжается до тех пор, пока процессия не достигнет деревни, где бросание камней неизбежно прекращается, и дядя жениха хватает невесту и уносит ее в дом мужа. Это сражение не напоминает детскую игру – иногда мужчины получают серьезные ранения». Друзья и родственники жениха могут только обороняться, но ни в коем случае не нападать, не отвечать на атаки женщин из группы невесты. Такие церемониальные сражения нередко принимают довольно большие масштабы. Однажды, еще в колониальный период, несколько английских чиновников, оказавшихся случайными свидетелями такой брачной церемонии, приняли ее за мятеж.

После того как невесту водворяют в дом жениха, в деревне убивают буйвола и свинью и устраивают пир в честь родственников невесты. На второй день сопровождающие невесты, получив в подарок буйвола и кое-какие другие вещи, отбывают к себе в деревню. На третий день устраиваются танцы, в которых принимают участие многочисленные гости. Когда наступает четвертый день, все собираются в доме жениха. Невесту и жениха сажают рядом, и брат жениха произносит формулу-заклинание. «До тех пор, – говорит он, – пока девушка живет с нами, пусть ее дети будут мужчинами и тиграми, но, если она собьется с пути, пусть ее дети будут как змеи и обезьяны, и умрут, и будут убиты».

После завершения церемонии женщина остается в доме мужа и отныне принадлежит его роду. Мужчина вынимает из ушей две длинные шпильки, которые обычно знаменуют принадлежность к холостяцкому сословию. На рукоятку ножа, с которым мужчина-кхонд

не расстается, надевают кольцо жены. Отдать нож – значит потерять жену.

До женитьбы или до замужества молодежь проводит ночи в специальных домах. Есть дома для девушек, есть для юношей. Нередко юноши приходят в такие дома к девушкам и остаются там на ночь. Они обмениваются подарками: бусами, кольцами, гребешками. Мне сказали, что близости между девушками и юношами в таких домах не бывает. За нравственностью девушек наблюдает одна из старых женщин, специально приставленная для этой цели. Назначение этих домов мне не удалось выяснить. Очевидно, когда-то они имели тот же характер, что и дома для юношей у мудугаров Кералы, но с исчезновением материнского рода их суть изменилась. В своем развитии этот своеобразный институт миновал и ту стадию, на которой находятся подобные дома у племени бондо. У меня создалось впечатление, что у кхондов институт домов неженатой молодежи уже начинает отмирать.

Развод в племени кхондов пока еще не представляет особой проблемы. Видимо, традиции материнского рода в брачных отношениях еще окончательно не исчезли. Если женщина по каким-либо причинам не хочет жить с мужем, она должна заявить об этом на совете деревни. Как правило, вопрос решается в пользу женщины. Разведенная получает в качестве возмещения «убытков» за счет общего фонда деревни одну рупию и новую одежду. Она может свободно выйти замуж еще раз. В этом случае новый муж должен отдать первому положенный за жену выкуп. Если женщина не собирается после развода сразу замуж, она возвращается в семью своего отца и живет там. При этом общественное мнение еще не превращает ее в человека второго сорта, опозорившего себя неприличием развода. Вдова тоже может вторично выйти замуж. Во многих случаях она выходит за младшего брата мужа, но ей предоставлена и свобода выбора, правда ограниченная. Она может выйти за кого-либо другого, не связанного с семьей первого мужа. Однако ответственность за ее детей продолжают нести родственники первого мужа. Дети остаются в его роде, и мать не всегда может забрать их с собой. Власть главы семьи над потомками сына уже закреплена в племени довольно основательно.

Донгрия кхонды, или лесные кхонды, – охотники и культиваторы. Они хорошо знают джунгли и всегда имеют при себе оружие. Это прежде всего традиционное холодное оружие – топоры на длинной рукоятке, ножи с широким стальным лезвием в форме полумесяца, короткие кинжалы, иногда луки со стрелами. Ружья – большая редкость у лесных кхондов. С топорами и ножами они охотятся на диких кабанов, оленей, коз и т. д. Дичь часто служит основным питанием у кхондов. Кхонды – мужественные люди и нередко вступают в единоборство с сильным и ловким хищником джунглей – тигром. В племени существует обычай: если охотник ранен тигром, его изгоняют из племени. По представлениям кхондов, только трус может допустить, чтобы тигр напал на него. А если, например, тигр убивает кхонда, то позор падает на всю его семью. Поэтому подобные случаи тщательно скрываются пострадавшими. По законам племени трус не может называть себя кхондом.

Но охота – это только побочный промысел. Основным занятием остается земледелие. В джунглях дистрикта Корапут земли достаточно. Сюда еще не добрались ни плантаторы, ни чиновники Лесного департамента. Каждый, кто хочет обрабатывать землю, может взять себе участок и расчистить его. Величина участка часто зависит от трудоспособности владельца и его семьи. Только несколько лет назад в районе донгрия кхондов был введен государственный налог на землю. Он варьируется в зависимости от качества земли от трех до шести рупий за акр в год. На крутых склонах гор в центре джунглей кхонды разбили небольшие плантации фруктовых деревьев. Они выращивают манго, ананасы, мандарины, бананы, плоды хлебного дерева. Что касается зерновых культур, то здесь действует система подсечного земледелия. Сельскохозяйственный сезон у кхондов начинается с месяца чойтро, что приблизительно соответствует марту – апрелю. В это время они начинают готовить землю для культивации. Участки меняются каждые три года. Срубленные на участке деревья и кусты сжигают, и пепел служит удобрением. Потом землю вскапывают. При этом пользуются своего рода топором-мотыгой, который называется «корики». Когда поле готово, его засевают зернами баджры, сиара и раги. Рис лесные кхонды не выращивают – не позволяют природные условия. Еще до того как всходы зерна окрепнут, на полях вновь вырастают кусты различных растений, и

поэтому через два месяца их снова приходится вырубать. Когда появляются всходы, на полях строят хижины, где живет вся семья, и только один человек из нее обычно ходит в деревню. В течение этого времени кхондам приходится охранять урожай от нашествия диких кабанов, оленей, обезьян, слонов. По ночам на полях бьют барабаны, отпугивая зверей. Пока не созреет урожай, кхонды едят ананасы, манго, плоды хлебного дерева и рис, который им иногда удается получать через домбов-торговцев. Рис, как правило, кхонды раньше выменивали на фрукты и только в последнее время его стали покупать. К дождливому сезону фрукты сходят, и племя питается в основном кореньями. Съедобные коренья пайрика, даби, джаракуна, напа собирают в джунглях. Делать это очень трудно. По узким каменистым тропинкам бегут потоки воды. Глинистая почва горных склонов становится скользкой, и часто по ним нельзя пройти. Размытые дождями обрывистые кручи бывают крайне опасны для пешехода. Горные реки разливаются и преграждают путь в джунглях. Но коренья в это время года – основная пища, и поэтому у кхондов нет выбора. Им приходится карабкаться по скользким склонам, преодолевать бурные, сбивающие человека с ног потоки, пробираться ползком, цепляясь за мокрые стволы деревьев. В дополнение к кореньям охотники иногда приносят мясо диких кабанов, коз и крыс. Но кончается трудный и голодный дождливый сезон, и кхонды начинают собирать урожай. Рабочий сезон длится с августа по февраль, так как различные зерновые созревают в разные сроки. В это время раги, сиар и баджра составляют основу меню кхондов.

До сих пор среди лесных кхондов сохранились традиции общинного землевладения. Земля в ряде случаев принадлежит всему роду или всей деревне. Руководит работами и распоряжается земельным фондом вождь или старейшина. На нем лежит также и обязанность уплачивать налог правительству из общего родового или деревенского фонда. Однако традиции общинного землевладения начинают постепенно отживать. Все чаще и чаще главы отдельных семей требуют участок земли в собственное и безраздельное владение. Вопрос о выделении участка решается также вождем. Понятие частной собственности уже знакомо кхондам. Частная собственность на землю порождает определенную социально-экономическую дифференциацию в племени. Лучшие земли захватывают племенная верхушка, вожди

родов и деревень. Используя пока еще находящиеся в их руках средства внеэкономического принуждения, они заставляют соплеменников работать на своих землях.

В полутора милях от Курли расположена небольшая деревенька Тиагуда. В ней всего пять домов, а число жителей не превышает пятидесяти человек. Деревня тонет в мандариновых садах, которые разбиты тут же в джунглях.

Самые крупные участки садов и полей принадлежат в Тиагуде вождю деревни Люду Джани Джакасика. Используя право вождя распределять и выделять землю, он, естественно, не обошел себя. Более того, будучи вождем и обладая административной властью, он заставляет жителей деревни обрабатывать и его сад, и его поля. За такого рода труд платы не полагается.

– Они должны уважать вождя и доказывать это делом, – говорит Люду Джани.

– Но почему они должны доказывать свое уважение к вам именно таким образом? – поинтересовалась я.

– Я вождь, и от меня зависит, будет ли у них своя земля или нет. Я могу выделить им участок, а могу и не выделять. Все в моих руках.

– А почему у вас самого такой большой участок? – спросила я.

Люду Джани ухмыльнулся и самодовольно заметил:

– Если я вождь, то вся земля деревни – моя. Я ею распоряжаюсь. Я еще не много себе взял – у других джани участки побольше.

Отождествление общинной земли с «моей» – особенность, характерная и для других джани, не только для Люду Джакасика. Захват общинных земель племенной верхушкой и начинающаяся на этой основе эксплуатация соплеменников приведут, очевидно, в скором будущем к определенным социально-экономическим изменениям в племени. Уже и сейчас материальное положение джани, или вождя, отличается от остальных. Хижина Люду Джакасика, например, самая добротная во всей деревне. Семьи вождей не испытывают особого недостатка в пище, как это случается с рядовыми кхондами. Шерстяные одеяла защищают джани от пронзительного холода зимних вечеров и ночей. У остальных таких одеял нет. Нередко можно увидеть на джани серебряные и золотые украшения.

Деревни лесных кхондов располагаются на небольших, расчищенных прямо в джунглях участках. Участок обычно выбирается

неподалеку от источника или горной реки. Приземистые, крытые соломой хижины сделаны из бамбука или дерева. Стены иногда обмазываются глиной. Хижины обычно выстраиваются в два ряда. Пространство между ними образует небольшую деревенскую площадь, на которой располагаются место для жертвоприношений и дом для молодежи. Некоторые деревни обносятся общим плетнем. Хижины имеют два входа, спереди и сзади. Высота строения не более двух метров. Двухскатные крыши низко опускаются к земле, и нередко расстояние между концом крыши и землей не более сорока сантиметров. Низкие скаты крыши предохраняют хижину от холодного ветра, а в жаркие дни в их тени можно укрыться. Окон в хижинах нет. Каждая хижина или секция большой хижины разделены на две или три маленькие темные комнаты размером от восьми до двенадцати квадратных метров. В первой комнате отгорожена небольшая кладовая, где хранят продовольственные припасы. Здесь же расположен очаг, на котором готовят пищу. Очаг этот иногда имеет форму низкой прямоугольной плиты и сложен из неотесанных камней, обмазанных глиной. В этой комнате спят дети. Во второй комнате, расположенной позади предыдущей, есть тоже очаг. Там обычно спят родители. И наконец, в следующей размещается загон для домашних животных: свиней, коз и других. Домашняя утварь лесных кхондов крайне скудна и нередко состоит из нескольких глиняных горшков, двух-трех бамбуковых корзин и кусков ткани, в которые кхонды заворачиваются холодными зимними ночами.

Антропологический тип кхондов близок к дравидийскому, но среди них часто встречаются и ярко выраженные негроиды. Иногда также можно увидеть кхондов узконосых и тонкогубых, напоминающих ория. Мужчины носят набедренные повязки, украшенные спереди и сзади вышитыми фартучками. Вышивка всегда ярка и своеобразна. В ней превалируют красные и розовые тона. Многочисленные браслеты, кольца, серьги, шпильки, ожерелья – неотъемлемая часть туалета мужчин лесных кхондов. Кольца можно увидеть не только на их руках, но и в носу, причем нередко не менее трех. Как правило, уши кхондов проколоты во многих местах по краю ушной раковины и в каждую дырочку вдето кольцо.

Мужчины племени – отъявленные щеголи. Особенно тщательно следят они за своей прической. Длинные волосы увязываются сзади в

пучок, по всей линии лба выстригается короткая челка. Пучок кхонда служит своеобразным карманом. Он втыкает в него самокрутку из банановых листьев, нож, аппарат для добывания огня, похожий на небольшой снаряд, инструмент, напоминающий наши ножницы, которым он берет тлеющую хлопковидную массу из «снаряда», чтобы прикурить или разжечь костер. Медная короткая трубка висит иногда на шнуре, привязанном к пучку. Пучок кхонды часто украшают несколькими цветными перьями.

Мужчины-кхонды хорошо сложены – с мускулистой, прекрасно развитой грудью и длинными стройными ногами. Среди них часто встречаются высокие. Женщины-кхонды – среднего роста, изящные и подвижные. Их одежда состоит из двух кусков вышитой ткани, одним из которых они прикрывают грудь, другим обматывают бедра в виде недлинной юбки. Некоторые из них носят сари (но это уже внешнее влияние). Они пользуются теми же украшениями, что и мужчины. В отличие от мужчин женщины кроме ожерелья носят широкие металлические кольца, которые в несколько рядов украшают их грудь. Они также любят ножные украшения. На каждый палец ноги женщины надевают по нескольку колец. Их щиколотки охватывают массивные металлические браслеты. Традиционный пышный пучок женской прически также служит вместилищем различных предметов. Пучок нередко украшается яркими цветами, сорванными в джунглях.

Характер у лесных кхондов дружелюбный, мягкий и приветливый. Этнограф из Ориссы Киран Бала Деви, наблюдая кхондов, так писала о них: «Кхонды очень просты, искренни и наивны. Они очень гостеприимны. Когда бы ни приехал гость, он должен быть накормлен и напоен вне зависимости от того, беден или богат хозяин. Они здоровы, крепки и сильны, несмотря на их бедность, отсутствие питательной пищи и соответствующей одежды. Они веселы и не думают о будущем. В период сбора урожая, когда еды много, они потребляют ее без ограничения, а когда пищи не хватает, живут иногда впроголодь. Кхонды мужественны в джунглях, но робки и несмелы перед пришельцами».

Мой собственный опыт подтвердил все то, о чем писала Киран Бала Деви. Я знаю хорошо, что кхонд поделится с гостем последним, хотя вначале и будет робок с незнакомым человеком.

Моя постоянная резиденция была в деревне Курли. Оттуда я совершала радиальные походы в близлежащие деревни. Каждый раз, когда я уходила из Курли, меня сопровождал джани деревни. В дороге джани тщательно следил, чтобы я не оступилась, не попала в горный поток.

Он всегда чутко прислушивался к подозрительному шуму в зарослях и держал наготове топор на длинной ручке.

– Джани, – однажды сказала я ему, – почему ты все ходишь со мной в другие деревни? У тебя нет своих дел?

Джани смутился и стал ковырять большим пальцем ноги землю. Потом он собрался с духом и выпалил:

– Ты наш гость, понимаешь? Гость должен возвращаться в свою деревню. А если тебя переманят и оставят в другой деревне, что я скажу тогда нашим?

Когда мы приходили в соседние селения, джани с гордостью сообщал:

– Она наш гость. Живет теперь в Курли.

Молва о госте шла из деревни в деревню, и кхонды считали своей обязанностью прийти и пригласить меня к себе. А жители Курли ревниво следили за тем, чтобы мои визиты в соседние деревни не слишком затягивались. В последний день моего пребывания у лесных кхондов в Курли появился вождь дальней деревни Мандавали – Джакасика Мамеджани. Сначала он в нерешительности остановился посреди деревни. Курлийцы, заподозрив неладное, быстро исчезли в хижинах. Мамеджани прошелся по Курли, но никого не встретил.

– Эё! – крикнул Мамеджани. – Где гость?

В хижинах затаились и молчали. Я поспешила на выручку вождю Мандавали.

– Я гость, – сказала я ему.

Широкоскулое лицо вождя растянула приветливая и открытая улыбка:

– Здравствуй, мамуни!

При первых же словах, которыми мы обменялись с Мамеджани, вероломные курлийцы покинули свои убежища и окружили нас. Но вождь их не замечал. Хитрость была слишком явной даже для кхонда.

– Ты посетила все деревни, – сказал Мамеджани, – а в нашей не была. Я пришел пригласить тебя погостить у нас. Где твои вещи? Мы

сейчас пойдем.

Курлийцы стали напряженно сопеть.

– Спасибо за приглашение, Мамеджани. Но времени у меня уже нет. Я не успею попасть в твою деревню.

Курлийцы заулыбались. К моим ногам положили два ананаса. Это была явная взятка за приверженность к Курли. Я оказалась в трудном положении. Мне очень не хотелось, чтобы в Мандавали подумали, что я ими пренебрегаю.

Но выхода не было, и мне пришлось выслушать речь Мамеджани, сопровождавшуюся ехидными замечаниями и смешками курлийцев.

– Мамуни, – начал он, – зачем я сюда пришел? Я пришел сюда, чтобы забрать тебя в свою деревню. А теперь я вижу, что ты не хочешь посмотреть наших детей. Ты отказываешься идти со мной. А я ведь пришел сюда не ради праздности или любопытства. Жители Мандавали пригласили тебя, и наши дети ждут тебя.

Теперь Мамеджани смотрел на меня исподлобья, и в его глазах застыла неприязнь. Вождь Мандавали был оскорблен, и только чувство обиды заставило его бросить мне тяжкое обвинение: «Ты не хочешь посмотреть на наших детей». Даже курлийцы на этой фразе замолкли и больше не нападали на Мамеджани. Они поняли, насколько все серьезно. Были затронуты чувства к детям. Но я была не в состоянии разрешить назревший конфликт.

К детям кхонды относятся очень внимательно и очень трогательно. Я никогда не видела, чтобы лесные кхонды кричали на детей или шлепали их. Все лучшее, что есть в семье, обычно отдается детям. Дети очень привязаны к родителям и старательно помогают им в повседневном труде. В то же время жители деревни очень редко делают различие между своими детьми и детьми своих соседей. Дети принадлежат всей деревне, и каждый взрослый считает себя ответственным за них всех. Поэтому в деревнях кхондов редко встретишь голодных детей. Если у родителей не хватает еды, детей обязательно накормят в другом доме. Если родители ребенка умерли или погибли, его возьмет на воспитание другая семья. И пока останется в живых хоть один взрослый кхонд, дети всего племени не будут считаться сиротами.

В большинстве своем донгрия кхонды честны и доверчивы. Они никогда не запирают дверей, ничего не прячут. Случаев воровства

среди них почти нет.

Кхонды ревниво берегут от чужих свои тайны. Они тщательно охраняют священные для племени места.

Место кремации покойников расположено за деревней Курли в зарослях на берегу потока. Это небольшая, тщательно расчищенная площадка. В центре площадки неотесанными камнями выложен круг. В нем лежат дрова. Это – кремационный костер. Пепел после кремации смывают в поток.

Однажды когда я осматривала погребальное место, то увидела, что заметившие меня кхонды стали тревожно и взволнованно переговариваться между собой. Видимо, не все курлийцы были согласны, чтобы гость видел их погребальное место.

Кхонды сжигают покойников вместе с одеждой и украшениями. На следующий день на место сожжения кладут еду для духа умершего. Родственники просят дух вести себя прилично – не превращаться в злого духа или тигра и не приходить в деревню, чтобы беспокоить живых. Если духу еда нравится, он становится покладистым и не причиняет беспокойства родственникам и их соседям. Через неделю после кремации выполняется ритуал очищения, во время которого приносят в жертву буйвола.

Кровь для богини

В 1874 году английский полковник Пикенс привез из Балигуда (штат Орисса) в Мадрас интересную реликвию. Это был деревянный столб около двух метров высоты со странной перекладиной. И столб и перекладина были основательно изъедены белыми муравьями и грозили рассыпаться при любом неосторожном движении. Полковник приказал установить этот столб у полицейских бараков.

В 1906 году в Индию с визитом прибыл принц Уэльский с супругой. Мадрас вошел в программу его турне. Встреча, которую приготовили будущему английскому королю в Мадрасе, была необычайно помпезной. Власти не удовлетворились только тем, что в чествовании его высочества примут участие английские чиновники, местная знать, представители городской общественности. Спешно по всему президентству отбирались в разных племенах лучшие танцоры. Группа кхондов тоже была доставлена в Мадрас. Там эти кхонды увидели столб, привезенный Пикенсом. Сначала никто не мог понять, почему зрелище этого необычного столба так взволновало «дикарей». Они столпились около него и повторяли незнакомое слово: «Мерия, мерия». Выяснилось, что так кхонды называют человека, которого приносят в жертву богине земли. А столб играет важную роль в этом ритуале.

Практика человеческих жертвоприношений существовала у кхондов издавна. Этот обычай пришел из далекого прошлого и, очевидно, был связан с матриархальным периодом, со своеобразным культом матери-богини земли.

Вот что говорится об этом в одной из легенд. Когда сошла большая вода и горы и леса обнажились, земля еще долгое время оставалась сырой. Жили на этой земле две женщины – Карабуди и Тхартхабуди. У каждой было по сыну. Их звали Касароди и Зингароди. Все четверо появились из земли и принесли с собой два растения: нангакуча и бадокуча, которыми они и кормились. Однажды, когда Карабуди готовила еду из нангакуча и бадокуча, она порезала себе на левой руке маленький палец. Кровь капнула на землю. Земля, мягкая и сырая, в этом месте стала твердой и сухой. Женщина приготовила еду и дала ее

сыну. Он спросил ее, почему еда вкуснее, чем обычно. Карабуди ответила:

– Я не могу тебе сказать почему. Но сегодня я увижу сон и, может быть, дам ответ.

На следующее утро она сказала сыну:

– Я видела сон. Если ты сделаешь так, как я тебе скажу, ты всегда будешь богатым и у тебя будет много еды. Но ты должен забыть, что я твоя мать. Срежь мясо с моей спины, вырой несколько ям, закопай мясо в них и прикрой ямы камнями.

Сын был послушным и сделал так, как велела мать. А тело ее сжег. После этого сырая земля стала сухой и твердой. На ней появились звери и выросли рис, маис, раги, дал. Зингароди и Касароди увидели, что жертва матери принесла им богатство, и они решили и впредь один раз в году приносить в жертву братьев, сестер и других людей. Оба они женились на дочерях бога Бура Пану, и у них появились дети. Два года все жили счастливо. Но однажды Карабуди явилась во сне Касароди и Зингароди и сказала:

– Принесите еще одну человеческую жертву. Тогда ваши поля будут плодородными, а скот тучным.

Братья пожертвовали обезьяну. Но Карабуди осталась недовольна. Зингароди и Касароди и их восемь детей стали искать жертву. Наконец они нашли бедного человека и дали ему и его жене одежду, хорошую пищу и жилье, а потом сказали:

– Мы были добры и щедры. За нашу доброту ты должен отдать нам своего сына. Мы принесем его в жертву.

Отец согласился и отдал своего сына. Зингароди и Касароди связали мальчика и приготовили его для жертвоприношения. На месте жертвоприношения установили бамбуковый шест с флагом. Потом сделали хмельной напиток из зерен. В первый день у шеста принесли в жертву свинью, а потом был большой праздник. Всем было объявлено, что на второй день мальчика привяжут к шесту, а на третий – принесут в жертву. В ночь перед жертвоприношением жрец взял две тростинки и ткнул их в землю. Он сказал, что это бог Тадапану и богиня Дасапану. Рядом с богом и богиней сделали сооружение из семи кусков дерева. На него положили яйцо. Пришли кхонды из разных мест. Они много пили, а затем стали дразнить мальчика. Они говорили, что родители продали его им и что его горе их не касается –

это дело его родителей. Они также говорили, что принесут его в жертву, ведь это необходимо для процветания всего племени кхондов. Потом положили мальчика на деревянное сооружение животом вниз и стали вырывать мясо из его спины, рук и ног. Куски мяса жертвы были закопаны перед богом и богиней, часть кусков положили около колодца и вокруг деревни. Останки жертвы были сожжены на костре, разведенном с помощью трения двух кусков дерева. На четвертый день принесли в жертву буйвола. На пятый день бамбуковый шест был вынесен за деревню и около него божеству были предложены курица и яйца.

Верховным божеством кхондов считается богиня-земля. Согласно устной традиции, бытующей среди кхондов, богиня-земля ежегодно нуждается в человеческом мясе и человеческой крови. Получив все это, она дарует кхондам плодородие их полей и богатый урожай. Интересно то обстоятельство, что первоначально жертвой, или мерия, были в основном мальчики и мужчины. Само слово «мерия» значит «жертва-мужчина». На основании некоторых легенд и гимнов можно считать, что первыми жертвами были дети вождя. Идея жертвоприношения сводилась к самопожертвованию во имя блага всего племени, поэтому, чтобы задобрить богиню, отдавали самое дорогое – сына вождя. При этом исполнялся такой гимн:

О, ты, вершина деревни,
О, ты, глава деревни,
Есть у тебя сын?
Отдай его нам.

К богине обращались со следующими словами:

Пусть не будет джунглей,
Пусть не будет зла,
Пусть народ живет счастливо и в мире,
Пусть не будет голода,
Пусть придет процветание,
Пусть наш урожай вырастет буйным, как дикий плющ.
Великая богиня примет нашу жертву,
И свет сойдет на землю.

Со временем вожди перестали отдавать своих сыновей. Пользуясь властью, они переложили это почетное право на других. За жертву начали платить выкуп родителям или родственникам обреченного. Иногда в жертву приносился взрослый мужчина, у которого были свои дети. Эти дети механически становились мерия и могли быть принесены в жертву уже без выкупа. Так в племени возникла своеобразная группа – мерия по рождению. Когда в 1901 году в районе кхондов английские власти проводили перепись населения, двадцать пять человек назвали себя потомственными мерия. Впоследствии эта группа уже пополнялась за счет внеплеменного населения. Кхонды стали покупать мерия у чужих. Богиня принимала жертву в том случае, если она была куплена или была рождена мерия или же добровольно отдавалась отцом и родственниками. Группа купленных жертв была самой многочисленной. Английский чиновник Рассел в 1837 году писал в своем отчете правительству: «Взрослые мужчины ценятся больше всего. Дети покупаются. Их воспитывают годами в семье человека, который предназначает их для жестокой смерти, когда обстоятельства потребуют жертвы из его рук. С детьми, по-видимому, обращаются хорошо. Если ребенок мал, его не держат в неволе. Но если он достаточно вырос, чтобы понять судьбу, которая его ожидает, его запирают и стерегут. Большинство из тех, которые спаслись, были проданы своими родителями или ближайшими родственниками – практика, как мы смогли установить, очень распространенная. Дети старшего возраста похищаются негодяями, торгующими человеческим мясом. Мерия всегда должны быть куплены. Преступники или пленники, захваченные в сражениях, не считаются подходящими. Выкуп за жертву может быть уплачен в бронзовых изделиях, скотом или зерном».

Мерия, которые выкрадывались в долине и продавались кхондам, имели право выбрать себе в племени жену. Но их потомство неизбежно превращалось в мерия. Кхонды окружали мерия особым почетом и уважением. Они приписывали им божественную силу и почитали за полубогов. Со временем среди жертв появились девочки и девушки. Это происходило прежде всего в тех районах племени кхондов, где богиня под влиянием патриархальных отношений стала превращаться в бога. Бог требовал девушек, богиня продолжала довольствоваться мужчинами.

Интересно, что обычай человеческих жертвоприношений был распространен не только среди кхондов, но и среди индусского населения тех же районов. Индусские князьки и раджи Ориссы приносили своим богиням в жертву людей.

Взамен богини даровали им власть, силу, славу и победу над врагами. Была даже специальная каста – тханапати, и из нее брались жертвы – бали. До сих пор в бывшем княжестве Джейпур (дистрикт Корапут) в дни праздника дасиры в процессиях участвуют бали. В представлениях и пантомимах они принимают позу мертвых. Когда предпоследний раджа Джейпура вступал на престол, он принес в жертву богине Дурге тринадцатилетнюю девочку. В 1883 году в том же Джейпуре в одном из храмов был найден убитый бродяга. Обстоятельства убийства были крайне странными. Наконец удалось выяснить, что бродяга принадлежал к касте жертв, пожертвование было произведено тайно неизвестными людьми и нити этого убийства вели во дворец раджи.

Трудно, или даже невозможно, определить время, когда возник ритуал человеческих жертвоприношений. Но его исчезновение, по официальным данным, относят ко второй половине XIX века. Надо сказать, что этот обычай послужил англичанам для оправдания их захватнической политики в районе, где жили кхонды.

В 1835 году индусский князь Гумсура восстал против английских колонизаторов. Такие восстания в то время случались часто. Для усмирения непокорного раджи была послана карательная экспедиция под командованием Рассела. Каратели вторглись в Ганджам и впервые вошли в соприкосновение с кхондами. «Их язык, – доносил Рассел правительству Мадраса, – отличается от языка других групп, и его понимают лишь немногие живущие внизу. Как и у других наций, у кхондов есть свои раздоры, и они часто воюют с соседями. Их любовь к табаку и напиткам исключительна. Из плодов дерева иппа они добывают очень сильный спирт и из пальмы, характерной для их страны, получают тодди, который, хотя и приятен в свежем виде, крайне опьяняющ в забродившем состоянии. Они не употребляют никакого молока, не имеют кастовых предрассудков и едят все, кроме собак, домашних кошек, зверей, которым поклоняются, стервятников, коршунов и змей». Рассел узнал и об обычае человеческих жертвоприношений. Он сообщил об этом правительству, но

чиновников из форта Святого Георгия в Мадрасе практика человеческих жертвоприношений не волновала. У них были другие заботы: им надо было усмирять кхондов, вновь восставших в 1837–1838 годах. Однако посланный в качестве помощника коллектора Гумсура капитан Кэмпбэлл думал иначе. На свой страх и риск он начал борьбу против человеческих жертвоприношений, усматривая в ней необходимый повод для вмешательства во внутренние дела кхондов и удобный случай для проникновения в их страну. Но все же осторожные правительственные чиновники, напуганные решимостью кхондов отстаивать до конца свою независимость, придерживались иной политики. Они выжидали. Кэмпбэлл в 1842 году был отозван со своего поста и отправлен в Китай. И страна кхондов по-прежнему оставалась недоступной англичанам.

В 1846 году среди кхондов распространились не лишенные оснований слухи, что англичане намерены отнять их землю и запретить человеческие жертвоприношения. Кхонды восстали. Им помогал ущемленный в своих правах раджа Ангула. Борьбой кхондов руководил Чакра Бисон. Посланные на усмирение отряды под командованием Макферсона жгли деревни кхондов, уничтожали зерно, захватывали в плен взрослых мужчин и заставляли их на своих плечах переносить снаряжение и продовольствие для английских солдат. На помощь Макферсону в 1847 году вновь пришел Кэмпбэлл, но уже не капитан, а полковник. Он успешно провел операцию против раджи Ангула. Новый генерал-губернатор Индии лорд Дальхузи, сторонник решительной политики в отношении «бесконтрольных областей», поддержал Кэмпбэлла и полностью одобрил его действия. 21 февраля 1848 года Дальхузи писал совету директоров Ост-Индской компании:

«Полковник Кэмпбэлл довел дело в Ангуле до конца. Раджа – узник в Каттаке, вместе с его последователями, которые были взяты в плен. Полковник Кэмпбэлл, согласно своему первоначальному намерению, с небольшими силами двинулся в Бауоуд. Не может быть сомнений, что такая тактика в отношении диких и отсталых племен должна приветствоваться. Она укрепляет позицию правительства в уничтожении варварских ритуалов, которые практикуют эти племена».

Кампания под командованием Кэмпбэлла по захвату страны кхондов получила в официальных английских и индийских кругах название «Борьба с человеческими жертвоприношениями». Из Бауда в

марте 1848 года полковник Кэмпбэлл писал: «Не теряю возможности ясно и силой объяснить им (кхондам. – *Л. Ш.*) твердое намерение правительства покончить с приношением человеческих жертв». В борьбе против кхондов Кэмпбэлл заручился поддержкой местных индусских раджей и князьков. Его союзники тоже грешили таким обычаем, но Кэмпбэлла это не волновало. Раджи были послушны и покорны.

… Английские отряды медленно продвигались по горам, поросшим густыми, непроходимыми джунглями. В деревнях кхондов их встречали угрюмым молчанием. Полковник совал в лицо вождям невиданные ими до сих пор бумажки. Он заставлял их прикладывать к этим бумагам пальцы, вымазанные странной лиловой жидкостью. В официальных донесениях Кэмпбэлла это называлось взять подписку о прекращении человеческих жертвоприношений. Белые люди не знали языка кхондов, кхонды никогда не слышали их языка. Индусские переводчики, которых Кэмпбэлл предусмотрительно прихватил с собой, мало чем могли помочь. Они тоже не знали как следует языка племени. К удивлению кхондов, солдаты Кэмпбэлла стали хватать мерия, которые принадлежали им, кхондам. Из косноязычных объяснений индусских переводчиков они узнали, что мерия были взяты под «британскую защиту». Что такое «британская защита» – об этом кхонды только смутно догадывались. Они стали укрывать мерия от английских солдат в джунглях и пещерах. Захваченные солдатами мерия тащились многие мили за отрядами, не понимая, что происходит и что ждет их в будущем.

Возмущение охватывало кхондов. Они подстерегали английских солдат в джунглях и пускали в них стрелы, они бросались на них с топорами, которыми убивали тигров. Но отряды Кэмпбэлла неумолимо продвигались вперед. Они шли по неизвестным горам, где никогда не ступала нога европейца. Был жаркий сезон, и знойное марево стояло над раскаленными камнями обрывов и скал. Джунгли не приносили желаемой прохлады. Там было жарко и душно. Вредные испарения поднимались от заболоченной и сырой почвы. Москиты не давали покоя ни днем ни ночью. Грубые солдатские ботинки быстро пришли в негодность от острых камней узких извилистых тропинок. Израненные, распухшие ноги с трудом преодолевали длинные утомительные мили. Но полковник покрикивал: «Вперед, ребята!

Вперед! Мы еще не кончили свое дело!» Среди солдат начались болезни. Дождливый сезон застал их недалеко от Чинна-Кемеди. Разведчики Кэмпбэлла донесли, что и в этом районе существуют человеческие жертвоприношения. Весть была хорошей. Значит, Чинна-Кемеди – следующий на очереди. Но дожди помешали продвижению. Кэмпбэлл ждал, когда же, наконец, прекратится этот дьявольский водопад тропических ливней, превративший джунгли в болота, а тропинки – в бурные потоки. Несколько дней тому назад усталый и измученный курьер доставил ему письмо. Кэмпбэлл помнил его наизусть: «Генерал-губернатор и Совет директоров компании готовы к аннексии вышепоименованного района (Чинна-Кемеди) в подходящее время». Но «подходящее время» явно задерживалось, и это раздражало полковника. Установленное им Агентство мерия, или Агентство по борьбе с человеческими жертвоприношениями, было признано и поддержано правительством – там тоже хорошо понимали, что в этой беспокойной колонии лучше лишний раз не называть такие слова, как «захват» или «аннексия». Учреждение Агентства мерия в стране кхондов – вот цель Кэмпбэлла. Больше ничего. Остальное придет само собой и со стороны будет выглядеть вполне прилично.

Наконец наступил холодный и сухой сезон 1849 года. Отряды Кэмпбэлла смогли выступить на Чинна-Кемеди. В Бауде в качестве представителя английской администрации остался с отрядом капитан Мак Виккар. Он должен был следить за тем, чтобы не было жертвоприношений.

Перед Кэмпбэллом лежала неизвестная доселе страна в двести миль длиной и в восемьдесят миль шириной. Горы здесь были выше, обрывы круче, а джунгли такие густые, что даже острые топоры помогали мало. Вождь Чинна-Кемеди, испугавшись угроз Кэмпбэлла, отдал своих мерия полковнику. Вместе с ними он отдал и свою свободу. Остальные кхонды не были столь сговорчивы. Они слишком дорого платили за мерия и не хотели отдавать их добровольно. Кэмпбэлл, как обычно, применил силу, но не добился результатов. Мерия были надежно спрятаны. Помог случай. Из убежища жертв сбежал мальчик. Полковник допросил его, и тот сказал, где прячутся остальные. Солдаты окружили убежище и взяли мерия.

Возможно, что спасение мерия от неизбежной церемонии жертвоприношения было неплохим делом. Даже гуманным. Но кто мог

спасти кхондов, которых белые пришельцы группу за группой приносили в жертву колониальному режиму? И если взвесить оба этих деяния на весах добра и зла, то чаша с несколькими сотнями спасенных мерия подпрыгнет высоко вверх. Баланс будет не в пользу полковника Кэмпбэлла и его солдат.

Спасая мерия, Кэмпбэлл и его чиновники тщательно наносили на карту неисследованные районы, намечали трассы будущих дорог, изучали природные ресурсы, интересовались ценным сырьем. Однако климат этих мест давал себя знать. Тропическая лихорадка косила англичан. Не миновала она и самого Кэмпбэлла. Худой и желтый, мало чем напоминавший завоевателя, полковник приехал в Мадрас и на первом же корабле отбыл в Англию. Лейтенант Фрей, его помощник, продолжал начатое Кэмпбэллом дело. Он продвинулся дальше и взял Калаханди. Так же как и его шеф, Фрей спасал мерия, брал клятвы с вождей и прокладывал путь английской администрации. Но лейтенант Фрей значительно уступал Кэмпбэллу и по опыту, и по решительности. Дела страны кхондов вновь требовали присутствия полковника. О том, как его там встретили вторично, Кэмпбэлл писал сам: «Я отправился с группой солдат, чтобы войти в личный контакт с кхондами и убедить их подчиниться. Но как только я достиг подножия отвесной горы, покрытой густым лесом, где в узком глубоком ущелье расположено несколько деревень, я был встречен боевыми криками и звуками рогов, сзывавших всех окрестных соплеменников. Я попытался начать переговоры с ними, но они не желали ни подчиниться, ни отказаться от человеческих жертвоприношений и объявили о своем решении сражаться с правительством. Они рассыпались по джунглям несколькими группами, вопили и издавали боевые кличи. Я приказал в качестве предупреждения стрелять по ближайшей группе. В момент этих выстрелов они повернулись и бросились на вершину, преследуемые солдатами и людьми индусского князя. Хотя я сожалел об атаке, предпринятой мной, результат был вполне удовлетворительный. Кхондские вожди Тупанга поспешили к индусскому князю с одной из их жертв и умоляли его помочь им получить от меня прощение и обещали никогда не выступать против правительства и отказаться от человеческих жертвоприношений».

Но теперь Кэмпбэлла мало интересовали судьбы несчастных мерия. Он стал брать в плен «настоящих преступников» и «главных

участников» жертвоприношений. Под эту категорию были подведены все непокорные, сопротивлявшиеся новой власти белых сахибов. В английских отчетах и донесениях нельзя найти точной цифры арестованных и убитых «настоящих преступников», зато со скрупулезной тщательностью там перечислены спасенные жертвы.

Кэмпбэлл считал, что к 1853 году ему удалось ликвидировать обычай человеческих жертвоприношений в Чинна-Кемеди, Джейпуре, Калаханди и Патне. Это было далеко не так. Хотя в некоторых районах человеческие жертвоприношения были заменены приношением буйволов, но древний ритуал продолжал совершаться втайне. Кхонды не могли смириться с тем, что их богиня остается без человеческих жертв. Они боялись ее гнева. Они говорили ей: «Не сердись на нас, богиня, за то, что мы даем тебе кровь животных вместо человеческой, но пошли свой гнев на этого джентльмена (имелся в виду Кэмпбэлл. – *Л. Ш.*), который в состоянии перенести его. Мы не виноваты». Днем приносили в жертву буйволов, темными ночами – людей. И на церемониях жрецы, обращаясь к богине, пели новые гимны:

Жертву, которую мы предлагаем, ты должна съесть.
Мы молимся, чтобы наши боевые топоры были превращены в мечи,
Наши луки и стрелы – в порох и пули.
Если у нас будет ссора с другими племенами,
Даруй нам победу.
Защити нас от тирании королей и их чиновников.

Мечи, порох и пули понадобились кхондам во время Великого национального восстания в 1857–1859 годах. Они помогли им и в период сражений в 80-е годы.

Ритуал человеческих жертвоприношений приобретал иной оттенок. Он символизировал непокорность кхондов белым людям и верность древним традициям. Для совершения ритуала кхонды собирались в тайных местах, в лесных чащобах, в скрытых от постороннего глаза пещерах.

С 1855 по 1861 год удалось зарегистрировать двадцать один случай человеческих жертвоприношений. Мак-Нейл, сменивший ушедшего в отставку генерала Кэмпбэлла, с завидным рвением полицейской ищейки обшаривал горы и джунгли. Его солдаты искали тайные

святилища. Но не затем, чтобы спасать мерия. Англичане боялись заговоров и восстаний. Они знали, какие гимны поются при жертвоприношении: «Преврати наши луки и стрелы в порох и пули». Каждое такое тайное место угрожало их власти.

Белые люди спешили выполнить свою миссию «цивилизаторов». Из Нагпура к восточному побережью через страну кхондов были проложены дороги. По ним везли сахарный тростник и растительные масла. По ним пришли к кхондам ростовщики и торговцы. Кхонды узнали, что такое деньги и их власть. Крепкая петля захлестнула племя свободных и прочно затянулась на его теле.

В 1861 году Агентство по борьбе с человеческими жертвоприношениями было ликвидировано. Оно выполнило свою задачу. Независимая страна кхондов вошла в состав Британской Индии. Ее территория была разделена между двумя президентствами – Мадрасом и Бенгалом. Двум правительствам, двум полицейским управлениям, двум гарнизонам легче было справляться с племенем бунтовщиков.

Ну, а спасенные мерия? Какова их судьба? Ведь белые люди ничего не делают зря…

Число мерия, взятых под «британскую защиту», составляло около тысячи трехсот человек. Еще в 1848 году лорд Дальхузи писал, что «нежелательно возвращать их в свои семьи и свои племена». Генерал-губернатор прекрасно понимал, что мерия, воспитанные в племени и знающие язык кхондов, могут хорошо послужить белым сахибам. Однако человеческий материал, попавший в руки англичан, оказался не совсем доброкачественным. Жившие в атмосфере вечного ожидания страшной смерти, многие из мерия были психически ненормальными. Даже «железный» Кэмпбэлл жаловался на них: «Они постоянно ссорятся друг с другом и сбегают. Но обычно или возвращаются, или бывают доставлены назад». И все-таки около двухсот мерия удалось отдать в миссионерские школы. Из них подготовили учителей для английских школ в стране кхондов, христианских проповедников и тайных агентов, работающих на своих спасителей.

Англичане прочно утвердились в стране кхондов, и втайне совершающиеся человеческие жертвоприношения уже не считались поводом для решительных действий. В 1902 году кхонды даже

представили петицию в окружной магистрат Ганджама с просьбой разрешить церемонию человеческих жертвоприношений. Магистрат в просьбе отказал, но не очень интересовался, был совершен ритуал или нет.

А обычай продолжал жить. О нем вспоминают сейчас каждый раз, когда в жертву приносится буйвол:

О, приди, мужчина-раб,
Приди, женщина-рабыня!
Что ты говоришь?
Кого ты зовешь?
Ты был приведен, обманутый хадди[15],
Ты был приведен, обманутый домбом[16].
Что я могу сделать, даже если ты мой сын?
Тебя продали за горшок еды.
Та к поет джани на церемонии.

Английский этнограф Вериер Элвин, работавший в качестве советника по делам племен при правительстве независимой Индии, писал в 1954 году: «Праздник, называемый мерия, отмечается каждые несколько лет. Под влиянием трагедии, снов или шаманов настоящие жертвоприношения до сих пор иногда совершаются тайно». И это, вероятно, происходит в глухих и труднодоступных районах страны кхондов.

… Джани Курли и я, мы сидим на камнях около жертвенного столба. Здесь приносят в жертву буйволов, коз и даже кур. Вечер уже наступил, и с соседних горных вершин в Курли вползает пронизывающая холодная мгла. Джани зябко кутается в бумажное одеяло, я набрасываю на плечи плащ. На холодном звездном небе четко выделяется треугольник пика Неомгири. Где-то внизу в ущелье шумит поток. Из джунглей, оттуда, где расположены поля, глухо доносятся удары барабана.

– Джани, – говорю я, – у этого столба приносили в жертву мерия?

Джани вздрагивает – не знаю, от холода или от моих слов.

– Ты знаешь мерия? – джани почему-то переходит на шепот.

– Знаю, джани.

– Ты наш гость, и я скажу тебе, что мерия приносили в жертву очень давно. А потом пришли люди, кожа у них была белая, как у тебя.

Они жгли столбы для жертвоприношения и угоняли наших мерия. У нас не осталось мерия, и мы не могли отдавать их богине так часто, как раньше. Богиня гневается на нас за это. Мы даем ей теперь только буйволов, коз и кур.

– Я слышала, джани, что у лесных кхондов есть тайное место для жертвоприношений.

– Зачем ты спрашиваешь об этом? Те люди с белой кожей тоже много спрашивали, а потом причинили много зла кхондам. У тебя тоже белая кожа.

– И люди с белой кожей бывают разные. Разве я могу причинить вам зло?

– Ты наш гость, – уклончиво отвечает джани. Он долго молчит и о чем-то сосредоточенно думает. – У нас есть такое место, – наконец произносит джани. – Но я тебе все равно не скажу, где оно. Это там, – и машет рукой в направлении пика Неомгири.

– И там могут приносить в жертву мерия?

Джани отводит в сторону глаза, точно так же как это сделал недавно наш проводник Чакрапани Саху, и снова замолкает. Я хорошо понимаю, что ничто и никто не заставит сейчас говорить джани. Из джунглей доносятся резкие крики ночных птиц. Пик Неомгири, ревниво хранящий священную тайну племени, угрюмо нависает над лощиной.

Около двадцати окрестных деревень кхондов, строго храня секрет, собираются там на свой праздник мерия. Ритуал жертвоприношения происходит ночью. На церемонию не допускается ни один чужой. Я представила себе ночной мрак, пламя костра, освещающее обнаженные тела кхондов, жертвенный столб и вспомнила слова гимна мерия:

Что ты говоришь?
Кого ты зовешь?…

Но не все кхонды отдавали людей в жертву богине-земле. Взгляды и верования части племени, обитающего в дистрикте Ганджам, к западу от Сурады, были несколько иными. Там не поклонялись богине-земле, верховным божеством для них был бог-солнце. Бог-солнце олицетворял мужское начало. По-видимому, развитие патриархальных отношений здесь началось раньше и нашло свое отражение в

мировоззрении людей. Можно также думать, что замена матриархата патриархатом была процессом не совсем мирным. Не зря, очевидно, плясали вооруженные женщины, когда приносили в жертву богине-земле мужчину. Мифы и легенды кхондов Сурады говорят о том, что бог-солнце и богиня-земля все время сражаются между собой. Бог-солнце сотворил мир и сделал его добрым и хорошим, а богиня-земля принесла в этот мир зло. И поэтому в Сураде считают солнце верховным божеством и не поклоняются богине-земле. Бог-солнце бдительно стоит на страже интересов кхондов-мужчин.

Говорят, когда-то одна женщина заставила страдать весь мир. Ну, а когда женщин много, то дела мужчин совсем плохи. Бог-солнце долго взирал на страдания мужчин и очень им сочувствовал, ведь ему самому нередко попадало от богини-земли. И наконец удивительная мысль пришла в пылающую светоносную голову бога.

– Послушайте, мужчины! – сказал бог. – Я вижу, вам туго приходится с вашими женщинами. Сам я тоже никак с одной богиней не справлюсь. Я, Великий бог, повелеваю вам сделать так: посмотрите сами, со сколькими вы сможете совладать, их оставьте, остальных убейте и убивайте впредь.

Как выяснилось позже, число женщин, с которыми смогли совладать мужчины-кхонды, оказалось очень незначительным. Чтобы злое семя не прорастало и не успело бы навредить, девочек стали убивать в младенческом возрасте. Так, говорят, возник обычай умерщвления женского потомства, соблюдавшийся поклонниками бога-солнца. А вот еще одна легенда.

… В древние, очень древние времена жил человек по имени Данка Мулликко. У него было четыре сына: Дохала, Дандхо, Рибара и Банбоди. У первых трех было по восемь сыновей, а у младшего – две дочери. Две дочери Банбоди выросли, но мужей найти не смогли. Кроме двоюродных братьев, во всей округе не было мужчин. И тогда женщины согрешили с некоторыми из кузенов. Те из четырех братьев-отцов, чьи сыновья не были замешаны в этой истории, обрушили весь свой гнев на брата, сыновья которого были соблазнены дочерьми Банбоди. Они решили лишить его имущества. Молодые женщины, видя гнев и позор, который они навлекли на голову отца своих возлюбленных, не перенесли всего этого. Они утопились в колодце. После горестного события Дохала, Дандхо, Рибара и Банбоди

помирились между собой. Потом они сели и долго думали, кто же виноват в этой печальной истории. «Конечно, женщины, – пришли они к глубокомысленному заключению. – В них все зло». Дохала, Дандхо, Рибара и Банбоди решили: чтобы не было зла и волнений, убивать любое женское потомство, и как можно раньше. А решив, скрепили свое намерение молитвой в честь богов Пибоди и Бура Пану.

Английский офицер Макферсон, участвовавший в карательной экспедиции против восставших кхондов, писал в 1841 году: «Часть страны кхондов, в которой, как известно, превалирует практика убийства девочек, насчитывает приблизительно две тысячи четыреста квадратных миль, ее население – шестьсот тысяч, а число детей, убиваемых ежегодно, – от тысячи двухсот до тысячи пятисот. Племена, которые убивают девочек, принадлежат к части кхондов, не совершающих человеческих жертвоприношений». Лейтенант Макферсон прошел через многие деревни в районе Сурада и не встретил ни одной девочки. Английские чиновники выяснили ряд интересных обстоятельств, связанных с обычаем убийства девочек. Кхонды верят, что души, принадлежавшие когда-то определенной семье и освобожденные в результате смерти их владельцев, неизбежно возвращаются в эту же семью. Но прием души ребенка, вновь появившегося, завершается церемонией на седьмой день рождения, когда ему дают имя. Если убить ребенка до этой церемонии, то его душа будет исключена из цикла семейных духов и больше уже не вернется в свою семью. Все делалось очень предусмотрительно. Ликвидировалось не только тело, но изгонялась и душа.

Обычай убийства девочек был также распространен и среди индусского населения бывшего княжества Джейпур. Здесь была четкая организация, и раджа Джейпура имел довольно солидный доход от соблюдения этого ритуала. Когда рождалась девочка, дасари (жрец) решал ее судьбу. Если он приговаривал ее к смерти, родители должны были внести определенную сумму амину, или главе тулука. Каждый амин платил радже из этих денег ежегодно триста рупий.

Ритуал убийства девочек у кхондов в последние годы его существования имел свои экономические причины. Бедность и прогрессирующее обнищание племени приводили к тому, что родители старались избавиться от лишних ртов.

Право на жизнь оставалось за более сильным. На смену выкупу за невесту пришло приданое. Убивая девочку, родители тем самым старались избежать значительных расходов в будущем. В результате кхондам Сурады приходилось искать жен на стороне.

Английские власти объявили этот обычай вне закона. С кхондов брали подписку о том, что они не будут убивать девочек. Правительственные чиновники посещали деревни и подсчитывали родившихся девочек. Девочкам дарили бусы, чтобы поднять их ценность в глазах родителей. Постепенно ко второй половине XIX века этот обычай среди кхондов исчез. Но поклонение богу-солнцу осталось, так же как и почитание богини-земли.

Сколько богов у кхондов?

Действительно, сколько? Вопрос довольно трудный. Дело в том, что богов оказалось слишком много для одного племени. Самая главная богиня, начало всех начал – мать-земля. Лесные кхонды называют ее Дхарни, Джанкири, Дойтри. Вслед за ней идет Дхорму, или Бура Пану, – бог-солнце. Ни в плохих, ни в хороших качествах он богине не уступает. Донгрия кхонды говорят:

Дойтри с нами на земле,
Дхорму над нами в небе.

Донгуру – бог гор. Его символизирует пик Неомгири. Поэтому Донгуру иногда называют Неомараджа. Правда, единого мнения по поводу Неомараджа не существует, одни считают, что это бог, другие – богиня. В джунглях распоряжается бог леса Хору Пену. На каждом поле живут два бога: Гонги – бог воды и Лодхи – бог плодородия. Говорят, они сыновья богини Дойтри. Когда поля засевают, в честь этих богов совершается церемониальная молитва.

В джунглях по дороге в деревню Курли есть странное сооружение. За низкой загородкой, сделанной из жердей, лежат камни. Около камней – деревянные мечи и ружья. Камни – это пограничный бог Саундри. Он охраняет границы деревни от врагов и тигров. Деревянные мечи и ружья – его оружие. Правда, обычный кхонд вряд ли сможет защитить себя и свою деревню с помощью такого арсенала, но Саундри – бог, и ему виднее, как справиться с таким оружием.

Пограничные боги есть в каждой деревне. В самой деревне властвуют другие боги и богини – местного значения. На видном месте в деревне вы найдете деревянный столб. Около него приносят в жертву богине-земле буйволов, а деревенским богиням и богам живность помельче: коз, свиней и кур. Рядом со столбом камни. Камни тоже боги. В Камбеси, например, местный защитник – камень-бог Котасири. В Тиагуда деревенскую богиню символизирует вертикальный камень.

В деревнях лесных кхондов есть небольшие своеобразные храмы, которые называются шадары. Жрец Камбеси привел меня однажды в такой шадар. Это была хижина не более пяти метров в длину и пяти в ширину. Внешне она ничем не отличалась от других. Такие же стены, сделанные из жердей, и крыша, покрытая соломой. Внутри хижина не делилась перегородками. Около одной из стен находился земляной круг – изображение богини-земли. Перед богиней стояли высокие, сантиметров по пятнадцать, горшочки, по форме напоминающие стаканы. Джани объяснил мне, что в этих горшках зажигают огонь в честь богини. В центре хижины располагалось место для очага. Стены были покрыты росписью – красными треугольниками. Тут же висел барабан, извещавший жителей деревни о начале молитвы в честь Дойтри. Шадар в Камбеси принадлежит всему роду вадака. Вадака Дауга Мандал – главный жрец рода. Но есть у кхондов и более влиятельные духовные лица. Это – жрицы. Кхонды называют их биджуни. Биджуни, по-видимому, живая реликвия матриархальных времен, когда жреческие функции выполнялись женщинами. Биджуни пользуется большим влиянием в племени. Ее устами говорит сама богиня. Обычно во время жертвоприношений биджуни пророчествует.

– Знаете, как я начинал работать с кхондами? – сказал мне однажды Патнаик. – Вы думаете, я пошел к вождям? Я сначала стал подлизываться к биджуни. Да, да, не смейтесь, именно к ней. Странно, правда? Но ведь, если разобраться, фактический глава племени она. Вы знаете, у нас есть правительственная схема работы с кхондами. Так вот, если биджуни скажет кхондам не сотрудничать с правительством, завтра наша схема полетит к чертям. Но попасть сразу к биджуни было очень трудно. Они прячут ее от чужих. Берегут ее.

– Ну, а мне можно с ней встретиться?

Патнаик задумчиво почесал в затылке.

– Попробуем что-нибудь сделать.

Я тоже хотела подлизаться к биджуни. Но это оказалось действительно трудно. Она жила в деревне Мунигуда, и каждый раз, когда я появлялась там, биджуни охватывал трудовой раж. Она удалялась на свое поле в самые неожиданные для работы часы. Жители деревни проявляли странную неосведомленность о местонахождении этого заколдованного поля. Наконец джани Курли в день моего отъезда сказал:

– Биджуни просила тебя прийти к ней через два дня.

Но у меня не было этих двух дней.

Ну, а сколько все-таки богов у кхондов? Оказалось, восемьдесят четыре. Поклоняются не только богам, но и тотему своего рода. Животное, именем которого назван род, неприкосновенно.

Рядом с деревней Тиагуда в джунглях живет огромный удав. Он агрессивен, нахален и любит хорошо поесть. Удав утаскивает свиней и коз, несколько раз он нападал на людей. Но жители деревни не смеют его трогать. Удав – их тотем. От него зависят урожай, благоприятная погода, здоровье жителей деревни.

Между индуизмом и племенной религией кхондов существует тесная связь. Кхонды уверены, например, что индусская богиня Дурга – кхондского происхождения. Они поклоняются ей, нимало не смущаясь тем обстоятельством, что Дурга находится в индусском храме.

Религиозные праздники кхондов нередко носят полуиндусский характер. Когда-то Биссемкатак был центром человеческих жертвоприношений, но с тех пор как вместо людей в жертву стали приносить буйволов, появился один из крупнейших праздников лесных кхондов – джуро, что значит «хватай, рви». Каждый год в дни джуро донгрия кхонды спускаются с гор в Биссемкатак. Жертвоприношение совершается перед четырьмя богинями: Неомараджу, Тхакурани, Дургой и Маркамой, или Маркуной. Эти богини обитают в индусских храмах. В честь каждой из них жители определенных деревень кхондов приносят в жертву буйволов. В ритуале перед Неомараджу участвуют деревни: Кочарла, Пенда, Боригуда, Джойланго, Бондили, Керандигуда, Кудугумма, Балапай, Рангоамбо, Мохонкупи. Жертву Тхакурани приносят: Койлан- Пота, Бхалиаподоро, Сокота, Голгола; Дурге – Кхамбеси, Собди, Кхожили, Чуагамма, Готоло, Раданго; Маркуне – Курли, Мондабали, Хутеси,

Хомндиджоли, Гондили, Батигамма, Джангаджоди. На этот праздник собираются сотни лесных кхондов. Женщины в самой церемонии не участвуют, они появляются к ее концу. Для исполнения ритуала назначаются четыре джани. Буйвол вводится в храм и ставится перед изображением соответствующей богини. Пока джани совершает пуджу и готовит буйвола к жертвоприношению, остальные в это время пьют пальмовое вино, поют и танцуют. Джани мажет лоб буйволу сандаловой пастой и выталкивает его из храма в толпу кхондов. Кхонды нападают на животное с топорами, ножами и т. д. Каждый стремится получить кусок мяса, пока буйвол еще жив. Лучшая часть добычи достается молодым и сильным. Старики сдирают мясо с уже убитого животного. Во время этой церемонии-побоища кхонды бывают крайне возбуждены, и нередко начинаются драки, сведение старых счетов и т. д. Когда основная часть церемонии кончена, с гор спускаются женщины. Они приносят еду и питье. Боевой пыл кхондов быстро угасает, и все мирно располагаются под тенистыми деревьями, которых много в окрестностях Биссемкатака. Поселок в эти дни напоминает пестрый цыганский табор. Повсюду разводятся костры. Синий дым плывет по лощине. Женщины готовят мясо жертвенных буйволов, мужчины пьют пальмовое вино и танцуют. К ночи племя снимается и уходит в свои горные деревушки. Многие из них спустятся сюда только через год.

Буйвола приносят в жертву и богине-земле во время праздника мерия. Его отмечают в месяце маг (январе).

Вслед за мерия наступает праздник чойтоборбо. Главная церемония праздника – бихан пуджа, или молитва о семенах. В молитве участвуют только мужчины, и лишь биджуни пользуется исключительным правом присутствия. Во время пуджи приносят в жертву петуха.

В месяце срабан (августе) приходит праздник мандиорани – королевы-раги. Срабан – месяц дождливого сезона. Над горами нависают тяжелые тучи, почва в джунглях становится сырой и топкой. С утра под непрерывным дождем кхонды идут на поля, где всходы раги набирают силу. Они просят богов полей дать им много раги и задабривают их жертвенными петухами. А потом вся деревня приносит богине Неомараджу буйвола. Богиня бывает довольна, кхонды – тоже. Потому что в этот день в каждом доме есть мясо.

Жертвоприношение следует за жертвоприношением. Режут буйволов, свиней, коз, кур. В деревнях лесных кхондов живности почти не осталось, и ее приходится выменивать, платить последние гроши. А боги и богини требуют новых жертв. Слишком много богов и богинь на одно племя…

Молоко матери-земли

– Мамуни, на, выпей, – говорит джани Люду, вождь Тиагуда, и протягива ет мне сосуд, сделанный из сухой тыквы. В сосуде – вино кхондов. Я смотрю на мутноватую жидкость и испытываю колебания и сомнения: пить или не пить? Времени на размышление почти нет. Несколько пар глаз неотрывно следят за каждым моим движением. В этих глазах настороженное ожидание: выпьет или не выпьет? С ясной отчетливостью я понимаю только одно: если откажусь, нашей дружбе и хорошим отношениям придет конец. Останется вежливость и тот минимум уважения, который по традициям племени должен быть оказан любому гостю. Превращаться в «любого гостя» мне не хочется. Я беру сосуд из рук джани Люду и, задержав дыхание, пью. Но через несколько мгновений я начинаю соображать, что напиток в сосуде из высушенной тыквы не так уж плох. По вкусу он напоминает хорошее виноградное вино. Я отрываюсь от сосуда и не вижу больше в глазах стоящих рядом выражения настороженности и ожидания. Люди смотрят доверчиво и приветливо. Молодой стройный парень Сикоку Сита издает какой-то возглас. По-видимому, он означает одобрение, потому что остальные придвигаются ближе и, заглядывая в глаза, спрашивают:

– Понравилось?

– Понравилось.

– Еще хочешь? – спрашивает Сикоку Сита.

– Давай, – храбро говорю я.

Откуда-то появляется еще один сосуд. Несколькими минутами позже я понимаю, что поступила опрометчиво. Но дело уже сделано. Люди, окружающие меня, как-то сразу отодвигаются вдаль и приобретают неясные очертания. Солнечные зайчики как сумасшедшие прыгают в листве деревьев, и это ужасно весело. Так весело, что меня не смущает даже то, что руки и ноги ведут себя подозрительно и почему-то не хотят слушаться. Откуда-то появляется совершенно твердая уверенность, что лучше людей, чем кхонды, нет во всей Индии. Кажется, я им об этом сказала, потому что все стали радостно смеяться. Появились всегда робкие и застенчивые женщины и оттеснили мужчин. Мы все уселись на камни священного

жертвенника и начали разговаривать. Патнаик, который тоже опустошил сосуд, почему-то желал говорить с жителями Тиагуда только по-английски. А я обнаружила, что могу легко объясняться с кхондами без переводчика. Мы прекрасно понимали друг друга. Патнаик, который обратился к кхондам со спичем о международном положении, начинавшимся словами «достопочтенные леди и джентльмены», был внимательно выслушан. Его мысли о необходимости мирных взаимоотношений Индии с Соединенными Штатами и Советским Союзом нашли поддержку и бурное одобрение тиагудийцев. Мы не заметили, как солнце спряталось за вершину соседней горы и на деревню и джунгли спустились короткие сиреневые сумерки. Стало быстро темнеть. Это внезапное наступление темноты отвлекло Патнаика от международных проблем и вернуло вновь в лесную деревушку Тиагуда. Он почему-то влез на крышу рядом стоявшей хижины, простер руки и патетически воскликнул:

– Тигры и удав!

Несмотря на лаконичность этого спича, освещавшего некоторые вопросы местного положения, его все поняли: уже темно, надо идти в Курли через джунгли, а в джунглях живет удав и ходят тигры. Джани Люду выступил с ответной речью.

– Тиагуда не хуже, чем Курли, – с достоинством сказал он, – и у нас для гостя найдется место. Пусть выбирает любую хижину.

Но обмануть бдительность джани Курли даже после вина было не так просто.

– С каких это пор кхонды стали бояться тигров? – ехидно спросил он. – И о чем ты, Люду, говоришь? Хижина гостя – в Курли.

Происки тиагудийцев потерпели провал. Джани Курли решительно вскинул топор на плечо и коротко бросил нам:

– Пошли.

Мы повиновались. В темноте по джунглям идти было трудно. Мы пересекли по крайней мере три потока, продирались в каких-то зарослях, карабкались по камням на гору и, наконец, ели мандарины в чьем-то саду.

На следующий день окрестные кхонды уже знали, что произошло в Тиагуде. Эффект моего поступка превзошел все ожидания. Он вызвал повсюду самые одобрительные отклики. Тиагуда была только началом.

Другие последовали ее примеру. Передо мной встала неотвратимая угроза спиться…

Обычай изготовления напитка салап из сока саговой пальмы крайне популярен среди кхондов. Саговые пальмы есть в каждой деревне. На стволе около кроны дерева делается надрез и вешается большой глиняный горшок. Сок дерева стекает в горшок, там же он бродит, и получается довольно крепкий алкогольный напиток. Горшок с дерева почти не снимают. Если нужно достать вино, взбираются на дерево с помощью шеста и наполняют сосуд очередной порцией. Чем дольше висит горшок, тем крепче в нем напиток.

Пальмовое вино, или, как его называют кхонды, «молоко матери-земли», приготовлялось в племени с незапамятных времен. Боги кхондов не прочь были побаловаться этим напитком. Первые кхонды не отставали от них. Современные – тоже. Мужчины-кхонды пьют каждый день – утром и вечером. Женщины – реже. Часто в джунглях мне приходилось встречать группы веселых и возбужденных кхондов. Сначала я думала, что они просто чему-то радуются, и только неестественный блеск в глазах наводил меня на кое-какие подозрения. Потом эти подозрения оправдались. Обычно кхонды целыми группами отправляются к саговой пальме и там пьют. Но я далека от мысли считать кхондов пьяницами. Дело в том, что вино согревает их ранними прохладными утрами и вечерами. В горах Неомгири, расположенных на высоте 1500–1800 метров над уровнем моря, бывает очень холодно, особенно в зимний сезон. Легкие куски ткани, которыми располагает далеко не каждый кхонд, вряд ли служат хорошей защитой от пронизывающе-холодных ветров зимних месяцев.

Вино в какой-то мере придает кхондам силы в дни, когда в их хижинах нет еды. Вино пьют по праздникам и во время обычных церемоний. Оно создает соответствующее настроение при жертвоприношениях. Но нередко в таких случаях теряется чувство меры. Кхонды из добродушных и благожелательных людей превращаются в задиристых забияк. Опьяненные вином и возбужденные видом кровавых жертвоприношений, кхонды представляют собой страшное зрелище. Знаменитый праздник джуро славится пьяными оргиями. Нередко эти оргии кончаются убийствами. Так, в 1954 го ду в Биссемкатаке на джуро столкнулись две враждовавшие группы. Во время драки один из кхондов снес голову

топором другому. Вместе с убийцей арестовали шесть человек его родственников. Каждый из них получил по четырнадцать лет тюрьмы. Было бы неправильно считать, что причиной этих убийств является только вино. До сих пор у кхондов сохранился обычай кровной мести. Счеты между враждующими семьями, группами, а иногда и целыми родами обычно сводятся, когда «кровники» пьяны. За убийство полагается пожизненная каторга или тюрьма. В деревне Курли три человека присуждены к пожизненному заключению.

Суд в Биссемкатаке нередко не в состоянии разобраться в запутанных делах, связанных с кровной местью нескольких поколений.

… Вадака Дасру – жрец деревни Гортали. А в деревне Каджури этот пост занимает Саби Бисмаджи. Саби Бисмаджи – человек лет пятидесяти, с редкой бородкой и седой лысеющей головой. Он часто приходит в Курли, садится около жертвенного столба и часами думает о чем-то своем. Когда он так размышляет, его взгляд становится тяжелым и недобрым. Саби не отрываясь смотрит в одну точку. Только он и знает, что там, в этой точке. Временами он проводит рукой по лбу, как будто пытается отогнать мучающее его воспоминание. Но, видимо, оно не уходит. Он не обращает внимания на жителей Курли. Он их не видит. Плечи Саби опущены и ссутулены, какая-то невидимая тяжесть давит на них. Джани Курли теряет терпение и подходит к Саби. Но Саби не смотрит на него и продолжает думать. Джани топчется около Саби, не решаясь сразу начать разговор. Ведь человек вспоминает и думает. В такие минуты нельзя мешать. Но любопытство превозмогает, и джани спрашивает:

– Саби, а что было потом?

– «Потом» еще не было. Не знаю, когда будет.

В голосе Саби – усталость и какая-то отрешенность. А устать кхонду Саби Бисмаджи есть от чего. Он судится со жрецом Вадака Дасру. Судится уже долго – три года. Такой суд измотает кого угодно. Даже грамотного и знающего законы жителя долины. Но Саби Бисмаджи – кхонд. Он знает и помнит обычаи своего племени, они ясны и понятны. А судья в Биссемкатаке не помнит даже своих законов. Каждый раз он открывает толстую книгу, водит пальцем по черным значкам и временами важно взглядывает на Саби. Но Саби не проведешь. Он чувствует растерянность судьи. Она длится уже три

года. Видно, толстая книга не рассчитана на кхондов. Саби несколько раз пытался помочь судье.

– Господин, – говорил он, – я знаю все законы кхондов. Я могу рассказать о них.

Откровенная насмешка и раздражение мелькали в глазах судьи, прикрытых стеклами.

– Нам не нужны ваши законы. У нас есть свои.

Саби вздыхал и замолкал. Судья снова углублялся в книгу. Через несколько минут он сердито захлопывал ее и говорил:

– Приходи потом. Пока еще твой вопрос неясен.

И так много раз. Потом, потом, потом…

Саби уходил в джунгли в свою деревню и приходил потом. Но судья опять смотрел в толстую книгу. Саби был очень зол на Дасру. Это он придумал идти в суд, который не имеет конца. Он, Дасру, привел его к судье, который не может разобраться в законах из толстой книги.

… Все началось с того, что в одну дождливую грозовую ночь Саби посетил дух предка. Этот предок был жрецом, и его убил предок Дасру. С тех пор мужчины семьи Дасру становились жрецами деревни Каджури – им было мало одной деревни Гортали. В ту ночь дух предка страшно метался и выл. Саби хорошо слышал, как он стучал в тонкую стену хижины и звал его, Саби. Саби понимал, почему это случилось – дух предка не был отомщен. Из-за нерасторопности мужчин его семьи ему приходилось теперь совершать длительные путешествия в непогоду и дождливый сезон и напоминать о себе. Дух предка еще долго не унимался, и Саби заснул только на рассвете. А утром он увидел, что саговая пальма, сок которой поил его семью, лежит на земле и ее корни смотрят в дождливое непогожее небо. И хотя ночью была сильная буря, Саби знал, что это дело духа предка. Он подал Саби недобрый знак своего нерасположения. Медлить больше было нельзя. Могли произойти несчастья и похуже.

Еще не кончился дождливый сезон, а отец Дасру был найден в джунглях с раскроенным черепом. Саби не скрывал того, что это сделал он. Дух предка больше не выл по ночам и не стучал в стену хижины. Он был доволен. Поле Саби принесло хороший урожай. А жена родила сына. Все было бы хорошо, если бы не Дасру. Кровные

враги всегда причиняют беспокойство. Дасру захотел быть жрецом в Каджури. Однажды он пришел к Саби и, не входя в хижину, крикнул:

– Эй, Саби, выходи! Надо поговорить.

Саби взял топор, он хорошо знал, чем кончаются такие разговоры, и вышел.

– Чего ты хочешь? – спросил Саби.

– Как будто ты не знаешь? – ухмыльнулся Дасру. – Мой отец был жрецом в этой деревне, теперь им буду я.

– Ты можешь мстить за своего отца. Но жрецами в Каджури были всегда мои предки.

– Ну, нет. Мой отец был жрецом, а я его сын. По закону нашего племени жрецом буду я. А за отца я отомщу. Будь терпелив, Саби.

Саби вспомнил о новорожденном сыне, и что-то холодное безжалостно сжало его сердце. Потом отпустило. Саби вытер пот со лба и бросил Дасру:

– Если ты знаешь законы нашего племени, то пусть племя нас и рассудит.

– Нет, – снова ухмыльнулся Дасру, – теперь другие законы. Мы пойдем в суд в Биссемкатак. Пусть важный судья нас судит. За убийство тебя, Саби, увезут отсюда. Ты станешь рабом. Ты будешь медленно умирать от тоски по горам кхондов. Это хуже, чем быть убитым. Ты слышишь, Саби? Вспомни тех троих из Курли: где они сейчас?

Теперь Саби понял, почему сильный и смелый Дасру не убил его сразу. Его месть была более продуманной и жестокой. Вот тогда он впервые и пришел в Курли. Саби спрашивал, что сталось с теми тремя, но никто ничего о них не знал. Он сел около жертвенного столба и стал думать об этих трех, о Дасру, о себе, о своем сыне…

Мысль о том, что он никогда не увидит сына, тревожила его больше, чем собственная судьба. Он спрашивал у духа предка, что ему теперь делать, но тот молчал.

Солнечным утром прохладного сезона он и Дасру отправились в Биссемкатак. Убийца и сын убитого пришли в суд вместе.

– Что вам надо? – спросил важный и строгий судья.

– Вот он убил, – сказал Дасру.

– Убил, – подтвердил Саби.

– Убил и сам пришел в суд? – от удивления у судьи отвисла нижняя челюсть.

– Ну да, мы так решили, – спокойно заметил Саби.

– Так, так, – судья забарабанил пальцами по большому столу. – Свидетели есть?

– Кто? – не понял Саби.

– Я спрашиваю, видел кто-нибудь, как ты убивал?

– Нет.

– Он убил моего отца, – вмешался Дасру. – И стал жрецом Каджури.

– Ты можешь это доказать?

Дасру не мог доказать совершенно очевидную истину. Судья требовал невозможного. Саби пришел ему на помощь.

– Я сказал, что я убил его отца, – кивнул он на Дасру. – Я всегда говорю правду. Дух предка требовал отомстить.

– Что еще за дух предка? – побагровел судья. – Выражайся яснее.

Но яснее выразиться было нельзя. Дасру и Саби сказали все. Больше говорить было нечего. Судья велел им убираться. Но, подумав несколько мгновений, добавил:

– Придете через неделю.

Потом судья долго чертыхался, клял захолустный Биссемкатак и поносил «дикое» племя кхондов. Тем не менее дело Саби и Дасру он завел.

Наступил жаркий сезон, затем снова пришли дожди, и вновь прохладные ветры забушевали над горами. Жаркий сезон приходил уже три раза, а судья все не мог сказать, кто же из них прав, Саби или Дасру. Одному из них полагается пожизненное заключение, но вполне вероятно, что он не дождется решения суда…

Судьба Джанмутти из Камбеси

Судьбы племени, судьбы рода, судьбы людей… У каждого человека своя история, свое лицо, свой неповторимый характер. Свои склонности и интересы, не такие, как у других. У каждого из них свое особое восприятие мира, свои привязанности, эмоции и переживания. И все это не так примитивно, как привыкли считать многие «культурные» обыватели страны. Судьба кхонда-человека определяется сложным комплексом обычаев, традиций и занятий. Она тесно связана с мировоззрением, которое, может быть, и не похоже на наше, но является плодом труда и мысли многих поколений предков. Об этих судьбах и характерах можно написать много. Они проходили передо мной во всем их своеобразии и чисто человеческом драматизме. И каждая из них заставляла волноваться, думать и сочувствовать…

… Небольшого роста, подвижная, с большими ласковыми глазами, Джанмутти появилась одним прекрасным утром в Курли. Я думаю, ей было не меньше шестидесяти. Волосы ее давно уже поседели, коричневая кожа на руках и плечах стала дряблой и морщинистой. Три кольца украшали нос Джанмутти, медные сережки поблескивали в ушах. Во всей ее стремительной и беспокойной фигуре было что-то молодое и, я бы сказала, озорное. Она как-то неожиданно ворвалась в деревню, деловито пропылила босыми ногами по площади, всполошила кур, детей и женщин и предстала предо мной.

– Тебя как зовут? – хитро прищурившись, спросила она.

– Людмила.

– А меня Джанмутти. Скажи: «Джанмутти».

– Джанмутти, – покорно повторила я.

– Вот теперь хорошо, – одобрила она. – Теперь давай руку.

Не знаю почему, я подчинилась.

– Теперь пошли.

– Куда? – все-таки поинтересовалась я.

– В нашу деревню. В Камбеси.

«В Камбеси так в Камбеси», – подумала я. Джанмутти мне определенно начинала нравиться.

Дорога из Курли в Камбеси не длинная, не более трех миль, но трудная. Тропинка карабкается по кручам и ущельям, поросшим густым жестким кустарником. По дну ущелий, образуя небольшие водопады, бегут бурные потоки. Нужно быть очень осторожным, чтобы не сорваться в этот кипящий поток. Камни вокруг сырые и скользкие. В некоторых местах приходится подтягиваться на руках, чтобы преодолеть очередной подъем. Сначала Джанмутти вела меня за руку. Она считала своим долгом помочь мне, думая, очевидно, что горные дороги мне не под силу. В молодости Джанмутти, возможно, была ловкой и сильной, но теперь наступила старость, а с ней ушли и силы. В одном месте мне пришлось подхватить ее, чтобы она не сорвалась в ущелье. Джанмутти удивленно глянула на меня и спросила:

– В твоей стране тоже есть горы?

– Есть.

– Много? Больше, чем у кхондов?

– Больше.

После этого Джанмутти без сопротивления принимала мою помощь и не пыталась помогать мне.

Наконец тропинка вывела нас к узкой лесистой долине. Идти стало легче, и Джанмутти оживилась.

– Скоро будет Камбеси, – сказала она. Потом как-то сбоку критически осмотрела меня и как бы невзначай заметила: – Женщины твоего племени не носят украшений?

– Нет, почему же, носят.

– А почему у тебя нет?

Я промолчала. Джанмутти истолковала мое молчание по-своему. Мы пришли в Камбеси, меня сразу же окружили жители деревни, и начались обычные вопросы и расспросы. Я не заметила, как исчезла Джанмутти. Потом она появилась снова, деловито всех растолкала и подошла ко мне. Ее лицо хранило выражение хитроватой торжественности.

– Нагни голову, – сказала она и повесила мне на шею нитку бус. Затем воткнула в волосы длинную шпильку и на левое ухо повесила на ниточке серьгу. Наблюдательная Джанмутти заметила, что мои уши не проколоты. Она отошла чуть в сторону и, склонив голову набок, полюбовалась творением рук своих. Видимо, я представляла собой

впечатляющее зрелище, потому что вокруг воцарилась тягостная тишина. Но Джанмутти это не смутило. Она прищелкнула языком и сказала: – Вот теперь хорошо.

– Хорошо, хорошо, – зашумели остальные.

– Ну вот, – торжествовала Джанмутти, – все тоже говорят, что хорошо. Женщине без украшений нельзя.

– Нельзя, нельзя, – подтвердили все.

… Мы сидим с Джанмутти в ее хижине. Внутри совсем темно, жерди низкого потолка прокопчены, и с них клочьями свисает пыльная сажа. Сквозь открытую дверь в хижину пробивается единственный солнечный луч. Он неуверенно дрожит, этот тоненький лучик, и призрачные блики от него ложатся на низкую глиняную суфу, покрытую засаленной циновкой. Хижина совсем мала, и, если вытянуть ноги, они упрутся в противоположную стену. Джанмутти рассказывает о своей жизни. Временами она спрашивает меня:

– Правильно я говорю?

Я не знаю, правильно или нет, но говорю «да». Если не сказать этого слова, Джанмутти сбивается, и ей трудно продолжать. В хижине горит очаг, и дым синими струйками поднимается к низкому потолку.

Джанмутти смутно помнит свою родную деревню. Она осталась где-то за горным хребтом в джунглях около Райягада. Семья Джанмутти была бедной, самой бедной во всей деревне. Ее отец не имел земли. Почему? Отец был честным и несговорчивым человеком. Он не ладил с вождем. Вождь, старый, с козлиной бородкой жрец, не раз говорил ему:

– Ты бы поменьше болтал, побольше работал. В твоей хижине давно уже не варят раги – потому что ты упрям и несговорчив. Такому кхонду я не могу дать поле. Будешь работать на моем.

– Ты несправедлив, вождь, – отвечал отец. – Я – кхонд, а земля принадлежит всей деревне. Я хочу работать на своем поле, а не на твоем.

– Тогда иди и ищи себе землю в другом месте, – ухмылялся вождь, и Джанмутти видела, как обнажались его желтые испорченные зубы. Она боялась вождя и его зубов.

Долгими холодными вечерами вся семья собиралась у очага. Но очаг не спасал от холода. Пронизывающий ветер проникал сквозь тонкие стены хижины и полуразвалившуюся крышу. Такими вечерами

отец был особенно задумчив. Он сидел долго и неподвижно, прислонившись исхудалой спиной к прокопченной стене хижины. Джанмутти не знала, о чем думает отец, но видела, что его тревожат какие-то мысли.

Лицо отца в такие моменты становилось печальным и усталым. В доме не было еды; последнего петуха отец принес в жертву богине. Он просил богиню заставить вождя дать ему землю. Но богиня, очевидно, была недовольна жертвой, и все оставалось по-прежнему.

В какой-то год, Джанмутти не помнит точно в какой, долго не приходил дождливый сезон. Неокрепшие ростки раги погибали от сухого горячего ветра. Горные потоки и ручьи обмелели, и многие из них пересохли. Люди стали болеть. Тогда вождь сказал, что богиня требует жертвы. У жертвенного столба закололи буйвола. Но дождь не начинался. Свинцовые тучи, покрывавшие небо, обходили Райягада стороной. Ни одна капля живительной влаги не пролилась на поля кхондов.

Однажды в деревне в присутствии многих отец сказал, что богиня не приняла их жертвы, потому что вождь деревни несправедлив. Его выслушали с молчаливым испугом. Джанмутти видела, каким пепельно-серым стало лицо вождя. Его губы искривились в угрожающей усмешке и обнажились желтые зубы-клыки.

Через несколько дней отец Джанмутти погиб. Он ушел в джунгли на охоту и не вернулся. Его нашли с переломленным позвоночником и раздробленным черепом. Вождь сказал, что отец сорвался со скалы. Но старики в деревне с сомнением качали головами. Они знали больше, чем Джанмутти, но ничего не говорили.

Еды в доме почти не было, и душа отца отправилась в далекое путешествие плохо накормленной. Потом пришел вождь и сказал матери и Джанмутти, что они могут идти работать на его поле. Го д был трудным и неурожайным. Вождь плохо кормил работавших на его поле. Но Джанмутти уже входила в силу. Она была здоровой и ловкой. Когда созрели мандарины и манго, она стала носить их в долину. За это ее кормили. Путь в долину был нелегким, но Джанмутти без труда несла тяжелые корзины с фруктами. Она боялась только тигров, но дух отца охранял ее в пути. По вечерам, когда она плясала и пела, многие парни заглядывались на нее. Но она тогда еще не думала о них. Однажды она вернулась в свою хижину и застала там чужих людей.

Люди были из дальней деревни Сарати. Она никогда не видела их. Кроме них в хижине были родственники отца. Джанмутти каким-то обостренным чутьем почувствовала, что речь идет о ней. Она в растерянности остановилась на пороге. Гости бесцеремонно разглядывали ее – так, как будто она была свиньей или козой, а эти чужие хотели купить ее.

– Ничего, – сказал один из них, – я думаю, подойдет. Она ловка и сильна. Будет хорошо работать. У Раины большое поле. Он даст за нее сто рупий.

– Тебе повезло, мать, – сказал знакомый голос. Джанмутти сразу не разглядела, что в хижине был и вождь. – Они дают хорошую цену за твою дочь.

– Но я не знаю, что скажет Джанмутти, – слабо возразила мать.

– Она может ничего и не говорить. За дочь вождя не всегда такую цену дают. Тебе нужно кормить остальных. Твой муж умер. Соглашайся.

И желтые зубы вождя странно блеснули в полумраке хижины.

– Соглашайся, мать, – поддержали вождя родственники отца.

Так была решена судьба Джанмутти. Она никогда не видела Раину до этого. Кроме ста рупий, половину которых забрал у матери вождь, Раина дал тридцать рупий на свадьбу и зарезал корову для гостей. Родственники Раины увезли Джанмутти навсегда из родной деревни. Больше она ее так и не увидела.

Раина не понравился Джанмутти. Он был намного старше ее, заставлял много работать, не разрешал вечерами танцевать у костра. Он часто напоминал о том, как дорого за нее заплатил. Но Раина был ее муж, и ей приходилось с ним мириться. После тяжелого дня, проведенного на поле Раины, она сидела на пороге хижины, положив на колени натруженные руки, и безучастно глядела на каменного деревенского бога. В ее родной деревне покровительницей жителей была богиня. О чужом боге она ничего не знала. Он казался ей таким же каменным и грубым, как сердце ее мужа. Так шли дни за днями. Они были однообразны и серы. Дни, наполненные ворчанием, упреками и насмешками мужа, омраченные безысходной тоской, а иногда и слезами. Джанмутти разучилась смеяться и танцевать. Дождливый сезон сменялся холодным, холодный – жарким, и так год за годом. Память Джанмутти была не в состоянии уцепиться за

гладкую, похожую одна на другую поверхность этих катившихся куда-то в прошлое лет. Она помнит только, когда родился ее первенец. А затем появились еще двое. Раина стал мягче обращаться с ней. Она отработала свои сто рупий, и, кажется, с прибылью. Но жизнь Раины клонилась к закату. И когда однажды Джанмутти нашла его мертвым, она не очень огорчилась.

Джанмутти была еще молода и хороша собой. И Дага был тоже молод. Он жил в деревне Каджури. Теперь он часто приходил в Сарати и сидел около хижины Джанмутти. Но Джанмутти не обращала на него внимания. Она больше не хотела выходить замуж. Ей нравилось ощущать себя свободной. Она могла танцевать и разговаривать, с кем захочется. Дети росли. Поле Раины теперь принадлежало ее старшему сыну. Он работал вместе с ней во время посевов и сбора урожаев. Но вдвоем справиться им было трудно, и жители деревни приходили помочь ей.

Однако все это продолжалось недолго. Дага становился настойчивей и настойчивей. А Джанмутти каждый раз говорила «нет». Однажды Дага сказал ей:

– Если ты будешь упорствовать, я возьму тебя силой. У тебя характер отца. Он был тоже упрям, но все знают, чем это кончилось.

– Если ты это сделаешь, Дага, то нарушишь закон племени, – ответила Джанмутти.

– Я сделаю все по закону, и ты будешь моей, – рассердился Дага.

Он прокрался в деревню ночью как вор. С ним были его братья и друзья. Он схватил спящую Джанмутти и обмотал ей голову тряпкой. Когда она поняла, что произошло, было уже поздно. Он принес ее, оглушенную и охрипшую от криков, в Каджури и бросил на пол в своей хижине. Наступило хмурое, пасмурное утро. Джанмутти лежала на полу хижины, и у нее не было сил подняться. Казалось, она оглохла и ослепла. Оглохла от горя и ослепла от слез.

Но то, что случилось, было не самым страшным. Страшное наступило потом. Родственники покойного мужа забрали детей к себе.

– Это дети нашего сына, – объяснили они ей. – Поле принадлежит теперь твоему сыну. Оно должно оставаться в семье. Мальчик будет у нас. За девочек со временем мы получим хороший выкуп. У тебя теперь есть муж, зачем тебе дети Раины?

Не помогали ни мольбы, ни слезы. В отчаянии Джанмутти кричала:

– Они мои, мои!

Но девяностолетний дед Раины, глава семьи, смотрел на нее слезящимися непонимающими глазами и говорил:

– Ты можешь приходить и навещать их. Не беспокойся, у твоих детей будет все.

Патриарх использовал свои права. Больше она не видела детей. От разлуки с ними она заболела. Все перестало ее интересовать, даже работа. В волосах появились первые седые пряди, а на лбу и под глазами залегли глубокие морщины. Кажется, теперь Дага жалел, что похитил Джанмутти. Она не принесла ему радости. Каждый раз, встречая печальные и безучастные глаза жены, Дага испытывал угрызения совести. Он понимал, что виноват, и старался всеми силами загладить вину. Но Джанмутти оставалась равнодушной ко всем знакам внимания. Она не замечала Дагу, покорно выполняла то, что он просил, но ее внутренний мир, полный страданий и печали, отрывочных воспоминаний о прошлом, был закрыт для него. Дага был добр к Джанмутти, но его доброта не трогала ее. Слишком много зла принес он ей. Казалось, все умерло в Джанмутти и жизнь текла мимо нее, не захватывая ее своим течением. Но это только казалось…

Жаркий сезон – весна горных кхондов. Пора любви. Сколько прошло таких жарких сезонов в ее жизни, Джанмутти не помнила. Но этот был особенным.

Курма, двоюродный брат Даги, жил в Камбеси. Иногда он приходил в Каджури. Разбитной и острый на язык, он в присутствии Джанмутти становился робким и застенчивым. Джанмутти почему-то каждый раз ждала его. Однажды Даги не было дома. Курма пришел, но, увидев, что брата нет, хотел уйти. Джанмутти попросила его остаться. Они долго сидели молча, изредка перебрасываясь ничего не значащими словами.

– Кажется, наступил жаркий сезон, – произнесла она вслух.

– Ты что-то сказала? – это вернулся Дага.

– Я сказала, что наступил жаркий сезон, – ответила Джанмутти и засмеялась. Может быть, впервые за много лет. Дага оторопело посмотрел на нее, а потом тоже засмеялся. Но Джанмутти окинула его странным взглядом и ушла в хижину. А Дага остался стоять, как жертвенный столб…

Теперь Джанмутти иногда ходила в Камбеси навестить семью дяди Даги. Курма тоже приходил, как прежде, в Каджури. Оба уже знали, что любят друг друга. Однажды Джанмутти сказала Курме:

– Я попрошу у Даги развод, и мы станем мужем и женой.

Но Курма помрачнел.

– Мне нечем уплатить выкуп за тебя моему брату, – с трудом выдавил он. – Но я поговорю с Дагой, может быть, что-нибудь решим.

Однако разговор Курма откладывал со дня на день, с недели на неделю, с года на год. А потом случилось несчастье. Дага ушел на охоту и не возвращался целый день. А ночью, таясь ото всех, он приполз окровавленный в деревню и потерял сознание на пороге своей хижины. Дагу ранил тигр. Никто не должен был видеть этого и никто не должен был знать, иначе позор падет на все семейство Даги. К утру он умер от потери крови. В деревне так и не узнали, что виновником смерти был тигр.

Через год Джанмутти стала женой Курмы и на этот раз вполне добровольно отправилась в Камбеси. Но Курма был беден, а у Джанмутти, кроме собственных рук, тоже ничего не было. И опять Джанмутти стала носить фрукты других кхондов в долину. Со временем вождь Камбеси выделил им небольшой участок земли.

– Так мы с Курмой и состарились в Камбеси, – вздыхает Джанмутти. – Дети мои выросли и стали совсем взрослыми. У старшего сына теперь свои дети, да и у дочерей тоже. Дети и я за многие годы стали чужими друг другу. Они ведь дети Раины.

Но затаенная боль, зазвучавшая в голосе, выдала Джанмутти. Тонкий солнечный лучик постепенно расширился и осветил ее. Видимо, солнце уже клонилось к горизонту. Я отчетливо увидела перед собой глаза старой женщины. Глаза человека, много страдавшего и много думавшего.

– Ну, вот и вся моя история, – улыбается Джанмутти.

– Э, нет, мать, это еще не все, – говорит Патнаик. – Ты ведь у нас женский вождь. Расскажи-ка! – подзадоривает он ее.

– Я и не знаю, о чем рассказывать. Вот когда к нам пришел Патнаик, он принес с собой Схему. И стал бороться с домбами, которые нас грабят. Я долго думала о том, что Патнаик делает доброе дело для всех кхондов и что ему надо помочь. И пошла к нему.

– Нет, вы понимаете, – горячился Патнаик, – она самая первая пришла ко мне и спросила, чем мне помочь. Ну, я иронически к ней отнесся, смотрю – старушонка, в чем душа держится, глаза, правда, умные. Но решил рискнуть, все равно, кроме нее, никого тогда не было. И что бы вы думали? Она организовала мне в помощь женщин семнадцати деревень. Вот вам и старушонка! Мне тогда даже стыдно стало.

– Джанмутти, а как это тебе удалось сделать? – спрашиваю я ее.

Она смотрит на меня долгим мудрым взглядом.

– Это не трудно. Человек, который много страдал, знает, что надо людям, и умеет с ними говорить.

– Ну, что? – как мальчишка, радуется Патнаик. – Здорово сказано, да? А говорят, кхонды примитивные люди. А вы их послушайте!

И я слушаю. Ибо у каждого из них своя история, свое лицо, свой неповторимый характер…

Будем танцевать за пальто

Поздними вечерами, когда деревня Курли уже засыпает, я сижу в нашей хижине и пишу. Каждый день приносит массу материала. Патнаик раздобыл где-то керосиновую лампу с разбитым стеклом. Я подозреваю, что он посылал за ней в Биссемкатак. Лампа коптит, огонек, колеблемый ветром, мечется из стороны в сторону. Но чтобы писать, света достаточно. Вокруг лампы вьются москиты и еще какие-то ночные насекомые. Москиты здесь, в горах Неомгири, агрессивные и очень кусачие. На месте их укусов образуются болезненные затвердения, а потом язвы. Все это доставляет массу неприятностей, и я лечу эти язвы мазью от насморка. Никаких других лекарств или мазей ни у меня, ни у жителей Курли нет. Как ни странно, но мазь от насморка помогает.

Я протягиваю ноги к горящему на земляном полу костру. Так все-таки теплее. До моего слуха доносится тихая вибрирующая мелодия. Она так слаба и хрупка, эта странная музыка, что, когда налетает очередной порыв ветра, она исчезает и потом снова возвращается, как вздох или шелест листьев. Я знаю, что это Джангили. Он играет на гони.

– Джангили! – зову я.

Музыка замолкает. У самого порога хижины Джангили смущенно шмыгает носом.

– Что ты стоишь? Входи.

Джангили входит, садится на корточки у костра и снова начинает играть на своем удивительном инструменте. Гони длиной не более шести-семи сантиметров. У него форма вытянутого треугольника. Основа металлическая. Вдоль треугольника идет тонкая струна, припаянная к его основанию.

На указательном пальце Джангили широкое кольцо с шариком. Гони зажимают между губами и шариком касаются единственной струны. На гони надо уметь играть, и Джангили делает это виртуозно. Каждый раз я поражаюсь тому, как он умудряется с помощью этой единственной струны-волоска передать все богатство оттенков сложной мелодии. Сейчас звучит какой-то очень грустный мотив.

– Джангили, – говорю я, – дай мне на минутку гони. Он протягивает мне инструмент. Я пытаюсь нарисовать его в моей записной книжке. В это время в хижину всовываются три тщательно причесанные и всячески изукрашенные головы. Это – Катра, Дауру и Мидру. Все четверо – неразлучные друзья. Они тоже рассаживаются вокруг костра и смотрят, как я рисую гони. Особенного удивления это у них не вызывает. Более того, они делают критические замечания, уточняют рисунок в самых мелких его деталях и замечают малейшую неправильность. И я еще раз убеждаюсь, что кхонды – народ крайне наблюдательный. Вдруг Джангили приходит в голову совершенно блестящая мысль.

– Мамуни, – предлагает он, – давай меняться.

Я начинаю судорожно соображать, что я могу дать взамен гони. Одежда? Она вся на мне. Остальное – самое необходимое: записные книжки, ручки, фотоаппарат, пленки. Вот, кажется, и все.

– Хочешь деньги? – спрашиваю я.

– Нет. Что я буду с ними делать? Ты мне что-нибудь дай.

Я вспоминаю о гребешке. Я знаю, что Джангили большой франт и очень следит за своей прической.

– Вот, – говорю я, – гребешок. Но он у меня один. Я тебе дам половину.

– Хорошо, – соглашается Джангили.

– Да, вот еще пачка сигарет. Хочешь?

– Хочу.

Джангили берет половину гребня и втыкает его в свой пышный пучок. Остальные качают головами и одобрительно прищелкивают языками. Джангили угощает всех сигаретами. Но теперь Катра, Дауру и Мидру тоже хотят меняться. Дауру снял свои серьги и кольцо и положил передо мной.

– Что дашь? – спросил он деловито.

Я порылась в карманах и нашла лишний автоматический карандаш. Он был двухцветный.

– Возьми это.

Дауру осторожно берет карандаш, и все начинают его рассматривать. Я показываю, как им надо пользоваться. Урок усвоен очень быстро. На листке, вырванном из моей записной книжки, Дауру рисует какие-то замысловатые загогулины. Загогулины синие и загогулины красные. То, что карандаш двухцветный, поражает его воображение надолго. Затем карандаш переходит к Катре. Он рисует синие горы, а над ними – красное солнце. Художник очень старается и помогает себе языком. Его награждают восхищенными возгласами. Каждый хочет иметь рисунок, и кончается тем, что его нечаянно разрывают. Это происходит так неожиданно, что все сразу замолкают и растерянно уставляются друг на друга.

Воспользовавшись замешательством, самый сообразительный из них, Мидру, стал вытаскивать шпильки из ушей.

– Подожди, подожди, Мидру, у меня есть только рупии. Больше мне нечего менять.

– Рупии… – разочарованно протянул Мидру. Но потом, спохватившись, добавил: – А какие?

– Обычные.

– Покажи.

Я показала банкноты в пять, две и одну рупию. Кхонды внимательно их рассмотрели, и все сошлись на том, что однорупийные банкноты самые красивые. Они были новенькие и хрустящие. Мидру отодвинул в сторону остальные.

– Будем менять на эти, – сказал он.

И я поняла, что они не *продают*, а *меняют* на деньги. Когда кончились бумажки у меня и украшения у парней, менять больше было нечего. Но друзья вошли в коммерческий раж. Им очень нравился мой

свитер. Холодными вечерами они дрожали в своих хлопчатобумажных накидках. Свитер мне предложили сменять на набедренную повязку. Но он был у меня единственный, и я отказалась. Кроме того, выяснилось, что набедренная повязка, которую хотел менять Катра, тоже была у него единственной. Но в это время внимание Мидру привлек мой плащ.

– Мамуни, – сказал он, – давай меняться на пальто.

– А что дашь? – Мне было интересно, как он выйдет из положения. Мидру задумался. Но ненадолго. Он был очень сообразительным парнем, этот Мидру.

– Мы будем танцевать за пальто, – нашелся он. – Много танцевать. Хочешь сейчас, хочешь утром.

– Да, да, – оживились остальные. – Будем хорошо танцевать.

Менять плащ на танцы… Такого я еще не встречала. Это было немного смешно и в то же время грустно. У этих людей ничего не было, чтобы заполучить что-то теплое. А оно им было так нужно… Но плащ, который в путешествиях не раз заменял мне постель, одеяло и подушку, я не могла им отдать.

– Слушайте, – сказала я им, – не надо танцевать за пальто. Если я когда-нибудь сюда вернусь, я обещаю, что привезу и пальто, и свитер. Не на обмен, а в подарок. Ладно?

– Хорошо, мамуни, – согласились они, – но нам так холодно. – И все придвинулись ближе к огню.

Потом я заметила, что лесные кхонды очень неохотно что-то продавали и всегда предпочитали менять. Дело в том, что испокон века в горах донгрия кхондов существовал натуральный обмен. Лесные кхонды гор Неомгири узнали, что такое деньги, всего несколько лет назад. Может быть, даже не более трех. Для большинства из них таинственные бумажки, называемые деньгами, непонятны.

И поэтому донгрия кхонды не знают, что несут им деньги. Они и не представляют, каких жертв потребует от них новая богиня по имени Рупия…

Разбойники в джунглях

Однажды мы разговаривали с Джанмутти. Она сказала мне:

– Домбы душат нас. Жить не дают.

– Как же они душат вас, Джанмутти? Она пугливо обернулась по сторонам и прошептала:

– Я не могу сказать об этом. Они обязательно подслушают и потом отомстят.

– Ну, где же они?

– Домбы совсем близко. Вот.

Я посмотрела туда, куда показывала Джанмутти, и увидела группу хижин. Сначала мне казалось, что это продолжение Камбеси. Но хижины отличались от домов кхондов. Они были больше, добротнее и чище. И одежда людей, сидевших около этих домов, отличалась от одежды кхондов. Женщины были в сари, а мужчины – в дхоти. Это была одежда людей долины.

– Ну и что? – удивилась я. – Люди как люди.

– Они – не люди, они – разбойники, – опять зашептала Джанмутти.

И она была права. Почти к каждой деревне лесных кхондов прилепились деревушки-паразиты – настоящие разбойничьи гнезда, хотя и вполне благопристойные с виду.

Говорят, еще лет сто назад по долинам и предгорьям Корапутского округа бродило племя воров и бандитов – предки нынешних домбов. Сейчас трудно сказать, какие именно условия содействовали превращению воров и бандитов в торговцев и ростовщиков. Известно только, что племенные традиции живучи – и хорошие, и плохие. Иногда они даже расцветают в соответствующих условиях пышным цветом и как бы получают вторую жизнь. Так и у домбов. Новое занятие крайне нуждалось в старинных методах грабежа и разбоя.

Объекта для своей деятельности в долине домбы уже не смогли найти – там были свои торговцы и ростовщики. И домбы не поленились отправиться в джунгли и даже подняться в горы. У них оказались достойные покровители: местные индусские раджи и князьки доверяли домбам функции сборщиков налогов с подопечных территорий. Поэтому домб был для кхонда не просто домб, а лицо, облеченное властью, человек, близкий к радже. Домбов поддерживал

кое-кто и повыше раджи – белые сахибы, властители всей страны. Дело в том, что многие домбы приняли христианскую веру. Этого было достаточно.

Потом покровители ушли, но традиционный страх перед домбами остался. И этот страх стал причиной многих бедствий.

Правда, домбы не всех пытаются запугать. С вождями они стараются наладить дружественные отношения, чтобы заполучить их поддержку в грабеже и эксплуатации рядовых кхондов.

Домбы прежде всего ростовщики. На долю кхонда выпадает немало трудных и полуголодных лет, и поэтому часто он стучится в дверь домба и просит одолжить денег. Почти каждый кхонд что-то должен домбам. Процент очень высокий – сто в год. Давая деньги взаймы, домбы, как правило, требуют возвращать долг натурой. При пересчете денег на продукцию они бессовестно обманывают своих должников. Там, где деньги еще не укоренились, как, например, у лесных кхондов, домб может дать рис и раги, но за все это надо платить урожаем, и при этом в количестве во много раз большем. Пользуясь неграмотностью и доверчивостью кхондов, домбы нередко требуют, чтобы берущий в долг поставил свою подпись на чистой бумаге. После этого домб проставляет в бумаге, приобретшей силу официального документа, любую произвольную цифру. Сумма долга иногда возрастает до фантастических размеров, поэтому долги переходят из поколения в поколение. Должники нередко не только отдают домбу-кредитору свой урожай, но и бесплатно работают на его полях. Но изъятие урожая – это еще не все. Пользуясь различными махинациями, обманом и мошенничеством, они отбирают у кхондов землю.

Отобранная земля может находиться в распоряжении домба и десять, и двадцать лет. Часто, припугнув кхонда, домб умудряется перевести эту землю на свое имя, и практически невозможно отсудить ее у кредитора. Есть также и «законные» пути получить землю кхонда в свое полное владение. Нередко, оказываясь в крайне трудном положении, без пищи и иных средств к существованию, кхонды вынуждены продавать свои участки. Представления о цене на землю они не имеют, поэтому домбы, пользуясь бедственным положением кхондов, приобретают их землю по баснословно малой цене. Иногда просто за мешок раги или падди. Цена может упасть даже до бутылки

мохуа. Это вино домбы приготовляют сами. Такой бутылки достаточно, чтобы как следует напоить кхонда. Похмелье всегда бывает горьким и тяжелым: владелец поля обнаруживает, что он продал свою землю домбу. Правда, он не помнит, как это произошло и сколько ему заплатили, но присутствовавшие при попойке домбы в один голос утверждают, что он продал. Можно и не расходовать вино. Только надо держать на примете семьи, где нет сыновей-наследников, и терпеливо ждать смерти хозяина. А можно и не ждать и помочь ему, если тот слишком долго зажился на белом свете. Когда хозяин умрет (неважно как), домб объявляет его своим должником. Был он им или не был, это не имеет никакого значения. Достаточно предъявить запуганным родственникам фальшивые документы, и дело сделано.

В районе Кумбхикоты, где находится большая деревня домбов, в последние годы официально зарегистрировано девять случаев перехода земли кхондов к домбам. На самом деле положение куда более удручающее. В деревне Кумбхикота все лучшие участки отобраны домбами за долги или же просто взяты ими насильно. Та же картина и в Курли, и в Камбеси. Бывает крайне сложно и трудно выяснить, чьи поля и сады отошли к домбам. Да и сами кхонды скрывают действительное положение дел. Они боятся домбов, страшатся их мести.

Когда спрашиваешь их об этом, кхонды становятся молчаливыми, замкнутыми и испуганно оглядываются по сторонам. Но даже при таком положении вещей трудно скрыть то обстоятельство, что фактическими хозяевами большинства полей и в Курли, и в Камбеси являются домбы. А кхонды только их рабы, которых хозяин даже не кормит на работе.

А теперь представьте себе такую сцену. Урожай собран. Группа домбов в десять – двадцать человек появляется в деревне кхондов. Они идут по деревне не спеша, вразвалку, выбирая для начала хижину получше. Все настороженно и пристально следят за ними. Жители не знают, кто будет первый, но уже уверены, что беда не минует никого. Но вот хижина выбрана, и первая жертва бьется в руках грабителей. Кхонды скрываются по своим домам и с чувством неизбежности и обреченности ждут, когда к ним войдут. Домбы пришли собирать дань. Но дань имеет всегда свои установленные размеры. Здесь же все зависит от настроения и характера членов шайки. Домбы претендуют

на большую часть урожая, а иногда и на весь урожай вне зависимости от того, должен им человек или нет. Урожай отбирается просто так, потому что домбам он тоже нужен. Пострадавшие ничего не получают. Но разве бывали случаи, чтобы ограбленному на большой дороге давали что-то взамен?

Грабеж в полном смысле этого слова происходит средь бела дня. Если требование домбов-разбойников не выполняется немедленно, пеняйте на себя. Тогда у вас заберут не большую часть урожая, а весь, и заодно прихватят с собой скот, если он у вас имеется, деньги, украшения. Все вплоть до кухонной посуды. Так и движется эта шайка от дома к дому, забирая все, что ей понравится. А в деревне стоит напряженная, зловещая тишина. Тишина страха и беспомощности. Тишина, которую изредка нарушают смех и громкий разговор домбов и крики и мольбы очередной жертвы…

Но ограбление может быть и не групповым, а индивидуальным. И не обязательно в день, когда урожай собран. Такое случается каждый день. Домбы воруют у кхондов все. Сами кхонды воровать не умеют, они доверяют своим соседям и не запирают дверей.

За две недели до моего появления у лесных кхондов домб пришел в Камбеси и забрал, или, точнее говоря, украл, у одного из жителей деньги, украшения и даже еду. Грабеж налицо. Но пострадавший в полицию пойти побоялся. Во-первых, полиция далеко, в Биссемкатаке, неизвестно, дойдешь ли. Ведь домбы не брезгают убийствами. Они мстят по всем законам воровской шайки: донесший должен быть убит. Во-вторых…

Вот какие истории иногда случаются.

В Кумбхикоте жила девушка. Я не буду называть ее имени. Вместе с группой своих родственников она спустилась с гор и отправилась на местный рынок. Там она приглянулась одному домбу. И она, и ее украшения. С помощью других домбов он похитил ее. Родственники пытались ее спасти, но домбы пригрозили забрать у них все имущество. Испуганные родственники отступили. Над девушкой надругались и сняли с нее все украшения – случай, подлежащий разбору в уголовном суде. Отец девушки и родственники после некоторого колебания все-таки обратились в полицию. Но домбы опередили их. Они дали взятку местному полицейскому, и тот обвинил отца девушки в клевете. И пообещал передать дело в суд. Не

искушенные в правовых тонкостях, наивные и неграмотные кхонды попали в беду. Они всерьез поверили, что предстанут в суде в качестве ответчиков (возможно, эта вера имела свои основания). Отец девушки продал последнего буйвола и отдал сто рупий полицейскому. Тот милостиво согласился прекратить дело.

Ростовщичество, грабеж, убийства и насилия – это еще не полный список. Остается торговля.

Между лесными кхондами и рынком непробиваемой стеной стали домбы. Кхонды совершенно неопытны в рыночных делах, и поэтому они нередко просят домбов помочь им. На мой взгляд, это все равно что просить вора или грабителя посторожить ваше имущество. Но случается так, что у кхондов нет выхода. Надо, например, продать буйвола или быка, свинью или козу. Домбы охотно соглашаются помочь. Они продают их, но владельцу скотины отдают половину денег, а иногда совсем не отдают. Нередко взрослый буйвол в руках домба превращается в буйволенка, а большой бык в только что родившегося бычка. На рынке, как известно, за телят платят намного меньше. До самого последнего времени единственными торговцами в деревнях кхондов были домбы. Они доставляют в горы примитивные сельскохозяйственные орудия, ткани, одежду, дешевые украшения и т. д. За все это приходится платить намного больше, чем на рынке в долине. Поэтому лопата приобретает стоимость плуга, хлопчатобумажные ткани оказываются в несколько раз дороже шерстяных, а медные украшения по цене превращаются в золотые.

Домбы с детства приучаются пользоваться плодами чужого труда. Нередко можно видеть, как маленький, но уже постигающий премудрость жизни домб отнимает у ребенка-кхонда все, что ему нравится. Часто дети домбов бьют детей кхондов, и те, как и их родители, не решаются защитить себя. Разбойников и воров воспитывают с детства.

Весной 1964 года в Биссемкатаке была создана так называемая «Схема по развитию донгрия кхондов». Глава Схемы Курунакар Патнаик, человек честный и мужественный, объявил беспощадную войну домбам. Но он хорошо понимал, что выиграть ее не сможет, если не найдет поддержки у самих лесных кхондов. А чтобы добиться поддержки, надо завоевать доверие. Дело это далеко не легкое. Казалось бы, все ясно. Домбы – разбойники, грабители, попросту

уголовники, кхонды – потерпевшая сторона. Согласно формальной логике, кхонды должны были бы без звука пойти за Патнаиком. Но в жизни всегда все сложнее и запутаннее. Психология человека, воспитанного с детства в страхе перед домбами, не могла сразу измениться только от одного сознания, что Патнаик друг, а домбы враги. Для этого еще требовалось мужество. Очень много мужества – и самим кхондам, и Патнаику. Необычайно трудно представить всю ту кропотливую работу Патнаика, которую ему пришлось провести среди лесных кхондов. Каждый день приносил огромное количество самых неожиданных вопросов и проблем. И многие из них были вовсе не безобидными. Домбы первые поняли, что за главой Схемы стоит сила, которая покончила с их прежними покровителями и приведет к неизбежному концу господство их разбойничьей династии. Они поняли, но не испугались. Они не из тех, кто легко сдается. Война так война. Сначала был применен испытанный метод – запугивание, но Патнаик оказался не из пугливых. Потом начались более конкретные угрозы. Патнаику сказали, что его убьют.

– Попробуйте, – ответил он. – Я вам не неграмотный кхонд.

Домбы поняли и пробовать не стали. Но я хорошо помню ненавидящие взгляды, которыми провожали домбы главу Схемы.

Согласно Схеме, кхондам был предоставлен долгосрочный заем для погашения задолженности. За шесть месяцев существования Схемы кхонды, таким образом, выплатили домбам четырнадцать тысяч рупий. И это только часть долга двадцати деревень.

Незаконно захваченные домбами поля стали возвращать их прежним владельцам. Но именно здесь встретилось больше всего трудностей – ведь предстояло установить, какое поле отдано домбу, а сделать это было нелегко.

Патнаику удалось прекратить продажу урожаев фруктов домбам за бутылку мохуа. Тут же в горах был создан закупочный пункт, и кхонды смогли, минуя домбов, продавать фрукты и другую продукцию по твердым рыночным ценам.

Кончается и торговая монополия домбов. Рядом с деревней Курли есть теперь лавочка, принадлежащая Схеме. Там есть все необходимое для кхондов: рис, раги, табак, соль, сельскохозяйственные орудия, одежда, ткани, топоры, одеяла, нитки, иголки и даже тарелки. Цены в лавке обычные. Кроме этого, кхонды могут приобретать товары в

кредит. Наибольшим спросом пользуются рис, раги, табак, одеяла, сари и, конечно, сельскохозяйственные орудия. Каждое утро около лавки толчется десятка два кхондов. Сюда приходят из Курли и из других деревень. Лавка превратилась в своеобразный центр общественной жизни. Здесь обсуждаются повседневные дела, здесь вы услышите массу интересных новостей, здесь уже не боятся ругать домбов. Может быть, потому, что домбы сюда не ходят? А может быть, и нет. Кто знает…

Что касается воровства и грабежей, с этим еще бороться трудно. Правда, такие случаи сразу становятся известны Патнаику. Говорят ему, а не сообщают в полицию, потому что Патнаику уже верят. Но сил у сотрудников Схемы пока еще мало. Слишком опытен и коварен враг, с которым им пришлось столкнуться. Но главное – борьба началась, и она уже принесла свои результаты.

* * *

Время летит быстро. Кажется, как будто только вчера мы пришли в Курли, а сегодня снова в путь.

Над Курли стоит ясное прохладное утро. Легкий туман прикрывает вершины гор, но окрестные джунгли залиты ярким солнечным светом. Джани Курли и бисмаджи идут с нами до Биссемкатака. Остальные, а среди них Джангили, Мидру,

Сикоку Сита, Джанмутти и даже обидевшийся на меня Мамеджани, вождь Мандавали, проводят нас до границы владений донгрия кхондов.

По дороге к нам присоединяются еще человек десять, и мы больше не походим на солидную и серьезную экспедицию, а скорее напоминаем живописную и очень шумливую шайку лесных бродяг. Но вот и последняя деревня Мунигуда. За ней будет необычно тихая для этих мест река. За рекой кончаются владения донгрия кхондов. Мы прощаемся. Каждый подходит и делает намасте – школа Патнаика. Мы переходим реку, а с того, оставшегося позади берега нам кричат:

– Мамуни! Приезжай еще!

– Мамуни! Не забудь привезти пальто! – Это, конечно, Мидру.

Ну, что ж, приеду, если удастся. И привезу пальто.

Горы Бондо. Какие бывают тигры

От Биссемкатака до Корапута – 100 миль
От Корапута до Джейпура – 14 миль
От Джейпура до гор Бонда – 52 мили
От границы гор до Мудулипады – 10 миль

Узкая лента дороги то карабкается по горной крутизне, то спускается на равнину. А джунгли все тянутся сплошной зеленой стеной. Когда между ними образуется просвет, можно увидеть вершины гор. Солнечный свет клубится над ними золотой дымкой. Их тени ложатся причудливыми очертаниями на узкие, похожие на ущелья долины. Здесь можно ехать очень долго и не встретить ни одного человека. Не увидеть ни одного дома или деревни. А только горы и джунгли, джунгли и горы. Полей и плантаций тоже нет. Джунгли стоят не тронутые рукой человека, как стояли они сотни, а может быть, и тысячи лет назад. И где-то под их прикрытием на крутых склонах гор, в тесных ложбинах притаилась древняя жизнь, временами дающая знать о себе дымом костров и боем барабанов. Странная, непохожая на нашу жизнь. Там свои законы, свои обычаи, свои боги и духи. Люди из той жизни, скрытой тысячелетними джунглями, ведут свой счет времени. Их время движется медленно, очень медленно. Оно не соответствует нашему. Их настоящее – наше прошлое. Наше настоящее – их будущее. Для того чтобы увидеть прошлое, оказывается, не нужна машина времени. Достаточно джипа и иногда собственных ног.

В джипе нас трое: шофер, мистер Сераф из коллекторского офиса Корапута и я. Мы едем в племя бондо.

Джунгли по-прежнему безлюдны. Колеса джипа грохочут по бревнам, вернее, по бамбуковым стволам. Внизу среди нагромождений гранитных камней течет горная река. Она уходит вдаль к зарослям бамбука и папоротника. Вдоль реки, маня тенью и прохладой, стоят заросли манговых деревьев. Наконец джунгли заметно редеют, и сквозь деревья проглядывают клочки рисовых полей. Между полями и джунглями примостилось несколько десятков домиков. Это деревня Говиндапалли. Мы останавливаемся у деревенской придорожной

харчевни. В харчевне несколько молодых парней пьют крепкий, похожий на кофе чай.

– А, Сераф! – кричит кто-то из них, завидя наш джип. – Куда путь держите?

– К бондо. Знакомьтесь, пожалуйста, – поворачивается ко мне Сераф. – Это парни из местного Блока по развитию племен.

– Очень приятно. Что вы знаете о бондо?

Парни из Блока замялись.

– Видите ли, наш Блок только что создан, и мы сделали еще мало. Не успели. И до бондо – вы ведь спрашиваете о горных бондо? – еще не добрались. Но если вы едете туда, то увидите много интересного. Только будьте осторожнее.

– А что такое?

– Очень агрессивное племя. В общем, сами увидите.

– А карта этого района у вас есть?

– Кажется, была.

Через несколько минут мне приносят карту.

– Это карта нашего панчаята. Вот Говиндапалли. Здесь горы Бондо.

На карте тщательно очерчена граница территории бондо. А сама территория – большое «белое пятно», на котором стоит ободряющая надпись: «Район топографически не обследован». И только небольшой кружочек Мудулипады сиротливо чернеет на этом пятне.

«Ну, что ж, – подумала я, – на земле еще много „белых пятен“, и в самых неожиданных местах. Не я первая, не я последняя…»

От Говиндапалли мы свернули на грунтовую дорогу. У ее начала стояла табличка с надписью: «Дорога к горам Бондо». А горы высились прямо перед нами. Они были покрыты густыми джунглями, и их зелено-синие вершины громоздились одна над другой. Мы миновали несколько деревень так называемых нижних бондо. И нижние бондо, и верхние, или горные, бондо – это одно племя. Но район нижних бондо оказался легкодоступным, и поэтому под влиянием культуры других народов они утратили значительную часть своей самобытности. Одежда нижних бондо иная, чем у горных. Мужчины нередко носят дхоти, а женщины – короткий саронг (кусок ткани, прикрывающий тело от плечей до колен); такой саронг можно видеть на крестьянках ория.

Мили через три кончилась грунтовая дорога, и джип пошел по широкой тропе, резко поднимающейся в гору. Тропа с одной стороны прижималась к крутому склону, с другой – обрывалась круто вниз. Там, внизу, среди бамбуковых зарослей, шумела горная река. Джип в буквальном смысле слова карабкался вверх. Его скорость приближалась к нулю. Если бы мы пошли пешком, то, очевидно, были бы на месте гораздо скорее. Тропа изобиловала крутыми поворотами, и временами задние колеса машины повисали над обрывом. Поваленные ураганами деревья преграждали путь. Нам приходилось выходить из машины и с помощью ломика и топора расчищать путь. Тропа становилась все круче, ущелье внизу – глубже. Иногда нос машины задирался вверх, мотор глухо урчал, и джип предательски оседал на задние колеса. На крутых подъемах мотор глох, и мы втроем толкали джип через колдобины и замысловатые сплетения гигантских корней, загромождавших тропу. Наконец мотор заводился, и мы ехали следующие двести метров. Потом снова выходили и снова толкали. В некоторых местах джип с трудом протискивался между стволами деревьев. Ветви хлестали по кузову и по лицу. Пока машина шла своим ходом, мы отдыхали. Спины наши взмокли, глаза заливал пот. Передышки были короткими, а потом все опять начиналось сначала.

Стая обезьян, проносясь по деревьям, заметила нас и ради любопытства спустилась вниз. Обезьяны расселись на тропе, показывали на нас пальцами, прищелкивая и о чем-то переговариваясь, и временами издавали пронзительные, визжащие звуки. Видимо, они смеялись. Но нам было не до смеха. Наконец мы одолели очередную вершину. Оттуда открылся неожиданно широкий вид на всю горную страну. Был конец дня, и косые лучи солнца освещали бесконечную гряду гор, темно-синие массивы джунглей и нашу тропу-дорогу, которая снова уходила куда-то в заросли.

– Еще один перевал, – сказал Сераф, – и мы у бондо.

Из зарослей на тропу выпорхнуло несколько павлинов. Они остановились, распустив свои сине-зеленые с золотистым оттенком хвосты, и проводили нас удивленными взглядами.

Джип начинал свое последнее восхождение. Наступали сумерки. Мы миновали очередной крутой поворот, и вдруг Сераф спокойно и просто сказал:

– Тигр.

Впереди на тропе, шагах в пятнадцати от нас, стоял крупный матерый тигр. Мы остановились. Тигр был превосходен. Широкие мощные лапы, длинное мускулистое тело. Увидев, что мы остановились, он уселся на задние лапы и стал нас бесцеремонно разглядывать.

– А я, как назло, даже ружья не взял, – пожалел Сераф. – Говорил мне коллектор: не езди без ружья к бондо. А я забыл. Вот теперь и выпутывайся.

Моя рука автоматически потянулась к фотоаппарату. Такой кадр я была не в силах пропустить. Я сидела с краю, а джип был открыт. Только верх кузова прикрывал брезент. Поэтому снять тигра было не трудно. Мои манипуляции с фотоаппаратом не произвели никакого впечатления на тигра, он продолжал по-хозяйски сидеть на тропе. Шофер посигналил, а потом включил фары. Но тигр упрямо мотнул головой. И это могло означать только одно: «Не старайтесь, все равно не уйду». Поразмыслив немного, тигр решил разглядеть нас поближе. Он лениво, как бы нехотя поднялся и медленно направился к нам.

– Решайте быстро, – зашептал шофер. – Дать задний ход я не могу, уже плохо видно. Или я сдвинусь, и мы свалимся в ущелье, или я останусь на месте, и тигр нас съест. Выбирайте, что лучше.

Выбор был крайне беден. Но мы решили, и джип остался на месте. Наше положение было смешным и трагическим. Три взрослых человека, совершенно беспомощные, сидят и ждут, когда тигру заблагорассудится их съесть. А тигр медленно, шаг за шагом приближается к машине. Мы впиваемся в него глазами и начинаем его гипнотизировать:

– Довольно, довольно. Остановись. Ни шагу дальше. Стоп, стоп.

Пройдя пять шагов, тигр снова садится и таращится на нас. Мы – на него.

Шофер опять сигналит, опять включает фары. Но тигр только щурится от яркого света и не двигается.

– Давайте его напугаем, – говорит Сераф.

– Как?

– Будем кричать.

И мы в три здоровые глотки завопили – больше, как я теперь подозреваю, от отчаяния:

– Уу-го-го! И-го-го! Гав-гав-гав! Ух-ух! Трюх-трюх!

И еще что-то в этом роде. Горное эхо подхватывало наши дикие крики и разносило по джунглям. Прислушиваясь к собственным крикам, я подумала, что, если сейчас перед нами только один тигр, возможно, через несколько минут их будет десять. И еще придут львы и дикие слоны. И уж тогда они нам покажут…

Тигр с удивлением слушал этот своеобразный концерт. Видимо, это начинало ему надоедать. Он открыл пасть, вооруженную острыми клыками, и рявкнул. Мощное «р-р-р-р-ы» прокатилось по джунглям. И это явно означало: «Заткнитесь!» Мы «заткнулись». Потом тигр поднялся. На его морде было презрительное выражение. Если бы он умел говорить, то мы бы услышали такие слова: «Можете кричать сколько хотите. Плевать мне на вас. Я пошел». Он медленно двинулся вдоль тропы, изредка бросая на нас пренебрежительные взгляды. Мы поехали за ним. Через сотню-другую шагов он снова сел, а мы остановились и стали кричать. Тигр, подрагивая ушами, встал и опять нехотя двинулся вперед. И снова сел.

Все это длилось на протяжении целой мили, не менее сорока минут. Тигр шел, мы ехали, он садился, мы останавливались и кричали. Потом неожиданно он исчез за поворотом. Стало совсем темно, и пришлось включить фары. Теперь мы продвигались по обрывистой тропе совсем медленно, каждую минуту ожидая нападения из окутанных ночным мраком зарослей. Но тигр перестал нами интересоваться. Уже в полной темноте мы преодолели последний перевал. Тропа пошла под гору. Внизу угадывалась обширная долина. Где-то впереди вдруг замелькал и задвигался огонек. Он приближался и рос, и наконец мы увидели человека, который держал в руке керосиновый фонарь.

– Это Мисра, – сказал Сераф. – Учитель из школы бондо. Он вам поможет познакомиться с племенем.

Мисра поднял фонарь на уровень головы, и я увидела тонкое и нервное, почти мальчишеское лицо.

– Я не ожидал вас так поздно, – сказал он, застенчиво улыбаясь.

– Нас задержал тигр, – ответил Сераф.

– Тигр?

– Да, именно.

– А далеко отсюда? – обеспокоился Мисра.

– Нет, не очень. Правда, сейчас трудно сказать, где это произошло.

– Эй, Сома! – крикнул Мисра.

Откуда-то из темноты вынырнул мальчик лет десяти.

– Поднимись в деревню, скажи, что тигр близко.

Мальчик исчез, и через несколько минут где-то чуть повыше раздались тревожные крики. Вдруг совсем рядом поднялся язык пламени. Он осветил несколько деревьев, хижины под ними и метавшиеся фигурки людей.

– А, зажгли костер, – сказал Мисра. – Бондо всегда так делают. Тигры боятся огня.

И оттого, что мы уже доехали и рядом были люди, много людей и этот симпатичный Мисра, а тигр остался где-то позади и теперь не был опасен, мне стало весело. Так весело, что я не могла сдержаться и засмеялась. Серафу и шоферу тоже почему-то стало весело, и они тоже засмеялись. Мисра, глядя на нас, тоже засмеялся. Но нам троим становилось все смешнее и смешнее, и мы при упоминании о тигре стали буквально корчиться от смеха. Мисра перестал смеяться и удивленно смотрел на нас. А мы не могли остановиться. Удивление на лице Мисры сменилось растерянностью, и он по очереди пристально смотрел на каждого из нас. А мы все смеялись и смеялись. Наконец Мисра не выдержал.

– Что с вами случилось? – спросил он с ужасом. Его испуг подействовал на нас отрезвляюще.

– Простите, это нервное, – ответила я.

– Я понимаю, – сказал Мисра, – вы переволновались. Встретить тигра не шутка. Но почему такая странная реакция?

– Каждый делает, что может, – хихикнул в последний раз Сераф. – А вы ведь знаете, – начал он уже серьезно, – три дня назад в том же месте убили тигра-людоеда. Он задрал восемьдесят человек. Коллектор назначил за его голову шестьсот рупий. Ну, вот один охотник его выследил. Две недели шел за ним и наконец убил.

– Я слышал что-то об этом, – подтвердил Мисра.

Потом я шла по узенькой тропинке за Мисрой. Керосиновый фонарь освещал небольшой тусклый круг у нас под ногами. Мы дошли до пустого заброшенного домишки, который я не разглядела в темноте.

– Вот здесь будете жить, – сказал Мисра.

– А Мудулипада, где она? – спросила я.

– Это и есть Мудулипада. А бондо ваши ближайшие соседи. Завтра вы их увидите.

На полу лежало несколько одеял. Поистине королевское ложе. Я опустилась на них и ощутила, как тяжелая, давящая усталость навалилась на меня. Я закрыла глаза и увидела: сильный матерый тигр идет по тропе прямо на меня…

Первая встреча

Утром меня разбудили какие-то странные звуки. Кто-то шептался и хихикал под окном. Я открыла глаза и посмотрела в окно. Но там никого не было. И вдруг снова услы шала хихиканье. Очень ехидное хихиканье. Быстро поднявшись, осторожно, на цыпочках приблизилась к окну. В это время в кустах раздался смех, и я увидела голые спины убегающих людей. «Бондо», – мелькнула мысль. Мне сразу расхотелось спать. Я вышла из домика и огляделась вокруг. Стояло ясное раннее утро. На листьях деревьев и кустарников сверкали прозрачные капли росы. Высокая трава была тоже сырой. Передо мной лежала холмистая долина, замкнутая со всех сторон высокими горами. Горы, по-видимому, надежно защищали долину от потоков холодного воздуха, и поэтому здесь было тепло и зимой. Повсюду среди рощ манговых деревьев, бананов и бамбука были разбросаны поля бондо. Почти рядом с заброшенным домом, чуть повыше на холме, стояла деревня Мудулипада, самая главная деревня бондо, столица этой затерянной страны. У подножия холма виднелось несколько каменных строений. Одно из них – школа, решила я, а другие? И как бы в ответ на свои мысли я услышала сзади:

– А это полицейский участок.

Я обернулась. Передо мной стоял Мисра.

– Да, полицейский участок, – повторил он.

– Ничего не понимаю, – сказала я. – Такой труднодоступный район, небольшое древнее племя, и вдруг полицейский участок. Для чего?

– О, вы еще не знаете бондо, – улыбнулся Мисра. – Дело в том, что полиция здесь существует давно. Пожалуй, полицейские были первыми пришельцами извне. Ну, а зачем все это, вы сами увидите. Я только скажу, что бондо – народ воинственный и агрессивный.

Я вспомнила отчет французской экспедиции «Тортуга». Вот что там писали: «Только через несколько дней нашего продвижения по джунглям мы услышали из-за деревьев крики бондо. Мы заметили их давно, но они убегали при нашем приближении. А теперь, рассерженные нашим вторжением, они приветствовали нас дождем стрел. Два наших носильщика, которые за мгновение до этого, испуганные и дрожащие, умоляли нас не идти дальше, были ранены». Это случилось в 1953 году.

На тропинке, ведущей от деревни к полям, показалось несколько женщин. Все небольшого роста, с бритыми головами. Единственной их одеждой были набедренные повязки с разрезом сбоку. На обнаженную грудь спускались многочисленные нити разноцветных ярких бус. Шею украшали массивные металлические кольца. Браслеты покрывали руки от запястья до локтя. И одежда женщин, и их вид резко отличались от того, что я видела раньше. Конечно, мне сразу захотелось с ними познакомиться. Мисра окликнул их. Реакция была неожиданной. Женщины со всех ног бросились в кусты и засели там. Но видимо, любопытство оказалось сильнее страха, и они, возбужденно блестя глазами, стали выглядывать из-за кустов. Временами оттуда раздавался смех. Теперь я поняла, кто был моим утренним гостем. Я сделала несколько шагов по направлению к кусту. Гремя тяжелыми украшениями, женщины выскочили из-за него и укрылись за следующим. И снова стали смотреть оттуда. Шла какая-то странная игра в прятки, смысла которой я не понимала. Но всякая игра, даже непонятная, действует заразительно. У меня вдруг появилось необоримое желание погоняться за бондо по кустам и поймать кого-нибудь. Но они были очень хитрые. Каждое мое движение предупреждалось, и женщины отступали все дальше и дальше. Я представила себе свой образ жизни в горах Бондо. Я выхожу утром, гоняюсь за бондо по джунглям, наконец ловлю кого-нибудь, выспрашиваю все, что мне надо, и отпускаю. На следующий день ловлю другого, и так все время. Перспектива крайне заманчивая, но как поступить сейчас? А что, если засесть на тропинке и отрезать бондо путь к отступлению? Я так и сделала. Через несколько времени в манговой роще раздались голоса, и на тропинке появилась новая группа женщин. Но они моментально заметили меня. В группе

возникло тревожное замешательство. Потом все повернулись и исчезли в деревне.

– Пойдемте в наступление на деревню, – посоветовал Мисра. – Иначе они просидят весь день дома и не пойдут на поля и в джунгли.

Мудулипада тонула в зарослях манговых и банановых деревьев. Здесь стояло около тридцати хижин, крытых пальмовыми листьями. Стены были сделаны из бамбуковых планок. Между хижинами стояли навесы, под которыми лежали деревянные пестики для рушки риса. Прямо на земле сушились красный перец, листья табака и неочищенный рис. В центре деревни стояло развесистое манговое дерево. Под ним была сооружена круглая платформа из неотесанных камней. Деревня встретила нас настороженной, затаившейся тишиной. Еще несколько минут назад отсюда доносились голоса и привычный шум живущей деревни, но теперь она, казалось, вымерла. Кривые узкие улочки были пустынны, хижины угрюмо смотрели на нас наглухо закрытыми дверьми.

– Эй, люди! – крикнул Мисра.

А люди не отзывались. Они делали вид, что не слышат. В то же время я чувствовала на себе взгляды десятков глаз. Я старалась увидеть кого-нибудь, но деревня по-прежнему была безмолвна и пуста. И только в щелях одной хижины я уловила неприметное движение. Оттуда смотрело несколько пар глаз. Я направилась к хижине и позвала хозяев. В ответ раздались только шорох и протяжный вздох. А потом все смолкло. Хозяева затаились и выжидали. Наступление на деревню проходило явно неудачно.

– Что же, бондо всегда так встречают гостей? – спросила я Мисру.

– Вы пока для них не гость, а только пришелец. Чужой. Они еще не знают, кто вы такая. Вот когда узнают и если вы им понравитесь, они будут считать вас своим гостем. А пока придется потерпеть. Они должны к вам привыкнуть.

– Хорошо, – согласилась я. – Я сяду под деревом, пусть они привыкают.

Под манговым деревом была тень и прохлада. Спешить было некуда. Итак, я сидела, а бондо привыкали. Привыкали они долго. Часа два. Я уже начала томиться вынужденным бездействием, а бондо все еще не привыкли. Вдруг я уловила около одной из хижин какое-то движение. Через несколько минут оттуда появился высокий парень. Со

шнурка, завязанного вокруг его бедер, спереди и сзади свисало по короткому фартучку. Шею стягивало несколько ниток бус, в ушах были серьги, а на руках такие же браслеты, как и у женщин. Он держал лук и несколько стрел с длинными железными наконечниками. «Вот уже один привык», – подумала я. Но видимо, парень привыкал с опаской и осторожно, о чем свидетельствовало боевое оружие. Он стал делать круги вокруг дерева, под которым я сидела. Однако сохранял при этом безопасную дистанцию. Я не обращала на него внимания. Он несколько раз останавливался, бросал исподтишка любопытно-удивленные взгляды и наконец скрылся где-то между хижинами. Минут через десять появилось еще несколько мужчин. Но у каждого в руках были лук и стрелы. Они остановились в отдалении и начали о чем-то совещаться. Потом все присели на корточки и стали точить наконечники стрел о серый плоский камень: «вжих-вжих». И снова: «вжих-вжих». Единственный звук, нарушающий мертвую тишину деревни. Мне стало не по себе. «Эти, видимо, совсем ко мне привыкли, – размышляла я. – Может быть, даже привязались. Теперь они разделаются со мной, как с ближайшим родственником». О таких случаях в племени я уже знала. Я достала сигареты. Устрашающие звуки «вжих-вжих» прекратились. Один из мужчин отделился от остальных, подошел ко мне и сказал:

– Здравствуй.

– Здравствуй, – ответила я. Он выразительно посмотрел на сигареты. Я протянула ему пачку.

– Умеешь курить? – спросил он.

– Умею.

– И я умею. И все наши мужчины и женщины тоже умеют.

В это время раздались голоса, и деревня стала наполняться жителями. Повсюду замелькали яркие гирлянды бус женщин. Они прошли под навес и стали рушить падди, изредка бросая на меня взгляды. Потом появились дети. На них, как и на взрослых, тоже пестрели украшения. Жизнь деревни входила в обычную колею. Ко мне, кажется, уже привыкли, но я не покидала своего места под деревом. Бондо не проявляли назойливого любопытства, я тоже решила пока от этого воздержаться. Я опасалась отпугнуть их чем-нибудь, и тогда пришлось бы начинать все сначала. Самой смелой женщиной в деревне оказалась Будаи-токи. Она была хороша собой и

обладала каким-то озорным кокетством. Лукаво поблескивая глазами, в которых еще не прошел недавний испуг, и как-то по-особенному, «по-бондовски» вращая задом, она приблизилась ко мне и хихикнула. Зубы у Будаи-токи были редкие, придававшие ее лицу насмешливое выражение. Она присела передо мной на корточки и, ткнув себя пальцем в грудь, сказала:

– Будаи-токи.

Я тоже ткнула себя пальцем в грудь и ответила:

– Людмила.

– Л-ю-д-м-и-л-а, – протянула Будаи-токи и залилась ехиднейшим смехом.

Так состоялась моя первая встреча с бондо.

Племя обнаженных

Горная страна бондо расположена в округе Корапут к северо-западу от реки Мачкунд. Река эта протекает по границе между штатами Орисса и Андхра. Горы Бондо невысокие, не более тысячи двухсот метров над уровнем моря.

Но густые девственные джунгли, покрывающие их, делают страну бондо труднодоступной. «Бондо» – значит «обнаженные люди». И действительно, минимум одежды, который они используют, полностью подтверждает это название. Сами же бондо называют себя «ремо» – люди. Они говорят на очень своеобразном языке, принадлежащем к группе мунда. Труднодоступность района, где живет это племя, его относительная изолированность в течение многих веков и настороженное, а иногда просто враждебное отношение бондо ко всякого рода пришельцам и чуждым влияниям способствовали сохранению очень древней культуры племени. А культура эта со всеми ее характерными особенностями, вероятно, сложилась еще в период каменного века. Откуда появились бондо, определенно сказать нельзя, – это одно из наиболее малоизученных племен Индии. Века хранят его тайну, и необходим огромный труд, чтобы вырвать ее у них. Сейчас можно только сказать, что бондо относится к древнейшим племенам не только Индии, но и мира. В культуре бондо есть черты, которые роднят ее с ранней культурой Малайского архипелага и Океании.

Вот что рассказывают в племени о самых первых бондо.

… Когда-то давно-давно на земле начался великий дождь. Он шел семь дней и семь ночей, и вся земля покрылась водой. И только сухая тыква плавала по воде. В этой тыкве спрятались брат и сестра. Дети очень хотели есть, но ничего съедобного найти не могли. Все затопила вода. Отчаявшись, брат и сестра заплакали. Великий бог Махапрабху услышал плач и очень удивился. Он спустился на землю и увидел, что она залита водой и только двое детей, сидящих в сухой тыкве, плачут от голода. Тогда бог прислал дикого кабана, и он принес землю и семена семи деревьев: манго, тамаринда, махуа, саговой пальмы, думара, пипала и баньяна. Кабан облепил свое тело землей, нырнул в воду и стал стряхивать землю. Земля летела во все стороны по океану

и превращалась в малые острова и большие земли. Шерсть кабана, налипшая на землю, стала травой. А семена семи деревьев разлетелись по всему миру, и от них пошли джунгли. Махапрабху вынул брата и сестру из тыквы и поставил их на твердую землю. «Теперь вы будете мужем и женой», – сказал им бог. «Нет, – ответили они. – Мы не можем быть мужем и женой, потому что мы – брат и сестра». Великий бог долго думал, как быть. Других людей на земле не осталось, только – брат и сестра. И наконец он придумал. Он наслал на них оспу. Болезнь так изменила их лица, что они не узнали друг друга. И стали мужем и женой. В те давние времена не было ни домов, ни деревень, и поэтому супруги бродили по джунглям с места на место. И однажды под саговой пальмой жена родила близнецов: мальчика и девочку. В момент их появления муж вдруг увидел оленя. Он долго преследовал животное и наконец убил его. Но охотник был очень голоден, и поэтому он сел в том месте, где был убит олень, и стал есть его мясо. Жена долго ждала мужа, но тот не приходил. Тогда женщина подумала: «Он, конечно, убил оленя и теперь ест его. Мне же не принесет ничего, и я останусь голодной». Она положила детей у подножия пальмы и отправилась искать мужа. Вскоре она увидела его. Муж сидел около разделанной туши оленя и ел мясо. Женщина решила не тратить времени на бесполезные объяснения и стала тоже есть мясо. Оно было вкусным и нежным. И муж с женой так увлеклись, что забыли о детях. Радостное событие, рождение детей, совершенно выпало у них из памяти. Они съели оленя и двинулись по джунглям дальше. А дети лежали под саговой пальмой и плакали, потому что они тоже хотели есть. А саговая пальма печально качала своей кроной и очень жалела брошенных детей. Корни ворчали. Им тоже не нравились такие нерадивые родители. И тогда пальма и корни стали совещаться, как помочь детям. Они решили, что один из корней пойдет к океану и попросит у него воды. Без долгих раздумий корень отправился в дальнее путешествие. «Что тебе нужно?» – спросил океан. «Мне надо воды, чтобы напоить детей. Их бросили родители, и они голодны». Океану тоже стало жалко детей, и он дал корню своей воды. Вода из корня поднялась по стволу пальмы и стала капать прямо в рот детям. И они перестали плакать. Они пили сок саговой пальмы и быстро росли. А когда дети стали взрослыми, то поженились. У них родилось двенадцать дочерей и двенадцать сыновей. И двенадцать сыновей

стали отцами двенадцати племен: бондо, гадаба, конды, паренга, дидайи, джхория, пенгу, а кто были остальные, уже забыли. Самый старший сын был бондо. Звали его Нангли. От сына Нангли – Сома Боднаика и пошло все племя.

Есть еще легенда о том, что когда-то из Андхры пришли два брата и они положили начало племени бондо.

Теперь племя насчитывает пять тысяч человек. Они рассредоточены в двенадцати деревнях. А Мудулипада считается самой древней деревней, где жили первые бондо.

Основное занятие бондо – земледелие. Когда-то они практиковали подсечную систему, но это отошло в прошлое. По холмам страны бондо разбросаны террасные поля, на которых культивируют рис. Поля орошаются. Узкие каналы-ручейки отводятся от горных рек и потоков. На полях, расположенных в низинах долины, выращивают раги, суар и другие зерновые культуры. Землю в низинах бондо обрабатывают плугом, который используется и в обычных индийских деревнях. Землю же на склонах гор возделывают с помощью топоров. Вблизи каждой деревни можно увидеть огороды. Там сажают маис, горох, перец, тыкву, табак. Каждый год бондо собирают богатый урожай фруктов: манго, бананов, плодов хлебного дерева. Большим вниманием в племени пользуется саговая пальма. Так же как и у горных кхондов, из ее сока делают пьянящий напиток салап.

Только в легендах бондо можно найти упоминание о земле, которой сообща владело все племя или отдельные роды. Теперь земля стала частной собственностью, и ее владельцем является старший мужчина в семье; как и другая собственность, она передается от отца к сыну. Землю можно продавать и закладывать. Появление частной собственности на землю привело к росту социально-имущественного расслоения в племени. Появились свои крупные землевладельцы, свои ростовщики, свои безземельные и батраки. В первую очередь происходит обогащение племенной верхушки. Однако в силу специфики племени и сохранения родовой организации расслоение идет крайне медленно и не активизируется притоком торгово-ростовщического капитала извне. На протяжении долгого времени в горах Бондо отсутствовала и феодальная эксплуатация, характерная для других племен Индии. Раджа Джейпура относился с большой опаской к воинственным бондо и не пытался вмешиваться в их дела.

Самой доходной у бондо считается земля, на которой культивируют рис. В деревне Мудулипада распределение такой земли крайне неравномерно. Так, Лачмимудули, глава панчаята бондо, имеет семь акров земли; Саньямудули, глава деревни, владеет пятью акрами; вождю племени Будамудули принадлежат два акра под рисом и сорок акров под раги. Оптимальный размер участка под рисом, обеспечивающий сносный прожиточный минимум (вкупе с пятью – десятью акрами под раги), составляет пол-акра. Большинство жителей деревни владеет участками от половины до полутора акров. Семь семей в Мудулипаде не имеют земли совсем. Эти безземельные, а также малоземельные работают на полях зажиточных хозяев. Так, вождь племени Будамудули использует ежедневно на своих полях трех-четырех человек. Платит он натурой. Будамудули дает им ежедневно два-три килограмма риса и кормит во время работы. Такая высокая плата обусловлена тем, что безземельных в деревнях бондо пока относительно немного, а спрос на рабочие руки в зажиточных хозяйствах высок. Использовать же чужих и пришельцев на своих полях бондо не могут, это противоречит традициям племени.

Бондо – очень трудолюбивые земледельцы. Как только взойдет солнце, они отправляются на свои поля. Часто участки бывают расположены на расстоянии пяти – десяти миль от деревни в джунглях. Там бондо проводят почти весь день. На полях работают все – вне зависимости от материального положения или поста, занимаемого в племенной иерархии. Но женщины проводят на поле гораздо больше времени, чем мужчины. Вечером перед заходом солнца бондо вновь отправляются в свои деревни. Эти вечерние возвращения (особенно с дальних полей) – зрелище впечатляющее. Бондо двигаются через джунгли цепочкой, состоящей из отдельных групп по двадцать – тридцать человек. В середине идут женщины в набедренных повязках, с полными комплектами ярких украшений на обнаженной груди. Впереди и сзади – мужчины, вооруженные луками и стрелами. Путь через джунгли опасен, и охраняющие женщин мужчины всегда начеку. Нередко женщины несут на головах четырехугольные плетеные корзинки. В них по дороге они собирают молодые побеги бамбука, грибы, дикие овощи, топливо. На полях остаются сторожа, обычно – юноши. В течение всей ночи они трубят в рог, отпугивая диких зверей. В этом звуке рога есть что-то тревожно-

тоскливое. Мне всегда казалось, что в нем звучат страх и одиночество человека, оставленного один на один с темными, враждебными джунглями. Странная ночная песня гор Бондо…

В окрестных джунглях много самой разнообразной дичи. Там водятся бизоны, олени, дикие кабаны, дикие буйволы, медведи, тигры. У мужчин бондо, если они покидают деревню, всегда есть при себе лук и стрелы – по дороге можно подстрелить какого-нибудь зверя. Бондо очень хорошие охотники. Нередко они уходят на несколько дней в охотничьи экспедиции. Охотниками бондо были еще в те времена, когда они не знали земледелия. Бондо рассказывают, что первыми охотниками стали сыновья первого бондо, Сома Боднаика. Вот как это произошло. У Сома Боднаика были две жены – Сомбари и Сукри. И каждая родила ему по сыну. Мальчиков звали Сония и Лачми. Когда они подросли, то стали бродить по джунглям, не зная, чем себя занять. Они слонялись весь день без дела и мозолили глаза Великому богу Махапрабху. Однажды Махапрабху не выдержал и сказал Сома Боднаику: «Ты бы занял чем-нибудь своих детей. Смотри, они просто умирают от скуки и безделья. Заставь их хотя бы играть во что-нибудь». «А во что я их заставлю играть? – отвечал Сома Боднаик. – Я сам ничего не знаю. Мне самому бывает скучно». «Ну и люди, – вздохнул Махапрабху, – ничего не могут придумать. Опять мне придется поработать за них». Бог пошел в джунгли и срезал ветку дерева. Из этой ветки он согнул лук и обмотал его корой саговой пальмы. Потом нашел бамбук и сделал тетиву для лука. Расщепил ствол бамбука и сделал стрелы. Но стрелы имели какой-то незаконченный вид и не очень нравились Махапрабху. Тогда он пошел к кузнецу и попросил выковать для них железные наконечники.

Кузнец сделал наконечники. Махапрабху захотел попробовать, как стреляет лук. Получилось здорово. И бог подумал: зачем я им буду отдавать лук? Лучше я сам буду целыми днями стрелять из него. Но потом он вспомнил о бездельниках-мальчишках, которые снова будут маячить перед его глазами, и скрепя сердце решил отдать игрушку им. Он пошел к ним и сказал:

– А что я вам принес…

– Покажи, покажи, – закричали мальчишки.

Махапрабху положил перед ними лук. Они схватили его, но не знали, что с ним делать. Перед домом Сома Боднаика стояло дерево

биджа. Махапрабху сказал:

– Видите дерево биджа? Стреляйте в него и старайтесь попасть.

Братья выстрелили по очереди и попали. Им очень понравилась эта игра. Потом Махапрабху выбрал камень, который лежал дальше дерева, и велел мальчишкам попасть в него. Мальчишки оказались меткими стрелками, и Великий бог остался ими доволен.

– Ну, а теперь, – на прощание сказал им Махапрабху, – идите в джунгли и постарайтесь попасть в зверя.

Мальчишки так и сделали. Их так увлекла эта игра, что они целыми днями только и стреляли из лука. Они научились убивать зверей, и с тех пор в доме Сома Боднаика не было недостатка в мясе. Вот так бондо стали охотниками.

Со временем бондо научились делать луки еще лучше, чем первый лук Махапрабху. У них появились разные стрелы. Стрелы с коротким наконечником – для мелкого зверя. Стрела с длинным наконечником – для крупного зверя. Бамбуковые наконечники – для охоты на птиц. Бондо оказались способными учениками Махапрабху и уже сами придумали ловушки для крыс, сурков и змей. Их мясо они тоже едят.

В горных реках страны бондо много рыбы, и бондо ловят ее. Но охота продолжает оставаться более важным занятием, чем рыболовство. Тем, что племя получает от земледелия, охоты, рыболовства, оно в состоянии себя прокормить.

Одежду бондо тоже делают сами. В основном это занятие женщин. В джунглях растут кусты, которые называются керанг. Кора керанга мягка и эластична. Из нее бондо приготовляют пряжу, из которой на деревянных станочках ткут набедренные повязки для мужчин и женщин. Вот только ремесло по выделке железных изделий у бондо не развилось. Наконечники для стрел, лемеха для плугов, ножи, топоры, серпы и, наконец, металлические браслеты делают для бондо кузнецы и ювелиры, которые живут в деревнях долины. Несмотря на определенную изолированность района бондо, с давних пор возник натуральный обмен между жителями долины и горными бондо. Когда бондо находились еще на стадии каменного века, в долине уже существовало искусство литья и обработки железа. Регулярный натуральный обмен привел к своеобразному разделению труда между горными бондо и жителями долин. Получая в деревнях долины необходимые железные изделия, бондо не развивали у себя такого рода

ремесла. Они стали специализироваться на продуктах земледелия, поэтому они так и не дошли самостоятельно до железного века.

Натуральный обмен сохраняется еще и в наше время. Бондо нередко платят зерном кузнецам касты камаров деревни Говиндапалли, которые выполняют их заказы. Часто, когда много заказов, кузнецы поднимаются в деревни горных бондо и поселяются там на некоторое время. А бывает, что кое-кто из них остается у бондо на всю жизнь.

Постепенно на смену натуральному обмену у бондо приходит денежный. В последнее время установилась прямая и непосредственная связь племени с рынком. Правда, те же домбы стараются сейчас стать между бондо и рынком, но здесь их усилия гораздо менее успешны, чем в районе горных кхондов. Их сфера деятельности в племени ограничена в основном торговыми операциями – они приносят украшения, ткани, табак и другую мелочь и расчет ведут в зерне. Как и везде, домбы стараются обмануть бондо, и им это нередко удается. Но всякого рода мошенничество для домбов сопряжено с определенными опасностями. Если бондо заподозрят, что их обманули, они долго не раздумывают. Торговца-домба перехватывают в джунглях и грабят. Рынки, которые посещают бондо, находятся в нижних деревнях Говиндапалли и Мудалигаде. Поэтому у бондо рыночный день два раза в неделю: в воскресенье – в Мудалигаде и во вторник – в Говиндапалли. На рынок бондо приносят фрукты, зерно, салап, овощи. Здесь они не минуют цепких рук скупщиков, но кое-что остается и им самим. Почти каждый бондо что-то продает и что-то покупает. Конечно, суммы, пущенные в оборот, минимальные. Однажды я разговорилась в деревне Порейгуда с зажиточным бондо Будакришани. За весь прошлый год ему удалось выручить двадцать рупий. На них он купил соль, ткани, украшения и рис. Некоторые наиболее предприимчивые хозяева уже понимают необходимость иметь деньги, однако их ценность они пока еще представляют смутно. Нередко вырученные деньги немедленно тратятся на самые неожиданные и ненужные вещи.

Иногда бондо покупают на рынке скот. В каждой деревне есть немного свиней, коз, овец. Все это служит известным подспорьем в хозяйстве.

Несмотря на некоторые внешние влияния и связи, бондо сохраняют свой древний традиционный уклад жизни, собственную материальную

культуру. Казалось, чего проще, купить на рынке спички. Но бондо до сих пор добывают огонь с помощью трения бамбуковых палочек. Добыча огня – священнодействие, и никакие спички его заменить не могут. Сам Махапрабху научил бондо делать огонь.

… Были дни в племени, когда люди не знали, что такое огонь, и ели все сырым. И зерна риса ели сырыми, и овощи, и мясо убитых зверей. Однажды Махапрабху гулял по джунглям. Он провел там целый день и очень устал. «Дай-ка я отдохну», – подумал бог и уселся в тени ветвей бамбука, где было прохладно и приятно. Силы вновь вернулись к Махапрабху, и он почувствовал, что очень голоден. «Надо приготовить что-нибудь поесть», – решил он. Махапрабху взял две бамбуковые планки и стал тереть их. Через некоторое время из нижней планки выскользнул огонь. Махапрабху сварил себе на нем обед и двинулся дальше. Но даже боги могут быть рассеянными: Махапрабху забыл потушить огонь, и он веселыми языками стал лизать бамбуковые ветви. Они загорелись, и огонь побежал по джунглям. Дальше и дальше. Джунгли запылали. Все животные бросились спасаться. Но удалось спастись лишь немногим, и почти все изжарились в огне пожара. По мере насыщения огонь становился все меньше и меньше. Наконец он очень устал, последним языком пробежал по траве и спрятался в стволе бамбука. В это время в джунгли пришли бондо и увидели среди пепла изжарившихся животных. Они решили попробовать их мясо. Жареное мясо оказалось намного вкуснее того, что они ели до сих пор, и бондо захотели сами приготовить его таким же способом. Но как это сделать, они не знали. Люди смотрели вокруг, но ничего не находили. Тогда они закричали: «Где то чудо, которое сделало нашу пищу такой вкусной?» А огонь сидел в бамбуковом стволе и не отзывался. Но люди сами догадались, что бамбук не совсем обычный. Они отрубили две планки, потерли их друг о друга и поймали спрятавшийся огонь. Бондо принесли огонь в свои деревни, и с тех пор, когда он снова прячется в бамбук, они трут планки друг о друга и ловят его.

Делают это обычно трое мужчин. Один держит двумя руками нижнюю планку, двое других пилят ее верхней планкой. Не проходит и трех минут, как появляется огонь. Его бережно хранят в каждом доме. В любое время дня и ночи вы найдете в жилище бондо весело горящий очаг или тлеющие угольки.

Архитектура жилища племени – традиционная. Дома построены по одному «типовому проекту». Как правило, это хижины размером не более двадцати – двадцати пяти квадратных метров, рассчитанные на одну семью. Стены хижин сделаны из бамбуковых планок. Крыши крыты пальмовыми листьями или рисовой соломой. Окон нет, и хижины скудно освещены светом, попадающим только через двери. Даже днем из-за недостатка света бывает очень трудно разглядеть внутренние помещения. Вдоль передней стены дома тянется крытая веранда, в земляном полу которой находится углубление для очага. С веранды вход в комнаты хижины (комнат всегда только две). Стены внутренних комнат – глинобитные. Одна из этих комнат с очагом служит кухней и спальней. Здесь лежат циновки для спанья, а на длинной глиняной суфе стоят горшки и другая кухонная утварь. Вторая комната – кладовая. Там хранятся съестные припасы, примитивные сельскохозяйственные орудия, принадлежности для охоты: луки, стрелы, капканы и ловушки, плетенные из коры и ветвей сачки для ловли рыбы. Никаких иных предметов, кроме самых необходимых, в доме бондо найти нельзя. Многие вещи, которыми уже пользуются в деревнях в долине, бондо неизвестны. У меня были два зеркала. Я подарила их женщинам в Бондогуда. Сначала они не поняли, что это такое, но когда сообразили, то долго смеялись и рассматривали в зеркалах друг друга. В соседних деревнях узнали об этом и пришли посмотреть. Кончилось тем, что зеркала стали кочевать из деревни в деревню, вызывая одну и ту же реакцию – удивление и смех. Некоторые женщины так увлеклись этими загадочными предметами, что забыли о своей работе на поле. Муж одной из них отобрал у нее зеркало и понес ко мне с намерением вернуть его как предмет, отвлекающий жену от работы. Но по дороге он обнаружил его чудесные свойства и провел весь день, разглядывая собственную физиономию.

Антропологический тип бондо определить очень трудно. Среди них можно встретить людей с дравидскими чертами, а иногда даже и с монголоидными. Отличительная особенность женщин бондо – бритая голова, перевязанная узкой полоской бамбука. Почему женщины бондо бреют головы, объяснить трудно. Возможно, это когда-то имело ритуальное значение, но теперь традиции ритуала утрачены, и бондо не помнят о нем. Сохранилась такая легенда.

Когда-то Сита и Рама жили в джунглях страны бондо. Однажды утром Сита пришла искупаться в священном водоеме, который расположен близ Мудулипады, около большого баньянового дерева. Сита сняла одежду и обнаженная вошла в воду. В это время в кустах сидели женщины бондо. Они увидели Ситу. Как известно, женщины этого племени отличаются насмешливым и ехидным характером. Им показалось, что Сита очень смешно плещется в водоеме, и потом – видеть жену такого великого раджи без одежды еще смешнее. Женщины, конечно, захихикали. Сначала несмело и потихоньку, а потом стали громко и непочтительно смеяться. Сита услышала смех и не могла понять, что происходит. А женщины бондо выскочили из-за кустов, корчились от смеха и кричали:

– Ой, голая Сита! Посмотрите на голую Ситу!

Сита поняла, что смеются над ней, и глаза ее потемнели от гнева.

– Мунд-ланди, пхен-банди, – сказала она. – Пусть вы будете бриты сверху и наги снизу! Вот вам наказание за то, что вы смеялись надо мной.

Откуда-то выпрыгнул огонь и набросился на женщин бондо. Он сжег волосы на их голове и их одежду. Они остались совершенно голые. А Сита стала смеяться над ними. Женщинам бондо было очень стыдно. Они снова сели в кусты около водоема, не смея выйти оттуда, и очень плакали. Но Сита не была злой. Когда она увидела, как женщины бондо убиваются, она сжалилась над ними – оторвала узкую полоску от своей одежды и бросила ее женщинам.

– Эй, вы, не плачьте, – сказала Сита. – Вот возьмите эту полоску и обмотайте ее вокруг бедер.

Но тут Сита вспомнила обидный смех женщин, снова рассердилась и добавила:

– Носите только узкую полоску и сами ее тките. А головы брейте.

С тех пор женщины бондо бреют головы. И все знают, что Сита наказала их за насмешливый и ехидный характер. А вот мужчин за вспыльчивость еще никто не наказал… Но характер всего племени мне определенно понравился. Бондо держат себя свободно и независимо. Ни перед кем не унижаются и никому не прислуживают. Они хранят свое человеческое достоинство и не прощают незаслуженных обид ни своим, ни чужим. Бондо – одно из воинственных племен Индии. До сих пор они иногда совершают военные набеги на деревни нижних

бондо или гадаба. В этих военных экспедициях они смелы и находчивы.

На границах страны бондо высятся укрепленные стены. Они сложены из неотесанных камней. Их высота достигает полутора-двух метров. Эти своеобразные крепостные стены видели немало сражений в прошлом и до сих пор напоминают всем пришельцам, что бондо готовы всегда отстаивать свою свободу и независимость.

Тигр и Кобра

Последние лучи солнца розовым отсветом легли на вершины гор и через мгновение погасли. Ночной мрак быстро затопил долину и деревню Мудулипаду. Темные джунгли, казалось, угрожающе надвинулись на хижины. На ближнем поле затрубили в рог. Его странный и печальный звук пронесся над зарослями и взмыл куда-то вверх к звездному небу. В деревне запахло дымом. Хозяйки зажгли очаги. Их слабый желтоватый свет пробивался сквозь неплотные бамбуковые стены хижин. Бондо вернулись с полей и теперь сидят на корточках около большого мангового дерева. Мы разговариваем с Будамудули, а остальные внимательно слушают.

– Мы охотимся на бизонов, оленей, диких кабанов, – говорит Будамудули. – И еще ловим крыс и змей. Только кобру не трогаем.

– Почему? – интересуюсь я.

– Она наш родственник. Ее нельзя убивать.

– Какой родственник? – сразу не понимаю я.

– Наш бонсо пошел от кобры. Вся Мудулипада принадлежит к бонсо Кобры. И Димрипада, и Порейгуда тоже. И еще много деревень. И все это бонсо Кобры. Наш бонсо самый древний и поэтому стоит над всеми другими бонсо.

Если человек говорит, что он из бонсо Онтал[17], значит, кобра его родственник.

– А какие еще бонсо есть?

– Еще Килло – тигр. Есть бонсо Бхалу – медведь. И бонсо Голлари – обезьяна. Люди, которые принадлежат к бонсо Килло, Бхалу и Голлари, не трогают тигра, медведя и обезьяну. Эти звери людей тоже не трогают. Если человек из бонсо Килло встретит тигра, он должен сказать: «Не трогай меня, килло, я твой брат. Иди, иди, куда шел. Я тебя тоже не трону». Тигр и кобра – родственники, они были рождены вместе и вышли из одного гнезда, а от них и пошли бонсо Килло и бонсо Онтал.

Кто-то задвигался в темноте и кашлянул.

– Это ты, Хади? – спросил Будамудули.

– Я, – откликнулся тот.

– Ты самый старый и, наверно, помнишь, как родились Онтал и Килло.

Хадимудули снова кашлянул и подвинулся к нам поближе.

– Слушай, – сказал он, – как все случилось… Давно-давно, много лет назад, жила одна семья. И было в семье три сына. Старший и средний брат выглядели как все люди, а младший только наполовину был человеком. Голова и плечи у него были тигриные. Два других брата жили как все: посещали женский дом, любили девушек и привели с собой жен. А юноша-тигр всегда ходил один и всех сторонился. У него не было ни друзей, ни возлюбленной. Но он любил поесть и всегда старался это сделать первым. Однажды вся семья отправилась на поле, и в доме осталась только жена старшего брата. Она готовила обед. Первым с поля пришел юноша-тигр и попросил есть. Но жена старшего брата сама любила поесть. Когда она готовила еду, то сначала наедалась сама, а остатки отдавала семье. На этот раз младший брат ее мужа помешал ей это сделать, и женщина очень рассердилась. Она швырнула горшок с горячей пищей ему в голову и обожгла его. Юноша-тигр зарычал от боли, ударил женщину и убил ее. Потом он выпрыгнул из хижины через крышу и убежал в джунгли. Когда пришли родители, они увидели разбитый горшок, мертвую жену старшего сына и разрушенную крышу. Они догадались, что все это сделал их младший сын, и пошли разыскивать его в джунгли. Они долго его искали и наконец нашли, обожженного и стонущего от боли.

– Идем домой, – сказали они. – Мы облегчим твои страдания.

– Нет, – ответил младший брат. – Я больше не вернусь домой. Мой старший брат не простит мне смерти его жены. Он убьет меня. А вы идите домой. И если у вас случится какая-нибудь беда, я приду и помогу вам.

Родители не смогли уговорить юношу-тигра и вернулись домой ни с чем. На дороге их встретил старший сын. В руках у него были лук и стрелы.

– Долго же вас не было, – ухмыльнулся он. – Это ваших рук дело! Вы научили младшего брата убить мою жену. Я знаю, вы никогда ее не любили и строили против нее козни.

– Что ты! Что ты! – сказали испуганные родители. – Послушай, как все было.

Но старший сын не стал слушать. Он натянул тетиву лука и послал одну стрелу в отца, другую в мать. А юноша-тигр очень любил своих родителей. Когда до него дошла печальная весть о гибели их от руки старшего брата, гнев овладел им, и в гневе он был страшен. Юноша-тигр убил сначала весь скот, принадлежащий братьям, а затем и их самих. Но жену среднего брата, которая всегда хорошо к нему относилась, он пожалел и забрал с собой в джунгли. У них родился сын, который стал отцом людей бонсо Тигра.

– Вот какая история, – закончил Хадимудули. – Я знаю еще про бонсо Онтал, – добавил он.

– Расскажи, расскажи, – попросили его.

Темнота сгустилась настолько, что нельзя было различить ни лица рассказчика, ни лиц сидящих вокруг бондо.

– Так вот, – начал Хадимудули, – это тоже было очень давно. Никто не может сосчитать, сколько лет прошло с тех пор. Жили муж и жена, но у них долго не было детей. И только в конце жизни, под старость, жена родила близнецов – человека и кобру. Родители больше любили кобру, чем человека. Потому что кобра был старшим сыном и был красивым. Мать и отец никому не сказали, что у них есть такой сын. А кобра вырыл себе в углу хижины нору и жил там. Родители приносили старшему сыну из джунглей птенцов и птичьи яйца. Кобра очень любил такую еду. Поскольку кобра никому на глаза не показывался, то у него, как и у юноши-тигра, не было ни друзей, ни возлюбленной. А другой брат привел в дом девушку, и она стала его женой. Но он не сказал ей о своем брате. Он боялся, что жена испугается и не станет жить в одном доме с коброй. Однажды родители и младший брат ушли в джунгли. Дома осталась только его жена. Она решила привести хижину в порядок. Когда она подметала пол, кобра вылез из своей норы посмотреть, что делает жена его брата. Женщина очень испугалась и ударила кобру. Она ведь не знала, что кобра ее близкий родственник. А он не сдержался и укусил ее. Женщина умерла тут же на месте.

– Что я наделал? – закричал кобра. – Зачем я ее убил? Теперь брат отомстит мне за ее смерть. Он убьет меня.

И кобра быстро побежал в джунгли, вырыл там себе нору и спрятался в ней. Когда родители вернулись, они увидели мертвую женщину и стали звать кобру. Но он не откликнулся. Родители пошли в

джунгли и стали искать кобру. Они очень любили этого сына и поэтому, не найдя его, стали горько плакать. Кобра услышал плач, вылез из норы и спросил:

– Что случилось? Почему вы плачете?

Увидев кобру, родители очень обрадовались.

– Идем домой, – сказали они. – Скоро ночь, и тебе будет страшно одному в джунглях. А мы без тебя будем скучать.

– Но я убил жену своего брата, – ответил кобра. – Если я вернусь, мы будем с ним все время ссориться. И может быть, даже убьем друг друга. А если я буду жить в джунглях, мы останемся друзьями.

Старики согласились с коброй. И, как им ни было жаль с ним расставаться, они вернулись домой без него. Второму сыну они сказали:

– Сын, твой брат ушел жить в джунгли. Если ты встретишь его, не поднимай на него руку, не бей его и не наноси ему ран. Иначе ты умрешь, как умерла твоя жена.

С тех пор люди бонсо Онтал никогда не убивают кобру, а кобра щадит их. Потому что кобра наш брат.

Хадимудули поднялся:

– Становится холодно. Надо идти.

Кто-то поджег сухую ветку, и колеблющееся на ветру неверное пламя осветило сидящих под деревом братьев кобры…

Что такое бонсо? Это дошедшие до наших дней древние тотемистические роды племени. Возможно, они были матрилинейны. Две легенды, которые рассказал мне Хадимудули, не содержат никаких указаний на существование общей прародительницы для отдельных бонсо, – очевидно, патриархальные отношения, давно существующие в племени, уже сыграли свою роль и наложили отпечаток патриархальных взглядов и на древние легенды. О том, что бонсо были когда-то матрилинейны, заставляют думать определяющие родство термины. Эти термины возникли, вероятно, в период, когда бонсо были единственной родовой организацией бондо, и они не соответствуют фактическому положению в более поздних пат риархальных родах – *куда*. Меня удивило прежде всего отсутствие для родственных терминов бонсо абстрактного понятия муж и жена, а также наличие ряда одинаковых терминов. Например, братья женщины называются *мамунг* и мужья сестер мужчины – тоже *мамунг*. Сестры

женщины в зависимости от старшинства обозначаются словами *бусан бои* и *умбук бои*, эти же термины употребляются для жен братьев мужчины. Сестры мужчины – *ванг* и жены братьев матери – тоже *ванг*. Братья мужчины опять-таки по старшинству – *какка* и *бусан* и мужья сестер женщины – *какка* и *бусан*. Таким образом, можно прийти к заключению, что существовал материнский род, обычно состоящий из элементарной ячейки: женщина, ее сестры и братья (детей пока опускаю), то есть сама *юнг*, ее *мамунги* – братья, ее *бусан бои, умбук бои* – сестры. Каждый из мужчин в этом роду имел своих сестер, или *ванг*, и братьев – *какка* и *бусан*. Женщины и мужчины этого рода вступали в брачные отношения с представителями другого рода, но при этом сохраняли свою родовую терминологию и оставались такими, как они определяли себя в отношении к братьям и сестрам собственного рода. Так, братья женщины *мамунги*, становясь мужьями сестер какого-либо мужчины, оставались мамунгами, ибо специального термина для определения такого рода отношений еще не существовало. Сестры женщины, становясь женами братьев мужчины, оставались бусан бои и умбук бои и так далее. Сохранение терминологии собственного рода даже при вступлении в брак с представителями другого рода свидетельствует о том, что семья еще не сложилась и каждый индивидуум вне зависимости от того, мужчина это или женщина, продолжал принадлежать собственному роду. То, что женщина после вступления в брак продолжала оставаться в собственном роду и не уходила в род мужчины, – явный признак материнской организации рода.

В терминологии бонсо нет слов, означающих *дети отца*, а есть только термины: *сын матери*, или *маренгер, старшая дочь матери*, или *минг, младшая дочь матери*, или *куи.* Согласно традициям материнского рода, дети оставались в роду своей матери. Поэтому для мужчины этими терминами обозначаются дети его сестер, или племянники. Те дети, которые остаются в собственном роду мужчины.

Теперь эти роды распались, хотя их традиция еще остается, и заменены патрилинейными родами куда. Английский антрополог Верриер Элвин, приехав к бондо первый раз в 1943 году, провел среди них несколько лет. Результатом его исследований явилась обстоятельная монография «Горные бондо». Это одна из лучших работ не только по бондо, но и по индийским племенам вообще. Однако

Элвин склонен считать бонсо остатками дуальной фратриальной системы (то есть системы, состоящей из двух родов). Бонсо Тигр и Кобра, утверждает он, это две фратрии племени. Возражая Элвину, я хочу отметить, что у бондо есть и другие бонсо и сводить их только к двум не следовало бы. Конечно, остальные бонсо крайне немногочисленны, а следы некоторых из них находятся с трудом. Но по соседству с бондо можно найти ряд родственных племен, таких, как гадаба, где сохранились более многочисленные бонсо. Если считать бонсо фратрией, то необходимо найти роды, составляющие эти фратрии. Видимо, патриархальные куда выросли на основе бонсо, когда в племени произошла смена материнского рода отцовским. Но эти современные роды, или куда, не соответствуют бонсо ни в какой степени, ибо одни и те же куда можно найти и в бонсо Тигра, и в бонсо Кобры. Кроме этого, дуальная фратриальная система предполагает экзогамию, а, по данным самого Элвина, значительное количество браков происходит внутри самих бонсо. Так, он обследовал триста случаев женитьбы и выяснил, что в ста сорока двух из них браки были заключены внутри бонсо Кобры. Зато экзогамия патриархальных куда соблюдается очень строго. При этом же обследовании Элвину не удалось найти случаев ее нарушения.

Но все же что такое куда? Это патрилинейные роды, на которые сейчас делится племя. О возникновении куда бондо рассказывают такую легенду. Когда-то в горах Малайгири родились семь братьев и семь сестер. Братьев звали: Боднаик, Чаллан, Дангра-Манджхи, Киршани, Мудули и Сиса. А имя седьмого забыто. Все они пришли жить в эти горы, построили деревни и Боднаика выбрали вождем. Мудули стал старейшиной деревни Мудулипада. Чаллан помогал ему, Киршани служил проводником и встречал гостей. Дангра-Манджхи смотрел, чтобы молодые люди приносили гостям воду и дрова, Сиса работал жрецом. Потом, когда население Мудулипады выросло, каждый род решил построить свою деревню. Потомки Киршани стали жить в Киршанипаде, потомки Чаллана – в Чалланпаде. А те, кто принадлежал роду Мудули, остались в Мудулипаде. А потом трое пришельцев Дора, Джигри и Мандхара женились на женщинах бондо и положили начало каждый своему роду. Поэтому все племя бондо делится теперь на следующие куда: Боднаик, Чаллан, Дангра-Манджхи, Киршани, Мудули, Сиса, Дора, Джигри и Мандхара.

Действительно, имена некоторых куда совпадают с титулами членов деревенской верхушки. Так, боднаик – это старейшина деревни, ее глава. Чаллан – его помощник, данграманджхи наблюдает за молодежью, киршани – деревенский проводник, сиса – жрец. Старейшины деревень на своем совете утверждают вождя племени. Правда, у бондо это называется избранием. Дело в том, что должность вождя была когда-то наследственной и передавалась по женской линии, то есть от дяди (брата матери) к племяннику. Теперь старейшины собираются, чтобы утвердить или отвергнуть очередного претендента на пост вождя. Это своеобразное избрание происходит в месяц чойтропорбо (март – апрель), когда в стране бондо начинается сельскохозяйственный сезон. Все старейшины деревень, или наяки, приходят в Мудулипаду и решают вопрос о том, останется ли прежний вождь, или надо подумать о новом. Несколько лет назад вождем племени стал Будамудули, человек из куда мудули и из бонсо Кобры.

К имени каждого бондо прибавляется название куда. Имя бонсо члены племени должны просто помнить. Но с годами исчезнет и эта память. И о Тигре и Кобре расскажут только легенды…

Мир бондо. Культура больших камней

Прекрасна страна бондо. Куда ни бросишь взгляд, повсюду высятся синие горы. Густые, часто непроходимые джунгли тянутся на многие мили вокруг. Днем они полны звуков и красок, ночью становятся угрюмыми, и люди прислушиваются со страхом к шорохам и крикам их таинственной ночной жизни. Потоки прозрачной холодной воды низвергаются с гор и поят поля племени. Земля здесь щедра, и ее плоды кормят людей. Сезон сменяется сезоном. За сухими месяцами приходят дождливые. Сплошные потоки дождя обрушиваются на горы, джунгли, на жилища людей. И тогда гремит гром, сверкает молния и ветер поет свою песню. Но тучи уходят, и снова небосклон становится ярко-голубым. Тогда по нему катится ослепительный шар солнца. Его длинные руки-лучи пробуждают птиц, ласкают землю, уносят прочь ночные страхи. И люди радостно приветствуют солнце: «Ты встаешь, чтобы дать нам свет, и садишься, чтобы принести тьму». Когда среди звезд появляется сияющий диск луны, ночная тьма рассеивается. Луна заливает призрачным голубоватым светом горы и джунгли. Но свет этот холодный и не согревает зимними ночами.

Идут дни за днями, годы за годами, века за веками. Человек рождается, живет и умирает. Куда уходит он после смерти? Куда исчезли целые поколения предков? И они видели горы и джунгли, и им светило солнце и луна, и они слышали таинственные шорохи джунглей и завывание ветра. Они думали: откуда это все? Кто создал землю такой прекрасной? Кто дал жизнь людям? Кто уводит их в мрак загробного мира? И предки нашли всему объяснение. Бондо, живущие ныне, продолжают тоже думать, и у них складываются свои рассказы и истории. Иногда они представляют себе свой мир не совсем так, как их предки, и потому возникает много путаницы и неурядиц. Но бондо это не смущает. Все, что было и есть, все правильно. И разбираться в этом не стоит. Ну, а если некоторые пришельцы из чужого мира хотят понять, что к чему, и требуют определенности, то это их собственная забота…

Мир создал бог. Очень трудолюбивый бог Махапрабху. Он сотворил землю, солнце, луну, звезды, людей, а заодно и несколько десятков богов, чтобы самому не было скучно. И демонов, чтобы боги

не очень ленились. А вот далекие предки бондо, которые жили, когда еще матери положили начало бонсо племени, считали, что мир сотворила богиня Патхконда. И тут концы с концами не сходятся. Патхконда была главной богиней племени, матерью-землей. А Махапрабху – бог-солнце. И до сих пор некоторые в племени считают, что Патхконда – самая главная богиня.

Махапрабху появился позже, когда в роде главными стали отцы. Бог-солнце – мужчина, отец. Он сверг Патхконду. Однако есть в племени и такие «соглашатели», которые заявляют, что Махапрабху и Патхконда – одно и то же. Но разве может быть земля и солнце одним и тем же? Да и прошлое самого Махапрабху сомнительное. Ведь, оказывается, солнце было женщиной. Да, представьте себе.

Когда-то жили две сестры: луна и солнце, Арке и Синги. Или их еще называли Джонмати и Тансирджо. И бондо знают, почему солнце горячее, а луна холодная. Вот послушайте.

Две сестры, Тансирджо-солнце и Джонмати-луна, жили в одном доме. У каждой было по многу детей, но у Тансирджо было больше. Все, что добывали сестры, они делили поровну между детьми, не делая различия, чьи они. Однажды Тансирджо и Джонмати отправились в джунгли добывать пищу. Джонмати вернулась домой раньше сестры и принесла много съестного. Она посмотрела на все это и сказала детям: «Смотрите, как много я принесла сегодня. Но вы не получите больше, потому что я должна буду разделить эту еду с детьми Тансирджо». Однако же Джонмати была хитрая, и вот что она придумала. Завязала своих детей в пучок волос – от этого голова ее стала очень большой. Когда вернулась Тансирджо, Джонмати сказала ей:

– Я тут готовила еду и обожгла в очаге голову, она распухла и стала большой.

– А что же ты готовила? – спросила Тансирджо.

– Я испекла своих детей и съела их. Ты ведь знаешь, от них только сплошные неприятности и волнения. Они все время просят есть, и надо им приносить еду. Я так устала от них, что решила их съесть.

– Неплохая мысль, – сказала Тансирджо. – Действительно, они доставляют массу хлопот. Только и знаешь, что бегаешь в джунгли и ищешь для них еду. Я их тоже съем.

И Тансирджо быстро одного за другим съела своих детей. Луна только этого и ждала. «Теперь, – подумала она, – вся еда достанется моим детям» – и вытряхнула их живыми и невредимыми из волос. Тансирджо увидела все это и поняла, что сестра ее обманула. Она попыталась вернуть своих детей, но не смогла. Тансирджо охватил такой гнев, что лицо ее запылало и стало горячим как огонь. Она набросилась на сестру и начала ее бранить. Джонмати не вынесла всего этого, забрала своих детей и ушла из дома.

А гнев Тансирджо так и не прошел. И до сих пор каждый день ее лицо пылает, как раскаленные угли. А Луна от разлуки с сестрой стала печальной, бледной и холодной.

В одной очень древней легенде рассказывается, как Маха-прабху сотворил мир. Но и тут он не смог обойтись без женщины. Он убил ее за какую-то провинность. Из крови убитой был создан мир. Луна – это ее левый глаз, солнце – правый. Горы сделаны из ее костей, трава и деревья – из ее волос. После женщины остались близнецы, от которых пошли люди.

Так разные поколения по-своему осмысливали кардинальные проблемы верховного божества, создания мира и возникновения человечества. И в этом мировоззрении женщине отводилось основное место. Позже, со становлением патриархальных отношений, возникли иные взгляды.

Однажды я спросила Хадимудули:

– У луны есть родст венники?

– Есть, – ответил он уверенно.

– Кто?

– Сестра есть. Муж есть.

– Кто сестра?

– Солнце.

– А кто муж?

– Солнце.

– Как же так? Сестра и муж одно и то же? Кто же солнце, женщина или мужчина?

– Сначала женщина, а потом мужчина.

– А не наоборот?

– Нет, – сказал он твердо. – Не наоборот. Поскольку во всем этом разобраться трудно, то будем условно считать Великим богом

Махапрабху. Так вот, оказывается, Махапрабху сначала создал людей, а потом богов. Но когда появились боги, бондо не оказали им особенного уважения. Люди были заняты своими делами. Они обрабатывали поля, ели, пили, любили, танцевали. У бондо не было времени делать жертвоприношения богам и кормить их. Бесприютные боги скитались по джунглям и ели одни только фрукты, цветы и пили воду. От такой пищи они совсем отощали, и на них было страшно смотреть. А люди день ото дня становились все упитаннее и богаче. И так бы продолжалось и поныне, не вмешайся сам Махапрабху. «Этак люди совсем отобьются от рук, – размышлял бог. – Сегодня они не боятся богов и обращаются с ними как с безродными бродягами, а завтра перестанут бояться и меня. Надо что-нибудь сделать. Пусть люди часть своих богатств отдадут богам». Махапрабху призвал богов к себе. Видя, какие они голодные и тощие, он стал кормить их молоком и сахаром. Боги быстро поправились и повеселели.

– А теперь идите к людям и живите с ними, – повелел Махапрабху.

Среди богов возникло замешательство. Они переминались с ноги на ногу и не двигались с места.

– Вы слышали, что я сказал?

– Слышали… – уныло ответили боги.

– Ну так что же вы стоите? Идите.

– Но мы не хотим скитаться и голодать.

– Идите, идите! – прикрикнул на них Великий бог. – У меня есть один знакомый среди бондо. Его зовут Сети Сиса. Скажите, что я вас прислал. Он вас всех устроит.

Боги поплелись к Сисе. Их шествие напоминало приход полиции, когда у бондо случалось убийство. Сиса действительно позаботился о богах. Он дал каждому из них имя, определил, где кому жить, и велел бондо кормить их мясом и зерном, потому что боги растолстели на пище Махапрабху и не желали больше питаться фруктами и цветами. Люди начали кормить богов, а сами опять стали бедными. С тех пор боги живут там, где устроил их Сети Сиса.

Бурсунг, или Хунди, или Патхконда – мать-земля, была старой знакомой бондо. Она только по недоразумению затесалась в остальную компанию. Поэтому бондо оставили ее в своей деревне и в честь ее соорудили круглую платформу из камней – синдибор. Очень удобное жилище.

Маоли – бог, защищающий скот, поселился в лесу, потому что все беды для скота идут оттуда. А Маоли должен предупреждать эти несчастья. Богиню Синградж Сиса поместил в горный поток. С тех пор она живет там и шлет на землю дождь. Но если Синградж рассердится, то нашлет засуху, чесотку и язвы на все племя.

Кунда – бог гор и полей, там же он и обитает. Есть, правда, еще и богиня полей. Ее зовут Донгораде. Она очень давнишняя богиня: еще до того, как появился бог Кунда, она охраняла урожай от диких зверей. Ну, а теперь им приходится, видимо, уживаться вместе. Но это, собственно, их дело. Если Кунда рассердится, он может тоже наслать язвы, и лицо виновника распухнет. Мали Бебур – бог леса. Он следит в джунглях за тиграми, чтобы они вели себя прилично. Но если его не почитать, он напустит тигров на деревню.

Бангаур очень полезный бог. Он пасет в джунглях диких зверей. И если с ним дружить, то охота всегда будет удачной. Каранди – бог огня. Он в основном занимается различного рода поджогами. Если ему кто-нибудь не понравится, он может устроить пожар в его хижине или сжечь зерно.

Богиня Синобои поселилась в хижинах и охраняет зерно и съестные припасы, которые держат в доме. Богу Дагои не нашлось определенной работы, поэтому он занялся судьбами людей. Изредка, если у него есть настроение, он устраняет несчастья. Но среди этих богов, в меру добрых и в меру злых, есть четыре таких, с которыми лучше не иметь дела: Тхакурани Бакорани насылает оспу, Канкали приносит разрушение, Ганга Сабота заражает бондо гриппом и воспалением легких, Мата Бангта сеет холеру. Те, на кого обрушились милости этих богинь, поступают в распоряжение бога Гойгеко. Гойгеко – бог страны мертвых.

Когда-то боги были застенчивы и робки. Они безропотно слонялись по джунглям и довольствовались очень немногим. Но теперь, когда они поселились среди людей и обжились, их характер круто изменился. Они приобрели скверную привычку сердиться. Не накорми их как следует – сердятся. Не выполни какого-нибудь ритуала – тоже сердятся. Поэтому бондо приходится быть все время начеку: приносить в жертву богам рис, свиней, кур, овец, соблюдать все запреты и правила, предписанные богами. Если все это не выполнять, то неприятностей не оберешься. Например, в праздник Гиатгидж

вошел в деревню кто-то кроме жреца – наказывает бог Бурсунг, на следующий день сломали дерево до полудня – наказывает Маоли (он в этот день счастлив, танцует между деревьями и не желает, чтобы их ломали). Бог Кунда наказывает за то, что не усердно помолились и сели есть до того, как сделали ему подношение. Каранди – за то, что женщины уселись на синдибору, ритуальную каменную платформу, или чужой зашел в деревню. А богиня Синобои, если ее не накормить рыбой и крысами, откажется стеречь зерно, и его обяза тельно стащат.

Особенно сытной бывает пища богов во время праздников. В марте – апреле, в месяц чойтропорбо, бондо отмечают Гиат-гидж. Это начало сельскохозяйственного сезона. Во время праздника совершают церемониальный выжег леса для нового поля, идет ритуальная охота и сбор первых фруктов манго. Праздник длится десять дней, и в каждый из этих дней приносится жертва в честь определенного бога. Ибо, для того чтобы сезон был успешным, необходима помощь всех богов. Сиса – жрец – совершает церемониальную молитву и приносит жертву. Было время, когда бондо не знали такого праздника. Вот что однажды случилось.

Один юноша полюбил девушку. Но девушка была из его деревни и из его куда. По законам племени они не могли стать мужем и женой. Девушка любила юношу больше, чем он ее, и она умоляла его бежать с ней. Но юноша отказался. Он боялся суда своего племени и насмешек жителей деревни. Тогда он решил избавиться от возлюбленной. Юноша повел ее в джунгли, убил там и похоронил под деревьями. Через некоторое время из ее тела выросло манговое дерево. Цветы, которые украшали ее голову, стали цветами на дереве, а ее груди превратились в плоды манго. Юноша очень тосковал по своей возлюбленной и решил однажды посетить то место, где он ее похоронил. Придя туда, он увидел незнакомое дерево с прекрасными ароматными плодами. Юноша протянул руку, чтобы сорвать плод. Но дерево сказало: «Ты не должен пробовать моих плодов до тех пор, пока их не попробуют боги. Приготовь в мою честь большой праздник. Он будет называться Гиат. И в праздник накорми моими плодами богов». Манговое дерево объяснило юноше подробно, как проводить этот праздник. С тех пор бондо отмечают Гиат-гидж. Кроме плодов манго боги в этот праздник получают свиней, овец, коз. А Бурсунг, от

которой зависит плодородие земли, приносят в жертву самую вкусную живность – курицу.

В ночь полнолуния месяца магх наступает праздник Сусугидж. Утром, когда первые лучи солнца коснутся горных вершин, в честь самого бога солнца – Махапрабху приносится в жертву петух. Кровью жертвы орошают семена. А жрец обращается к солнцу с такой речью: «Джохар, Махапрабху! Пусть наши дети будут здоровы. Пусть наши семена будут плодородны. С тех пор как была создана земля, мы прославляем тебя. Мы приносим тебе дары. Если мы посеяли жменю, пусть мы соберем корзину».

В месяц пус (январь – февраль), когда собран урожай риса, приходит самый веселый праздник – Суме-гелирак. Очевидно, это очень древний праздник. Он тоже начинается в ночь полнолуния и длится десять дней. Суме-гелирак снимает все запреты. Юноши и девушки одной и той же деревни и куда могут флиртовать друг с другом и могут в эту ночь любить друг друга. Девушки крадут одежду у юношей, а те не остаются в долгу. В густых зарослях джунглей девушки расплачиваются за свое озорство. Шесть дней все племя танцует и приносит жертвы богам.

Богов кормят свиньями и петухами и в праздник Гевурсунг. Это праздник огней в месяц картик (октябрь – ноябрь). Он очень напоминает индусский праздник Дивали.

Боги бондо очень прожорливы и совсем объели людей. Поэтому людям приходится из-за них ходить на рынок и покупать им овец, свиней, кур. Жрец строго следит за тем, чтобы боги были довольны и сыты. Ведь каждый жрец в деревнях бондо – это потомок того Сети Сисы, который в свое время взял на себя ответственность устроить хорошую жизнь богам в племени. В каждой деревне при синдиборе есть свой жрец и его помощник. Жрец – главный эксперт по части жертвоприношений и молитв, должность его наследственная.

Боги – это еще полбеды. Есть еще духи умерших предков. Они очень беспокойны и тоже любят покушать. Духи бродят по джунглям и, конечно, не могут добыть себе там достаточно еды. А живые бывают заняты своими делами и иногда забывают о духах умерших. И зловредные духи стараются о себе напомнить, но делают они это весьма своеобразно. Возьмут, например, и нашлют на свое бывшее семейство болезнь, или уничтожат его урожай, или погубят скот. Вот

что случилось с Лачми Киршани, который живет в деревне Даттипада. Несколько лет назад у Лачми умер отец. Тело отца было кремировано по законам бондо. В первый день Лачми оставил покойнику еды, а потом через три дня, как предписывает обычай, снова накормил дух умершего. В течение года он почти каждый день приносил на место кремации рис и в годовщину смерти пожертвовал свинью. Но этого духу оказалось мало. Он взял и уничтожил урожай Лачми. Пришлось принести ему в жертву еще одну свинью. Дух успокоился и больше не трогал урожай. А потом умерла жена Лачми. И Лачми выполнил положенные церемонии. Жена, правда, и при жизни не отличалась покладистым характером, а когда стала духом, то повела себя совсем скверно. Она наслала болезнь на самого Лачми и его сына. Лачми как-то сразу догадался, что это дело рук духа его жены, и отнесся к своей болезни спокойно. Но жена его была не из тех, кто мог такое перенести. Уж если она сделала что-то, то должна была сказать об этом. И ее дух явился ночью к Лачми. Лачми до сих пор содрогается и зябко ежится при одном воспоминании. И с чего, вы думаете, она начала? Стала сразу же бранить Лачми. «Ты, – сказала она, – лентяй и лежебока, разлегся в теплой хижине, любуешься на моих детей и набиваешь свой желудок рисом и мясом. А я, – тут дух неподдельно зарыдал, – брожу бесприютная по джунглям, совсем голая, мерзну, голодаю, воды и той у тебя не допросишься. Никто меня не жалеет, никто не заботится. Вот заберу к себе сына, может быть, он посмотрит за мной». Лачми так и не успел вставить ни единого слова, как и тогда, когда жена была жива. Утром Лачми пошел на рынок, купил на последние деньги свинью и принес ее в жертву духу. Дух жены насытился, успокоился и даже раздумал брать к себе сына. Вот какие беды могут случиться с человеком, если он не почитает духов умерших.

Как выясняется, было время, когда в джунглях бондо не было духов умерших, потому что люди племени не умирали и жили на земле по многу лет. Но Махапрабху это не очень нравилось. Он был проницательным богом и подумал: «Что же это такое происходит? Все только рождаются, и никто не умирает. Ведь скоро и земли на всех не хватит. Надо что-нибудь сделать». Он отправился к богу смерти Гойгеко и сказал:

– Ты что же это совсем забыл о своих обязанностях? Почему у бондо никто не умирает? А ну-ка, займись этим.

Гойгеко послал своего гонца в племя. Но бондо убили его стрелами из луков. Тогда Гойгеко послал тигра. Бондо убили и тигра.

Махапрабху очень рассердился и закричал на Гойгеко:

– Какой ты после этого бог! Не можешь справиться с упрямым племенем! Они теперь над тобой смеются! Как ты допустил, чтобы над богом смеялись? Убирайся вон с моих глаз! Я сам теперь ими займусь.

Гойгеко не заставил себя просить и исчез. А Махапрабху вырвал из головы Ситы волос и превратил его в змею. Змея приползла в деревню бондо и заметила играющего ребенка. Она укусила его, и ребенок упал замертво. Мать увидела все это и убила змею. Но ребенок оставался мертвым. Так смерть пришла в мир бондо. Сначала в племени не знали, что делать с мертвыми, а потом стали их кремировать. Но этим дело не кончилось. Выяснилось, что у каждого умершего есть дух, или тень, которая ходит по джунглям, ее надо кормить (по большим праздникам жертву приносят не только богам, но и духам умерших). И есть душа. После кремации она спокойно отправляется в страну мертвых. Это большая деревня недалеко от дворца Махапрабху. Там души живут так же, как и живые бондо. Махапрабху решает, какой душе и когда вернуться на землю и в каком человеке или животном поселиться. Поэтому, когда бондо сжигают покойника, они не закрывают его лицо. Иначе душа умершего не вернется в страну бондо.

Боги давно не приходили в деревню бондо. И люди даже забыли, как они выглядят. Я как-то спросила вождя Будамудули:

– Что ты знаешь о жизни богов?

– Что я могу знать об их жизни? Я их не видел. Они все прячутся и не хотят показываться людям. Я могу рассказать только истории, которые пришли к нам от предков. Предки их видели, а я нет.

Такой рациональный подход мне очень понравился. Действительно, что можно рассказать о существах, которых не было и нет. Но жрецы с такой постановкой вопроса не согласны. Если только потому, что богов никто не видел, все решат, что их нет, то что же будут делать жрецы? И они заменили богов камнями. Ритуальные камни – это элементы одной из древнейших культур, которая получила название мегалита, или культуры больших камней. В Индии, особенно

на юге, эта культура стала достоянием археологов. А у бондо и у некоторых других племен она еще продолжает жить. Почти в каждой деревне на центральном месте есть круглая платформа, сделанная из больших неотесанных камней. Это – синдибор. Здесь же стоят обычно два вертикальных камня. Синдибор посвящен матери-земле. Все важные церемонии во время праздников совершаются у синдибора. На этих же камнях заседает совет деревни, и сюда приходят ее жители решать все важные вопросы.

За деревней Мудулипада стоит большое баньяновое дерево. Это тоже священное место. У подножия баньяна сложены камни. Когда я подошла посмотреть их, сиса Мудулипады попросил меня снять ботинки. Это мне напомнило обычай, существующий в индийских храмах. Сиса показал на камни и сказал:

– Это наши боги. А самая главная богиня – там, на баньяне.

Я посмотрела на баньян и ничего не увидела.

– Где же она? – спросила я.

– Она там, в ветвях, – ответил жрец.

– А это тоже камень?

– Нет, меч.

– Как, настоящий меч?

– Да, настоящий меч.

– Но откуда он у вас?

– Никто не знает. Но меч – наша богиня.

И действительно, узнать, откуда бондо взяли меч, нельзя. Они не помнят. Но меч и камни символизируют их богов. Меч достают для церемонии только по большим праздникам. Тут же рядом с баньяном расположена бамбуковая хижина. В ней в течение четырех-пяти месяцев в году живет сиса. Все священные места, как правило, отмечены камнями. На подходах к источнику Ситакоду, где когда-то купалась Сита, стоит семь вертикальных камней.

Если миновать священный источник и спуститься вниз с холма, то тут же в джунглях будет кладбище бондо. Оно тоже необычное. Здесь кремируют покойников трех деревень: Мудулипады, Порейгуды и Бандхгуды. Каждый бонсо имеет свое отдельное место. Мне показали место, где кремируют людей Кобры. Около небольшого деревца находилось несколько камней, сложенных в круг. В центре этого круга горкой высились пепел и обгоревшие кости. Я осторожно разгребла

пепел и обнаружила бусы, несколько металлических браслетов, наконечники стрел, скалившееся в огне лезвие кривого ножа. Все эти вещи обычно сжигаются вместе с покойником. Рядом было место для бонсо Тигра – такой же круг камней диаметром не более полутора метров. В восточной части круга был сделан небольшой проход. Толстый слой пепла устилал пространство между камнями. Тут же рядом лежал большой глиняный горшок. Я заглянула в него и увидела пепел и обгоревшие человеческие кости.

Места кремации бондо напомнили мне древние мегалитические погребения, столь характерные для Южной Индии, – круг камней, отмечающих место кремации или погребения, пепел, обгоревшие предметы, ранее принадлежавшие покойнику, а часто и урны, так похожие на круглый глиняный горшок, который я нашла рядом с местом кремации людей бонсо Тигра. Как объяснил мне сиса Мудулипады, место кремации может меняться. Новый круг камней укладывают рядом с деревом. Дерево должно находиться на западе, а напротив него делается проход в камнях. На кладбище я насчитала шесть мест кремации. Каждое из них было отмечено камнями. Только два места использовались по назначению, а четыре других были брошены. Продираясь сквозь заросли кустарника, я натыкалась все время на разбросанные повсюду камни. Некоторые из них еле виднелись из-под земли. Они были такие же, как и те камни, что использовались для своеобразных оград мест кремации.

– Сиса, – сказала я, – откуда эти камни?

– Эти камни от погребения предков. Ты видишь только шесть мест, где мы сжигаем покойников, а их было гораздо больше. С тех пор как появились первые бондо и была построена первая деревня Мудулипада, люди племени уходили отсюда в мир Гойгеко.

Я поняла, что кладбище за Мудулипадой – самое древнее в стране бондо, и если здесь провести раскопки, то можно найти много интересного.

– Сиса, а если бы на месте этих брошенных камней стали копать, что было бы? Духи умерших обеспокоились бы?

– Копай, – спокойно ответил сиса. – Только не трогай два места, где мы сжигаем своих умерших, а то тигр и кобра рассердятся и погубят тебя. А духи умерших предков и родственников не здесь. Идем, я тебе покажу.

Мы прошли через заросли, и на пригорке, невдалеке от полей, я увидела ряды вертикальных камней и маленькие, не больше метра, пирамиды, сложенные из камней поменьше.

– Вот эта пирамида Соньи Мудули, – объяснил жрец. – Она самая большая. Сонья Мудули был богатый человек. А вот рядом пирамида для женщины, которую звали Сукра Токи.

Около пирамид стояла каменная платформа.

– А это что? – спросила я.

– Это место для жертвоприношений духам умерших. Когда душа человека уходит в мир Гойгеко, а дух его бродит по джунглям, родственники в течение трех лет приносят сюда рис. Ведь духу тоже надо что-то есть. А когда три года пройдут, в день смерти человека в память о нем ставят камень или пирамиду. А здесь, – сиса показал на платформу, – приносят в жертву свинью, которую надо было откармливать все эти три года. Ну, а если кто-нибудь не даст духу свинью, дух нашлет на его семью несчастья. У него будет плохой урожай, скотина подохнет, и вообще в деревне будут плохие дела. Духи любят свиней. Свинья вкусная.

Но жертву богам и духам можно приносить и в священном лесу. Священный лес племени бондо расположен на восток от Мудулипады, в полумиле от нее. Здесь не разрешено рубить деревья или что-нибудь сажать.

Золотистые лучи солнца пронизывают яркую зелень леса. Причудливые жгуты лиан спускаются с гигантских деревьев. Трава здесь высокая и сочная. Веселые лужайки между деревьями усеяны крупными цветами. Пахнет медом, свежестью джунглей и еще чем-то незнакомым и пряным. Через лес течет звенящий ручей с прозрачной прохладной водой. Тысячи птиц населяют заповедные джунгли. Блестя всеми красками оперения, они прыгают с ветки на ветку, порхают по кустам, наполняя заросли своим многоголосым пением. Узкие, едва заметные тропинки вьются в траве, кружат около стволов деревьев, пробиваются сквозь густой кустарник. По этим тропинкам ходят люди племени бондо, их боги и духи умерших. Там, где тропинки пересекаются, вы найдете петушиные перья, козьи рога, разбитые кокосовые орехи. Это остатки трапезы богов и духов – жертвы в их честь. Когда заходит солнце, птицы в лесу умолкают. Но таинственный мрак, окутывающий священный лес, полон непонятных шорохов,

криков, стонов. Ночью бондо обходят лес стороной. Мало ли кто может встретиться… А утром священный лес снова становится прозрачным от солнца. Снова наполняется голосами птиц и медовым запахом цветов.

Прекрасен мир бондо, созданный природой. Но странен и своеобразен мир, созданный самими людьми древнего племени ремо.

Факелы в джунглях

Уже поздно. Мудулипада засыпает. Сегодня нет луны, и темные джунгли кажутся еще опаснее, чем обычно. Это время, когда звери выходят на охоту. Они осторожно пробираются во тьме в зарослях, выслеживая добычу. И только их глаза горят зелеными, желтыми и красными огоньками. Человеку очень неуютно в ночных джунглях. Где-то за деревьями кричат ночные птицы. Этот крик тревожен, а временами зловещ. И вдруг я вижу: со стороны священного леса движется огонек. Он то исчезает во мраке, то снова появляется. Рядом с ним возникает еще один, потом сразу два. Огоньки множатся и двигаются по направлению к Мудулипаде. Около меня бесшумно появляется чья-то фигура. Я всматриваюсь в темноту и с трудом узнаю Сонья Мудули, парнишку лет четырнадцати. Он напряженно слушает темноту и не отрываясь смотрит на огоньки. А они увеличиваются и растут, и теперь ветер доносит какие-то крики.

– Слушай, – говорит мне Сонья. – Это идут они. Я тоже пойду с ними.

– Кто они, Сонья? И куда ты пойдешь? Уже совсем ночь.

– Смотри, смотри! – не отвечает на мой вопрос Сонья. – Они уже совсем близко. Слышишь, они кричат?

«Дабаиле басури, дабаиле басури байде! – доносится до меня. И снова: – Дабаиле басури, дабаиле басури байде!» («Братья, идемте! Братья, идемте!»)

Разбуженное горное эхо отзывается со всех сторон: «… иле… ури… иле… ури… айде…»

– Дабаиле басури байде, – повторяет Сонья.

– Ты можешь мне, наконец, ответить, – обращаюсь я к нему, – куда идут эти братья и куда ты сам собрался?

– Они идут в селани-динго, в соседнюю деревню, – и исчезает, поглощенный темнотой, так же бесшумно, как и появился.

Загадочные огоньки постепенно приобретают определенные очертания факелов. Их пламя, колеблемое ветром, вырывает из темноты кусты, ветви деревьев, желтыми отсветами пляшет на обнаженных темнокожих телах. Прямо на меня из джунглей выходит группа юношей, человек пятнадцать – двадцать. Каждый из них в

одной руке держит факел, в другой – лук и стрелы. «Дабаиле басури байде!» – кричат они снова. Я подхожу к ним:

– Откуда вы?

– Из Ондраила, – отвечает мне сразу несколько голосов.

Я знаю, что деревня Ондраил расположена в пяти-шести милях от Мудулипады. Пройти ночью по джунглям такое расстояние – дело не шуточное. Да и впереди у них не менее трех миль.

– Куда идете?

– В селани-динго.

Факелы группируются и плывут мимо Мудулипады. Вот они снова превратились в блуждающие огоньки, один за другим поглощаемые мраком джунглей. И только ветер доносит, но уже совсем слабо: «Дабаиле басури байде!»

Все появилось и исчезло как сон. Факелы, наплывшие из джунглей, вооруженные луками и стрелами юноши, призывные крики: «Пойдемте, братья!» И только таинственное слово «селани-динго» звучит у меня в ушах. Слово, принесенное из ночи и ушедшее в ночь.

Утром я спрашиваю Будамудули:

– Что такое селани-динго?

– Любовь, – отвечает он. – Ты видела вчера парней из Онд раила? Ведь только любовь может заставить человека пройти долгий путь по ночным джунглям. Разве не так?

– Так-то так. Но что же все-таки селани-динго?

Будамудули опять смеется.

– Это дом, где ночью собираются девушки. А парни шли к ним в гости. Они провели там всю ночь и утром снова вернулись в свою деревню.

Потом я узнала, что у бондо существуют не только женские дома селани-динго, но и мужские – ингерсин. Оба этих дома являются центрами жизни неженатой молодежи. Ингерсин, по-видимому, только своеобразный организационный центр для юношей. Сюда они приходят, чтобы организовать очередной ночной поход в селани-динго. Зато в селани-динго юноши и девушки проводят ночь вместе. Членами ингерсин мальчики становятся с двенадцати лет. Существует строгое правило: можно посещать селани-динго только в деревне, не принадлежащей собственному куда. Девушки и женщины своей деревни – это табу. Бондо говорят: «Женщины нашей деревни – наши

матери и сестры». Правда, это не соответствует фактическому положению дел. Ведь женщина, выходя замуж, приходит жить в деревню мужа, и, следовательно, она не является кровным родственником мужчин этой деревни. Но правило распространяется и на нее. Вероятно, здесь сохраняются традиции древнего материнского рода, когда мужчины и женщины одного и того же рода жили в родовом поселении и действительно были кровными родственниками.

Селани-динго – это своеобразный брачный институт. Здесь девушки выбирают себе возлюбленных и проводят с ними ночи. Однако в помещении самого селани-динго супружеские отношения не допускаются. Юноши и девушки садятся вокруг очага, иногда поют и танцуют. Девушки угощают своих возлюбленных жареными крысами и салапом. Если юноша бывает слишком настойчив и несдержан, он может получить увесистый удар рукой, украшенной множеством металлических браслетов. Таким «оружием» девушка легко сбивает с ног мужчину. Однажды за деревней Мудулипада я встретила шестнадцатилетнего парня Сукрамудули. Он сидел на камне печальный и задумчивый. Через лоб Сукрамудули тянулась внушительная ссадина.

– Где это тебя так разукрасили? – спросила я.

– Моя невеста, – буркнул парень. – Я хожу к ней в селанидинго. Но она очень строгая, ничего мне не позволяет.

Отношения в селани-динго, видимо, очень сложные. Там зарождается любовь, которая всегда требует ответа. И ответы бывают разные. Иногда это сокрушительный удар, нанесенный безжалостной рукой в металлических браслетах, а иногда согласие пройтись со своим возлюбленным на прогулку в джунгли. Но тогда возникает трудная проблема. Надо уйти так, чтобы никто не видел, иначе остальные обитатели селани-динго пойдут за возлюбленными следом – им тоже интересно все видеть. В таком случае придется вернуться назад. Супружеские отношения до свадьбы у бондо не являются позором. В селани-динго мужчины проходят своеобразный испытательный срок на супружескую жизнь. Но не каждый испытание выдерживает.

Родители к выбору жениха или невесты отношения не имеют. Это дело самой молодежи. Патриархат еще полностью не установил здесь

своих традиций. В такого рода отношениях больше полагаются на древние законы материнского рода.

В Мудулипаде есть только дом для юношей – ингерсин, а селани-динго нет. Когда-то был и такой, но незамужних девушек на данный момент в деревне не оказалось, и селани-динго временно закрыли. А вот ингерсин действует. Это обычная, ничем не отличающаяся от других бамбуковая хижина с верандой, очагом и глинобитной суфой. Когда я пришла взглянуть на ингерсин, около него вертелись три холостяка. Это были мальчишки от двенадцати до четырнадцати лет. Двойные бамбуковые ленты перехватывали их лбы у самых корней волос.

– Здравствуйте, холостяки! – сказала я им.

Мальчишки засмущались, но не ушли. Старший из них, Сонья Мудули – ему было не больше четырнадцати лет, – тонким, мальчишеским голосом ответил:

– Здравствуйте.

– Это ваш ингерсин?

– Да.

И тут я в шутку спросила:

– Ну, а невесты у вас есть?

И к моему удивлению, тонкий голосок Сонья Мудули ответил:

– У меня есть девушка. Она из Ондраила. Я подарил ей свой браслет.

Я знала, что подношение браслета равносильно помолвке.

– И когда же ты женишься? – поинтересовалась я.

– В следующем году.

«В следующем году, – подумала я, – Сонье будет пятнадцать от силы. Сколько же лет невесте?»

Как выяснилось, невесте было двадцать два. Мне объяснили, что такое соотношение у бондо нормально. Как правило, девушки выбирают себе возлюбленных на шесть-семь лет моложе их самих. И поэтому брачный возраст юношей намного ниже, чем у девушек. У бондо часто можно видеть такие пары: мужу четырнадцать-пятнадцать лет, а жене двадцать один – двадцать два года, а иногда и больше. Супружескую пару Сомаболнаика и Шонкитоки я сначала приняла за старшую сестру и младшего брата. Потом мне сказали, что это муж и жена. Сомаболнаику только пятнадцать, а Шонкитоки – двадцать один.

У них в этом году родился сын. Женщины бондо супружеской верностью, особенно в первые годы своей семейной жизни, не отличаются. Они все же предпочитают мужчин постарше.

Ну, а в чем же причина такого несоответствия?

Шонкитоки довольно толково объяснила мне, что на этот счет думают женщины бондо.

– Слушай, – сказала она мне доверительно. – Это правда, что Сомаболнаик моложе меня. Ну, а если бы я взяла себе мужа такого, как я, или старше? Знаешь, что было бы?

– Нет.

Шонкитоки бросила на меня удивленный взгляд и продолжала:

– Мужа старше я должна сама слушаться. В нашем племени все слушаются старших. А Сомаболнаик моложе меня, и он слушается меня. Что скажу, то и делает. А потом я ведь состарюсь, кто будет работать для меня, кто будет кормить меня, если мой муж будет такой же старый и слабый, как я? Скажи мне, кто? А Сомаболнаик накормит меня в старости. Он будет еще молодым и сильным. – Шонкитоки снисходительно посмотрела на меня. – Поняла?

– Поняла.

В рассуждениях Шонкитоки была своя разумная логика. Многие женщины бондо, которых я расспрашивала потом, отвечали мне так же, как и Шонкитоки. О мужчинах они не беспокоились. Но те позаботились о себе сами. Они придумали многоженство. Молодому мужчине со старой женой трудно. Поэтому он берет себе вторую, помоложе. Обе жены прекрасно уживаются. В таких семьях скандалы очень редки. Правда, мужчине приходится содержать уже двух жен.

Если девушка и юноша сговорились о свадьбе, то родители начинают принимать деятельное участие в готовящихся торжествах. Жених должен дать выкуп за невесту. Размеры выкупа строго не установлены и зависят от благосостояния семьи жениха. Выкуп называется «пири». Это могут быть деньги, иногда больше ста рупий. За невесту также можно платить землей, быками, коровами, свиньями, зерном. Если жених несостоятелен, он отрабатывает положенный срок на родителей невесты. До сих пор у бондо практикуется похищение невесты. Это называется «губаи годо-рунгоне». Юноша собирает родственников-мужчин и друзей. Группой в двадцать – тридцать человек вооруженные луками и стрелами похитители нападают на дом

невесты. Защищать в таком случае девушку может только мать невесты. Если же в это ввязываются мужчины, то нередко похищение кончается кровавой схваткой.

Развод не считается в племени чем-то необычным. Если на разводе настаивает муж, то ему не возвращают выкуп, уплаченный за жену, если жена, то ее отец должен вернуть «пири» бывшему мужу дочери.

Как и в большинстве племен с пережитками ранней родовой организации, разведенная женщина или вдова может вновь выйти замуж. Но для этого она должна вернуться в селани-динго и снова выбрать там возлюбленного. А ее бывший муж опять пойдет ночью с факелом через джунгли в тот селани-динго, который ему больше по вкусу.

Деревни – грабители. Кровь за кровь

В этот день жители деревни Бодопада мирно работали на полях. Они даже не подозревали, что с ними случится через несколько часов. В деревне остались дети и несколько древних, согнутых годами и работой старух. Полуденный зной застыл над Бодопадой. Манговые деревья не давали достаточной тени. По деревне бродили изнуренные жарой облезлые собаки. Две старухи сидели под навесом и, с трудом поднимая тяжелые деревянные пестики, рушили падди. Время сбора урожая еще не наступило, и в деревне осталось совсем немного зерна. Его запасы уменьшались с каждым днем, и поэтому мужчины все чаще уходили в джунгли на охоту, а женщины собирали съедобные коренья. В других деревнях тоже было мало еды, и мужчины, заглушая голод, пили опьяняющий салап. Салап делал их счастливыми и воинственными. Горе тому, кто попадал им в это время под руку.

Неожиданно со стороны зарослей раздался резкий, пронзительный свист. Ему отозвался другой. Старухи, сидевшие под навесом, насторожились. Что-то недоброе и тревожное надвигалось из джунглей. Внезапно они наполнились множеством голосов. И из зарослей пьяной походкой вышло несколько мужчин. Их глаза возбужденно блестели, они были вооружены луками и стрелами. Увидев только старух, они закричали, и из кустов вынырнуло еще несколько десятков вооруженных воинов. Женщины замерли, они поняли, что сейчас произойдет неотвратимое, но сделать ничего не могли. Не обращая внимания на вопли старух, мужчины рассыпались по деревне и стали взламывать двери хижин. Они врывались в них, наскоро осматривали кладовые и забирали остатки съестного. Вся военная операция заняла не более получаса. Нагруженные добычей грабители, распевая победные песни, исчезли в джунглях. Снова, казалось, мирная тишина, наполненная зноем, водворилась в деревне. И только две старые женщины, в отчаянии причитая, метались по ней. Так Димрипада ограбила Бодопаду. Люди Кобры оставили без еды своих братьев по бонсо. Вечером на окраине Димрипады появились вооруженные бодопадцы. Но вся Димрипада уже доела на веселом пиру остатки награбленного. Воины вернулись в свою деревню мрачные и обещали при случае рассчитаться с грабителями.

То, что произошло в Бодопаде, не редкость в стране бондо. Примитивный грабеж – традиционное занятие некоторых деревень племени. Димрипада – одна из них. Грабительские экспедиции бондо предпринимают и против деревень других племен. Чаще всего страдают соседи – гадаба.

Так, однажды юноши из Катамгуда отправились в нижнюю деревню гадаба. Они вторглись в нее средь бела дня. Удар был молниеносен и неотразим. Жертвой налета были глиняные горшки, наполненные салапом. Захватчики опустошили их на глазах удивленных и возмущенных жителей. Но помешать бондо никто не посмел. Гадаба знали, что с воинами племени лучше не связываться. Расправившись с салапом, победители, сохраняя достоинство и присущую воинам бондо грацию, с невозмутимым видом прошествовали через деревню. Все девушки гадаба выскочили из хижин и проводили интервентов восхищенными взорами и криками. Но когда бондо скрылись в джунглях, жители набросились на девушек и обвинили их в открытом и бесстыдном сочувствии противнику.

Местный рынок – это тоже объект воинственных набегов бондо. Логика таких набегов проста и убедительна. Если у бондо кончились съестные припасы и нет денег, чтобы купить еду на рынке, то ее надо добыть в бою. На то в племени и есть мужчины-воины. В военных походах на рынки участвуют и деревни-грабители, и более мирные поселки. Когда на рынок вторгается толпа бондо, вооруженная луками, стрелами и топорами, торговцы в панике спасают мешки с рисом, волокут туши мяса, набивают за пазуху овощи и фрукты, отступают в беспорядке с лотками сладостей, тканей и украшений. Вопли торговцев о помощи сливаются с победным кличем воинов бондо. Но задерживаться в таких случаях опасно. Успех набега – в его молниеносности. Полиция может нагрянуть с минуты на минуту, и тогда воинам несдобровать.

С полицией бондо знакомы хорошо. Полицейские не понимают бондо: добычу они считают грабежом, а кровную месть – убийством. И за все это по законам правительства, которое живет где-то далеко в долине, полагается наказание. Откуда взялись полиция и правительство, понять трудно. Но ведь не зря Великий бог Махапрабху имеет касательство ко всему, что связано с племенем. Если есть

правительство, полиция и белые сахибы, то это явно дело рук Великого бога. Вот что бондо об этом рассказывают.

Махапрабху прислал на землю правительство, раджей, полицию и сахибов. Люди жили мирно, потому что они боялись полиции. Но звери никого не боялись, они убивали и ели друг друга. Увидя такое безобразие, Махапрабху задумался. А потом решил, что все это происходит оттого, что у зверей нет чиновников и некому поддерживать порядок. Бог посмот рел на свои руки, они были грязны. Он взял грязь с правой руки и сделал красную обезьяну. Он назначил ее сахибом-раджой – ведь у сахибов всегда красные лица. Из грязи с левой руки он сделал большую черную обезьяну. «Ты будешь полицией», – сказал он ей. Из пыли, что покрывала ноги бога, Махапрабху сделал дикую собаку. Он велел ей быть резервной полицией. Затем Великий бог собрал всех зверей и сказал: «Вот вам ваш сахиб-раджа, ваша полиция и ваша резервная полиция. Если вы будете озорничать и безобразничать, они вас накажут и резервная полиция будет в вас стрелять». Вот почему звери боятся дикую собаку. А обезьяны, когда увидят тигра, начинают болтать, как будто докладывают полиции.

С полицией бондо приходится иметь дело часто. Характер у них вспыльчивый и непримиримый, и ссора нередко кончается убийством. Поэтому в Мудулипаде и был учрежден полицейский участок. Но ссоры и убийства – дела чисто мужские. Убить женщину – значит навлечь несмываемый позор на свою голову. Это грозит изгнанием из племени. Вот почему женщины бондо обычно выступают в качестве миротворцев. Они разгоняют ссорящихся, растаскивают драчунов, снабжая их увесистыми тумаками. Но не всегда эта мирная миссия приводит к успешному результату. Подчас сами женщины бывают причиной раздоров и убийств.

Вот что недавно случилось в деревне Бондогуда.

Несколько лет назад Лачми Джангара-Манджи женился на Будаи-токи из деревни Барбел. Они жили довольно мирно, но Будаи-токи отличалась весьма своенравным характером. Когда наступил в этом году сезон сбора урожая, Будаи-токи захотелось пойти в свою деревню проведать родителей.

– Жена, – сказал Лачми, – мы сейчас собираем урожай, и каждый день дорог. Если ты уйдешь, я один не справлюсь.

– Но я давно не видела своих родителей, – возразила Будаи-токи. – Я пойду к ним.

– Я уже сказал, что мне будет трудно и мы не успеем вовремя собрать урожай.

– Значит, ты меня не пускаешь?

– Нет.

– Ладно. Но ты еще об этом пожалеешь, – сказала с угрозой жена.

Ночью, когда утомленный тяжелой работой Лачми заснул, Будаи-токи незаметно выскользнула из хижины. Она добралась до своей деревни и рассказала отцу и братьям о случившемся. Те стали на ее сторону. Всю ночь Барбел гудела как потревоженный улей. А утром сто мужчин и женщин деревни отправились в Бондогуду. Они решили расправиться с обидчиком. Но Лачми, не обнаружив жены, уже заподозрил неладное и был настороже. Когда он увидел приближающуюся к его полю толпу, то спрятался в джунглях. Его брат побежал за полицейским. Тот подоспел вовремя и увидел, как толпа разъяренных земляков Будаи-токи преследует обессилевшего Лачми. Полицейский выстрелил, и преследователи рассеялись. Потерявший силы Лачми упал на заросшую травой тропинку и долго не мог подняться. На этот раз опасность миновала. Но Будаи-токи не вернулась домой, и Лачми чувствовал, что это неспроста. В этот день он принес в жертву духам предков петуха и просил защитить его. Он каждый день и каждую ночь тревожно прислушивался к шорохам в джунглях, ожидая нападения отовсюду. Любые крики и шум его пугали. Он вспоминал свое бегство через заросли и возбужденные лица преследователей. Он боялся, что они вернутся. Но смерть пришла по-другому. Без шума, крика и погони. Вечером она вкрадчиво постучала в дверь его хижины. Лачми открыл и увидел на пороге мужчину.

– Входи, – сказал ему Лачми.

– Твоя жена беспокоится о тебе, – начал вошедший, – и послала меня посмотреть, как ты живешь.

– А она обещала вернуться? – спросил Лачми.

– Она вернется завтра, – недобро усмехнулся посланец.

– Пусть скорей приходит. Работы много.

– Придет. Но я очень устал. Путь сюда, ты знаешь, нелегкий. Я не смогу вернуться сегодня.

– Оставайся ночевать.

Гость остался. В жизни Лачми это была последняя ночь. Утром его нашли с перерезанным горлом. Посланец «доброй воли» исчез. Никто в Бондогуде не опознал ночного гостя. Ну что же, тем лучше. Теперь Бондогуде будет мстить Барбелу за смерть Лачми. Ибо в стране бондо действует неумолимый закон: кровь за кровь, смерть за смерть. Родственники мстят за убитого. Если не успели отомстить при жизни одного поколения, это сделает другое. Кровавое слово «месть» передается от деда к отцу, от отца к сыну. «Кровники» выслеживают друг друга в джунглях, охотятся на человека как на дикого зверя. Закон племени беспощаден, и его надо соблюдать. Жизнь того, кому мстят, превращается в ад. Он ждет смерти отовсюду. Она может вылететь отравленной стрелой из зарослей, обрушиться топором на согнутую в поле спину, пробраться в хижину ночным гостем, войти в тело ножом во время ритуального танца, стать неотвратимо перед лицом в споре. Это ожидание изматывает и обессиливает человека, превращает его в неврастеника и сламывает морально. Вот почему человек, отомстивший очередному «кровнику», предпочитает тюрьму такому ожиданию. И тогда мститель, исполнивший долг перед своим родом, несет голову своей жертвы в полицейский участок. Голова – это улика и неопровержимое доказательство вины. И полиции не отвертеться. Приходится арестовывать убийцу. Иногда тюрьма страшнее, чем смерть. Иногда наоборот. Для кого как…

Но кровная месть не единственная причина убийств в племени. Есть и другие причины. Деревня Порейгуда рядом с Мудулипадой. Я живу в Мудулипаде, но часто хожу в Порейгуду. В этот так запомнившийся мне день я сидела под навесом, где Лачми-токи и Мангли-токи рушили падди. С ними я выясняла кое-какие еще не ясные мне детали жизни Порейгуды. Временами, отрываясь от работы, они курили мои сигареты. Солнце медленно ползло к горизонту, длинные тени деревьев исчертили единственную улицу в деревне. И вдруг раздался отчаянный, душераздирающий крик. На мгновение наступила какая-то зловещая тишина, а потом крик повторился снова. Мы вскочили. В конце улицы показался Шукракиршани. Он шатался и кричал. Все, кто был в деревне, бросились к нему. Сначала никто ничего не мог понять. Но Шукракиршани собрался с силами и выдохнул:

– Там. Убили, – и махнул рукой по направлению к саговым пальмам.

Все бросились туда. У пальм уже стояла застывшая в напряженном молчании группа мужчин. Увидев меня, они расступились. На земле ничком лежало распростертое тело брата Шукракиршани. Голова как-то неестественно была повернута в сторону. Под левой лопаткой торчала оперенная стрела. Из-под древка алой тоненькой струйкой стекала кровь. И тут я услы шала какие-то судорожные всхлипывания. У ствола пальмы, бессильно прислонившись к нему спиной, стоял серый от бледности отец Шукракиршани. Убили сына, и горе отца мне было понятно. Но почему-то окружающие не смотрели на него, и никто ему не сочувствовал. Это было странным. Появился снова Шукракиршани, и сдержанный ропот пронесся по толпе. Шукракиршани судорожно хватил ртом воздух и закричал:

– Пойдем в полицию! Ты – убийца! – и бросился к отцу.

– Не тронь меня, – тихо сказал тот. – Я сам пойду.

И тут я поняла, что отец убил сына.

Он с трудом оторвался от ствола пальмы и пошел. На лицах бондо я увидела выражение ужаса и отвращения. Видимо, люди никогда не могут привыкнуть к убийству, даже в таком племени, где они часты.

Пришел полицейский и осмотрел труп.

– Ну не меньше двадцати лет заработаешь, – обернулся он к отцу Шукракиршани. Тот выслушал его спокойно и равнодушно. Предсказание полицейского оправдалось. Убийца получил двадцать лет тюрьмы. Но об этом я узнала уже намного позже.

У каждого мужчины бондо есть своя саговая пальма. Только владелец имеет право пить ее салап. На пальмах висят глиняные горшки, где скапливается сок. Брат Шукракиршани был большой любитель салапа. Утром того злосчастного дня он опустошил свой горшок. Днем снова полез на пальму, но увидел только осадок на дне. Рядом стояла пальма, принадлежавшая его отцу. Парень оглянулся, но ничего подозрительного не заметил. Отец, видимо, был в поле. Жажда мучила его, и он все смотрел на горшок на отцовской пальме. А потом решился. Отец вернулся неожиданно и увидел, как сын пьет салап на его пальме. Его драгоценный салап. Салап, который был нужен ему самому. Гнев ослепил его, и рука сама потянулась к луку. Он спустил тетиву и увидел, как сын, раскинув руки, падает с дерева. Тело с

глухим стуком ударилось о сухую землю. И тогда закричал неизвестно откуда взявшийся Шукракиршани…

В. Элвин в своей книге «Горные бондо» приводит интересную статистику. За восемь лет – с 1936 по 1944 год – в племени произошло двадцать семь убийств. В результате шесть человек были приговорены к смерти и девятнадцать – к различным срокам тюремного заключения. Останавливаясь на причинах убийств, Элвин отмечает: в одном случае причиной послужила домашняя ссора, в четырех – кровная месть, в десяти – ссора из-за имущества, в четырех – пьяная драка, в двух – ссора после возвращения с рынка.

Трудно сказать, много это или мало. Ведь одно убийство – смерть близкого человека, это много для его родственников. Мне не удалось достать более поздней статистики. Но по-видимому, сейчас происходит не более двух-трех убийств в год.

Приключение в Димрипаде

То, что Димрипада принадлежит к числу деревень-грабителей, ни я, ни Мисра не знали. Нам стало об этом известно несколько позже. А в тот день мы спокойно отправились туда. От Мудулипады до Димрипады нам предстояло пройти около пяти миль через джунгли. Мы решили выйти пораньше, чтобы обратно вернуться засветло. Священный лес в это утро был особенно красив. Яркая свежая зелень, аромат цветов, пение птиц. Узкая тропинка петляла в зарослях, и нам приходилось с трудом пробираться через кустарник и протискиваться между стволами деревьев. Мы отводили в стороны лианы, и с них на нас сыпались черные кусачие муравьи. За священным лесом открылась поляна.

– Будьте осторожнее в траве, – предупредил Мисра. – Здесь могут быть кобры. А мы ведь с вами не из бонсо Кобры, и надеяться, что она нас не тронет, не приходится.

Поляну мы миновали благополучно. Братья людей из бонсо Онтал, видимо, были заняты своими делами. Мы продвигались сравнительно быстро, стараясь сберечь драгоценное время. Наконец тропа стала расширяться – верный признак того, что недалеко деревня. На тропе стояло странное сооружение из камней. На большой камень был положен плоский, а рядом стоял вертикальный. На плоском лежал

небольшой камешек. Мисра взял камешек и постучал им по плоскому камню.

«Дзинь, дзинь, дзинь», – отозвались джунгли.

– Сейчас будет деревня Бодопада, – сказал Мисра, – а это бугдингер. Каждый идущий в деревню с мирными намерениями должен предупреждать о себе стуком этого камня. Таким же образом бондо передают и новости от деревни к деревне.

Бодопада оказалась приблизительно в четверти мили от бугдингера. В деревне нас встретили несколько мужчин и дети. Женщин не было. Они, очевидно, работали на полях. Мы присели отдохнуть, и рядом с нами примостился один парень. Он отличался от других тем, что на нем была рубашка. Правда, спина в ней отсутствовала, но зато перед был цел.

– Меня зовут Сомачаллан, – представился парень. – А вы к нам в гости?

– Нет, мы идем в Димрипаду.

– В Димрипаду? – удивленно протянул парень. – Но ведь они…

– Что они? – насторожился Мисра.

– Нет, ничего. Вот посмотрите, какую я жирную крысу поймал. – И Сомачаллан извлек ее из нагрудного кармана.

– А что ты будешь с ней делать? – спросила я.

– Сварю и съем. Хочешь? Я быстро ее приготовлю. Она будет вкусной.

– Но мы спешим в Димрипаду, – уклонилась я от прямого ответа.

– А когда вернешься?

– Часа через три.

– Ну, вот я к тому времени и приготовлю ее. Поешь на обратном пути.

– Хорошо, – обреченно сказала я.

И Сомачаллан побежал свежевать крысу.

Когда мы вышли из Бодопады, я спросила Мисру:

– Есть какая-нибудь другая дорога обратно, не через Бодопаду?

– Что, – засмеялся Мисра, – не хочется есть крысу?

– Нет.

– Но другой дороги нет. К сожалению, вам придется отведать угощения.

Я затосковала.

Мили через две мы увидели Димрипаду, расположенную в небольшой лощине между двумя горами. Перед деревней на бамбуковых помостах лежали аккуратно сложенные снопы раги. Так бондо хранят необмолоченное зерно. Склон горы около Димрипады был укреплен стеной, сложенной из необработанных камней. И хотя стена была невысокой, она явно походила на крепость. Сходство усиливалось тем, что вдоль стены тянулся неглубокий, заросший травой ров.

– Н-да, – задумчиво произнес Мисра, – деревенька не из мирных. Тут вряд ли нас будут угощать крысами.

За крепостной стеной сразу начиналась Димрипада. Ее крытые рисовой соломой хижины – не менее пятидесяти – были разбросаны в зарослях хлебных и манговых деревьев. То там, то здесь виднелись узорчатые листья саговых пальм. Деревня встретила нас настороженным выжиданием. Никто не вышел к нам навстречу. На краю деревни под навесом из пальмовых листьев работал кузнец – камар. Он сосредоточенно, не поднимая головы, ковал топор.

– Здравствуй! – сказал ему Мисра.

Но кузнец пропустил приветствие мимо ушей и продолжал стучать по раскаленному лезвию топора. Наконец он нехотя оторвался от работы и, буравя нас маленькими глазками, буркнул:

– Чего надо? Зачем пришли?

– Посмотреть, как ты работаешь.

– Нечего тут шляться. Все равно ничего не покажу.

На все наши вопросы камар отвечал угрюмым молчанием и больше не поднимал головы. В это время к кузнице подошло несколько мужчин. В приветливости они не уступали кузнецу.

– Не нравится мне эта деревня, – шепнул Мисра. – Здесь что-то неладно.

И действительно, в Димрипаде было что-то неладно. Я вспомнила затаившуюся тишину Мудулипады, но то, что происходило здесь, ни в коей мере не напоминало первой встречи там. Видимо, Димрипада задумала недоброе дело. И это делало людей иными, чем обычно. Что-то тревожное и темное затаилось в их глазах. Какие-то еще неясные для меня инстинкты руководили их поведением, прорываясь в резких коротких фразах, в наглых и бесцеремонных взглядах, в странной жестикуляции. Но когда я увидела батарею глиняных горшков,

выстроившихся посередине деревни, я поняла, что Димрипада пьяна. И пьяна самым жестоким образом. Благословенный салап сделал свое дело. Мисра начал нервничать. Чуть поодаль стояла группа мужчин. Они тихо переговаривались и, ухмыляясь, посматривали в нашу сторону. Все это не сулило ничего хорошего.

Затем один из них отделился и нетвердым шагом направился к нам.

– Деньги, – сказал он коротко.

– Что деньги? – не поняла я.

– Давай деньги, – зашумели вокруг.

– У нас нет денег.

– У белых всегда есть деньги. Давай.

Мисра стал им что-то быстро объяснять. Они слушали его угрюмо и неохотно, бросая односложные реплики.

– Это бесполезно, – повернулся ко мне учитель. – Они хотят нас ограбить. Давайте уходить, пока не поздно.

– Не будем только спешить, – сказала я.

– Да, – согласился Мисра. – Если они увидят, что мы боимся их, все будет кончено сейчас же.

Нескорым, ленивым шагом мы направились к тропинке, ведущей в джунгли. Вокруг заволновались.

– Давай деньги, – раздались опять крики.

Мисра решительно сказал им несколько слов, которые он мне потом не хотел перевести, и это, очевидно, удержало бондо на какое-то время от немедленной экспроприации нашего имущества. Несколько человек бросились в хижины. Не прибавляя шага, мы благополучно миновали крепостную стену, но тут появились луки и стрелы. Хорошие тугие луки и стрелы с длинными и острыми как нож наконечниками. Вся компания взгромоздилась на стену и закричала:

– Давай деньги! Будем стрелять!

Наши спины были прекрасной мишенью для них. И я себе очень отчетливо представила, как выпущенная опытной рукой воина бондо стрела вонзается под мою левую лопатку. И сразу в этом месте болезненно засвербило. Ощущение всего тела пропало, и осталась только спина, которую ни спрятать, ни прикрыть. И это чувство собственной спины становилось мучительно-нестерпимым. Вот так идти, не видя, что делается сзади, и ждать каждое мгновение стрелы я

не смогла. «Лучше пусть в лицо, в открытую», – мелькнула мысль. Я остановилась и повернулась к деревне.

– Что вы делаете? – выдохнул Мисра. На его лбу блестели мелкие капельки пота.

– Я вернусь, не могу, когда целятся в спину.

Мисра сжал зубы, и мы направились снова к бондо.

Увидев нас, они на мгновение остолбенели. Луки, приготовленные к бою, опустились. Только одна стрела, неосторожно сорвавшаяся с тетивы, вонзилась в ствол ближнего дерева. Оперенное ее древко, часто дрожа, мелодично зазвенело. Мы подошли ближе, и я сказала:

– У меня нет денег, но есть сигареты. Хотите?

– Хотим, – ответили растерявшиеся разбойники.

Они положили луки на стену и потянулись к пачке с сигаретами. Прикурили. «Эге, – подумала я, – видно, с примитивными бандитами легче договориться, чем с цивилизованными. На этих, может быть, хоть сигареты подействуют». Первые затяжки принесли свои результаты. На лицах, до этого угрюмых и решительных, появилось некое подобие улыбки. Произошла какая-то мгновенная и неожиданная разрядка. Видимо, и для бондо убить человека не так просто, как это думают некоторые.

– Давай деньги! – вдруг снова крикнул кто-то. Но его не поддержали.

– Идемте, – сказала я Мисре.

– Да, не стоит задерживаться.

Мы поднялись на гору и вошли под прохладный свод джунглей. Димрипада осталась где-то внизу. Мы шли и молчали. Каждый думал о своем и переживал случившееся. Через милю я почувствовала легкую дрожь в ногах и поняла, что только сейчас до меня дошла реальная опасность события в Димрипаде.

– Давайте отдохнем, – предложила я безразличным тоном.

– Давайте, давайте, – радостно подхватил Мисра. – А то у меня ноги стали какие-то тяжелые. Все-таки мы хорошо сделали, что вернулись. И как это вы догадались? Вы знаете, если бы мы продолжали идти, они бы нас определенно пристрелили. Могли, конечно, и промахнуться. Но тогда бы они нас перехватили в джунглях. Ведь здесь на сто миль вокруг никого нет. Ну и история! Но

мы с вами выпутались. А может быть, и нет. Ведь сколько еще идти. Все может случиться.

– Не думаю. Вы видели их лица?

– Да, лица, – задумчиво сказал Мисра. – А все-таки бондо неплохие люди.

На том мы и порешили. И двинулись дальше. Уже показались хижины Бодопады, когда я вдруг вспомнила о крысе. Но особой тоски это воспоминание теперь почему-то не вызвало. «Ну что ж, – решила я, – что стоит мне после всего случившегося съесть крысу». И я храбро вошла в Бодопаду Но деревня была пуста. Мы обошли все хижины, однако никого не нашли. Разбросанные вокруг предметы домашнего обихода свидетельствовали о внезапном и поспешном бегстве жителей.

– Что случилось? – удивилась я.

– А то, что жители Бодопады узнали о готовящемся на нас нападении. Видели бугдингер? Вот димрипадцы их и предупредили.

И действительно, когда мы находились в Димрипаде у кузницы, я слышала отрывистые и тревожные удары камня.

– Бодопадцы боятся полиции, – заметил Мисра. – Их бы вызвали в качестве свидетелей, и еще неизвестно, чем бы все это для них кончилось. Вот они и скрылись в джунглях.

Новость была не из приятных, и мы поспешили покинуть деревню. До Мудулипады мы добрались уже в конце дня. И когда ее хижины появились перед нашими глазами, я поняла, что все приключения и опасности теперь действительно остались позади…

Будамудули – вождь бондо

Будамудули уже два года вождь племени бондо. Небольшого роста, коренастый, с мрачноватым взглядом, он медленно выговаривает слова, тем самым придавая им необходимую значительность. Моя первая встреча с ним была несколько необычной. Я пробиралась поздно вечером в кромешной тьме к своему домику. В таких случаях всегда нужен фонарь, и он у меня был. Внезапно на тропинке передо мной возникла фигура человека. Я осветила его фонарем, и он прикрыл глаза рукой. Человек держал великолепный лук, оплетенный тонкими полосками кожи. Середина его была обтянута тигровой

шкурой. Я остановилась, не в силах отвести взгляда от этого уникального лука. И только некоторое время спустя я заметила, что человек также пристально смотрит на мой фонарь.

– Обменяемся? – спросила я.

Владелец лука взял фонарь, щелкнул несколько раз выключателем, посветил на кроны ближних деревьев и прищелкнул от удовольствия языком.

– Возьми лук, – сказал он. – Но знай – это все равно что я отдал тебе жену.

– Что же, ты теперь остался без жены?

– Да нет, – засмеялся он. – У меня дома есть еще две жены. Настоящие. Но лук был самой любимой женой.

Я подумала, что, будь у меня автомобильная фара, он, очевидно, отдал бы за нее в придачу к луку и своих настоящих жен.

Так состоялось наше первое знакомство. На следующий день я узнала, что стала обладательницей лука вождя племени бондо. Теперь, как только становилось темно, вождь брал фонарь, выходил за деревню в заросли и начинал светить в разные стороны. Я со страхом наблюдала за этими развлечениями. Я боялась, что кончатся батареи и тогда мне придется вернуть лук Будамудули. Но фонарь с честью выдержал испытание.

Потом я познакомилась с обеими женами Будамудули. Это были уже немолодые женщины, явно старше вождя. У каждой из них в просторной хижине Будамудули было по отдельной комнате. Вождь соблюдал строгую и справедливую очередность в посещении своих жен. Жены не ссорились и каждое утро дружно шли на его поле. Будамудули тоже шел. Но нередко обязанности правителя племени отвлекали его от семейной трудовой повинности. И обе жены оставались на поле одни. Когда не было таких обязанностей, Будамудули просто садился на тропинке на полпути к полю и о чем-то размышлял. Чаще всего он играл со своей пятилетней дочерью. Но все же бывали такие дни, когда вождю бондо приходилось гнуть спину на поле. Это случалось тогда, когда у Будамудули не было настроения править племенем. Отвлечь его в такие часы от работы было безнадежным занятием. Он делал вид, что ничего не слышит и не понимает. Но как только просители удалялись, вождь вспоминал о своих отцовских обязанностях и шел на поиски дочери.

Как и любой вождь, Будамудули должен был разрешать споры. Споров у бондо было много, и они очень утомляли вождя. Из-за этих споров он даже хотел отречься от престола. Но племени не суждено было пережить правительственный кризис и период политических смут. Однажды вождю пришла в голову счастливая мысль. Он часто видел, как бездельничают полицейские в белом домике на окраине Мудулипады. Когда не было происшествий уголовного порядка, а их все-таки даже у бондо бывает не много, полицейские дремали в тени манговых деревьев или развлекались охотой в джунглях. Такое откровенное безделье на виду у всего племени не давало покоя вождю бондо. И мысль, которая посетила его в тот день, своей простотой и мудростью поразила его самого. Но Будамудули – человек осторожный, и он решил выждать. Нужен был какой-нибудь инцидент. Что же касается инцидентов, то племя бондо никогда не заставляет себя долго ждать.

Как-то у хижины вождя остановились два бондо. Даже в присутствии Будамудули они продолжали доругиваться. Слова, которые при этом употреблялись, в цивилизованном обществе называются нецензурными.

– Что случилось? – недовольно спросил вождь.

Он только что плотно поужинал. Если ужин дружно готовят две жены, он всегда бывает обильным и вкусным. После такого ужина настроение у человека благодушное, и у него нет охоты лезть в чужие дела. Вождь, правда, ждал какой-нибудь ссоры, но не думал, что это произойдет после ужина.

– Вот Лачмикиршани, – запричитал один из бондо, – украл у меня корову и рис.

– Нет, наико[18], ты послушай, почему я это сделал, а он…

Но вождь прервал их обоих вопросом:

– Вы зачем ко мне пришли? Чтобы я разбирался в ваших спорах? Да? Я вам кто – вождь или полицейский? Отвечайте.

Спорщики от неожиданности смолкли. Они стояли перед вождем и переминались с ноги на ногу. Будамудули выдержал положенное время, а потом снизошел к подданным:

– Идите в полицию. Я тоже пойду с вами.

И хотя вождю после сытного ужина хотелось спать, любопытство превозмогло. Уж очень интересно было узнать, как полиция будет

реагировать на его затею. Полиция реагировала так, как положено полиции. Инспектор важно уселся и стал допрашивать виновника и пострадавшего. Будамудули сидел на корточках на полу и торжествовал. Полиция, ни о чем не подозревая, сняла с него, вождя бондо, весьма утомительную обязанность. С того дня работы у полиции прибавилось. Теперь полицейский инспектор, потея и ругаясь, разрешал очередной спор или ссору. А вождь бондо дремал в тени мангового дерева, изредка зорко посматривая в сторону полицейского участка.

Но у Будамудули был и свой конфликт. Даже инспектор не мог его разрешить. Для этого требовалось совещание на высшем уровне. Дело в том, что с некоторых пор в районе бондо был введен орган местного самоуправления – панчаят. И председателем панчаята стал Лачмимудули, самый богатый человек в Мудулипаде. Личность отпетая, это признают и сами бондо.

Если уж говорить об убийствах, то Лачмимудули переплюнул многих. Что же касается грабежей, то в них Лачмимудули своего рода эксперт. У вождя есть свои представители в деревнях – деревенские старейшины, у Лачмимудули тоже есть представители – члены панчаята. В племени установилось своеобразное двоевластие, и это очень тревожило Будамудули.

Приезжающие иногда к бондо чиновники обращались к Лачмимудули. В такие моменты вождь бондо, сохраняя достоинство, сидел в стороне, лишь временами бросая недобрые, ревнивые взгляды на приехавших. А Лачмимудули не скрывал своего торжества. Проводив недолгих гостей, он начинал перед всеми хвалиться:

– Вы думаете, что вождь бондо – Будамудули? А к кому приезжает правительство? Ко мне, к Лачмимудули. Я вождь, а не он.

Публично произнеся направленную против вождя речь, «лидер оппозиции» довольный идет к своей саговой пальме.

Салап придает ему смелости, и он ищет личного столкновения с традиционным правителем. Но Будамудули старается избегнуть столкновения. Он гордо удаляется в свою хижину, а на ее пороге, скрестив руки в металлических браслетах, возникают обе жены. «Лидер оппозиции» опасливо косится на браслеты и ретируется. Но после этого его оппозиционные речи еще долго раздаются в Мудулипаде.

Однако чиновники приезжают редко, а церемонии и праздники у бондо бывают часто. И тогда вождь берет реванш. Ему помогают салап и красноречие. Будамудули несет на себе бремя обязанностей, завещанных предками вождям бондо. И когда он их выполняет (в отличие от других обязанностей с большой охотой), никто, даже Лачмимудули, не смеет сказать, что в племени есть другой вождь. На праздниках и церемониях только один вождь – Будамудули. Это по его указанию начинаются праздники, по его разрешению сиса совершает пуджу, по его знаку приводят жертвенных животных. И тогда «лидер оппозиции» молчит, у него пропадает охота к речам. Он боится гнева богов и мести духов умерших. В таких случаях правительство не поможет. Здесь действуют свои древние законы и традиции. И их надо соблюдать, даже если ты председатель панчаята и «лидер оппозиции».

Вождь бондо – человек сообразительный и наделенный той простодушной хитростью, которая отличает людей многих племен.

– Наико, – как-то спросила я его, – почему ты взял вторую жену?

– У меня нет родственников, – ответил он. – Понимаешь, нет братьев, нет сестер. Была только одна жена. Был у нас сын – умер. Скучно так. Жена и я. Больше никого. Ну я и взял вторую жену. Она родила дочь, теперь нас четверо. И на поле есть кому работать.

– Так ты, наверно, потому и взял вторую жену, что на поле некому было работать?

– Ну да, – согласился Будамудули. – Да и веселее нам, всем вместе.

Жен наико подобрал работящих. Они и в доме, они и на поле. Правда, в день моего отъезда я видела, как вождь тоже работал в поле. По всей видимости, у него не было настроения управлять племенем…

Танцы днем

Бондо любят танцевать. И делают это хорошо. Все праздники и церемонии обычно сопровождаются танцами. Есть даже легенда о том, как бондо начали танцевать. Вы помните о первом бондо? Его звали Сома Боднаик. Он и две его жены жили на горе Самудра. Махапрабху научил их танцевать и сказал: «Когда у вас будет жертвоприношение или праздник, танцуйте всю ночь до рассвета, так, чтобы все старики, старухи и боги были довольны». И вот Сома Боднаик и обе его жены стали отплясывать ночи напролет. Боги собирались и смотрели на эти

танцы и были очень довольны. Потому что хоть они и боги, но и им иногда скучно, и они не прочь поразвлечься. Но потом бондо стало много, они построили себе отдельные деревни и не могли, как прежде, все вместе собираться и танцевать. А боги слонялись около деревень в надежде увидеть танцы, но так ничего и не увидели. Они очень рассердились и стали делать людям мелкие гадости. Старейшины племени никак не могли понять, отчего все это происходит. Тогда они отправились к Великому богу и сказали ему: «У нас масса неприятностей. Что нам теперь делать?» Бог улыбнулся. «Я давно ждал, что вы ко мне придете. Неприятности ваши оттого, что вы не танцуете. Станете танцевать, как прежде, все будет в порядке». Старейшины вернулись в страну бондо и в ту же ночь собрали людей. Все танцевали до рассвета. Боги пришли посмотреть на танцы и очень развеселились. С тех пор в праздничные ночи бондо снова танцуют до утра. Боги подобрели, и у бондо стали хорошие урожаи и родилось много детей.

Мне тоже очень хотелось посмотреть, как танцуют бондо. Однако праздников в это время не было, и случая наблюдать танцы мне не представлялось. Тогда я пошла к вождю и сказала:

– Наико, я не видела, как танцуют бондо. Но ты – вождь и можешь мне в этом помочь.

– Ладно. Я помогу тебе. Ты хорошо сделала, что пришла ко мне, а не к Лачмимудули. Сегодня ночью бондо будут танцевать.

– А днем они могут танцевать?

Мне очень хотелось сфотографировать эти танцы. В других племенах я видела танцы или вечером, или ночью и могла только, как умела, их описать. Будамудули задумался.

– Нет, – наконец решительно сказал он, – бондо не привыкли танцевать днем. Сам Махапрабху велел танцевать лишь после захода солнца.

Никакие уговоры не помогли. Вождь твердо стоял на своем.

– Мы что-нибудь придумаем, – сказал мне Мисра, когда мои переговоры с вождем потерпели полный крах.

И действительно придумал. В этот же день он, серьезный и важный, появился в Мудулипаде. В руках у Мисры была папка. В папке лежала какая-то бумажка. Он сел на синдибор и послал Шукракиршани за вождем. Будамудули появился незамедлительно.

Почуяв что-то необычное, тут же оказался и Лачмимудули. Мисра не спеша открыл папку и молча протянул бумажку вождю.

– Что это? – в недоумении спросил тот.

– Это тебе распоряжение правительства, – невозмутимо сказал Мисра.

Вождь схватил бумажку, бросил победоносно-торжествующий взгляд на Лачмимудули и с важным видом повертел «распоряжение».

– Прочти, что здесь написано, – сказал он Мисре таким тоном, будто он, Будамудули, только и знает, что получает распоряжения от правительства.

– Распоряжение, – начал Мисра, глядя в бумажку, – вождю бондо Будамудули от правительства (какого, Мисра благоразумно опустил). Предлагаем тебе, вождь, незамедлительно, то есть завтра, организовать перед высоким гостем танцы. Пусть жители Мудулипады примут в них участие. Правительство надеется, что ты, вождь, выполнишь наше распоряжение. Дальше идут подписи, – закончил учитель.

– Много подписей? – спросил Будамудули.

– Очень много.

И тут вождь не выдержал.

– Слышишь, Лачми! – крикнул он своему политическому противнику. – Мне прислали распоряжение и много под писей!

Но Лачмимудули, вконец опозоренный, малодушно бежал с синдибора.

Бумажка меня тоже заинтересовала. Я попросила ее у Мисры. Тот смутился, но «распоряжение» дал. Это было предписание коллектора дистрикта Корапут о постройке рядом со школой двух уборных.

Но как бы там ни было, а «распоряжение» возымело свое действие, и танцы начались утром следующего дня. Будамудули очень старался. Около синдибора развели костер. Над его пламенем нагрели барабаны, и они зазвучали звонко и резко. Затем появились женщины. Их танцевальные одежды ничем не напоминали обычные принятые у бондо одеяния. Грудь и бедра были задрапированы цветными кусками ткани. Через плечи были переброшены длинные красные и зеленые полотнища. Их концы обхватывали талию и спускались до земли. Ноги были украшены браслетами с бубенчиками. Будамудули, как заправский дирижер, дал сигнал музыкантам, и по джунглям понесся слаженный, дружный ритм барабанов.

Красочный круг женщин сомкнулся и закачался в такт аккомпанементу барабанов, зазвенели бубенчики на браслетах. И, шаркая босыми пятками по сухой земле, этот своеобразный хоровод поплыл сначала вправо, потом влево. Руки танцующих оставались спокойными и были прижаты к бокам. Хоровод прошел один круг, потом второй, третий. Ритм барабанов оставался прежним, и рисунок танца не изменялся. Сидящие на синдиборе мужчины подбадривали танцующих и делали свои замечания. Потом круг разомкнулся, и все сгрудились вокруг одной женщины, стоявшей в центре. Несколько женщин затянули песню. Ее подхватили зрители. И теперь танец шел под эту песню, потому что барабаны замолчали. Через некоторое время барабаны снова вступили в строй, и тогда медленная, заунывная мелодия песни оборвалась. К танцующим присоединились еще женщины. У некоторых из них на руках были дети. Ритм барабана время от времени ускорялся, и, когда это происходило, движения танцующих из плавных и медленных становились резкими и прыгающими. Затем снова танец входил в прежний ритм, и вновь плавно двигался круг странно одетых бондо…

Вся Мудулипада присутствовала на танцах, и сельскохозяйственные работы в этот день были прекращены. Будамудули был очень доволен, потому что ему удалось успешно выполнить правительственное распоряжение. Но все же тень какой-то тревоги лежала на лице вождя. Причину ее мне удалось выяснить только через несколько дней. Сияющий Будамудули остановил меня на тропинке в священном лесу и сообщил:

– Моя свинья принесла сегодня ночью большой приплод. А мы ведь танцевали днем.

– Подожди, – не поняла я. – При чем тут твоя свинья и танцы днем?

– Да при том, – торжествовал вождь, – что боги не рассердились на меня за то, что мы танцевали днем, а остались довольны, и вот теперь моя свинья…

– Почему же должны были сердиться боги? – удивилась я. – Ведь днем лучше видно, чем ночью. Вот они и остались довольны.

– Правильно, правильно, – согласился вождь. – Днем лучше видно.

Так боги бондо одобрили нашу с Мисрой затею…

Учитель для бондо. «Джай Хинд!»

Небольшой аккуратный домик школы бондо появился в Мудулипаде несколько позже полицейского участка. Мисра стал первым ее учителем. Поначалу ему приходилось очень трудно. Языка бондо он тогда еще как следует не знал. А бондо не знали, что такое школа и зачем она им нужна. Первое время они сторонились этого странного человека, который говорил о каком-то образовании. Месяц шел за месяцем. Школа была, учитель был, а вот учеников не было. И помощи Мисре ждать было неоткуда. Приходилось действовать на свой страх и риск. Со взрослыми ему договориться не удалось, и он решил подружиться с детьми. Каждый день он приходил в Мудулипаду и наблюдал, как играют дети. Мисра сам знал немало игр и некоторые из них показал маленьким бондо. Тем очень понравился этот взрослый человек, который был так добр к ним, играл с ними, ходил в джунгли и приносил сладости. Дети быстро привыкли к нему и теперь каждое утро с нетерпением ждали его появления. Но самыми его большими друзьями стали трое мальчишек: Хадимудули, Соньямудули и Будакиршани. Они сопровождали Мисру повсюду и слушались его больше, чем собственных родителей. Однажды он сказал им:

– Идемте со мной. Я покажу вам кое-что интересное.

– А что? – спросили мальчишки.

Они были бондо и всегда предпочитали знать точно и конкретно, что их ожидает.

– Увидите, – загадочно ответил Мисра. И мальчишки пошли.

Мисра привел их в школу. Троица с изумлением остановилась на пороге маленькой классной комнаты, разглядывая диковинные предметы, находившиеся здесь. Такого они в своей жизни еще не видели. На стенах висели цветные картинки людей и странных незнакомых предметов. На столе стоял шар. Соньямудули робко прикоснулся к нему, шар шевельнулся и закрутился. Соньямудули отскочил и со страхом и ожиданием уставился на непонятные голубые, зеленые и коричневые разводы на шаре.

– Не пугайся, – засмеялся Мисра. – Это глобус.

– Я не знаю, что такое глобус.

– Это земной шар. Вся земля. Только уменьшенная. Вот смотрите. Это Индия, страна, в которой вы живете. А это Орисса. Здесь дистрикт

Корапут. А вот тут горы Бондо. Но они совсем маленькие, и их не видно.

– А где Мудулипада? – спросил Будакиршани.

– Мудулипады здесь нет. Она ведь очень маленькая.

– Нет, Мудулипада – большая. Самая большая деревня бондо, – возразил Хадимудули. – Здесь все неправильно. Горы Бондо тоже большие.

И разочарованные мальчишки отошли от глобуса. Но тут они увидели шкаф с книгами. Они трогали и гладили их цветные корешки, не смея взять в руки эти диковинные вещи. Мисра вынул большую книгу, развернул ее, и мальчишки увидели знакомую картину – зеленые джунгли и черно-желтого тигра, стоявшего в зарослях.

– Тигр! – крикнули все трое. А Будакиршани, замирая от страха, накрыл тигра ладонью. Но под рукой он ощутил только гладкость бумаги и больше ничего. Он засмеялся. Оказывается, этот тигр был совсем не страшен.

Мисра перевернул страницу. Тигра не стало, и мальчишки увидели какие-то черные значки на белой бумаге.

– Говорящие значки, – заговорщически подмигнул им Мисра. – Они могут многое рассказать.

Мальчишки недоверчиво зашептались.

– Слушайте, – сказал Мисра.

Это была сказка о тигре и кобре. И повадки, и характер обоих были описаны так точно, что все трое восхищенно замерли. Когда сказка кончилась, Соньямудули подошел к книге и стал водить пальцем по значкам. Но те молчали.

– Ну, это не так просто, – засмеялся Мисра. – Значки говорят не с каждым. Вот будете учиться, тогда они расскажут вам много интересного.

– А можно нам учиться? – спросили все трое сразу.

– Конечно, можно. Будете здесь жить и учиться. Ну, идемте, я вам еще кое-что покажу.

Это был футбольный мяч. И он вызвал величайший восторг у мальчишек. Мяч прыгал и скакал, и мальчишки тоже. Все четверо играли в футбол до вечера. Мисра тяжело дышал и утирал катившийся с него градом пот, но мальчишки требовали играть еще и еще. Наконец

на школьном дворе появилась рассерженная жена Мисры и прекратила это развлечение.

– Учитель называется, – ругала она мужа. – В школе ни одного ученика, а он гоняет, как мальчишка, с детьми в футбол.

– Ну не ворчи, – миролюбиво ответил взмокший и грязный Мисра. – Это же мои первые ученики. Вот увидишь, скоро наши дела пойдут на лад.

Утром к учителю пришли родители троих друзей.

– Что ты сделал с нашими сыновьями? – наступали они на него. – Они просятся в твою школу. Зачем это им? Что ты с ними будешь делать?

Мисра долго и терпеливо объяснял встревоженным отцам, что он собирается делать с их сыновьями. Отцы не все поняли. Но мяч им тоже понравился. Они прищелкивали языками и хвалили хитроумную выдумку.

Так вскоре первые три ученика сели за парты школы бондо. Правда, были обстоятельства, вызвавшие некоторое недовольство родителей. За школу надо было платить двадцать три рупии в год. Это все-таки интернат! Не понравилось и то, что обучали детей на языке ория, а не на родном бондо. Но потом с этим смирились. Мальчишки стали деятельно помогать Мисре. Они ходили с ним из деревни в деревню и уговаривали своих сверстников идти в школу, где такой добрый и веселый учитель и значки на белой бумаге рассказывают интересные и смешные истории и где, самое главное, есть большой кожаный мяч. Так в школе набралось сорок мальчиков-бондо. Девочек родители не отпустили. Они боялись, что их будущие женихи заплатят за них выкуп меньше, чем за необразованных, и не хотели рисковать. Мисра выдал своим ученикам бойскаутскую форму цвета хаки, разместил их в общей спальне и нанял повара, чтобы готовить им еду. Казалось, все трудности остались позади. Но, как потом выяснилось, они только начинались.

Воспитанные в традициях полной свободы, эти одетые в бойскаутскую форму дети джунглей и гор долго не могли привыкнуть к дисциплине. Когда им становилось скучно, они сбегали. Как-то, зайдя в школу, я увидела такую картину. На стуле восседал свободолюбивый юный бондо. Руки и ноги мальчишки были привязаны к стулу тонкой травяной веревкой. Во взгляде сидевшего,

казалось, сконцентрировалась вся давнишняя тоска человечества по свободной и вольной жизни. Это так не вязалось с его ребячьим обликом, что я не сдержалась и улыбнулась. Мальчишка растерянно заморгал глазами и захныкал.

– Полюбуйтесь на этого узника, – сказал Мисра. – Нарушитель дисциплины, каких мало. Все время норовит сбежать.

Нарушитель, поняв, что речь идет о нем, шмыгнул носом и затих.

– Целую неделю мы искали его в джунглях. Сначала кинулись в деревню, но его там не оказалось. Еле отыскали.

Теперь пусть так часок посидит в наказание. Что с ним делать, даже не представляю. Не привяжешь же его на ночь. Он все равно сбежит. Но парень способный, – понизив голос, сообщил мне Мисра. – Иногда пробегает неделю, а вернется, не хуже других занимается. Поэтому мне не хочется отпускать его из школы.

Иногда ребята сбегают целыми группами. Обычно, не доходя до деревни, они снимают казенную форму и прячут ее в зарослях. Явиться домой в чужой одежде не позволяет традиция. Беглецы предстают перед глазами потрясенных родителей в набедренных повязках, а иногда и без них.

Но случается нередко и так, что родители сами на время забирают детей из школы. Особенно в горячую пору сельскохозяйственного сезона, когда на полях не хватает рабочих рук. Дождливый сезон – самое спокойное и плодотворное время для школы. Когда горы и джунгли захлестывают тропические ливни, далеко не убежишь. Но все же храбрецы находятся. Однако не проходит и дня, как они снова стучатся к Мисре. Дождливый сезон – голодное время в племени. И поэтому не очень обильная школьная пища спасает многих ребят от голода и избавляет семью от лишнего рта.

Школа в стране бондо делает первые шаги. Очень многое в ней держится на энтузиазме и верности учительскому долгу самого Мисры. Потерю каждого ученика он воспринимает как личное несчастье, в приобретении нового видит цель своей жизни. Но потерь, к сожалению, бывает больше, чем приобретений. Образ жизни бондо с его повседневным тяжелым трудом, с борьбой за кусок хлеба, с необходимостью ценить каждую пару рабочих рук вне зависимости от возраста все-таки мало приспособлен для школьного образования.

Поэтому нередки случаи, когда мальчишка, проучившись год-два, уходит из школы совсем. Уходит он без особого сожаления.

Культура, которую он постигает в школе, еще чужда и непривычна ему.

Работа у учителя Мисры нелегкая, сложная.

В день моего отъезда Мисра собрал учеников перед школой, построил их и сказал:

– Теперь попрощайтесь с нашим гостем.

– Джай Хинд![19] – крикнули они дружно.

– Джай Хинд, – ответила я. – Растите большими и умными.

Мисра с гордостью посмотрел на ребят. И по-моему, гордость была законной. Ибо учитель сделал и делает для бондо очень много. Но сами они об этом пока не подозревают…

Камар и богини

Я уезжала из страны бондо во вторник. Был рыночный день, и многие жители Мудулипады и других деревень отправились с утра вниз, в Говиндапалли. Мне тоже хотелось там побывать. Милада (она приехала к бондо позже) присоединилась ко мне. Мы уложили в джип свое походное снаряжение, распрощались с Мудулипадой и Мисрой и двинулись в путь. Но на рынок мы все же опоздали. Нам опять пришлось тянуть джип на себе, и на это ушло больше времени, чем мы рассчитывали. В Говиндапалли мы застали опустевшие рыночные ряды, между которыми паслись козы. И тут я вспомнила, что Будамудули говорил мне как-то о кузнеце из Говиндапалли, который делал по заказам бондо наконечники для стрел, ножи, топоры и еще какую-то мелочь. Решено было разыскать этого кузнеца. Тем более что там наверху, в разбойной Димрипаде, мне так и не удалось поговорить с местным камаром.

Мы отправились к кузнецу. Говиндапалли оказалась довольно большой деревней, и мы долго блуждали по ее извилистым узким улочкам, спрашивая, как найти дом камара. Наконец мы оказались на самой окраине деревни. Небольшой домик кузнеца, обнесенный глинобитным забором, стоял в тени нескольких манговых деревьев. Мы миновали невысокие деревянные ворота и оказались в чисто

подметенном дворе. Там никого не было, и только несколько кур с рассеянным видом бродили по плотно утрамбованной земле.

– Камар, а камар! – позвала я. Но никто не отозвался.

– Идемте в дом, – предложила Милада.

Мы осторожно постучали в дверь, и глухой голос ответил:

– Войдите.

Мы вошли. То, что случилось в следующий момент, было настолько неожиданным и странным, что мы даже растерялись и обе на какое-то мгновение лишились дара речи. Посредине небольшой полутемной комнаты стоял немолодой сутулый человек в темно-синей домотканой рубашке и набедренной повязке. Вдруг при виде нас он вскрикнул и закрыл лицо руками, а затем упал ничком на пол и уткнул лицо в ладони. Плечи его вздрагивали, и изо рта вылетали какие-то неясные звуки. Мы бросились к нему.

– Что случилось? – спросили мы в один голос. – Встаньте, пожалуйста, нам надо с вами поговорить.

Но человек продолжал лежать, и только один глаз сквозь пальцы зорко и быстро глянул на нас и тотчас же в страхе закрылся. Мы в недоумении топтались около кузнеца и не знали, что делать. Вдруг он тонким, молящим голосом запричитал:

– О богини! Пощадите! Я ничего плохого не сделал. Я всю жизнь честно работал.

– О господи, – сказала Милада и тяжело опустилась на деревянную скамью, стоявшую у стены.

– Мы не богини, – робко стала оправдываться я. Но видимо, мои слова прозвучали неубедительно, и камар мне не поверил.

– Только у богинь такие светлые лица, – запричитал он снова. – Не трогайте меня. Я всегда вас почитал и приносил вам жертвы.

«Ну и кузнецы в этом краю, – подумала я, – один бандит, другой сумасшедший. Неизвестно, что хуже». И села, обессиленная, на скамью рядом с Миладой. Кузнец снова опасливо глянул сквозь пальцы в нашу сторону. Но видение не исчезло. Оно прочно сидело на скамье.

– Что будем делать? – спросила я Миладу.

– Может быть, внезапно исчезнуть, как положено всем порядочным богиням?

– Но ведь надо поговорить с ним…

И обе «богини» впали в безысходную тоску. День был явно неудачным. Сначала опоздали на рынок, теперь приходится выпутываться из этой скверной истории и доказывать, что ты не богиня. Как восстановить свою принадлежность к роду человеческому, я не знала. В моей жизни это был первый случай. Милада тяжело вздохнула:

– Придется смириться с положением богинь. Иначе он нам ничего не скажет.

– Слушай, камар, – сказала я мрачным голосом, – ты почитаешь своих богинь?

– Да, да, – залепетал бедняга.

– Встань.

Кузнец покорно встал, но оторвать рук от лица не посмел.

– Убери руки, – сказала в тон мне Милада. – И отвечай на наши вопросы.

Камар сложил руки в пранаме и, дрожа, стоял перед нами.

Я попробовала пошутить, но это произвело на камара удручающее впечатление, и он обнаружил явную тенденцию снова улечься на пол. Однако мы не позволили ему это сделать и больше не шутили.

Банальность наших вопросов почему-то не вызвала у него подозрений насчет нашего «божественного» происхождения. Он продолжал держать руки в почтительной пранаме и после каждого ответа «брал прах» от наших ног. Я почувствовала, что моя нервная система крайне расшатана и я не в состоянии вынести того напряжения, с которым настоящие богини справляются, очевидно, очень легко.

– Идемте, – шепнула я Миладе.

– Да, да, – согласилась она. – Надо уходить. Беднягу может хватить удар.

Мы встали и, стараясь опередить очередное падение камара на пол, выскочили за ворота. Оглянувшись, я увидела распростертое тело камара в пыли деревенской улицы. Тут самообладание окончательно покинуло обеих «богинь», и они малодушно, стараясь не сбивать прохожих, бросились вдоль улицы. Это был неплохой бег на длинную дистанцию, и мы финишировали уже у нашего джипа.

– Уф! – сказала, задохнувшись, Милада. – Представляете, если бы вся деревня восприняла нас как этот камар? Что было бы? А?

– Нас бы поместили в храм, – ответила я, вытирая полотенцем пот, обильно струившийся по лицу и шее. – Надели бы цветочные гирлянды, разрисовали бы сандаловой пастой и били бы кокосовые орехи о наши головы.

– Теперь я понимаю, мы отделались легко. Но все-таки, – серьезно заметила Милада, – быть богиней очень тяжело.

– Еще бы, – согласилась я.

* * *

В Корапуте, окружном центре, нас ждал комфортабельный, просторный и светлый Дом для приезжих. Это было самое подходящее место для богинь. Впервые за много дней я смогла принять ванну, привести в порядок свои записи, разобрать пленки. Поздно вечером, засыпая на мягкой, с прохладными и чистыми простынями постели, я решила, что цивилизация все-таки неплохая вещь.

На следующее утро мы уехали в гости к племени гадаба. У нас оставалось еще три дня. Срок, правда, небольшой, но кое-что можно было увидеть. Тем более что деревни гадаба были разбросаны недалеко друг от друга по обширной холмистой долине, в центре которой стоял городишко Корапут.

Церемония приема

На горе, там, где виднелись крыши деревни гадаба, вдруг забили барабаны. Их тревожно-торжественный звук пронесся над полями и замер в зарослях ближней полосы джунглей. Потом через мгновение возобновился с новой силой и в новом ритме. Мы в недоумении остановились на берегу узкой и мелкой речушки, протекавшей у подножия горы.

– Что это? – спросила я у Рао, работника местного Блока по развитию племен.

– Гадаба так встречают гостей. Видимо, они заметили наше приближение.

Я стала снимать ботинки, чтобы перейти реку вброд. Но в это время со стороны деревни показалась группа мужчин. Они тащили с собой некое подобие не то паланкина, не то носилок. Бегом, перепрыгивая через камни, они спустились с горы и ворвались в реку,

подняв целые фонтаны брызг. Из нее они выскочили полумокрые и запыхавшиеся. Бросили на берег свои носилки, и на нас обрушился целый град вопросов:

– Откуда гости?

– Надолго ли?

– Будете жить в нашей деревне?

– Едите ли вы рис с карри или без карри?

– Нравятся вам гадаба или нет? – и т. д. и т. п.

Не успела я открыть рот, чтобы ответить хотя бы на один вопрос, как носилки были придвинуты к моим ногам и мужчина в белом тюрбане и набедренной повязке сказал:

– Садись, мать.

– Но я могу перейти эту реку сама, – попробовала возразить я.

Тогда он резко повернулся к Рао и спросил:

– Почему эта мать не уважает наших обычаев?

Постановка вопроса была ясной. Мне не хотелось начинать свое знакомство с гадаба с неуважения их обычаев. Пришлось сесть на носилки. Четверо дюжих парней подхватили их. Медленно покачиваясь на носилках, я нежно прижимала к груди свои туристские ботинки. Но обычай есть обычай, и тут ничего не поделаешь.

Когда мы приблизились к деревне, бой барабанов стал еще оглушительнее. Не вытерпев, я соскочила с носилок, и тут же меня окружила целая толпа женщин. На них были короткие, укрепленные на одном плече одежды с белыми, красными и синими поперечными полосами. В ушах блестели огромные кольца-серьги. Гладко причесанные волосы были стянуты бронзовыми обручами.

– Уха-уа! Уха-уа! – закричали женщины голосами ночных птиц.

Так под барабанный бой и крики я вступила в деревню Мачара. Внезапно толпа отхлынула, и я оказалась на просторной и чистой деревенской площади. Две седые морщинистые старухи выступили мне навстречу. Одна из них держала блюдо с рисом, желтым от шафрана. У другой был небольшой металлический поднос, на котором курились ароматические коренья. Началась церемония приема. Опять забили барабаны, и голоса ночных птиц закричали: «Уха-уа! Уха-уа!»

Под этот своеобразный аккомпанемент ко мне приблизилась старуха с блюдом и, низко поклонившись, положила по горстке риса на носки моих ботинок. Я боялась пошевельнуться, чтобы не сбросить

рис. Потом она коснулась ладонями моих колен и положила по горстке на каждое плечо. Она провела рисом по моему лбу и щекам, отчего на лице остались ярко-желтые полосы. Эта процедура была повторена несколько раз, в результате я вся с головы до ног оказалась расцвеченной желтым шафраном. Однако гостеприимных гадаба это нисколько не смущало. На ноги мне плеснули несколько пригоршней воды, и в полной боевой раскраске я сделала несколько шагов. Но тут передо мной развернулась цветная змея танцующих женщин.

«Уха-уа! Уха-уа!» – раздались голоса ночных птиц. Барабаны перешли на быстрый танцевальный ритм. А змея то распрямлялась, то снова сворачивалась в кольцо.

Выждав некоторое время, юноши образовали свой круг. И так же, как и женщины, небольшими быстрыми шажками неслись по кругу. Временами цепь танцующих рассыпалась на отдельные кружки, а потом снова собиралась, вытягивалась и, вторя ритму барабанов, стремительно неслась по площади. Рисунок танца был четким и красивым. Руки танцоров крепко переплелись за спиной, а их тела плавно, но в то же время сильно раскачивались с удивительной и своеобразной грацией. В этом танце было столько жизни и радости, столько стремительных неудержимых движений и он был таким заразительно-захватывающим, что я почувствовала непреоборимое желание немедленно присоединиться к танцующим и громко и свободно кричать «Уха-уа» и, как и они, подставлять смеющееся лицо золотым лучам щедрого тропического солнца. Но танец оборвался так же неожиданно, как и начался. И только глухой рокот барабанов некоторое время еще наполнял площадь.

Посередине площади под развесистым баньяном была сложена из камней круглая платформа содор. Как я выяснила потом, на ней обычно заседает совет деревни, но теперь на содор уселись и гости, и многочисленные хозяева. Площадь со всех сторон была окружена аккуратными глинобитными хижинами, крытыми рисовой соломой. Таких хижин в Мачаре оказалось пятьдесят. Рядом со мной опустился старик. Голова его была покрыта тюрбаном, на плечах болталась рваная фуфайка, за ухом торчала самодельная сигара. Старик посмотрел на меня приветливыми выцветшими глазами и спросил:

– Тебе понравились гадаба?

– Очень, – ответила я.

– А я Дасу Чапари – вождь бодо гадаба.

– Да, да, – зашумели вдруг женщины. – Он наш вождь.

– У вас всегда женщины встречают гостей? – обратилась я к старику.

– Всегда, – был ответ. – Старейшие женщины должны встречать гостя. Ибо женщины – хранительницы наших традиций и таинств.

Теперь я заметила, что женщины в этой деревне проявляли самую бурную активность. Они оттеснили мужчин с содора, и только Дасу Чапари избежал их агрессии. Они показали необычную для женщин осведомленность по части истории племени и старательно помогали вождю соблюсти точность сведений, которые он мне сообщал.

– Слушай, мать, – сказал Дасу Чапари, – я не знаю, что ты хочешь узнать о гадаба. Я расскажу тебе то, что знаю сам, и то, что слышал от стариков.

И он начал рассказывать.

Люди с реки Годавери

Давно-давно двенадцать братьев гадаба родились на берегах реки Годавери. Когда они выросли, то отправились в Джейпур поискать себе жен. И между собой они решили: где найдут жен, там и останутся жить. Они двинулись в далекий путь и пришли в джунгли Искинда. Там жила асурин[20]. У нее не было родителей, и она жила одна. У асурин были большие уши, длинные зубы и ногти, огромный нос, а ее волосы свисали до самой земли. Никто не назвал бы ее красивой. Братья натолкнулись на нее, когда она спокойно спала в траве. Они начали совещаться. Один из братьев сказал: «Может быть, она страшная, но все же она женщина. Пусть она станет женой кого-нибудь из нас».

Старший стал спрашивать каждого по очереди: «Хочешь стать мужем асурин?» И каждый из братьев отвечал: «Нет, я боюсь. Она сожрет меня». «Тогда, – сказал старший брат, – я женюсь на ней, но вы поможете мне поймать эту асурин». Братья схватили асурин, сделали дыры в ее ушах и привязали к ушам веревку. Но асурин так и не проснулась. Тогда братья дернули за веревку, асурин стало больно, и она пробудилась. «А! – обрадовалась асурин, увидев братьев. – Все эти дни я была очень голодна. Теперь у меня есть чем закусить». Но братья еще сильнее потянули за веревку, и асурин взвыла от боли. «Не дергайте веревку, – взмолилась она. – Я не трону вас». И тогда братья повели ее за собой на веревке. Они морили ее голодом семь дней, и асурин стала совсем слабой. А затем решили заняться ее внешностью. Они подрезали ее большие уши, вырвали шерсть с языка и укоротили зубы. Но продолжали держать ее на веревке. И асурин снова взмолилась: «Освободите меня. Я никуда не убегу». Так она стала женой старшего брата. Некоторое время спустя она родила ему мальчика и девочку. И тогда остальные братья сказали старшему: «Теперь у тебя есть жена и дети, и ты оставайся здесь. А мы пойдем искать жен для себя». Они ушли, и никто не знает куда. А дети асурин стали настоящими гадаба, и от них пошло все племя.

Было время, когда там, где живут гадаба, были сплошные джунгли и по ним еще не проложили дорог. Гадаба много охотились, а потом стали обрабатывать землю. И появились на земле гадаба деревни. Что

касается деревни Мачара, то ее основали два брата: Лимбу Чапари и Гуру Чапари. Они пришли сюда со своими женами. И жители деревни считают их теперь своими предками. Многие семьи до сих пор сохранили их имена. Но произошло это, по-видимому, в тот период, когда на смену материнскому роду пришла патриархальная организация. Такого рода образования, часто соответствующие деревням и имеющие общего прародителя, напоминают куда бондо. И принадлежность к такому куда более важна, чем принадлежность к старому тотемистическому роду или фратрии. Но если куда бондо можно рассматривать как патриархальную родовую общину, то позднейшие образования гадаба, такие, как чапари деревни Мачара, можно считать уже своеобразной сельской общиной, возникающей на стадии разложения родового строя. Но старая родовая организация у гадаба еще сохранилась.

Племя гадаба делится на три фратрии: паренга гадаба, бодо гадаба и оллора гадаба. Между ними не существует брачных отношений. Эти фратрии эндогамны. Правда, для всего племени количество фратрий больше. Но гадаба Ориссы имеют только три, и у каждой из них есть свой вождь. Дасу Чапари – вождь бодо гадаба; вся деревня Мачара населена представителями этой фратрии. Но эндогамность фратрий иногда нарушается. Если, например, девушка паренга хочет выйти замуж за юношу бодо, она должна пройти предварительно церемонию «удочерения» ее фратрией бодо. Главную роль в этой церемонии играет жрица. «Удочеряемая» невеста приходит в дом жениха и в присутствии жрицы готовит пищу. Затем все пробуют эту пищу, и жрица совершает пуджу. После этого девушку считают бодо, и она может выйти замуж за своего избранника, не нарушая формально обычая эндогамности фратрии. В последнее время наблюдается интересный процесс некоторого изменения фратрий и приобретения ими черт, свойственных кастовой системе. Сейчас еще трудно сказать, происходит ли это под влиянием более развитого индуистского общества, или это оригинальный процесс, стоявший в свое время у истоков образования каст. Можно отметить некоторые уже устоявшиеся особенности фратрий, напоминающие характерные черты каст. Это деление на «высшие» и «низшие» фратрии. Так, бодо гадаба – самые высшие, ниже их – паренга, а затем уже оллора. Все жрецы и жрицы принадлежат к бодо. Это наследственное занятие бодо. Жрецы

и жрицы бодо обслуживают другие фратрии. Заинтересовавшись таким разделением на «высших» и «низших», я попросила гадаба объяснить мне причину этого. Многие из них высказали одну и ту же мысль: бодо гадаба с древних времен знали искусство земледелия и охоты намного лучше, чем другие гадаба, они научили этим полезным занятиям паренга и оллора, и поэтому бодо – высшие. Возможно, эта мысль не лишена своего рационального содержания. Ведь нередко в прошлом в племенах жрецом или жрицей считался человек, наиболее сведущий в основной отрасли производства. У мудугаров Кералы, например, до сих пор искусный агроном выполняет функции жреца. Возможно, здесь имел место тот же самый процесс. По мере развития религии как чего-то самостоятельного, уже не связанного с основным занятием человека, функции жречества менялись. И теперь жрецу гадаба не обязательно знать агротехнику или методы и приемы охоты, а достаточно прочесть молитву о богатом урожае или удачной охоте. Его работа значительно облегчилась. Возможно, что и бодо в свое время действительно были более опытными в земледелии и охоте.

Так же, как и между кастами, между фратриями не существует узаконенных брачных отношений. Обычай «удочерения» невесты имеет весьма ограниченную сферу действия. Дело в том, что можно «удочерить» девушку более «низкой» фратрии, но никогда наоборот. В индусских кастах, при всей строгости соблюдения кастовых традиций и обычаев, тоже иногда допускаются такого рода отношения между мужчиной «высокой» касты и женщиной касты «низкой». Бодо не станут есть пищи, если она приготовлена человеком из паренга или оллора. Они в какой-то степени являются своеобразными браминами для остального племени. Правда, для этого им еще не хватает вегетарианской диеты и знания индусских священных книг.

Каждая фратрия насчитывает определенное количество тотемистических родов, или бонсо. Сейчас почти невозможно выяснить, матрилинейны бонсо у гадаба или патрилинейны. Ибо их организация уже стала нечеткой, а многие традиции забыты. Не помогает выяснению и весьма запутанная терминология, выражающая родственные отношения. Но на основании других признаков (о них несколько ниже) можно утверждать, что бонсо первоначально были матрилинейны. У бодо гадаба четыре рода: тигр, медведь, кобра, рыба. Эти тотемистические роды экзогамны.

– Наши предки, – сказал Дасу Чапари, – могли превращаться в этих животных с помощью заклинания.

– А вы можете? – спросила я его.

– Иногда можем. Только мы забыли все заклинания. А вот мой прадед помнил и мог превращаться в медведя. – (Дасу Чапари – из бонсо Медведя.)

В каждой деревне гадаба есть своя администрация, которой принадлежит главное место в решении всех важных вопросов. Глава деревни – наик, его помощник – чаллан, казначей – барик и жрец – дисари.

Гадаба довольно большое племя. Оно расселено в трех штатах: Мадхья-Прадеш, Андхра и Орисса. В дистрикте Корапут живет свыше сорока двух тысяч гадаба. По определениям некоторых ученых, язык гадаба относится к группе мунда. Но многие гадаба хорошо говорят и на ория. Живя в легкодоступном районе, гадаба давно утратили свою изолированность и находятся в самом близком контакте с местным населением Ориссы. Нередко деревни гадаба вплотную подходят к поселкам ория, и в таких местах существуют даже смешанные улицы. Несмотря на то что гадаба еще сохраняют своеобразие собственной культуры и традиций, процесс ассимиляции уже затронул племя. Это сказывается и в языке, и в одежде, и в религии.

В племени уже давно существует частная собственность на землю. Земля, как и другое имущество, передается от отца к сыну. Распределение земли крайне неравномерно, что свидетельствует о глубоко зашедшем процессе имущественной дифференциации. Так, в деревне Мачара из общего количества земли триста пятьдесят акров шестьдесят акров принадлежит старейшине деревни Даяниди Кукураудаву, сорок акров – вождю бодо Дасу Чапари. Несколько жителей имеют по десять – пятнадцать акров, остальные по половине-одному акру. Есть в Мачаре и безземельные. В деревне Симблигуда всего сто акров под продовольственными культурами. Наибольший участок здесь – пять акров. Около трех процентов жителей деревни вообще не имеют земли. В результате многие гадаба работают в качестве сельскохозяйственных рабочих.

Гадаба культивируют в основном падди и раги. До сих пор в племени наряду с постоянным существует и подсечное земледелие. Сельскохозяйственные орудия гадаба крайне примитивны. Это

деревянный плуг, мотыга, заступ, серп. В голодное время года, которое наступает обычно вскоре после сбора урожая, гадаба охотятся. Теперь это делать довольно трудно, потому что часть джунглей на территории племени вырублена, часть объявлена заповедной. Приходится уходить от дома далеко и оставаться в джунглях по нескольку дней, а то и неделю. Как и соседние племена, гадаба когда-то пользовались для охоты луком и стрелами, но сейчас это древнее оружие трудно найти в их деревнях. На смену ему пришли копья с массивными широкими железными наконечниками и древками в полтора-два метра. С такими копьями гадаба обычно ходят на тигров. Нередко охотники бывают вооружены топорами типа секиры, а иногда и мечами. Все это делается по заказу гадаба местными кузнецами-камарами. В месяц чойтропорбо (март – апрель), когда отмечается праздник урожая, гадаба устраивают ритуальную охоту. Эта охота – главное празднество в чойтропорбо. В день начала ритуальной охоты все гадаба идут в джунгли. Там совершается пуджа, и затем мужчины отправляются в джунгли. О своем возвращении они предупреждают оставшихся в деревне женщин криками. Те выходят навстречу охотникам. Вся процессия направляется к деревне. Впереди идут женщины, они танцуют и песнями прославляют удачливых охотников. Вся добыча складывается у дома старейшины деревни, и тот оделяет жителей деревни мясом убитых животных. Себе он берет самую большую долю.

Пожалуй, именно в религии гадаба с наибольшей отчетливостью прослеживаются древние традиции материнского рода. Верховное божество племени – богиня Тхакурани. Она была ответственна за появление племени на земле. Каждый род, или бонсо, тоже имеет свою богиню, однако тотемистические бонсо со временем утратили свое значение и их богини постепенно забылись. Зато богини деревень начали играть все большую роль. В каждой деревне есть своя богиня: в Мачаре – Джанкору Патодевота, в Симблигуде – Гангамадевота. В честь богинь гадаба воздвигают рядом с содором вертикальные камни. В их честь совершается пуджа, их задабривают жертвоприношениями. Богиням служат жрецы и жрицы.

Жрецы и жрицы гадаба принадлежат к бонсо Тигра. Как правило, жрица, или гурумайни, играет большую роль, чем жрец. Она обладает способностью говорить с богинями, а вот жрецы нет. Их богини не подпускают к себе близко и используют только на черной работе. А

поскольку гурумайни всегда может договориться с богиней, то ни одна религиозная церемония в племени не может совершиться без указания жрицы. Гурумайни всегда знает, что принести в жертву, сколько и за что. Она же выполняет пуджу. А жрец под ее руководством может только соблюсти очередную церемонию жертвоприношения. Однажды дисари деревни Мачара по собственной инициативе решил сбросить женское иго и стать полноценным жрецом. Он объявил жителям, что поговорит с богиней сам, без помощи гурумайни. Всех разобрало любопытство, и даже из других деревень в Мачару пришли гадаба. Жрец вышел на деревенскую площадь и на глазах у потрясенных зрителей начал танцевать, прыгать, завывать и даже кататься по земле. Но богиня не обращала на него внимания и молчала, как будто набрала в рот воды. К концу «представления» дисари имел жалкий вид. Он был перемазан пылью, в которой ползал, его одежда висела клочьями, а спина взмокла от пота. И только в какое-то мгновение он услышал смех. Очень обидный и ехидный смех. Он понял, что богиня над ним смеется. Опозоренный, он поспешил скрыться, ибо насмешки людей иногда более страшны, чем смех богини. Гурумайни спокойно наблюдала за этой сценой и, как и богиня, не проронила ни слова. И только после того как дисари сбежал, она величественно выплыла из толпы и всем показала, как надо говорить с богиней. Богиня охотно ответила на вопросы гурумайни и еще прибавила:

– Я накажу этого самозванца, если он не принесет мне в жертву буйвола.

Дисари принес в жертву своего последнего буйвола и долго ходил в драной одежде, потому что другой у него не было.

Без жрицы не может состояться церемония «удочерения» невесты из низшей фратрии, без нее не проходит и брачная церемония. Без гурумайни не решается ни один вопрос ни в племени, ни в деревне. Вождь бодо отменит любое свое решение, если богиня передаст через жрицу свое несогласие. Старейшина деревни не начнет ни одного дела, не посоветовавшись с гурумайни. Ведь всем известно, что совет гурумайни – это совет богини. А богиня – вершительница всех дел в племени и судеб его людей.

Жреческое искусство передается в определенных семьях из поколения в поколение. Старшая дочь в такой семье всегда будет гурумайни, а ее братья станут дисари. На жриц не распространяются

обычаи более поздней патриархальной организации племени. Если обычная женщина после замужества уходит в род мужа и ее дети принадлежат его роду, то у гурумайни другая традиция. Жрица выходит замуж, и даже обязательно должна это сделать, но она остается в своем бонсо, и ее дети принадлежат к ее бонсо. Поэтому эта своеобразная каста жриц сохраняет матриархальную организацию.

В брачных отношениях гадаба до сих пор существуют некоторые элементы материнского рода. Так, в ряде случаев девушка сама выбирает себе жениха. Есть очень специфическая форма брака, называемая пайсамунди. Девушка приходит в дом к своему возлюбленному и остается там на некоторое время. Родители жениха обращаются с ней в этот период очень скверно. Они оскорбляют ее, бьют и морят голодом. Если девушка все это стерпит, она остается в доме в качестве жены сына. Полагающийся за невесту выкуп в таком случае не уплачивается. Незначительный выкуп вносится в браке удулия – когда юноша и девушка сбегают и становятся фактически мужем и женой. Но сейчас в племени все большее место занимает типично патриархальная форма брака. Родители выбирают невесту или жениха. За невесту платится высокий выкуп (около пятисот рупий), и свадебная церемония отличается своей сложностью. Но развод у гадаба, как и во многих других племенах Индии, получить легко, и разведенная может вновь выйти замуж.

За деревней Мачара в редких зарослях джунглей среди сожженных тропическим солнцем кустов разбросаны камни. Это священное место деревни – кладбище. Здесь очень тихо, и даже птицы не такие голосистые, как повсюду. Я увидела там вертикальные камни, поставленные в память умерших. Камни, сложенные в круг, с одним вертикальным камнем на западе. Черно-серые глыбы, брошенные без всякого порядка. Это было типичное мегалитическое кладбище. Около некоторых мест, выложенных камнями по кругу, стояли горшки. В них гадаба приносят еду умершим. Я прошлась между этими своеобразными могилами и заметила, что на некоторых был пепел, а на большинстве нет. Дасу Чапари следовал за мной неотступно и рассказывал мне, кто, как и когда в деревне умер.

– Почему, – спросила я его, – вот здесь есть пепел, а там нет?

– Здесь покойника сожгли, а там похоронили, – ответил он.

– Значит, гадаба хоронят своих умерших?

– Да. Но некоторых сжигают.

– А кого?

– Вождя, старейшину или жрицу мы сжигаем, а остальных хороним.

– А зачем вы кладете на могилы камни? – поинтересовалась я.

– Сюда могут прийти звери и откопать труп. Поэтому мы кладем камни. Эти камни они не сдвинут с места.

– А если труп сжигают, весь пепел остается тут?

– Нет. Часть мы сбрасываем в реку под горой.

– А что бывает после смерти?

– После смерти душа возвращается и поселяется в человеке или животном опять, – не задумываясь, ответил Дасу Чапари. – Только нужно выполнить все церемонии, иначе душа не вернется обратно и будет скитаться без приюта.

Поминальную церемонию, или готтар, гадаба соблюдают очень строго. Она обычно происходит на второй или третий год после смерти человека. Духу умершего приносят в жертву буйволов и коров. В этом принимает участие вся деревня. В день готтара женщины плачут на могиле умершего, а потом устраивают поминальный пир. И на пиру не забывают о духах предков и время от времени их подкармливают.

Гадаба, люди с реки Годавери, оказались интересным и своеобразным племенем. Кое-что в их обычаях и традициях напоминало другие племена, но немало было оригинального и самобытного.

Жрица из рода Тигр. Что сказала богиня

Наконец мне повезло. Я сразу это поняла, когда увидела, как от цветной извивающейся под звуки барабанов ленты танцующих внезапно отделилась невысокая худощавая фигурка женщины. Вокруг раздался почтительный шепот: «Гурумайни, гурумайни». Это произошло на исходе дня в деревне Симблигуда. На небольшой утрамбованной площадке, тесно окруженной стенами глинобитных хижин, собрались почти все жители деревни. То, что сейчас здесь происходило, ожидалось мною давно и с нетерпением. Отделившаяся фигурка начала как-то странно приплясывать. Ее движения были некоординированными, шли вразнобой и, конечно, совсем не соответствовали ритму барабана. Полусогнутые ноги жрицы, казалось, не слушались ее, а руки и плечи судорожно дергались. Она схватила ветку, валявшуюся тут же, и стала размахивать ею над головой. Постепенно ноги ее распрямились, и темп необычного танца начал ускоряться. Глаза жрицы как-то неподвижно застыли на маленьком темном лице и смотрели сквозь зрителей. Это были глаза слепого. Несколько громких отрывистых фраз вырвалось из ее рта, и вокруг все зашумели:

– Гуруме на голову села богиня. Она села на голову.

Одна из женщин подошла к гурумайни и распустила тугой узел ее волос. Видимо, богине было неудобно сидеть на голове жрицы, ей мешал узел. Волосы упали на плечи и спину гурумайни, и она закружилась в каком-то чудовищном танце. Теперь глаза ее были закрыты, а развевающиеся пряди волос неслись по ветру. В этой пляске-вращении было что-то древнее и дикое. Далекое прошлое по какому-то странному вдохновению внезапно воскресло в этой маленький сухой жрице. В ее танце были темная сила и власть, которые держали в оцепенении стоявших тут же ее соплеменников. Тысячелетний страх суеверий и колдовства плескался в их широко раскрытых глазах. А вихрь с развевающимися волосами все несся и несся по площадке. Но вот по лицу жрицы прошла судорога, и на нем появилось выражение боли и страдания, так не вяжущееся с темпом самого танца. Она протянула руку, будто искала что-то в темноте. Ей бросили в руку несколько горстей риса, и она, расшвыривая его в

разные стороны, не останавливала ни на секунду свое вращение. Над площадкой поплыл голубоватый дымок благовоний. Его необычный пряный запах резко бил в ноздри. Окутанная дымом благовоний, с растрепавшимися длинными волосами, бешено вращаясь, жрица подняла руки кверху, и ее голос, странно похожий на эхо, затрепетал над площадью:

– Слушайте, слушайте, я богиня Гангамадевота! Я говорю с вами. Слушайте, слушайте!

Толпа гадаба содрогнулась и, чуть подавшись вперед, замерла.

– Я богиня Гангамадевота, – снова раздался голос-эхо.

Вслед за этим из ее горла вырвались какие-то нечленораздельные звуки и слова. Их выслушали внимательно, но на некоторых лицах я увидела недоумение.

Казалось, что слова, произнесенные жрицей, отняли у нее все силы. Тело гурумайни как-то вдруг обмякло, ослабло, ноги потеряли свою стремительность и пружинистость, подкосились, и жрица рухнула на колени. Раскачиваясь будто от боли, она подняла невидящее, слепое лицо кверху, а ее руки, то сжимаясь, то разжимаясь, как-то беспомощно и лишне висели вдоль тела. Все это продолжалось какую-то секунду. А потом, неловко и неуклюже завалившись на бок, гурумайни рухнула на утрамбованную землю площадки. По ее распластанному и обессилевшему телу прошла судорога, и опять поток бессвязных слов вместе с хрипом вырвался из ее горла. После этого гурумайни затихла, тело ее стало неподвижным, казалось, жизнь покинула его. Несколько человек подбежали к жрице, подняли ее и вылили горшок воды на ее голову. Гурумайни медленно приходила в себя. Она открыла глаза, и в них появились проблески сознания и, наконец, осмысленное выражение. Жрица стала нормальной женщиной гадаба, как и другие, стоявшие вокруг. Все сразу зашумели, и несколько человек подошли ко мне.

– Мать, ты слышала, что сказала богиня?

– Я не разобрала.

– Эй, гурума, повтори.

Жрица, выбравшись из толпы, подошла ко мне. На меня смотрели немигающие, умные, чуть с хитринкой глаза.

– Ты хочешь знать, что сказала Гангамадевота?

– Да, – подтвердила я.

– Она сказала: если гость – это ты – хочет видеть место нашего поклонения, то пусть принесет в жертву козу.

Это было совсем неожиданно. Наблюдая танец жрицы, я и не подозревала, что внимание богини было привлечено к моей скромной особе.

– Богиня так и сказала? – переспросила я.

– Да, так и сказала, – кивнула головой жрица.

– А на каком языке она это сказала?

– На ория.

– Но почему же? Ведь богиня – гадаба. А говорит на ория.

– Не знаю, – пожала плечами гурумайни. – Она всегда говорит на ория.

«На ория так на ория, – подумала я. – Мало ли какие капризы могут быть у богинь».

– Так принесешь в жертву козу? – тронула меня за руку гурумайни.

– Хорошо, – согласилась я.

Мне хотелось посмотреть на церемонию жертвоприношения, и тут представился удобный случай.

– А где можно достать козу?

– Купи у кого-нибудь в деревне.

Уже стемнело, когда я вернулась обратно к жрице. Деревня Симблигуда была очень бедна, и лишней козы у ее жителей не оказалось. Мне предлагали кур, петухов и даже свинью. Но козы не было.

– Гурума, – сказала я жрице, – козы в деревне нет. Может быть, богиня согласится на петуха?

– Нет, – заупрямилась гурума. – Богиня сказала: козу. Я хорошо слышала. Если нет козы в Симблигуде, сходи в соседнюю деревню и приведи.

Соседняя деревня находилась в трех милях от Симблигуды. Дорога к ней шла через джунгли. Я посмотрела на темное звездное небо и представила себе, как я иду через джунгли в темноте и веду на веревке упирающуюся и громко блеющую козу. Иногда тигров заманивают в ловушку именно блеянием козы. В моем случае тигра бы ждала приятная неожиданность: сначала коза, потом я – и никакой ловушки.

– Гурума, уже поздно, – объяснила я ей. – Тигры ходят.

– Иди, иди, – не отставала она.

– Иди сама, – посоветовала я ей.

И тут жрица рассердилась. Она отвернулась, отошла в сторону, начала что-то шептать и временами бросала на меня угрожающие взгляды. Потом не вытерпела и крикнула:

– Вот теперь тебя богиня Гангамадевота накажет за ослушание!

– Ну, это не страшно, – рассмеялась я. Уж очень жрица была забавна в своем гневе. – С богиней я всегда договорюсь.

– А как? – гурумайни теперь подвинулась ко мне вплотную. Выражение враждебности в ее глазах сменилось нетерпеливым и простодушным любопытством. – Как?

– По телефону, – невозмутимо ответила я.

– А что такое телефон?

– Ну, это такая… – я остановилась, подыскивая подходящее слово, – такая черная трубка. А от нее идет шнур. И он соединяет трубку с любым богом и богиней. Приставишь к уху трубку и скажешь: соедините меня с Гангамадевотой. И можешь с ней разговаривать. И не нужно для этого так быстро танцевать и валяться по земле. Все очень просто. Я спрошу богиню, что она тебе точно сказала, и попрошу меня не наказывать из-за козы. Потому что сейчас темно и в джунглях меня вместе с козой может съесть тигр.

На меня уставились внимательные и недоверчивые глаза гурумайни. И вдруг где-то в самой их глубине мелькнули страх и растерянность.

– Жаловаться будешь? – как-то очень по-современному спросила она.

– Конечно.

– А ну, покажи.

– Что? – не поняла я.

– Трубку эту. Фон, – забыла она первую часть нового и трудного слова.

– Телефон? Я его оставила дома.

– А-а, – с каким-то облегчением сказала гурумайни. Но все еще недоверчиво смотрела на меня. Однако, по всей видимости, гнев уже был сменен на милость. – Богиня не накажет тебя.

– Откуда это известно? – удивилась я.

– Мне сказала богиня.

– Что, уже успела?

– Ну да! – с торжеством объявила гурумайни. – Я ведь тоже иногда могу говорить с богиней просто так. И без танцев и без трубки.

Теперь глаза жрицы светились победным блеском. Неожиданный соперник в моем лице был повержен и сдался. Но гурумайни оказалась великодушным победителем. Она показала мне место поклонения, или храм, и при этом тактично не напоминала о козе. А потом подробно рассказала о себе.

Жрицу звали Идын Домни. У ее матери, гурумайни из рода Тигр, было двое детей – старший брат и она. Брат должен был стать жрецом, а Идын – гурумайни. С детства мать посвящала ее в тайны своей профессии. Идын часто наблюдала, как мать танцует, а потом впадает в транс, и тогда ее устами начинала говорить богиня. Люди собирались вокруг матери, внимательно слушали отрывистые малопонятные слова и делали так, как им говорила старая гурумайни. Мать заставляла маленькую Идын тоже танцевать и доводить себя до исступления. Но богиня не сразу заговорила с ней. Когда из нее нельзя было выжать ни слова, как ни старалась добиться этого Идын, мать приходила на помощь. Она жгла ароматические коренья, и удушливый с пряным резким запахом дым наполнял хижину и обволакивал синей пеленой сознание девочки. В такие минуты странные неясные образы проносились в мозгу и вытесняли все реальное. Язык становился непослушным и неповоротливым. Непонятные и необычные для нее самой слова и фразы слетали с него. Мать слушала их и довольно кивала головой. Богиня признала ее дочь и начала говорить с ней. Мать часто повторяла Идын:

– Делай так, как я учу тебя. Богиня дает гурумайни власть над людьми. Не потеряй ее. Эта власть завещана нашими прародительницами. Ты должна сохранить ее.

Идын тогда плохо понимала, что такое власть над людьми и зачем она ей нужна. Она поняла это гораздо позже, когда умерла ее мать и четырнадцатилетняя Идын стала гурумайни в своей деревне. Тогда она познала первые радости этой власти. Деревенский жрец, дисари, ничего не мог сделать без нее, как и раньше без ее матери. Без гурумайни он был глух и нем, ибо только Идын могла говорить с богиней и передавать людям ее советы. А люди без ее советов ничего не могли предпринять. В деревне часто рождались дети, и к ней приходили спрашивать, какую жертву нужно принести, чтобы будущее

новорожденного было надежно и обеспечено. Тогда Идын танцевала свой древний танец, дышала пряным дымом благовоний, бормотала что-то в беспамятстве, но каждый раз, придя в себя, твердо «помнила», что сказала ей богиня. В честь новорожденного обычно жертвовался петух. Так было при ее матери, и в первые годы Идын слепо следовала этой традиции. Но, узнав, что такое власть над людьми, молодая гурумайни захотела ее тотчас же проявить. В доме Дельпадии родился ребенок. Родители приготовили в честь новорожденного жертвенного петуха. Но Идын имела на этот счет свое мнение.

– Дельпадия, – сказала она, – ты принесешь в жертву не петуха, а свинью.

– Но, – возразил тот, – все всегда приносили в жертву петуха, а не свинью.

– Ты принесешь свинью, – упрямо твердила гурумайни. – Не сделаешь, пеняй на себя. Твой ребенок умрет.

Дельпадия не хотел лишиться первенца и покорно принес в жертву свинью. С тех пор Идын поняла, как много она может сделать. Она может устранять несчастья и насылать их. А власть над счастьем и несчастьями – это власть над людьми. Если в семье больны, как это случилось у Апагаро, идут к гурумайни. Ведь выздоровела семья Апагаро, когда он, по совету Идын, принес в жертву богине петуха и кокосовый орех. Никто, кроме гурумайни, не может уладить конфликт с духами умерших. Сам старейшина деревни, перед тем как сесть на содор для совета, идет к Идын. Теперь она опытная гурумайни. У нее есть муж Буда и четверо детей. Две дочери и два сына. Старшая дочь, потом, когда умрет Идын, станет гурумайни деревни. А сейчас она, так же как когда-то сама Идын, постигает тайны ремесла жрицы.

Местом поклонения, к которому привела меня гурумайни, оказался небольшой храм, расположенный на самой окраине деревни. Он, пожалуй, мало отличался от обычного деревенского индусского храма. Это была хижина размером не более девяти метров. У противоположной от входа стены возвышался небольшой алтарь – два черных обработанных четырехугольных камня, положенных один на другой. У камней стояли маленькие узкие горшочки, служащие светильниками во время пуджи. На полу храма валялись остатки кокосовых орехов – подношения богине. Рядом с хижиной находилось священное место. Там закапывают животных после церемонии

жертвоприношения. И хотя жители Симблигуды очень гордятся своим храмом, вряд ли его можно считать достопримечательностью деревни. Настоящая ее достопримечательность – гурумайни Идын Домни. Провожая меня, она спросила:

– Еще приедешь в гости?

– Если удастся, приеду.

– А там, где ты живешь, козы есть?

– Есть.

– Привезешь козу. Мы принесем ее в жертву Гангама девоте. – И подумав, добавила: – И черную трубку привези.

* * *

Посещение гадаба было заключительным этапом в моем путешествии по джунглям Кералы и Ориссы. Все, что я увидела в этих районах, было для меня необычным и интересным. Я открыла для себя в Индии целую страну, о которой раньше имела очень смутное представление. И это в какой-то мере радовало. Но в то же время чувство неудовлетворенности не покидало меня. Я хорошо понимала, что состоялось только первое знакомство с неизвестной мне доселе жизнью, предприняты только первые шаги по хранящей еще много тайн земле. Это было начало. Иногда – удачное, иногда – нет. Но как бы то ни было, дело сделано, и частица моей жизни навсегда осталась там, среди пахнущих утренней свежестью джунглей, на синих вершинах гор, у горящих звездными ночами древних костров.

Примечания

1

Падди – неочищенный рис.

2

Тали – ожерелье или шнур, отличительный признак замужней женщины.

3

Раги – зерновая культура.

4

Экзогамия – обычай, согласно которому между членами одного и того же рода запрещаются браки.

5

Амма – мать (*тамильский, малаями*).

6

Кадары считают женщину в менструальный период нечистой.

7

Чамай, тувари, чолам – зерновые культуры.

8

Имеется в виду владение заморина Каликата.

9

Мера (местная) – 0,5 килограмма.

10

Панам – мелкая серебряная монета.

11

Парвати – жена верховного бога дравидов Шивы.

12

Тигр.

13

Мамуни – мать.

14

Нирантали – богиня-созидательница, выступающая в образе богини-земли; имеет кроме этого и другие имена.

15

Хадди – слуга вождя.

16

Домб – торговец.

17

Онтал – кобра на языке бондо.

18

Наико – титул вождя бондо.

19

Да здравствует Индия!

20

Асуры, или ашуры, согласно индийской мифологии, – племя демонов. Асурин – женский род.